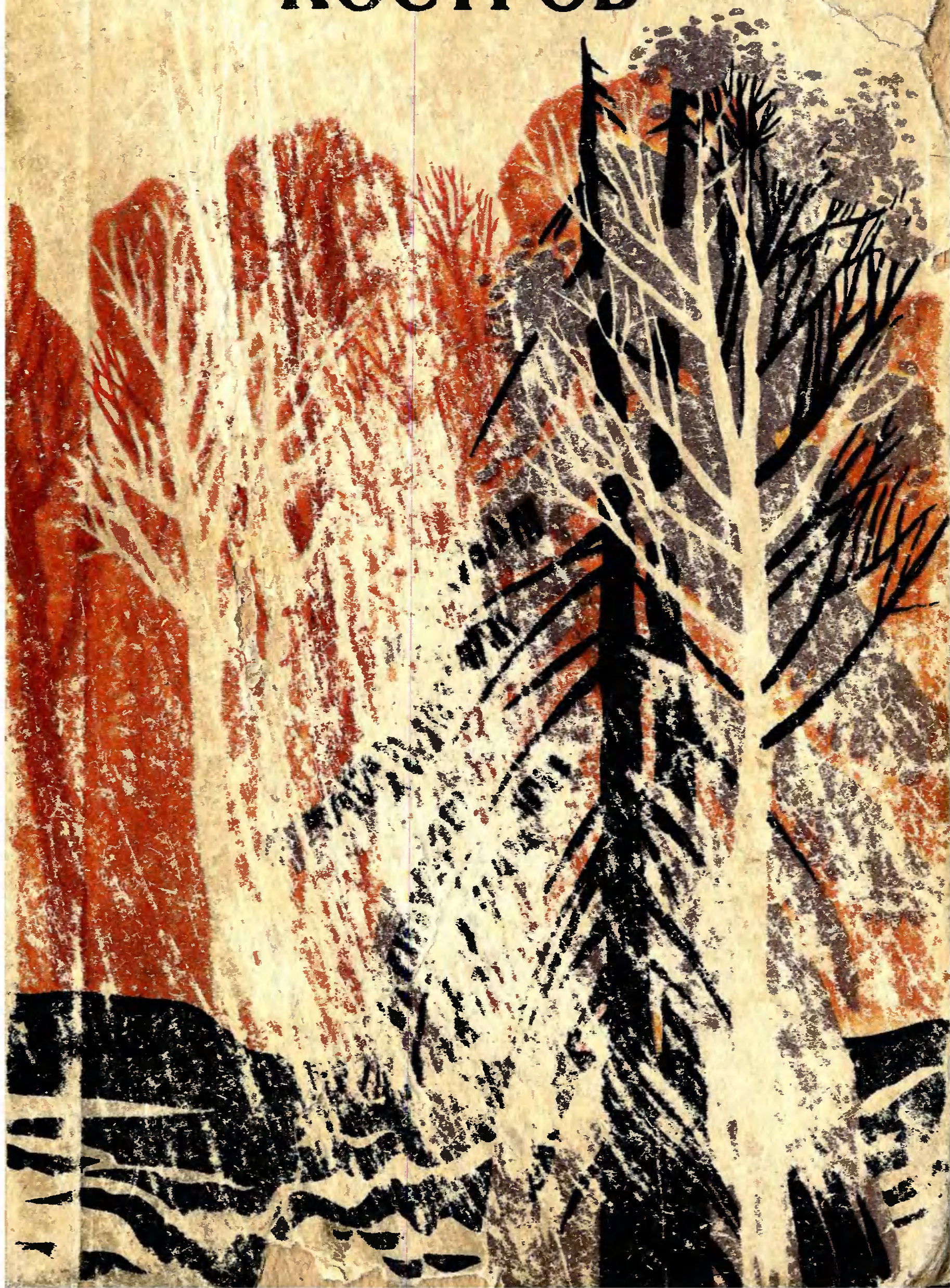

ЮЛИЯ ШЕСТАКОВА

ОГНИ ДАЛЕКИХ КОСТРОВ

ЮЛИЯ ШЕСТАКОВА

ОГНИ ДАЛЕКИХ КОСТРОВ

Повесть, рассказы

Хабаровское книжное издательство,
1975

ДВР2
Ш 51

Ш $\frac{70302-44}{M160(03)-75}$ 23-75

© Хабаровское книжное издательство, 1975

НОВЫЙ ПЕРЕВАЛ

Повесть
об одном путешествии

КАК ЭТО НАЧАЛОСЬ

Был март 1946 года, время оттепели, когда за городом на южных склонах Хехцира появляется первый весенний цветок — анемон, или проще сказать, ветреница, а в холодном и голом лесу заводят песню перелетные птицы, еще не зная, что впереди...

Помню, на дорогах уже блестела вода; в полдень ветер срывал ледяные бороды с крыш и все настойчивее под окнами редакции выстукивала капель, напоминая о том, что зима кончилась. Потом внезапно повалил густыми хлопьями снег. И опять завьюжило.

Передо мной лежало письмо, его только что принесли мне удэгейцы — смуглолицые жители хорской тайги, в самодельных шапках, задорно сдвинутых на затылок, в меховых унтах, расшитых под коленями цветным узором, легкие на ходьбу люди. Они не считали за труд отшагать почти сто километров по тайге, прежде чем добрались до железной дороги. У них были свои дела в крайисполкоме, поэтому они не стали задерживаться. Посидели, не снимая шапок, и ушли, оставив в кабинете крепкий запах табака и этот белый конверт у меня на столе, сложенный треугольником...

Джанси Кимонко писал, что собирается летом осмотреть охотничьи угодья по реке Тэгуму и в верховьях Сукпая. На дальние участки обширных лесных владений, закрепленных за колхозом «Ударный охотник», во время войны промысловики не заглядывали, и теперь следовало узнать, в каком они состоянии. Там когда-то были кочевья «лесных людей», пришедших с морского побережья в долину Хора. У старого перевала, через который прадеды Джанси перенесли на руках долбленные лодки, давно уже сгнили деревянные идолы. Но тропы не зарастают: по ним пробираются медведи и кабаны, да иногда охотники — то к морю, то обратно. Идут и оставляют свой знак. Мне рассказывали геологи, побывавшие в тех местах: кое-где на деревьях еще висят полинялые цветные ленточки.

Так вот куда потянуло Джанси Кимонко... Это же родина его — Сукпай!

В письме он спрашивал: не дадут ли мне от газеты командировку? Если не дадут, можно и так пойти («мясо будет, рыбу поймаем»), Надежда Ивановна, его супруга, тоже собирается с ним. Да, интересно было бы побывать там... Только ведь на всем пути до Сукпая и дальше — глухая тайга, безлюдье. Что за прок для газеты?

Я отложила в сторону письмо... А все-таки надо съездить (хотя бы в Гвасюги), пока жив Гольду — хранитель седой древности и пока бабушка Сигданка еще не забыла старинные песни, которые никто не может петь так, как она.

Гвасюги... Мне представилось знакомое село в среднем течении Хора, избы вразброс между деревьями, по одну сторону протоки и по другую, высокие амбарчики на сваях и вместо улиц — тропинки. Глухой, таежный мир, куда в летнюю пору ни на чем, кроме как на лодке, не доберешься, но где природа так щедро награждает путника богатством впечатлений, а люди с их историей, запоздавшие на столетия, так трогательны в своем стремлении приобщиться к новой жизни, что мысль о поездке в Гвасюги мне всегда казалась заманчивой.

Я опять перечитала письмо председателя сельсовета. Оно было написано карандашом, с приветствиями и пожеланиями по-удэгейски, как обычно. Никаких подробностей о походе в письме не сообщалось. Наверное,

Джанси торопился, думал о главном и спешил отправить свое послание с попутчиками. Почта идет долго. Зимой почтальон ездит на лошади, а чаще всего на нартах в собачьей упряжке. Сначала по замерзшей реке, потом — через тайгу, с сопки на сопку. Я знаю этот зимний путь...

Тайга бывает гладкой только издали. А попробуй-ка ступить в ее дебри! В ее снега... Синий воздух, курящийся над распадками, будет казаться тебе манящим знаком жилья, красноватые свежие щепки вокруг пенька обрадуют словно письмо друга, а тоненький звон пилы на лесосеке покажется музыкой.

Мысли о тайге, непрошенные, как этот мартовский снегопад за окном, внезапно нахлынули на меня, перед глазами возникла санная дорога. Острый запах лимонника, гибкие, коричневые лианы которого лесники заваривают вместо чая, слился в памяти с запахом мерзлого хлеба, кедровой смолы на руках и белого ветра, овевающего ресницы. В Гвасюгах я была впервые зимой сорок четвертого года. Вместе со мной — фотокорреспондент КрайТАСС Василий Андреевич Байдалов. У нас задание от редакции — подготовить полосу об удэгейцах.

Вот как это было...

1. ДОРОГА В ТАЙГУ

Двухчасовая езда из Хабаровска до станции Верино в переполненном вагоне поезда — всего лишь краткое вступление к дороге. О ней можно было бы и не упоминать вовсе, если бы жизнь велась по календарю мирного времени. Но еще война грохотала на западе, и хотя над страной уже прозвучали салюты в честь освободителей Белгорода и Орла, Новороссийска, Харькова, Полтавы, до конца было еще далеко.

В вагоне, куда мы с трудом протиснулись, натыкаясь на мешки, чемоданы, тускло горел фонарь. Мест свободных не оказалось, народу было полно. Зато вагон теплый, в конце концов два часа можно и постоять. На полках лежали и сидели пассажиры дальнего следования, в том числе солдаты, едущие домой по ранению, инвалиды войны. Один из них, поставив у столи-

ка свои костыли, рассказывал о боях на Курской дуге. Около него толпились слушатели. Какой-то бойкий старикан с седенькой бородкой донимал фронтовика вопросами. Свесив головы с верхних полок, на рассказчика смотрели две девчонки, должно быть, из ремесленного училища, черные их шинели болтались на крючках. А внизу плакал ребенок спросонья, мать прижимала его к себе, трясла, успокаивала, с отчаянием в голосе говорила женщинам, примостившимся рядом, что едет и сама не знает куда. И все это под стук вагонных колес сливалось в одно дыхание трудной жизни.

На станции нас опажнуло морозным воздухом. Приезжать туда, где никто тебя не ждет, и думать о том, как найти какой-нибудь попутный транспорт дальше, это уже стало привычкой. Пока мы шли к центру Переславки, не встретили ни души. Тихо было в поселке. Только тяжелые вздохи паровоза летели нам вслед. Потом пронзительный гудок расколол тишину. И все отдалилось...

Разные бывают командировки у газетчиков: трудные и увлекательные, сложные, порой даже опасные, но всегда необходимые. В редакцию газеты пришло письмо из района имени Лазо. В нем говорилось о том, что на берегу реки Хор есть селение Гвасюги — бывшее стойбище, в котором живет древнее племя охотников-удэгейцев, что к ним, десять лет назад, по путевке райкома комсомола был направлен русский учитель Анатолий Яковлевич Масленников, и вот теперь правительство его наградило орденом Ленина. Не мешало бы рассказать читателям подробнее о том, какие перемены произошли за годы Советской власти в жизни маленького лесного народа...

Мы с Байдаловым и отправились тогда по заданию редакции в Гвасюги. До этого было много дорог у каждого из нас. Они вели к людям трудового подвига: то на строительство «Амурстали», то к шахтерам Умальтинского рудника; мы часто бывали на оборонных заводах, где рабочие делали оружие для фронта, ездили в колхозы. Но в этот раз путь впереди совсем не знакомый.

В райкоме партии дежурный сказал, что через полчаса из райпотребсоюза пойдет машина, с которой можно доехать до Бичевой. А там уж как придется...

— Поужинать бы... — нерешительно заговорил Байдалов, как только мы вышли на улицу. — Дорога все-таки не близкая, восемьдесят километров.

Но было не до ужина. Мы едва успели заскочить в открытый кузов машины. По соседству с нами оказались какие-то подростки, они сидели прижавшись в переднему борту грузовика под большим тулупом. Ночь. Мороз. От быстрого движения вихри снега вырываются из-под колес и обдают колючим холодом. Хорошо бы устроиться в кабине, но там женщина с ребенком. Что ж, ничего, лишь бы ехать...

В пути водитель дважды останавливал машину и объявлял нам, что можно погреться. С трудом разминая затекшие ноги, мы бежали на первый попавшийся огонек. Хозяева, без лишних расспросов открывавшие нам двери, охали, удивлялись: куда это в такой мороз, да еще ночью! А потом хлопотали у стола, чтобы напоить нас горячим чаем.

В Бичевой мы пробыли весь следующий день, пока не подвернулся попутный грузовик, над которым дымилась железная труба. Леспромхозовские машины работали в то время не на бензине, а на чурке, и ползли от деляны к деляне, попыхивая дымом. Лесорубы в шутку прозвали их самоварами. Но и с этой машиной наш маршрут совпал ненадолго. От Антуни сельповская лошадь, запряженная в розвальни, повезла нас по узкой малонаезженной дороге. Глушь лесная... Все время приходится отводить от себя цепкие ветки. Они то хлестнут по спине, то заденут шапку, того и гляди сорвут ее с головы. Эх, вон опять темный клок от моей шубы повис на кустах... Соскочишь с саней и пробежишься бегом или уйдешь далеко вперед, потом ожидаешь. Тайга окутана зимней дремой. Все вокруг белым-бело... На зеленых лапах елей и пихт лежат пухлые подушки снега. Серые пни в белых шляпах стоят, как гигантские грибы. Снегом укрыло валежины. Снег на пробковых пальцах ильма, на сухих зонтиках дудника. Даже тонкие прутья бересклета усыпаны белыми горошинами.

Тихо в лесу так, что кажется, все замерло, только слышится скрип полозьев да изредка посвист нашего возницы Кузьмича. Рыжая борода его побелела от инея и усы тоже.

— Что делает, а? Глядите-ка, что делает... — Кузьмич задирает голову кверху, а сам придерживает шапку.

С высокого кедра сорвался каскадом сыпучий снег. Это белка выбросила из гнезда пустую шишку и прошлась по ветвям. А шишек-то, сколько золотистых кедровых шишек на самой верхушке! Тенькают синицы, красноперые кукушки перелетают с дерева на дерево. Тайга живет своей жизнью. Вон заячий след перечеркнул поляну, а вон там, под березами, совсем недавно прошел сохатый, увязая в сугробах. Жгуты лиан опутали сквозящий лес, вьются спиралями по чужим веткам.

Далеко же забрались удэгейцы в поисках тихих мест, не так-то просто к ним добираться. Четвертые сутки движемся мы по тайге «на перекладных», мерзнем в пути, отогреваемся в бараках у лесорубов, ночуем где придется; в избах жарко топят печи, дров много и хозяева их не жалеют. Еще бы: на дворе мороз такой, что от него звенит и раскаляется воздух. По утрам, когда садишься в розвальни, кажется, что увозишь с собой все тепло из чужого жилья, но тепла этого хватает ненадолго: через каких-нибудь полчаса шуба становится легкой... Не усидишь.

Говорят, удэгейцы не носят теплой одежды, они привыкли ходить на лыжах, рядом с нартой, чтоб не отягощать ее. Рыжебородый Кузьмич называет их «орочонами». Откуда они явились в долину Хора, как живут сейчас и как жили раньше, что они за люди, он не знает. Хорские лесники рассказывают о них всякие небылицы.

Вчера за ужином в Ходах в доме лесного объездчика, пока хозяйка подавала нам картошку, жаренную на медвежьем сале, поила чаем с лимонником, тоже разговоры велись вокруг гвасюгинских жителей. В избу набилось много любопытных (соседи, главным образом, соседки), надо же узнать, чья подвода и куда это люди едут? Мы ужинаем, а они сидят поодаль, щелкают кедровые орехи. С нами за столом — еще два гостя, оба пожилые, с обветренными, потемневшими от долгого пребывания на морозе лицами. Это «короде-ры» — заготовители коры бархатного дерева. Один из них, высоченный ростом, молча напился чая и, сутулясь, вышел из-за стола, чтобы покурить. Другой —

маленький мужичок с озорными глазами — все рассказывает и рассказывает:

— ...Иду это я, значит, по дороге, вон там, где зимовье раньше стояло. Слышу, кто-то сзади меня догоняет. Оглянулся. Трах-бах! Нарты... В упряжке собака одна и женщина ей помогает, вдвоем, значит, тянут. А на нартах сидит сам хозяин. Я поздоровался с ними. Остановились. Спрашиваю: куда, мол, это вы? Женщина отвернулась и молчит, а удэгеец отвечает: «Наша больница ходи»... Одежда на них так себе... легко одеты, в общем, не по-нашему. Что, говорю, заболел ты? Чего у тебя такое? А он мне в ответ: «Жена, старуха больница ходи, его больной». И показывает на нее. Ну, брат, думаю, вот это да!

Все засмеялись, а завмаг, сидевший у печки, улыбнулся и сказал:

— Знаешь, Николай, я этот анекдот лет пять тому назад где-то слышал, ей-богу!

— Ну, что ты? Не веришь? Вот чудака человек...

Они стали спорить, перебивая один другого, зашумели, пока хозяин — степенный бородач — не остановил их, сказав, что бывал у них в стойбище не раз и они к нему заходят, так что спорить нечего.

— Да че там говорить, — воскликнула женщина. — Темный народ, знамо дело. Бабы у них подолом тарелки вытирают...

— Они хлиба нэ едят, сырую рыбу кушают, а хлибом курей кормлят, — поддержала ее другая.

— Вот то-то и оно... — оживился кородер. И опять стал рассказывать: — А еще случай такой был, значит. Удэгейцы — муж и жена — купили себе корову, где-то на Антуни, что ли... Ну и погнали ее берегом по тропе. Шли-шли, умаялись. Жарища, духота, комары одолевают, есть-пить охота. Решили они подкрепиться и отдохнуть. Развели костер у воды, а корову-то привязали к дереву в холодке, пусть, мол, пасется, там трава по пояс. Потом видят: лодки с низовьев плывут, свои люди поднимаются на шестах. Те тоже заметили их, машут руками, горгочут по-своему. Лодки, значит, пристали к берегу. Тут всякие разговоры начались у них, известное дело: женщины покупками хвастаются, новости всякие перебирают, то да се... Ну а время-то идет! Уж эти, которые на лодках-то плыли, чая напились и за шесты

берутся. Домой, значит, налаживаются. Муж и жена тоже уселись в лодку. Отъехали километра два или три. Вот тут-то жена и закричала не своим голосом: «Стойте, — говорит, — погодите! Про корову-то мы забыли»...

Опять все смеются и пуще других — сам рассказчик, хохочет, запрокинув голову.

Хозяин потянулся к лампе, чтобы подкрутить фитиль, потом сказал, обращаясь ко всем сразу:

— Смех-то смехом, но ведь они же еще совсем недавно в юртах жили. Коров этих, лошадей у них и в помине раньше не было. Им что зверь, что корова — все одно. Тут их ни в чем не повинишь. Покуда привыкли да научились, всяко случалось. А люди они смывленные, охотники, следопыты — будь здоров!

— Научились теперь-то, конечно, — молвил кородер. — А то, бывало, посадят картошку в землю и через две недели уже копать идут.

Завмаг, глядя на него, укоризненно покачал головой:

— Ну, знаешь, у этой байки тоже борода длинная...

Это было вчера за ужином, а сегодня снова дорога, дорога... Убеленные снегом деревья по обеим сторонам, и от них голубые тени на нетропутом, искрящемся белом покрове. Кузьмич отдал мне вожжи, сам шагает по санному следу вместе с Байдаловым. Яркое солнце прорывается в просветы между ветвями, слепит сияньем глаза. Но морозец изрядный. От вчерашних разговоров у меня осталось такое чувство, как если бы ручей, из которого нам предстояло пить воду, замутили. Надо поскорее добраться до Гвасюгов и все увидеть своими глазами.

— Н-но, Карька! Воз не тяжелый. Чего ты плетешься? — Я размахиваю вожжами, как в детстве, бывало, когда едешь на пашню и взрослые тебе доверят править лошадь.

Дорога пошла под уклон в широкую падь. Оглянуться бы, посмотреть, где там Кузьмич с Байдаловым? Вдруг отстанут и рассердятся? Оглянулась и вижу: они подают мне знак — поезжай, поезжай! Спуск оказался пологим и длинным. А Карька-то, Карька! Вскачь пустился. По сторонам только деревья замелькали, прямо

как настоящий рысак понесся, — удержать бы на повороте, думаю, и сильнее натягиваю вожжи. Впереди — коряга. Сейчас на раскате шарахнет сани об эту корягу. Нет, все обошлось благополучно. Теперь можно шагом...

А кто это движется вдалеке? О-о... Навстречу бежит собачья упряжка, там двое людей, один сидит на нарте, а другой помогает собакам. Удэгейцы!

Еще до того, как я остановила коня, с нарты спрыгнула женщина, повязанная серой шалью, в коротком пальтишке и в унтах. Она что-то сказала идущему впереди мужчине, тот придержал собак, и вот мы стоим на дороге. С горы чуть ли не бегом спустился Байдалов, за ним — Кузьмич, он несет в руках котомку, выпавшую из саней, подбирает клочья сена и смеется:

— Вот так возница... Все сено растрясла. Давай-ка сюда вожжи.

Я смотрю на удэгейцев: оба они маленького роста, и он и она — уже немолодые, как видно, муж и жена. У них скуластые смуглые лица, и лица эти расплываются в улыбке.

— Здравствуйте! — Байдалов первым протягивает им руку, словно давно знакомым людям. Мы здороваемся с ними и слышим в ответ непонятное: «Багдыфи!», «Багдыфи!» (Здравствуйте!)

— Гвасюгинцы, да? — спрашивает Байдалов.

— Имбаптэ-э... — тянет в ответ мужчина.

— Вы из Гвасюгов? — Я подхожу ближе к женщине. — Гвасюги далеко?

— Гуасиги, Гуасиги... — женщина радостно кивает, еще пытается что-то объяснить мне по-своему, но увы! При всем желании понять ее невозможно.

— Вы охотники?

— Охота нету. Наса арьена — тыги...

Мужчины закуривают. Кузьмич достает кисет с табаком, и удэгеец тянется к нему со своей трубкой. Байдалов меж тем открывает объектив фотоаппарата, надо же запечатлеть эту встречу! Не без труда удалось выяснить, как их зовут. Он — Дасамбу, она — Зузала. Блеск объектива, нацеленного на них, приводит удэгейцев в смятение. Женщина закрывает лицо руками, но тут же, отняв их, смеется, сузив и без того узкие свои глаза. Она так мала ростом, что при взгляде на нее кажется, будто природа нарочно создала ее

для того, чтобы люди видели, какой маленькой может быть женщина. Куда они идут, мы так и не узнали.

Когда-то, еще в первые годы моей работы в редакции «Тихоокеанской звезды», опытный журналист Александр Фетисов говорил мне, что каждая встреча с человеком, о котором ты собираешься писать, требует подготовки. Нельзя беседовать, допустим, с садоводом или с шахтером, не зная специфики их труда; нужно иметь ясное представление о том, чем занимаются эти люди, чего они достигли по сравнению с другими, понимать глубоко их дело. Он советовал не пользоваться без нужды блокнотом, который всегда смущает собеседника.

С помощью нескольких слов и, главным образом, жестов, мы все-таки познакомились и кое-что выяснили. Когда я спросила их о русском учителе, дома ли он и показала в сторону Гвасюгов, оба они сразу оживились:

— Масленника? Ая! Ая! Шибко хорошо еси, — тоненьким голоском сообщила Зузала.

— Его Анатолия Масленника там... — Дасамбу махнул рукой в противоположную сторону. — Его Красная Армия ходи.

Вот как! А мы-то думали, что учитель в Гвасюгах.

Кузьмич тронул лошадь, но мы не стали садиться на сани, все равно впереди был подъем, и, простившись с удэгейцами, зашагали по санному следу. Всего каких-нибудь десять минут заняла эта встреча на дороге, так мало слов было сказано, а вот план мой нарушен. Я ведь хотела написать о школе и ее питомцах, одни из которых ушли защищать родину, другие работают в колхозе, охотятся, добывают пушнину.

— Ничего, на месте будет виднее, что и как... — бодрился Василий Андреевич, для которого неразрешимых проблем не существовало. — Я уверен, это будет, во-первых, ново, потому что никто еще не писал об удэгейцах, ну, а во-вторых... — Он поправил на голове шапку и замолчал.

— Что во-вторых?

— Надо постараться, чтобы получилось интересно.

В гору мы шли молча, друг за другом. Потом уже, сидя в санях, под скрип и шарканье полозьев, я стала обдумывать варианты будущей статьи. Там ведь кол-

хоз! Столько людей — охотники, молодежь, ученики. Масленникова нет, но зато люди, которых он воспитывал там. То, что он сделал за десятилетие, должно сказаться на людях.

Между тем дорога все вилась по тайге, из распадка в распадок. Потом стала огибать склон лесистой сопки, у подножия которой белела река. Эта даль когда-то спасла кочевников от опасных встреч с китайскими купцами и хунхузами. Не случайно В. К. Арсеньев, описывая жизнь «лесных людей» до революции, заметил, что по сравнению с приморскими своими сородичами, хорские удэгейцы в гораздо большей степени сохранили свою национальную самобытность. Разные мысли приходили мне в голову. Но о чем бы я ни думала, в ушах у меня все время звучал голос маленькой женщины, повязанной серым платком: «Гуасиги», «Гуасиги»... А то перед глазами возникала вдруг она сама, и рядом с ней Дасамбу, таящий улыбку под реденькими поникшими усами. Зачем они едут в район?

Пройдет несколько лет, и Зузала, изрядно уже постаревшая, возьмет мою руку в свои маленькие руки и, заглядывая мне в глаза, спросит с улыбкой:

— Помнишь, еще тогда-тогда, первый-то раз мы тебя встретили?

— Ну, конечно, помню.

— Ты смешная была.

— Почему?

— Шибко смешно было глядеть... Большая (бого), совсем прямо как медведица...

Ах, вон что! Ну, конечно. Я была одета не по-таежному: шуба темно-бурого меха, под шубой — кожаная тужурка на меху, стеганые ватные брюки, валенки. Байдалов — точно так же, только вместо шубы на нем было зимнее городское пальто с шалевым воротником из выдры и такая же шляпа. Мы удивлялись, глядя на Зузалу в легком пальтишке, подпоясанном кожаным ремешком, а она, выходит, смеялась над нами?

Как все горные реки, Хор даже в сильные морозы прорывает свой ледяной панцирь. Лесорубы предупреждали нас о промоинах. Поэтому, как только таежная дорога кончилась и лошадь ступила на лед, Кузьмич

насторожился. Он все высматривал, где лучше проехать, и старался править ближе к берегу. А мы с Байдаловым шли впереди, положив на сани свои шубы.

День выдался тихий, без ветра; над полыньей посредине реки висело легкое облачко пара, там кружились черные птицы-рыболовы, но здесь, у берега, где рядом с нартовым следом пролегла чья-то лыжня, твердый снег в пустотах гулко звенел под ногами.

Ну и денек выдался! До чего же ярко синее небо! Оттого что оно такое синее, береговой лес и тальники, покрытые куржаком — инеем, кажутся еще белее. Где-то в кустах свистнул рябчик. Звуки разносятся далеко. Простор. А воздух! Он весь пронизан искрами, в них солнце и снег...

Идем, доедаем на ходу хлеб, купленный еще в Антуни по карточкам, радуемся, что скоро будем в Гвасюгах, и вдруг слышим протяжный крик:

— Э-эй! Сюда! Вернитесь, эй!..

Это Кузьмич зовет нас. Что там такое? Вначале мне показалось, что Карька улегся посреди дороги — так низко торчит над ним дуга, и сам он весь уменьшился как-то, а сани своротило в сторону. Полынья! Нас словно ветром подхватило. Кое-как вызволили Карьку из беды. Кузьмичу пришлось его распрягать. С перепугу старик трясся, ругал себя и нас. Чуть было вещи не утопили. Хорошо, что вода оказалась мелкой у берега. Но валенки мы промочили. Надо разводить костер.

Над корягой, лежавшей на берегу, вскоре взвился дымок. Сухие хворостины, лапник еловый — все пошло в огонь, начатый с витка бересты. Байдалов притащил большую валежину, потом еще одну, и они занялись пламенем. Снег с шипением таял вокруг, от мокрых валенок струился пар; мы тянули руки к огню и шумно обсуждали аварию.

— Черт его знает, как все это вышло-то, — ругался Кузьмич. — Я же глядел все время, там никакой промоины, ничего не видать было. И вот — на тебе! Врезался...

Байдалов смеется, щурит свои серые глаза под припухлыми, нависшими веками:

— Бывает, бывает... — А сам садится на валежину и начинает стаскивать валенки с ног.

От костра летят искры. Одна большая стрельнула

в мою шубу, висевшую на рогатой коряжине. Я схватила и отбросила дымящийся уголек. Не везет этой шубе... В позапрошлом году на «Амурстали» было так же. Стою в прокатном цехе, разговариваю с монтажниками, а рядом электросварщик работает, искры сыплются по сторонам. Я даже не заметила, как у меня загорелся рукав...

Там, на стройке «Амурстали», тоже был снег и огонь. В промерзших траншеях днем и ночью горели костры. Точно такое же было время. Но там морозы доходили до сорока пяти градусов. А здесь климат мягче, совсем другой воздух и, вообще, повсюду разлит спокойный, умиротворяющий свет, словно и войны никакой нет, и мысли о ней как-то не уживаются с этим белым простором.

— Сколько же нам еще шагать? — спросил Байдалов Кузьмича, когда мы снова двинулись в путь, забросав снегом костер.

— Недалеко теперь осталось, раз уж протокой идем. Гвасюгинской она у них зовется. Это вот справа — остров.

А вот и люди. С острова выскочила на протоку нарта с копной сена. Женщина в ярком, как апельсиновая корка, халате бежит рядом с собаками. Потом из-за кустов показалась другая такая же нарта, с таким же возком сена, и опять — впереди фигурка женщины, в синем или зеленом — не поймешь. И еще две с нартами. Похоже, что они не заметили нас. Быстро скрылись за кривуном и нет их.

До самого села шли мы по протоке. А все-таки удгейские женщины видели нас. Они пришли домой раньше и уже сообщили новость. Подходя к Гвасюгам, мы прочитали о себе забавную информацию на снегу. Должно быть, это школьники вывели большие буквы у самой дороги: «К нам идут русские, их трое и один конь».

С обострившимся вниманием смотрю на первые избы, на курящиеся дымки из труб; между избами — огромные деревья, и ни один дымок не достигает их верхушек, расползается где-то под кронами. Справа берег высокий, слева низкий, он заселен гуще и дорога ведет туда.

О нашем появлении громким лаем оповестили со-

баки. Откуда их нанесло на протоку? Сколько их! Бегут к нам, помахивая пушистыми хвостами, поднятыми крючком, и лают, но беззлобно. За ними спешат ребяташки, с визгом, обгоняя друг друга, барахтаются в сугробах, потом, отряхнувшись от снега, смотрят черными глазенками, полными любопытства. Еще бы! Не часто в Гвасюгах появляются незнакомые люди. Вон и к оттаявшим окнам прильнули хозяева, смотрят...

Почти около каждой избы — амбарчик. Он на сваях и потому выше жилья. Вокруг него глубокий снег и на двухскатной кровле тоже. Прямо, как сказочный теремок, только без окон. Слышно, как со скрипом растворилась чья-то дверь. Седой старик без шапки, в синей, длинной до колен рубаше, подпоясанный, как сноп, выходит на улицу с трубкой во рту, оглядывает нас. Две старухи, тоже с трубками, кивают нам из-за ограды соседнего двора. Что они говорят?

Кузьмич остановил лошадь около магазина.

— Ну, вот что... Берите свои вещи. А я — сюда. — Мы уже знаем, что завмаг — это его знакомый, на гостеприимство которого старик и рассчитывает. — В случае чего, со мной будете, я договорюсь...

Какие у нас вещи? Полупустой рюкзак да портфель. Руки еле-еле гнутся, до того замерзли. Куда идти? На счастье, вывернулся из проулка молодой удэгеец и вызвался сопровождать нас. Он небольшого роста, в теплом ватнике защитного цвета. Идет, опираясь на палочку, прихрамывает. Лицо у него прямо-таки восковой желтизны, голос тихий. Говорит, что он здешний избач, зовут его Хохоли.

— Сельсовет и правление колхоза у нас вместе. Это близко совсем. — Хохоли указал на бревенчатый дом с невысоким крылечком, над крышей которого вился красный флаг.

Даже не верилось, что сейчас мы откроем дверь и нас опухнет долгожданным теплом. Большой серый пес, как видно ожидавший хозяина, миролюбиво отошел от крыльца...

2. ГВАСЮГИ

Вместе с клубами морозного пара ввалились мы в помещение, где кроме одноглазого старика, сидевшего

перед окошком на табуретке, никого не было. Стены в плакатах и лозунгах, портреты вождей, почетные грамоты под стеклом в рамочках — все это, как и столы и скамейки у стен, можно было охватить одним взглядом. Хохоли предложил нам раздеться, и мы подошли к печке.

Старик, наблюдавший за нами, что-то сказал избачу по-своему и, получив ответ, удовлетворенно закивал головой, а Хохоли улыбнулся:

— Луса, луса...

— О чем это он? Что говорит дедушка? — спросил Байдалов.

— Да так... интересуется. По-нашему «луса» — это русские.

Веселое потрескивание дров в железной печке и теплынь, разливавшаяся вокруг, и тихий говор на непонятном языке ни на минуту не давали нам забыть о предстоящих делах. Хохоли едва успевал отвечать на вопросы. Он секретарь комсомольской организации. Телефона, конечно, здесь нет. Радио — тоже. Об электричестве мечтали только, хотели построить станцию, да война помешала. Две керосиновые лампы висят в простенках между окнами. Но бывает и так, что керосина нет, значит, надо ждать, когда привезут...

— Председатель колхоза? Надежда Ивановна Кимонко. Вот как раз она идет.

Вошла женщина, средних лет, довольно солидная, в зимнем пальто и в меховой шапочке на манер кубанки. Стряхнула рукавицей снег с коротких унтов, притопнула и, поздоровавшись с нами, села за свой стол не раздеваясь.

Надо было отрекомендоваться.

Надежда Ивановна с важным видом просматривала наши документы, вертела в руках, а я тем временем разглядывала ее лицо, широкое и скуластое, без единой морщинки, смуглое от природы, с застывшим на нем выражением холодного спокойствия. Но вот она заговорила с нами, возвращая наши удостоверения, улыбнулась, и в узких прорезах век заблестели мягко и добродушно ее глаза — темные, с коричневым оттенком.

— Долго ехали, однако, замерзли? К нам очень даже трудно ехать, добирать тяжело, наверно плохо.

У нас почты давно не было. — Она говорила, с усилием подбирая слова, путая окончания глаголов и смягчая шипящие звуки.

Мы стали рассказывать ей о своих приключениях в пути.

— Ваших встретили, гвасюгинцев... — сказал Василий Андреевич. — Не помню, как зовут?

— Дасамбу и Зузала.

— А-а. Ну-ну... — Надежда Ивановна качнула головой, потом что-то сказала Хохоли, и оба они рассмеялись. — Опять военкомата идут. Ладно, пускай. Это как по-русски сказать? Чудаки, что ли?

— А в чем дело?

— Да... к старости лета надумал шинель носить.

— Такое дело, знаете, — объяснил Хохоли. — Он, этот Дасамбу, возрастом не подходит призываться. И вот уже второй раз едет в военкомат, будет просить, чтобы взяли. Она — с ним. Куда он, и она туда же. Все время так, мотают по тайге.

Мне вдруг вспомнились женщины, которых мы встретили на дороге.

— Скажите, разве у вас нет лошадей? Почему сено возят на собаках?

Надежда Ивановна сняла пальто и, чувствуя, что разговор предстоит долгий, снова заняла свое место.

— Лошадей есть, четыре. Запрягать их ниокто не умеет. Сено возим на собаках. Коровам-то надо кушать. У нас двенадцать дойных коров.

Оказывается, мужчины, которых перед войной русский учитель Масленников научил запрягать лошадей, ушли в армию, а старики и женщины боятся близко подходить к конюшне. Вот как! Лошадям возят сено!

Мы с Байдаловым переглянулись, так и подмывало расхохотаться, но мало ли что бывает, еще обидятся. Вон как Надежда Ивановна серьезно говорит об этом. Небось она и сама боится подойти к лошади. Вспомнилась беседа за ужином у лесного объездчика. Выходит, «кородер» был прав? Да, но он открыл для себя этих людей только такими, не зная другого, думала я, а это другое гораздо интереснее, глубже...

— Зачем о нас писать в газету? — Надежда Ивановна пожала плечами. — До войны, конечно, жизнь была другая. Сейчас наши Гвасюги совсем заглохли.

Самые, самые лучшие охотники в армии, — она стала вспоминать, кто из них на фронте, — Сидимбу Кимонко, Вася Кялундзюга, Тимофей, Федор... — Перечисляла тех, кто служит в армии, на границе и называла их просто по именам — Пулина, Мирен, Джанси, Батули, Дада, Санчи...

А Хохоли подсказывал:

— ...Цамбули, Иван Хозеевич, Лизана, Алексей Сулейндзюга. Учителя — тоже: Анатолий Яковлевич Масленников, Георгий Иванович Кузьмин... Много...

Во время нашей беседы дверь то и дело открывалась, входили удэгейцы по делу и просто так, усаживались на скамейки, закуривали и, перебросившись двумя-тремя словами с председателем, снова хлопали дверью. Воспользовавшись удобной минутой, Байдалов подал мне знак, что не мешало бы подкрепиться, мы ведь еще не обедали, а между тем солнце уже на закате. Никакой столовой здесь, конечно, нет. Но прерывать беседу тоже не хотелось. В крайнем случае, пойдем к завмагу...

Весело отворили дверь в помещение две молодые удэгейки, но смех оставили за порогом. Одна из них, тоненькая и стройная, с прямыми черными волосами, льющимися на плечи из-под шапки, назвалась Аней и охотно протянула нам руку. Она похожа на индианку. Другая, чуть поменьше ростом, круглолицая, румяная от мороза, окинула нас бегло и, помедлив, сказала с достоинством:

— Лидия Масленникова.

Должно быть, Надежда Ивановна их вызвала, судя по тому, как быстро о чем-то переговорив с ней, они скрылись за дверью.

— Кто же у вас теперь в школе ребятишек учит?

— Есть Михаил Григорьевич, но ему не нравится здесь, хочет уезжать. Заведующего школой ожидаем, скоро должен приехать...

Мы просидели в правлении до темноты: уже при свете керосиновой лампы я записывала фамилии тех, с кем завтра нужно будет увидеться. Впрочем, фамилии... Все жители Гвасюгов делятся на Кимонко и Кяляндзюга. Есть еще и Сулейндзюга, но их совсем мало. В основном, два древних удэгейских рода представляют все местное население. Еще недавно они жили врозь, по

рекам хорского бассейна. Всего двенадцать лет, как удэгейцы покинули свои стойбища на Катэне и Чукене, в низовьях Сукпая и на Тулами, съехались сюда, чтобы создать один колхоз «Ударный охотник». Некоторые из них взяли себе русские имена. Большинство же, особенно пожилые — старые охотники — не стали менять своих имен. Чауна, Даверий, Ян, Хабала, Суенка, Лади, Ланчака...

— Завтра, завтра... Не все сразу, — говорил мне Байдалов, берясь за свою шапку.

Размышлять о том, где бы поужинать, нам не пришлось. Надежда Ивановна пригласила нас к себе домой.

На улице — темень. Звезды кажутся большими, словно они придвинулись к земле. Совсем мало огней, да и тусклые они. В тишине проулка слышатся только наши шаги. Надежда Ивановна живет на той стороне протоки в самой крайней избе. Днем, когда мы въезжали в Гвасюги, я рассматривала высокий амбарчик около этой избы, но сейчас в темноте ничего не видать, лишь два огонька светятся впереди, как два глаза.

— Все же странное у вас расположение, — заговорил Байдалов, — вот эта протока, ведь создает она неудобства. Летом с одного берега на другой как переправляетесь?

— А ничего... Баты есть, оморочки. И мост вон там, как раз против магазина. Он плохой, конечно, ремонт надо...

— Плотники у вас свои?

— Плотников мало сейчас. Чего-чего работу какую делать, прямо не знаю, кого просить. Старики одни.

По дороге Надежда Ивановна говорила о своих заботах. Как видно, она с характером, иначе охотники не доверили бы ей править артелью. Муж у нее в армии. Без него, как она сказала, «дом стал худой», завалинки некому было завалить. У других — тоже так...

С громким лаем кинулся к нам пес из глубины двора. Хозяйка придержала его.

— Идите, не бойтесь.

Миновав сени, холодные и тесные, мы отворили избу. На громкое наше приветствие молодая удэгейка в красной кофточке, стоявшая у плиты, отозвалась дружелюбно и весело:

— Здравствуйте... еще раз. — Она шепнула что-то своей помощнице, та быстро подложила в печку дров, и обе они зашептались.

Да ведь это недавние наши знакомые: Аня и Лидия! Оказывается, они тут хозяйничают. При тусклом свете семилинейной лампы, висевшей на стене, мы не сразу их узнали.

Надежда Ивановна, вошедшая следом за нами, показала, где можно повесить шубы. Дразнящий запах мясного варева парил по всей кухне. На плите в сковородах шипела и потрескивала картошка, жарилась рыба. Прохладно было в избе. Мы это почувствовали, как только разделись, и, умывшись под железным рукомойником, прошли в большую комнату, где горела другая, более светлая лампа.

В доме у Надежды Ивановны просторно и чисто; пол крашеный, на окнах белые занавески, стол покрыт скатертью. Над комодом слева висит зеркало в окружении нескольких фотографий. Я прислонилась к обогревателю, но печь, нахолодавшая за день, еще не нагрелась; из соседней маленькой комнатушки, должно быть спальни, отгороженной цветастыми шторками, тянуло стужей.

А вот еще одна дверь. Она плотно прикрыта. Я думала, что дверь эта ведет на улицу, но, оказывается, там кто-то есть, оттуда слышится детский плач и говор взрослых.

— Там бабушка... и Дуня — жена брата моего мужа, — пояснила Надежда Ивановна, заметив, что я берусь за дверную ручку и не решаюсь открыть: — А чего? Можно, посмотри.

Не успела я отворить дверь во вторую половину избы, как оттуда выскочил и прошмыгнул мимо меня, словно вьюн, черноголовый босой парнишка лет четырех. Боясь незнакомых людей, он кинулся к Надежде Ивановне, хотя вдогонку ему звучал сердитый окрик матери.

Вот где было тепло! В этой половине избы топила железная печка. Но тут косяком плыл табачный дым, было смрадно от юколы и мокнущей кожи. По одну сторону печки я увидела старуху с длинной трубкой в зубах, она сидела на кабаньих шкурах, поджав под себя калачиком ноги; по другую сторону были на-

ры — от стены до стены. Там среди груды подушек и всякого тряпья суежилась, покачивая люльку и что-то бормоча над плачущим ребенком, женщина. В ушах у нее болтались круглые серьги. В ответ на мое «здравствуйте», она подняла голову и закивала приветливо.

Между тем старушка потянулась за скамеечкой, ползком придвинула ее поближе к себе и вздохнула. Подслеповатыми, узенькими глазами она стала оглядывать меня с ног до головы, еще не поняв, кто это перед ней, в катанках и брюках. Мужчина? Но косы мои смутили ее, и она, переговорив с невесткой, поняла, наконец, в чем дело (эти русские по-всякому одеваются и женщины — тоже), и похлопала по скамеечке ладонью: садись, если хочешь...

— Сколько вам лет, бабушка?

Старуха затрясла кудлатой, маленькой, как у подростка, головой: «Имбапта-а» (не понимаю), а невестка ответила за нее:

— Много. Совсем его старика, глаза одна слепой.

Несмотря на то, что это была изба, а не юрта, здесь на всем лежала печать старого быта, воздух был тяжелым от кабаньих шкур и от сыромяти, но сами хозяева не замечали этого.

Пришел старик, высокий ростом, с темными реденькими усами, должно быть сосед, поздоровался громко и, не раздеваясь, уселся на чурбаке. Он заговорил с бабушкой, а я тем временем вышла.

О, да тут еще одна гостя! У дверей стояла девушка. Она первая протянула мне руку и сказала, что ее зовут Дусей. Миловидное лицо ее с ямочками на щеках расплывалось в улыбке. Это была золовка Надежды Ивановны.

— А я сегодня видела вас, когда по Гвасюгинке шли. Мы за сеном ездили. Думаем, кто такие идут к нам...

Стол был уже накрыт: в тарелках — тушеное мясо кабана с картошкой, посыпанное сушеным диким луком, на блюде — горка черного хлеба, рядом — куски отварной юколы, в разной посуде — рыба соленая, красная икра. Чего еще надо? Подсаживаясь к столу, Байдалов, любивший «пропустить чарочку», выразительно потер ладони:

— Эх, вот это закусочка!

Всем был понятен его намек, и женщины, придвигая свои табуретки к столу, весело заговорили между собой. Потом хозяйка, разводя руками, сказала с сожалением:

— Выпить нету... В магазин уже давно не было никакого вино. Вот когда охотники придут из тайги, в сельпо, наверно, забросится кой-какой товар.

Пока мы рассаживались по местам, Дуся носила тарелки с едой в ту половину избы, где жила невестка со своими ребятишками. Старик, которого звали Чауной, уже вышел оттуда, снял шапку и присоединился к нам с непонятной речью. Потом приковыляла бабушка на своих кривых ногах, однако сесть с нами за стол отказалась. Она только прикрикнула на внучонка, и тот, сверкая босыми пятками, помчался на свою половину. Все принялись за еду, лишь время от времени женщины, перебрасываясь шутками с Чауной, о чем-то лопотали по-своему и смеялись, но тут же, спохватившись (мы-то не понимаем!), начинали говорить по-русски или умолкали вовсе. Мы с Байдаловым хвалили кушанья, особенно мясо.

— Два-три солнца дома живи, потом охота ходи, тайга, — говорил Чауна и жаловался на то, что с оружием у них плохо, припасов тоже не хватает: — Как могу долго охотить? Берданка совсем плохой. Старый-старый, — и махнул рукой безнадежно.

— Ну, молодец, видать... — сказал мне Байдалов потихоньку. — А старость свою в расчет не берет.

К концу нашего ужина явился молодой охотник, снял шапку, постоял с минуту в дверях и чуть было не повернул обратно — так его смутило присутствие незнакомых людей, однако на него зашумели со всех сторон, велели сесть. Аня уступила ему свою табуретку. Это был ее старший брат. Он не так-то и молод, Сидор Кялундзюга, у него — жена, дети, как сказала нам сестра. По-видимому, какое-то важное дело привело его к Надежде Ивановне, судя по тому, каким серьезным и озабоченным стало его лицо, едва он заговорил. И старый Чауна не удержался, вступил в разговор, усиленно жестикулируя.

Лидия убрала пустые тарелки, обвела нас медленным взглядом из-под приспущенных век:

— Чай пить будете?

— Ой, ну конечно, конечно... А о чем это они говорят? — спросила я, кивнув на охотников.

— Да... всякие неполадки там... Продуктов мало, крупы нет в магазине... Сидор камин просит на время, понимаете? Железную печку.

Она задумалась, потом, наверное, вспомнила про чай, а Байдалов попросил налить чайку покрепче, и вдруг так звонко расхохоталась, обнажив свои ослепительно белые зубы, что мы, глядя на нее, тоже стали смеяться, не зная, в чем дело. Из кухни, куда она понесла посуду, а следом за ней и Аня чуть ли не побежала вприпрыжку, снова донесся ее хохот.

Позднее Лида рассказала, что чая-то в доме как раз и не было. Ане пришлось идти к соседям, она быстро оделась и исчезла за дверью. А мы ничего не заметили. Да и не только мы, хозяйка — тоже, она продолжала разговаривать с Сидором.

Сидор руководит промысловой бригадой. Послезавтра он отправится в тайгу на три месяца, будет тащить нарты, подпрягаясь к собакам, как это делают все удэгейцы, потом поставит палатку где-нибудь у ключа, и начнется обычная для охотников жизнь. С утра и до вечера — под открытым небом. Помимо огнестрельного оружия, у них с собой капканы и ловушки. Они оставят позади не одну сотню километров, пройденных на лыжах, и с нартами, и пешком. Особенно трудной бывает дорога, когда они возвращаются с кабаньей охоты. Да если еще кто-нибудь из них медведя в берлоге застукает. Это нередко случается. И понятно, что каждый охотник мечтает о хорошем ружье. Но у них — старые берданки...

— Вовремя же мы явились сюда, — сказал Василий Андреевич. — Через два-три дня уже опоздали бы. Завтра я буду фотографировать охотников. Нам надо сейчас договориться. — И переходя на деловой тон, придвинулся со своей табуреткой поближе к Сидору.

— Меня тоже снимай! — весело сказал Чауна.

— Да, конечно... Вот посоветуемся с начальством.

— Все равно снимай! Пфотокартоцька надо моя, сына давай письмо, его армия ходи. Мирена — мой сын...

Байдалов отшучивался, но затем стал объяснять серьезно:

— Я не фотограф, товарищи, ну, как бы это сказать,

не снимаю всех, кого придется. Я корреспондент, работаю для газеты...

— На газету надо еще Дусю снять, — вступила в разговор длинноволосая Аня, только что вошедшая в избу: — А что? Дуся же охотник, она сколько чего-чего убила, колонок, выдру таскает. Верно же я говорю? Муж в армии тоже...

Дуся, облокотившись на стол, молчала, и только полные губы ее расплывались в улыбке. Я думала, что она еще не замужем, совсем молоденькая и такая кроткая, сидит, подперев щеку смуглым своим кулачком. Даже не верится, что эта женщина ходит по тайге, стреляет белку, ставит капканы. Голос у нее тихий, и говорит она певуче, растягивая слова:

— Зачем это? Лучше меня есть охотничают, сколько хочешь. Нюра Ватану, Забини, Галака...

Чая мы все-таки напились. Лидия подавала его в стаканах без блюдец, спешила поставить на стол, чтобы не обжечь пальцы, но уже не смеялась. Она под села к нам и стала расспрашивать о городе: какие картины сейчас идут, работает ли музей краеведения, правда ли, что в Хабаровске по ночам надо затемнять окна?

— Когда же война кончится, что-нибудь слышно там? — спросила Дуся.

Мальчонка, сидевший на койке, следил за нами, полуоткрыв рот. Лидия сделала ему замечание мягким, воркующим голосом и добавила:

— Птичка в рот к тебе залетит, Максим. Нехорошо так...

Мальчонка, стыдась, уткнулся лицом в подушку.

— А у вас, Лида, есть дети?

— Есть, конечно. Две дочки. Одна побольше Максимки, другая маленькая еще. Приходите к нам завтра, увидите...

Она первая засобиралась домой после того, как Чауна и Сидор ушли. Времени было еще не так много, и все же ночь. Байдалов беспокоился: удобно ли ему стучаться к завмагу в дом? Но женщины сказали, что ничего особенного в этом нет.

— Удобно, удобно... Мы вас проводим.

И они все вместе вышли на улицу.

Когда мы остались вдвоем с Надеждой Ивановной,

я спросила: давно ли она работает председателем? Оказывается, всего несколько месяцев, а до нее колхозом руководил Мирон Кялундзюга — сын Чауны. Теперь он в армии. Трудно ли ей? Сколько классов она окончила? Где училась? На все эти вопросы Надежда Ивановна отвечала между делом, она убирала посуду, ходила из комнаты на кухню и опять возвращалась и рассказывала, что учиться ей как следует не пришлось. Уже будучи взрослой, она поступила в Хабаровский техникум народов Севера, потом еще вместе с мужем в Ленинграде была, недолго, правда, на подготовительном отделении института народов Севера...

Трудно, даже очень трудно сейчас. Людей мало, а работы много. План надо выполнять. Женщины теперь везде: на охоту идут, сено возят, дрова — для школы, на пекарню и семьям престарелых жителей села. Подойдет весна, будут на колхозных огородах работать, вот-вот начнут картофель перебирать.

— Тулудза по-нашему картошка... Любят ее все, — сказала Надежда Ивановна, присаживаясь. — А раньше не ели, просто потому что не знали, можно, нет? Наши люди ужэ раньше-то землю боялись трогать, ничего не умели. — Она еще долго рассказывала мне о своей жизни, потом зевнула и поглядела на стенные часы-ходики и поднялась: — Прямо не знаю, где вам постелиться. Там, в маленькой комнатке, сильно дует...

— Да вы не беспокойтесь, можно вот тут... — я кивнула на медвежью шкуру, лежавшую около печки, но хозяйка отрицательно покачала головой и сказала, что нельзя...

— У нас женщинам не полагается спать на медвежьей шкуре.

Она постелила мне на узенькой койке, где обычно спал ее маленький племянник, сама же отвернула ситцевую занавеску и ушла в спальню, погасив огонь.

Среди ночи я проснулась и не сразу поняла, что происходит. Жутко выли собаки, ближние, дальние — по всем дворам, они как будто состязались между собой. Луна светила прямо на меня, и от ее мертвенно-синего света, и от собачьего лая хотелось укрыться с головой. Из соседней половины избы доносилось сонное бормотание, дверь в ту половину была приоткрыта (Надежда Ивановна отворила ее «для тепла», там по ночам про-

тапливали железную печку), но оттуда тянуло запахом рыбьей кожи, табака и кабаньих шкур; я закрыла дверь, пусть лучше будет прохладно, и услышала, как надсадно кашляет старуха. Почему-то за ужином она не хотела сидеть на табуретке, взяла свою чашку и села у двери на порожек и лишь изредка поглядывала в нашу сторону слезящимися глазами. Что-то бесконечно печальное было в этих глазах и во всем облике бабушки, хотя она и принарядилась ради гостей. Но вышитый халат с застежкой на боку колоколом топорщился на ее худеньком, высохшем теле, потемневшие серебряные браслеты свободно болтались на запястьях коричневых сморщенных рук, и, когда она прохаживалась по комнате на кривых своих ногах, обутых в улы, сгорбленная, с длинной трубкой, мне казалось, что это ходит бесплотная тень былого...

Утром мы с Надеждой Ивановной рано вышли из дома. Она сказала, что Яроба — ее свекровь — привыкла к прежнему укладу жизни, так же, как многие старые люди, она не может сидеть на табуретке. Раньше у них в юртах ничего не было, кроме звериных шкур, берестяных циновок, на которые клали постель. Была кое-какая домашняя утварь, посуда... На маленьких скамеечках женщины готовили пищу. А ели, сидя на полу и подвернув под себя ноги.

К новым порядкам удэ привыкали с трудом. Мне рассказывали, что Зузала и Дасамбу (первые наши знакомые, которых мы встретили на дороге) рядом с новой избой, построенной для них, соорудили себе балаган из корья и жили там летом, а в избу пустили собак. Эта супружеская пара, как видно, не зря возбуждала усмешки сородичей. Равноправие Зузала понимала по-своему, она ни в чем не хотела отставать от мужа: он — на охоту, и она с ним; если Дасамбу отправлялся рыбачить, Зузала бросала все домашние дела и уходила вместе с ним; он — в клуб, она тоже. В конце концов дома у них все разладилось, за детишками никто не смотрел, дело дошло до того, что их семейный вопрос обсуждался на колхозном собрании.

Раньше у кочевников был свой родовой суд, там разбирались всевозможные конфликты, в основном связанные с враждой из-за женщин, с неуплатой калыма за невест или с нежеланием подчиняться стар-

шим в семье. А тут вдруг заговорили о детях. Да еще при всех, на собрании.

Зузала выкрикивала с места:

— Он хороший охотник? Да я не хуже! Суп варить, детишек смотреть надо по очереди...

Дасамбу сидел рядом с женой, посмеивался. Теперь сын их Алексей служил в армии, а сами они отправились вчера за двести километров в райвоенкомат. Дасамбу хотел все-таки убедить начальство, что он может и сам быть солдатом. Мало ли что говорят люди в Гвасюгах. Русский учитель тоже надел шинель...

— До войны у нас весело было, — по дороге рассказывала мне Надежда Ивановна. — Вот тут на протоке праздники спорта летом делали. Так интересно. Молодежь, старики — все вместе. Сначала, когда Анатолий Масленников приехал сюда, некто не хотели слушаться. Потом все полюбили его... прямо не знаю как.

Да, жаль, что нет Масленникова здесь, думала я, оглядывая избы за протокой и толпящихся у магазина людей. Масленников, конечно, рассказал бы, как тут все начиналось. Школа-интернат, куда охотники привезли своих детей учиться, была центром новой жизни. Не сразу, конечно, появились эти избы, дворы. Вон их сколько! Чуть ли не около каждой избы — огород. Наступит весна, и начнется посадка овощей. Масленников научил их обрабатывать землю, делать грядки, сажать всякие овощи. Но самые главные посевы у них за селом — там колхозные огороды, мы проезжали мимо них вчера, когда двигались по Гвасюгинке. Восемнадцать гектаров раскорчевать вручную было не просто. Колхозники сажают там картофель, капусту, недавно стали даже сою выращивать и овес сеяли. Теперь земля отдыхает под снегом. Снег нынче выпал позднее, чем всегда, потому-то и задержались охотники с выходом в тайгу...

Перед крыльцом магазина Байдалов фотографирует какого-то древнего старика. Рядом с ним — Хохولي в окружении ребятишек, прибежавших поглядеть, что тут делается. Надежда Ивановна кивнула всем сразу и прошла в правление, а я остановилась.

— Вот интересный дедушка, знакомьтесь. Его зовут Гольду, — заговорил Байдалов, кивком показывая

на старика: — Он видел наш Хабаровск еще при царекосаре... Тогда и города никакого не было. Говорит, что на берегу Амура всего лишь несколько избушек стояло.

Гольду, как видно, только что вышел из магазина, получил свой паек муки вместо хлеба. (сам будет стряпать лепешки), взял еще крупу и масло, все это было у него в котомке, он уже спустился с крыльца, положил котомку к ногам, а сам стал раскуривать трубку. Хохولي познакомил нас, и мы пошли к правлению колхоза все вместе.

Важный старик, на голове у него лохматая лисья шапка, безбородое лицо все в морщинах, сам он маленький ростом, но кряжистый, или кажется таким оттого, что на нем ватная куртка, поверх которой еще удэгейский халат, подпоясанный ремешком. На ногах он держится крепко. Поднял свою котомку как ни в чем не бывало.

Гольду живет не здесь, а в Джанго, недалеко отсюда вверх по Хору. Из всех удэгейцев он один остался жить в старом стойбище, но выполнял все задания колхоза: чинил сети, обрабатывал шкуры зверей. Старик не пропускает ни одного собрания.

— Приехал новости узнать, какие события на фронте, — объяснил за него Хохولي. — На вечере побывать хочет. Сегодня у нас в клубе вечер. Придете?

— Ну конечно.

Мы договорились с Байдаловым, что охотников он будет фотографировать завтра, перед тем как они отправятся в тайгу, со всем их снаряжением, а сейчас надо было рассмотреть получше село, пройти по берегу речки Були к метеостанции; мы еще не побывали в школе, а времени у нас мало. Надо же еще навестить мастериц, о них без слов говорят изумительной красоты узоры, вышитые на халатах женщин, и затейливые орнаменты, которыми украшены чумашки из бересты, коробки для мелких домашних вещей.

В этот день я побывала во многих избах. От двора к двору петляют белые тропинки среди сугробов. Над крышами вьются сизые струи дыма — почти везде топятся железные печки (нелегко сюда завозить кирпич). В избах жарко, пахнет юколой и медвежьим салом. Собаки скулят под дверью.

Вышивальщица Хабала — женщина с тонкими чертами чуть вытянутого, миловидного лица, увидев меня, отложила в сторону шитье и поставила мне табуретку:

— Багдыфи! Садись...

В ее спокойных и неторопливых движениях сквозит достоинство, глаза из-под длинных век смотрят без всякого любопытства, хотя и приветливо. Если я буду молчать, она тоже ничего не скажет. Так часто бывает. По-русски Хабала говорит плохо, а я ничего не понимаю по-удэгейски. Разглядываю с восторгом ее вышивки, хочу понять, отчего это получаются линии такими выпуклыми, жду, когда в избу зайдет Хохоли, он остался во дворе, там Ян — муж Хабалы колет дрова.

— Хабала — одна из лучших рукодельниц у нас, — говорил минуту спустя Хохоли, вошедший в избу.

Оказывается, вырезанный ножницами тончайший узор из рыбьей кожи она должна сперва наклеить на материю, потом уже застилать его цветной шелковой гладью. Женский халат (тэгэ), мужская рубаша (мокчо), нарядный головной убор для зимней охоты, чехлы для ножей, висящих у мужчин на поясе, домашние туфли, меховые перчатки — чего только не делают ее умелые руки! Это ей и еще двум мастерицам — старушкам Ланчеке и Суенке было поручено сшить унты для Главнокомандующего. Унты получились огромные, прямо-таки на богатыря. Еще бы! В представлении удэгейцев «сагды-сагды занче» (самый большой начальник, вождь) должен быть великаном.

— Все время шили теплые рукавицы для бойцов действующей армии. Это еще при Анатолии Яковлевиче мы стали посылать подарки на фронт...

Да, Масленникова часто вспоминают здесь. И не удивительно это. Он ведь прожил в Гвасюгах десять лет. Видела я его черноглазых дочек, после того как побывала в школе. Старшую зовут Лорой, она перелистывала за столом букварь, а младшая Люда сидела на руках у бабушки. Почему-то Масленников представлялся мне солидным мужчиной, в очках. Но Лидия сказала, что он небольшого роста, очки не носит — молодой еще, и протянула мне альбом:

— Вот смотрите...

На фотографии — юноша в белой рубашке. Простое,

серьезное лицо, ничего в нем особенного — нос далеко не римский, полные губы. Кажется, он только что собрался на волейбольную площадку, такой у него задорный вид, а в глазах — добродушие и доверчивость.

— Тут он снялся, когда райком комсомола направлял его работать в Гвасюги. Это тридцать второй год, кажется. Ну да... — припоминает Лидия.

Я разглядываю снимки. Они тоже говорят об этом человеке. Вот Анатолий Масленников среди учителей на районной конференции в Переяславке, вот он с удэгейцами, на нем темный костюм, прямые волосы зачесаны кверху, взгляд сосредоточенный, твердый. А это — он и Лидия. Он и гвасюгинские школьники. А это вот они оба уже с дочерью... Мелькают лица на любительских, выцветших снимках, за ними прошлое, в котором скрыты дороги, встречи, может быть, сомнения, горести — трудная и радостная работа, целая жизнь...

— Пишет он вам?

— Иногда. Он в Хабаровске служит. Хочу навестить его. Скоро, наверное, поеду.

— А это кто?

Прислонившись к стволу тополя, стоит юноша, русский, в удэгейской рубашке, на лоб легла волнистая прядь.

— Это Георгий Иванович Кузьмин. Учитель, — сказала Лидия. — Он тоже в армии. Сюда с Анатолием приехал. А потом приехала его сестра Анна Ивановна. Сейчас она в Святогорье работает.

Позднее мы встретились с Анной Ивановной уже в Хабаровске. Она принесла мне пачку писем, полученных с фронта в разное время от гвасюгинцев, еще при ней уходивших на войну. Написанные то чернилами, то карандашом, но неизменно красивыми и разными почерками, они говорили о любви к Родине, которую впервые в истории удэгейцы защищали теперь с оружием в руках. Отдельные боевые эпизоды, фронтовой быт, описание городов, невиданных прежде — все было в этих письмах. И была еще грусть о родном крае, о тайге, в которой каждый из них успел проложить не одну охотничью тропинку.

Иногда, развернув лист, Анна Ивановна улыбалась, смущенная тем, что в письме допущены неграмотные обороты речи или смешные и наивные выражения:

— Вот ведь как он написал, вы только послушайте: «Надеюсь, что мы еще встретимся на том же месте, на том кусте, где провожались в последний раз»...

Да... И все же главное было не в этом! И молодая учительница, сворачивая письмо, говорила, что они верные в дружбе люди, и было видно, что она гордится ими: у нее на фронте есть друзья! И помнят о ней.

Но с Анной Ивановной мы встретились позднее.

От Лидии я уходила не одна: явился Хохоли, с которым мы условились вместе пойти к бабушке Сигданке. Сигданку мы застали дома за шитьем, но как только вошли к ней в избу, она поднялась с маленькой скамеечки, на которой сидела, и, отбросив в сторону шитье, протянула мне обе руки, сухие, морщинистые, с серебряными браслетами на запястьях. У нее, единственной в Гвасюгах, сохранилось еще давнее «украшение» — серьга в носу.

— Вот пришли к вам... интересуются, — начал Хохоли, не сразу переходя на удэгейский говор.

Она радостно закивала нам и засуетилась, что-то бормоча, показала на свое шитье, должно быть, объяснила, что торопится, шьет охотникам рукавицы; сама она уже не ходит в тайгу, а раньше ходила, теперь состарилась, кости болят.

У Сигданки был грубоватый, низкий, почти мужской голос, и когда она после долгих уговоров стала рассказывать мне старинную удэгейскую сказку, а потом запела, гортанные звуки ее голоса наполнили избу; дрожь и переливаясь, они то слабели, то усиливались, как прибой волн, или как завыванье ветра. Я первый раз слышала такое пение. Хохоли сказал, что эта песня про чайку...

— Потом расскажу содержание, только не все, конечно. Это песня очень даже длинная. Надо слушать три-четыре вечера подряд, — объяснил он, когда Сигданка умолкла. — Мирон тоже хорошо поет про чайку. Это наш председатель колхоза, он в армии сейчас... Но бабушка поет лучше, только у нее сегодня нет настроения. Она любит выпить немножко, тогда...

За окнами сгущалась синяя тьма. Сигданка зажгла огонь и придвинулась со своим шитьем к столу, а нам пора было идти в клуб, и, простившись с ней, мы отправились туда.

3. ЧЬИ ЭТО ПЕСНИ?

В клубе уже собрался народ, при тусклом свете керосиновых ламп только вблизи разглядишь лица и то не сразу. Тут было много женщин, старых и молодых, пришли почти все охотники. От раскаленной печки пахло известкой и дымком еще не прогоревших березовых дров. Между скамеек сновали ребятишки, некоторые из них рассаживались на полу, поближе к сцене — мест не хватало всем. Шумно было. Бесперерывно открывались и закрывались двери. Вошедшие старики еще докуривали свои трубки, кто-то громко призывал их к порядку, они откликались так же громко. Женщины усмиряли ребятишек. Можно было подумать, что тишины вообще не будет. Однако стоило лишь докладчику появиться на сцене, как все умолкли.

Председатель сельсовета Зоя Кимонко делала доклад. Придвинув к себе поближе лампу, она стояла за столом, покрытым красной материей, и говорила, изредка заглядывая в конспект. Дверь между тем продолжала хлопать, опоздавшие толпились в проходе у печки, но никто уже не обращал на них внимания.

Обыкновенное дело. И в русских селах я видела такие собрания, при тусклом свете керосиновых ламп, в тесном, как это, помещении, там тоже на длинных лавках от стены до стены сидели, в основном, женщины, старики да детвора. Но здесь собрались бывшие кочевники. Еще недавно эти люди были во власти суеверий, подчинялись законам тайги, не знали, что такое улица, дом, хлеб, молоко, букварь, книга. От купцов и заносимых к ним опасных болезней они спасались бегством в еще более глухие леса, голодали, гибли, верили шаманам... И кто знает, быть может, они разделили бы участь тех «инородческих» племен за океаном, от которых не осталось и следа. Но Советская власть спасла удэгейцев от вымирания. Она открыла им путь к новой жизни. И вот об этом говорит сейчас Зоя Кимонко.

Она говорила по-удэгейски, но в ее речи то и дело повторялись знакомые всем слова: большевики, революция, социализм, школа, колхоз, Москва, Родина, фронт.

После того как доклад закончился, объявили, что сейчас будет выступать школьный хор. На сцену гурь-

бой потянулись мальчики и девочки в красных галстуках. Они спели хором «Катюшу» и еще несколько песен: «Широка страна моя родная», «Ой, туманы мои», «Вставай, страна огромная»... Какие звонкие, чистые у них голоса! Потом стали петь удэгейские песни. А затем одна из старшеклассниц прочитала стихи о Ленине на своем языке. Я спросила у Хохоли: кто автор этих стихов и песен?

— Джанси Кимонко.

— Здесь он?

— Ну, что вы... Нет. Он в армии, служит на границе. Вы же остановились у него в семье. Надежда Ивановна разве не говорила вам? Джанси Батович Кимонко ее муж...

— Нет, не говорила.

В тот же вечер, придя из клуба, я стала расспрашивать Надежду Ивановну о нем: давно ли Джанси пишет и нельзя ли найти хоть что-нибудь из написанного? Она с трудом разыскала старую тетрадку в синих корочках со стихами и протянула мне. Вид у нее был такой, словно она не принимала всерьез увлечение своего супруга. Засмеялась. Стала говорить, что, когда он учился в Ленинграде, там многие студенты института народов Севера писали стихи. Он — тоже.

— Наверно, так надо было, не знаю. Может, уроки такие задавали...

В тетради оказалось несколько стихотворений, написанных по-удэгейски. Как узнать, что в них? О чем они говорят?

На другой день Хохоли по моей просьбе сделал четыре подстрочника. Я записала их в свой блокнот. Остальные потом. Мало все-таки у нас было времени.

Между тем Кузьмич уже беспокоился, спрашивал: не пора ли запрягать коня? Сегодня мы уезжаем.

— Подождите немного. Байдалов сейчас фотографирует охотников. Еще немножко подождите, Кузьмич...

За протокой стояло несколько нарт с грузом, около них толпились не только уходившие на промысел люди, но и те, кто их провожал.

Мужчин-охотников можно было издали отличить по их одежде. Особенно бросались в глаза головные уборы. Такие шапочки (богдо) с беличьим хвостиком на

макушке носят только мужчины, уходящие на зимний промысел. Сзади от шапочек на плечи спускается белое головное покрывало (помпу), расшитое яркими узорами. Усатый Илья-бригадир тоже нарядился. Покрикивает на собак, усаживает их, разномастные лайки скулят, с нетерпением ожидая команды. Еще не все охотники в сборе: один задержался в магазине, другая что-то забыла и вернулась домой. Женщинам труднее отрываться от семьи. Вон Дуся еще бегаёт по двору, мелькает ее красная шаль.

Чауна, стоявший у передней нарты, возмутился:

— Чего-чего так делаешь, а? Шибко долго. Надо было раньше, еще раньше... Как с такой люди ходи?

Но сердился он зря. Именно с помощью «такой люди» колхоз «Ударный охотник» перевыполнял свой план на двести и триста процентов. Пожилая опытная таежница Нюра Ватану, и молодые женщины Исунда, Лади, Галака, Сифу освоили промысел не хуже мужчин. Теперь они уходят в тайгу и вернутся только весной... А вот и Дуся — самая младшая из них, сестра Джанси Кимонко, бежит с котомкой в руках.

— Вы тоже уезжаете?

— Уезжаем.

— Если увидите моего брата, привет ему передавайте.

— Конечно. Если увидим... А увидим ли?

Байдалов попросил ее подойти к женщинам поближе, он готовился сделать очередной снимок в каком-то необыкновенном, как ему казалось, ракурсе и то припадал на колени, то снова поднимался и отходил в сторону:

— Спокойно, спокойно, товарищи!

А они отворачивались и хохотали. Наконец все уже в сборе. На нартах уложено все — продовольствие и охотничье снаряжение, старые берданы в чехлах из кабаньих шкур, ловушки, капканы. Тут же в мешках сушеная рыба — юкола для собак, все укрыто сверху брезентовой палаткой.

Сидор принес копье и положил его на свою нарту.

— А это зачем?

— Пригодится. На медведя. По-нашему «гида» называется, — объяснил мне Хохоли, только что подошедший к нам. — Я сейчас со своими комсомольцами бесе-

довал, накачку давал. Вон Гриша Сулейндзюга идет. Видите? Тоже комсомолец.

Гриша был одет так же, как все мужчины-охотники, в таких же меховых унтах, как у них, и поверх ватной куртки на нем был тоже национальный халат, с разрезами на боках, не доходивший ему до колен, но оттого, что Гриша был молод, он казался наряднее всех остальных. Ремешок, на котором у него висел сбоку охотничий нож в расписных ножнах, туго стягивал его тонкую талию, концы головного покрывала при ходьбе хлопали словно крылья. Он первый раз шел на охоту. Ему недавно исполнилось семнадцать лет.

— Эх, кажется, сейчас будет хороший снимочек... — вкрадчиво шепотом проговорил Байдалов и заставил Гришу взять в руки копье.

Надежда Ивановна, стоявшая в окружении охотников, говорила им напутственные слова.

Байдалов еще фотографировал, а наш Кузьмич уже вел от конного двора Карьку, положив на сани несколько охапок сена.

— Еще один кадр. Минуточку, девушка... вот вы, пожалуйста, подойдите сюда поближе, — слышался голос Василия Андреевича. Он сам шагнул навстречу высокой, стройной девушке в ярко-синем халате. Она только что прибежала проводить отца. Ни на кого не обращая внимания, протянула ему сверток и опустила голову, слушает, что говорит ей отец — маленький мужичок по имени Солимбу в серой шапке-ушанке. У нее запоминающееся лицо, продолговатое, с бледно-матовой кожей. Зеленый атласный платок сбился к затылку, на черные блестящие волосы с прямым пробором падают снежинки. Выслушала отца и повернулась, чтобы идти.

— Куда же вы?

— Огня! — крикнул ей Хохоли, прося остановиться, и объяснил мне, что это активная комсомолка, она была на заготовке дров, поэтому мы ее не видели. — Тебя же просят, Огня... — повторил он, произнося имя девушки с ударением на последнем слоге. Можно было подумать, что оно от русского слова «огонь». Но значение удэгейских имен проще и гораздо прозаичнее, как я потом узнала. Огня — по-удэгейски сухая, тощая.

Она и в самом деле была тоненькой, эта девушка,

и ростом выше других. В ее движениях не было суетливости, лицо выражало спокойствие, даже казалось грустным, и когда Байдалов навел на нее объектив, она еще плотнее сжала свой маленький, резко очерченный рот и только потом, когда услышала щелчок, прикрыла лицо рукавичкой и рассмеялась.

— До свидания! Счастливо вам!

— Ая битудзэ! — кричали охотники.

Они уходили по протоке на Хор и дальше, на его притоки, а мы — в низовья. Гвасюгинка — вроде подковы, концы которой обращены к одной и той же реке.

Та же дорога: сначала по Гвасюгинке, потом через тайгу, но теперь она уже не казалась такой длинной. Гвасюги, затерянные в лесах, избы, амбарчики на сваях, степенные старики с трубками, звонкие голоса девушек в нарядных халатах, нарты на протоке, оживленные лица охотников, уходящих на промысел, — все это было еще свежо в памяти, хотя с каждым километром отдалялось от нас.

Снег, вначале падавший лениво, разошелся к вечеру. Передходами нам встретились две подводы. На санях — женщина с ребятишками, укутанными до бровей. Лошадью правит пожилой мужчина в полушубке и в валенках. Кузьмич отвернул вправо — дорога узкая, лошадям не разминуться, — пусть проедут. Но едва мы поравнялись с ними, громко и почти одновременно приветствуя друг друга, пришлось останавливаться.

— Вы откуда? Из Гвасюгов?

— А вы далеко ли направляетесь?

— Туда, в Гвасюги, — мужчина махнул рукавицей и, спрыгнув с передних саней, подошел к Кузьмичу. — Скажите, как там река? Где лучше проехать? — Он повернул к нам свое безбородое лицо с крупными чертами. Из-под шапки-ушанки, запорошенной снегом, спокойно смотрят серые глаза.

Мы тоже слезли со своих розвальней. Стоим и разговариваем. Минутное знакомство на дороге... Много ли можно узнать о человеке при таких обстоятельствах? И все-таки таежные встречи редко бывают безмолвными. Расставаясь и пожелав ему счастливого пути, мы уже знали, что это новый учитель Вадим Григорьевич Андреев едет со своей семьей в Гвасюги.

Смотрю на ребятишек, они, как птенцы, высовывают

головы из своего укрытия, им хочется взглянуть, что делается вокруг, но мать, сидящая рядом, заботливо подтыкает под них одеяло, просит сидеть тихо.

«На смену Масленникову едут. Она тоже учительница».

Расстояние между нами все больше увеличивается. Сквозь косо летящий снег уже не видно лиц, еще минута, другая, и семейство Андреевых скрылось за деревьями.

Опять навстречу медленно бредут, выворачиваются из-за кривуна темные ели с опущенными книзу ветвями. Без того-то им тяжело от белых снегов, а снег все валит и валит на них, и такая дремотная тишина кругом, такая тишина, что треск сухой ветки, отвалившейся под тяжестью снега, слышится далеко. Зимняя тайга завораживает. На фотографиях она выйдет сказочно красивой, но случись остаться наедине с ней, забудешь о пейзажах. Говорю об этом Байдалову, он посмеивается, у него своя забота: получатся ли групповые снимки?

— Не знаю, как в смысле композиции... Может, перестарался, слишком мелко брал, дальний план хотелось захватить, — рассуждал он вслух. — Но вот охотники — старый и молодой, этот Гриша-то, забавный парень, между прочим, интересное такое лицо. Снимал крупным планом, вроде бы должно получиться... Надо же, с копьём на медведя идут. Я попробовал взять в руки, ничего себе, тяжесть, будь здоров...

Кузьмич, услышав это, обернулся:

— Они еще петлями их ловят, вот дивное дело!

— Как это — не представляю, медведя петлей... — усомнился Байдалов.

— А вот так. Мне рассказывали, что не все делают, а кое-кто из них наловчился. Осенью, когда медведь идет к реке за добычей, ему ловушку устраивают: над тропой через толстый сук дерева перекинут веревку-то, петлю наладят, ну а медведь просунет в нее башку, и тут ему каюк...

Чем дальше мы уходили от Гвасюгов, тем сильнее в душе нарастало беспокойство оттого, что многого я так и не узнала, слишком короткой была эта командировка, для того чтобы постичь глубину перемен, происшедших в жизни бывших кочевников. Подробности, на выяснение которых просто не хватило време-

ни, теперь лезли в голову и вызывали один вопрос за другим. Но ведь не прыгнешь с саней и не побежишь назад...

— А девушка-то в зеленом полушалке... как се, Огня, что ли? Ну да, Огня... Красивая, — говорил между тем Байдалов, стряхивая снег с воротника. — Она похожа на японку. Интересно, я хотел снять ее веселой, смеющейся, а она, как только увидела объектив, замерла и стоит серьезная, прямо удэгейская царевна Несмеяна...

Огня вообще не хотела сниматься. И разговаривать тоже. С гордым, даже надменным видом, она стояла молча в отдалении, совсем не так, как другие. Может быть, она смущалась? Разные же бывают характеры у людей. В то время я еще не знала, что мы будем дружить с ней, что в письмах она станет называть меня своей старшей сестрой (оха) и что мне придется искать для Огни слова утешения, когда на ее недолгое счастье с Джанси внезапно обрушится беда.

Но это будем потом...

Тогда же, возвращаясь из командировки, я лишь на минуту вспомнила эту девушку, ее грустное лицо, затем оно оттеснилось другими лицами чем-то похожих друг на друга людей, картинами своеобразного быта, где новое уживалось еще со старым; перед глазами вставали избы, разбросанные среди леса, нарты охотников на белой тропе и копье в руках удэгейского паренька. Это древнее оружие кочевых племен контрастной деталью вписывалось в новый, изменившийся уклад охотников.

На Антуни мы расстались с Кузьмичем. До Бичевой снова ехали на попутной леспромхозовской машине. А там подвернулся грузовик до Переяславки. Наконец, станция, поезд... В неудобном и тесном, но теплом вагоне под стук колес Гвасюги, хорская тайга в белых снегах и все, что мы оставили позади, стало казаться сном...

Через несколько дней в газете появилась страница об удэгейцах, с фотографиями Байдалова, со стихами Джанси Кимонко и моим очерком. Не скоро газета придет в Гвасюги, ох не скоро! Теперь я знаю, какими

дорогами ходит по тайге почта. И все же несколько экземпляров «Тихоокеанской звезды» я отправила туда по почте. А жизнь в редакции шла своим чередом. Уже верстался очередной номер газеты, надо было готовить материалы в загон, у меня уже новое задание и новая тема. С утра было несколько посетителей. И вот еще один.

— Я к вам. Здравствуйте...

Обрадованный не столько тем, что газета обнародовала его творчество, сколько тем, что она рассказала читателям о делах его родного колхоза, бывший председатель сельсовета решил повидать тех, кто был в Гвасюгах, расспросить об охотниках. И вот он стоит передо мной, коренастый, средних лет человек, невысокого роста, улыбается. Смуглое скуластое лицо. В узком разрезе поблескивают зоркие, пытливые глаза.

— Я Джанси Кимонко.

Пришлось рассказать ему, каким образом тетрадь с его стихами попала ко мне в руки.

Джанси слушал и посмеивался. Иногда кивал головой в знак согласия: если есть какие-то неточности, он не возражает, ему, в общем-то, все равно, пусть будет так. Он смутился, словно не считал стихи достойным серьезного разговора и даже махнул рукой:

— Меня интересует, как там Гвасюги?

Один вопрос за другим: кто из охотников ушел в тайгу, приехал ли учитель вместо Масленникова, подготовлены ли бревна для строительства новых домов, как там его семья, здорова ли мать — Яроба, что пишут с фронта Сидимбу, Василий, Иван Хозеевич? Говорил он с очень заметным акцентом, как все его сородичи, каких мне довелось слышать, и так же смягчал шипящие звуки.

— В другой раз могу принести новое стихотворение «Пограничник», это будет, если правильно называть, песня, — сказал он, уже взявшись за свою солдатскую шапку со звездой. Джанси собрался уходить. На нем был военный полушубок и сапоги. Таким я увидела его в первую нашу встречу зимой сорок четвертого года. Разговор наш прервался — меня позвали к телефону, а Джанси спешил, как видно, и мы расстались.

После его ухода, возвращаясь к своим делам, я подумала, что надо было спросить у Джанси, откуда при-

шли удэгейцы на берега Хора, где они раньше кочевали, вообще, побольше узнать о них, может быть, когда-нибудь пригодится. «Интересный народ, следопыты, охотники... прежде не знавшие, что такое грамота, жили в юртах, носили одежду и обувь из рыбьей кожи, а сейчас всё изменилось. Жизнь повела их новыми, невиданными прежде дорогами. Учатся, работают, воюют!»

На память пришли строчки из письма Сидимбу, который был где-то в белорусских лесах: «Я не пожалею свою остатнюю костячку — жизнь, а если надо, то погибну за одно большое, народное сердце...»

4. НОВЫЕ ЗНАКОМЫЕ

Через месяц у меня произошла неожиданная встреча с гвасюгинцами. Поздно вечером, возвратившись домой из редакции, я увидела в коридоре на вешалке цветастые женские платки, чью-то одежду.

— Гости к тебе явились, — сообщила мне сестра, кивнув на дверь в комнату, — давно уже ждут тебя.

Как только я вошла в самую большую нашу комнату, ко мне навстречу, сорвавшись со стульев, кинулись Аня и Лидия Масленникова.

— Вот, оказывается, кто здесь... Аня! Лида! Здравствуйте!

— Не ожидали, да?

— Ну, конечно. Холод-то какой, мороз. Как вы добрались, на чем ехали?

Они стали рассказывать, со смехом и ужимками, как шли по нартовому следу, потом ночевали в Ходах у лесного объездчика, оттуда — опять пешком и наконец с какой-то попутной машиной почти до самой Бичевой ехали в открытом кузове. По дороге еще газочурку заготавливали. Говорила больше Лида, щеки ее пылали румянцем, она вытирала их платочком, белые зубы блестели, когда она смеялась.

— Ой, ну как это вы насмелились в такую дальнюю дорогу... — сказала моя сестра, удивленно качая головой.

Она с любопытством переводила взгляд с одной гостыи на другую, помня о том, что на вешалке в кори-

доре висит их одежда — легкое пальтецо Лиды и Ани-на коротенькая ватная тужурка.

— Это когда мы после Антуни ехали, ну, вот этот дядька-то, лесоруб, который в рваной шубе сидел, — заговорила Аня, подбирая с трудом слова, — мне прямо смешно стало. У него там заплатка, там дырка, прямо вся шуба дырявая. Женщины, которые с нами ехали, тоже его подковыривали все время, говорят: за тобой волки, что ли, догонялись...

— Всю дорогу прижимался к теплой трубе. Я думаю: что такое, паленой шерстью запахло, а это его полушубок горит... — Лидия звонко расхохоталась, но потом, спохватившись, кивнула на дверь в соседнюю комнату и прикрыла рот ладонью: — Ой, там кто-нибудь есть?

— Нет. — Я объяснила, что дома, кроме нас с сестрой, никого нет, муж в командировке, а дети у мамы, в Суражевке.

— Мы тут вот интересуемся, — Лида остановилась перед фотографией, висевшей на стене, — ваш муж, да? Это он?

— Нет. Это Рахманинов. Был такой композитор. Музыку сочинял. Вот... — Я открыла крышку старенького пианино и провела по клавишам. — Это моя сестра играет. Вы уже познакомились с ней? Она преподавательница музыкальной школы.

— Ой, как интересно прямо, а я думаю, что такое...

Аня осторожно стукнула пальцем по клавише, а за ней и Лида, им было любопытно потрогать руками диковинный инструмент, который они впервые видели. Мы с сестрой переглянулись:

— Давайте, будем чай пить...

За чаем Лида сказала, что завтра ей нужно найти Анатолия Яковлевича, повидаться с ним, она из-за этого и приехала; что касается Ани, то у нее поручение от старух: купить разноцветных ниток, иголки, разную мелочь. Хохоли просил карандаши для рисования. Еще — красной материи. Где ее возьмешь? А надо. Стекла тоже к лампам керосиновым.

— Дедушка Гольду табак просил... Пойду на базар, что ли...

Аня, девушка довольно-таки стройная, несколько раз подходила к большому зеркалу и разглядывала се-

бя в полный рост, на ней была все та же красная кофточка, в какой я увидела ее в первый раз в Гвасюгах, и длинная юбка, из-под которой выглядывали синие шаровары, упрятанные в меховые чулки. Мягко ступая по комнате, она все улыбалась чему-то и опять слушала наш разговор, облокотившись на стол. Она действительно была похожа на индианку.

Перед тем как улечься спать, Лида подошла ко мне и сказала:

— Болит сердце, прямо болит и все. Не знаю, как мы завтра с Толей встретимся...

Утром мы все разбрелись, каждая по своим делам. Я показала гостям, как мы открываем двери, на случай, если придут прежде нас. У меня в редакции, как всегда, было много дел, поэтому время летело незаметно, его не хватало обычно, зимой дни короткие, зато вечера длиннее, уходить из редакции в полночь стало уже привычкой, никто этому не удивлялся. Но в продолжение нескольких вечеров, пока у меня гостили Аня и Лида, я старалась прийти домой пораньше.

— Ой, как вы долго! — воскликнула Лида, выходя ко мне навстречу. По ее сияющим глазам и по тому, с каким возбуждением она заговорила, едва мы сели к столу, нетрудно было догадаться: Лида хочет поделиться своей радостью. Она сегодня виделась с мужем. Правда, очень недолго. Всего лишь несколько минут. Успели сказать кое-что. И все. Она потупила взгляд, помолчала и с трудом, подавляя слезы, проговорила: — Он завтра придет сюда. Вы ничего не имеете против? — И опять подняла голову.

— Нет, конечно. Пожалуйста... Только вот чем мы его будем угощать? Картошкой вареной?

Лидия встрепелась:

— А юкола! У нас же юколы есть немного. И медвежий жир. Можно поджарить картошки.

— Лучше, наверно, сварить в этих... как это... шинелях, — посоветовала Аня с серьезным видом.

— В мундирах! — поправила ее Лида и засмеялась дробно, тоненьким смехом счастливой женщины.

Масленников пришел на другой день, когда уже стемнело и все были дома.

Пока он раздевался в коридоре, снимал шинель и шапку, Лида успела что-то сказать ему по-удэгейски,

должно быть, спросила, почему он вчера не явился, как обещал. До этого она сидела над книжкой, сосредоточенная и все прислушивалась к шагам на площадке нашего этажа, где в пролетах гулял ветер. Но едва раздался стук в дверь, она подхватила раньше всех и пошла открывать. Из кухни на всю квартиру пахло варившейся юколой, так хорошо знакомой вошедшему. «Раньше не мог, нельзя было», — говорил Масленников, пристраивая шапку на вешалке. Он расправил на себе гимнастерку, складочки под ремнем, пригладил ладонями русые волосы и вслед за Лидией вошел в комнату.

— Вот, оказывается, сколько у вас гостей, — сказал он, здороваясь со мной за руку. — Не зря же вы побывали в Гвасюгах.

На фотографиях, которые мне показывала Лида, учитель был моложе и черты его лица казались крупнее. Оттого, наверное, он и представлялся мне другим.

— О вас там вспоминают...

Масленников держался уверенно. Роста он был ниже среднего, военная форма, уже ставшая привычной для него, подчеркивала внутреннюю собранность этого человека, бесспорно обладавшего твердой волей при всей доброте и мягкости характера, судя по рассказам. Он уже второй год находился в рядах Советской Армии, воинская служба его проходила на одном из заводов Хабаровска, где делали оружие для фронта.

— Надолго ты в город, Аня? — протягивая руку бывшей своей ученице, спросил Масленников. — По делу или так просто?

— Да, есть немножко дела кое-какие, — уклончиво отвечала девушка. — Послезавтра домой пойду.

— Сидор на охоте? Как там у Зины, еще никто не появился? Ты ведь у них живешь?

— Ну, конечно. Ребенка ожидается, кто будет — как узнаем? Пока ничего неизвестно. — Аня выпорхнула из комнаты, а Масленников сел на предложенный ему стул.

— Дедушка Гольду просил тебе привет передать. Я его видела в сельсовете, — сказала Лидия, взглянув на мужа кротко и преданно. — Миронова мать — тоже. Ян, Хабала... Да многие, в общем.

Они заговорили о своих общих друзьях и знакомых, сидя у стола рядом.

Надо было готовить ужин, собирать на стол, и мы с сестрой удалились на кухню, не подозревая о том, что творилось в душе Лидии.

От ужина Масленников отказался, выпил стакан чая и пошел курить в коридор, объяснив нам, что сыт, только что был в столовой и просит не обращать на него внимания. Потом он снова сидел с нами, беседа растеклась по разным направлениям. Говорили о войне, о том, что Советская Армия почти на всех фронтах ведет наступление и что, по всей видимости, до победы уже не так далеко. Потом Масленников сказал, что недавно получил письмо с фронта от Василия — сына Дзолодо и покачал головой — воюет. А давно ли Вася был школьником? В первый класс пошел со слезами, учиться не хотел. Боялся, что охотником уже не будет. Сидимбу — тот был посговорчивее. Оба теперь с оружием в руках защищают Родину. Говорили о делах удэгейского колхоза, о школе, которой теперь заведует Андреев.

— Это хорошо, что Вадим Григорьевич там. Он опытный педагог и человек славный, знаю, я у него учился когда-то... — сказал Масленников. От того, чем он жил еще недавно, Анатолий Яковлевич мысленно уже отстранялся, по-видимому, зная, что Гвасюги и все, что там было, становится для него прошлым...

«Он мог бы рассказать об удэгейцах больше, чем кто-нибудь другой, — думала я в то время, как Масленников уже поглядывал на часы. — Десять лет учитель прожил в Гвасюгах, он знает там всех поименно — старого и малого, именно ему, а не кому-то другому выпало на долю быть там, когда удэгейцы — этот маленький народ стал приобщаться к новой жизни. Как это все происходило? Вот бы послушать...»

— Вы к нам еще придете, конечно? Я хотела спросить вас...

— Да. Но только не завтра, — помолчав, ответил он и, перехватывая беспокойный взгляд Лидии, объяснил ей, что завтра будет занят, а послезавтра придет.

Лидия вышла его проводить, ничем не выражая своего недовольства, хотя ей казалось, что муж мог бы немного побыть с ней; у порога она сказала ему, что

старшая их дочка Лора все время рисует и рисует папу вот в этой его шинели и в шапке со звездой, каким он приходил последний раз в Гвасюги. На это Масленников улыбнулся и сказал, что часто видит ее во сне. И еще поинтересовался: привита ли оспа маленькой дочери?

Через несколько минут Лида вернулась уже одна и остаток вечера сидела задумчивая, молча перелистывала журнал, потом они с Аней заговорили тихо по-удэгейски...

Масленников приходил несколько раз. Обычно он появлялся вечером, как только у него выпадало свободное время.

После того как Аня уехала домой, Лидия еще неделю жила у нас. В ту зиму до конца февраля стояли крепкие морозы с ветром, а Лидии нездоровилось, поэтому я уговорила ее подождать, пока хоть немного потеплеет, и она откладывала свой отъезд со дня на день.

Беседы с Масленниковым, его рассказ о Гвасюгах, о том, как он впервые приехал туда еще юношей, комсомольцем, и в глухих лесах разыскивал юрты кочевников, чтобы взять на учет детей школьного возраста и потом учить их грамоте, как после многих трудностей школа стала центром новой жизни удэгейцев, и это год за годом проявлялось в быту и в сознании бывших кочевников, — беседы эти были увлекательными и продолжались не один вечер.

Иногда, задержавшись допоздна в редакции, я звонила домой, и если Анатолий Яковлевич был у нас, просила подождать. Возобновляя прерванный рассказ, Масленников спрашивал:

— Так на чем мы остановились вчера? Да, да... Я говорил о шамане. Как приехал Сагды-самани — это значит большой шаман — и как повел агитацию против русских учителей и, вообще, против школы. Мы тогда уже вдвоем с Георгием Кузьминым работали в Гвасюгах. Ну, так вот...

Голос у Масленникова был спокойный и ровный, говорил он тихо, без жестов и, может быть, потому каждое слово его западало в душу. Я с интересом слушала его рассказ, теперь уже зная, где это происходило, в каких местах, и даже могла представить знакомые лица. Если бы мне удалось побывать там еще раз, дума-

ла я. Кто знает, может, когда-нибудь снова придется идти к удэгейцам? А что? Кончится война — и все будет проще. Быть может, мне удастся написать что-нибудь посерьезнее, чем газетный очерк на три колонки?

Из того, что рассказывал Масленников, многое было записано мною. К сожалению, беседы наши оборвались... Как-то раз, придя домой, я не застала Лиду. Она явилась поздно и была чем-то расстроена.

— Что с тобой?

— Миава уни (сердце болит)... — Она улыбнулась горестно и сразу как-то поникла.

Мы стояли с ней на кухне, кипятили чайник — электрическая плитка плохо грела, пришлось ждать, а в это время сестра играла «Ноябрь» из «Времен года» Чайковского, и, чтобы не мешать ей, я пригласила Лиду к себе в комнату.

— Ну, зачем так расстраиваешься? Не надо... — Я пыталась ее успокоить, но она плакала.

Наконец Лида смахнула слезы платочком.

— Я не хотела вам говорить... Но дело такое. Знаете, Толя встретил свою первую жену. Она здесь. Вот. И он у нее бывает...

— Как это? Разве он был женат до тебя?

— Он не был женатый, она совсем не жена ему, понимаете? Так получилось, когда еще молодой был, они гуляли, время проводили вместе, наверно, любовь была — не знаю. Потом, когда райком комсомола послал его в Гвасюги, она с ним не поехала. Она бросила его, вышла замуж за другого. Теперь мужа нет, опять Толю нашла. — Лида помолчала и сердитым голосом пояснила: — Конечно, с Толей теперь интересно ей, теперь он знаменитый, все его уважают, а почему раньше на него не обратила внимания? Прямо не знаю, что делать...

— Ну, встретились, поговорили. А почему ты так расстроилась?

— Он не хочет жить со мной. — И она опять заплакала, и сквозь слезы объяснила, что Масленников сам сказал ей об этом. — У них есть дочка, но я не верю, не верю... Эта женщина плохая, она заманила Анатолия, встретила где-то на улице, что ли, и говорит: пойдём ко мне, увидишь, какая у тебя дочка выросла... Разве так можно делать? Может, и не его это дочка...

По правде говоря, все это было неожиданно, и я не находила слов, чтобы утешить Лиду. Сколько семейных драм породила война! Быть может, ничего бы такого не случилось, если бы Анатолий Масленников оставался в Гвасюгах и работал там по-прежнему. Впрочем, как знать? Сложная эта область — человеческие чувства, люди сходятся и расходятся, без любви не может быть настоящей, хорошей семьи. Как будто элементарная это истина. И все-таки, размышляя над тем, что произошло с моими новыми друзьями, я жалела Лидию... А перед глазами у меня стояло грустное лицо Масленникова. Кто-то из двоих всегда виноват сильнее. Но тут был особый случай.

На другой день Лида засобиравалась домой — завтра она уедет, а сегодня ей нужно во что бы то ни стало встретиться с мужем еще раз, чтобы окончательно убедиться, так ли все на самом деле, как он говорил — она не могла примириться с мыслью о разрыве. Ей казалось, что той, другой женщины, которая встала между ними, нет, не существует, просто Анатолий Яковлевич решил расстаться с Лидой, бросить Гвасюги — так ему будет лучше...

— Я хочу видеть эту женщину, — сказала ему Лидия.

Не знаю, как это получилось, что предшествовало их встрече и почему Масленников пошел на это — но только явился он не один. Какая сила толкнула его на этот шаг: желание ли исполнить просьбу Лидии, или невозможность поступить иначе, а может, просто ему хотелось разрубить узел сразу, — но только явился он не один.

Это было нелегкое испытание для Лиды. И не только для нее. Вошла женщина, пропустив впереди себя девочку лет девяти, за ними — Масленников. Женщина была чуть выше среднего роста, в синем пальто с пушистым воротником и в теплом платке, из-под которого, спадая на лоб, виднелись светлые пряди волнистых волос. Никого не замечая, кроме Лидии, стоявшей у раскрытой в комнату двери, она победоносным взглядом охватила ее с головы до ног, как бы спрашивая: вот это и есть моя соперница? — и остановилась перед ней.

— Ну, здравствуй! Кажется, ты хотела видеть меня?

Лидия промолчала, только смуглое и без того румяное лицо ее залилось краской смущения, гнева и обиды — все сразу поднялось в ее душе. Она через коридор прошла в мою комнату, а вслед за ней и они оба — Масленников и та женщина с девочкой. Им надо было объясниться.

Много раз потом мы с сестрой вспоминали этот неожиданный визит и состязание неравных сил, неравных душ, в котором победила Лидия, хотя и пришлось ей остаться одной.

Пока они разговаривали втроем, девочка сидела с нами в другой комнате, перелистывала книгу с картинками. За плотно прикрытой дверью не было слышно, о чем говорили взрослые. Лишь по временам оттуда глухо доносились голоса — то мужской, сдержанный, то женские на высоких нотах, и даже — смех...

Жаль было Лидию...

Внезапно она распахнула дверь и позвала меня:

— Идите сюда. Я хочу, чтобы вы знали... — Вид у нее был растерянный. — Вот, посмотрите, — сказала она, как только я вошла в комнату, — что они предлагают... Но я не дура. Какая мать может отдать своего ребенка чужой женщине? Разве я могу так сделать? Нет! И Лора, и Люда со мной останутся...

— Ну, это дело твое, — сказала женщина, поправляя сбившуюся на затылок шаль. Она так и сидела в пальто, не раздеваясь.

Мне было неловко вмешиваться в их напряженный разговор, о чем-то спрашивать или советовать что-то, и без того уже ясно стало, что произошло, но Лидия вкратце все повторила.

— ...Да еще обещает какие-то платишки для моих детей, — продолжала она запальчиво. — Я нищая, что ли? У моих детей есть отец! Сам должен заботиться... — Она вызывающе взглянула на Масленникова. Тот спокойно встретил ее требовательный взгляд и поднялся со стула.

— Ну, хватит, довольно, — тихо сказал он. — Лида! Мы ведь с тобой договорились?

— Да, — ответила она не сразу и потупилась.

Они ушли, а Лидия, как только за ними закрылась дверь и в коридоре смолкли шаги, разразилась бурными слезами.

Наутро она стала собираться в дорогу. За ночь напало много снега, и теперь мела метель, из окон через улицу было видно, как в парке ветер раскачивает деревья. Перед уходом на работу я попросила Лидию обязательно сообщить мне, как она доберется до Гвасюгов.

— Конечно, письмо вам напишу... — Уже одетая, она присела на стул у двери. — Голова болит. Ночью совсем плохо спала, все думала и думала... Я тоже виновата перед ним. Я первая виновата... — Она помолчала, собираясь с мыслями, опустила низко голову и не сразу выпрямилась: — Скажите, вот если, допустим, я подам на Анатолия в суд, у него не отнимут орден Ленина? Нельзя, чтобы отобрали. Он много хорошего сделал для наших людей, очень даже много...

«Так вот о чем она думала. После всего пережитого за эти дни...»

Не скоро пришло от нее письмо, но все-таки пришло. На тетрадном листке Лидия писала, что дома дела у нее в порядке, дети здоровы, сама она работает в школе-интернате, и, вообще, все было бы хорошо, если бы не болела душа... Лора часто спрашивает: где наш папа, когда он приедет домой? А папа прислал деньги и короткое письмо. На конверте — совсем другой номер полевой почты. Оказывается, Масленников уехал из Хабаровска, его перевели в город Свободный. Просит летом привезти к нему Лору...

Много было в те годы от Лидии и писем, и торопливых записок с попутчиками. Возила она и Лору к отцу погостить, потом снова ездила за ней, останавливалась у моей матери в Суражевке и почти всякий раз заезжала ко мне. Перед концом войны Лида вообще решила жить в Хабаровске, устроилась на работу в военный госпиталь и часто приходила к нам вечерами. Иногда оставалась почевать, ей было скучно без нас, как она говорила. Лидия умела шить на машинке. Сидит, бывало, перешивает пальтишки своим дочерям и поет грустные протяжные песни. Спросишь ее:

— Ты о чем поешь, Лида?

— А так просто, вспоминаю...

Смахнет слезинки, набегающие на ресницы, и улыбнется. Или, бывало, начнет рассказывать, как весело было в Гвасюгах перед войной, какие интересные игры

затевала молодежь во время спортивных праздников. Старики тоже устраивали борьбу на палках, плавали в оморочках — кто кого перегонит.

— Один раз Чауна, вы же знаете его, он уже старей, тоже сел в оморочку, хотел обогнать Цамбули, старался изо всех сил, но ничего не вышло, так он оморочку стал ругать всякими словами. Стоит и плюется, а мы хохочем. Сябзэнка? (Интересно?) Си баптэ?.. (Ты поняла?..)

— Инка, инка... (Да, да.)

Лидия засмеялась и сказала, что когда произносишь звук «н», то не надо плотно прижимать язык к нёбу, и, вообще, правильно говорить «Инкэ»... Она была первой моей учительницей, но уроки наши вскоре прекратились. Тоска о детях не давала ей покоя, и через некоторое время Лидия ушла в Гвасюги...

Как-то раз, встретившись с Джанси Кимонко, мы заговорили о Масленникове.

— Я в курсе дела, — сказал он. — Мне Анатолий Яковлевич объяснил, как получилось. — Он не стал распространяться на эту тему. — Дети вырастут. Ничего! Поможем Лиде.

Ни одного слова осуждения. Другие удэгейцы тоже избегали говорить об этом, хотя имя русского учителя всегда было у них на устах, но с именем этим связывались только добрые дела, о нем помнили старики и старухи, бывшие его ученики. Во многих избах можно было увидеть фотографии учителя. Его ждали там, и не сразу стало ясно, что приезд Масленникова в Гвасюги не повторится... Время уходит все дальше и дальше, его не остановишь, как невозможно остановить, задержать зимние тропы на реке, охваченной ледоходом...

5. СБОРЫ В ЭКСПЕДИЦИЮ

Все это вспомнилось мне в тот день, когда удэгейцы принесли письмо от Джанси Кимонко, а за окном падал крупными хлопьями мартовский снег, и было странно думать о Сукпае, о таежных тропах, в то время как редактор уже готовил приказ о моей командировке в Амурскую область.

Пойти на Сукпай... Да, это было заманчиво. И все-

таки газетчик, даже если он работает в качестве очеркиста, должен знать, что «свободных художников» в редакции не бывает. Газета живет по законам быстро-текущего времени, у нее свой план, и в нем таких командировок не предусматривалось. Правда, случается, что сама жизнь круто поворачивает наши дороги. Минувшим летом я собралась в командировку, чтобы написать очерк о сплавщиках. Но вместо хорской долины увидела Сунгари, тот самый берег, который много лет угрожал нам войной.

Возвращалась я из Маньчжурии поездом. Вагон был набит до отказа. Стою перед открытым окошком и слышу за спиной разговор о Гвасюгах. Оглядываюсь. Два солдата, оба смуглолицые и скуластые, сидят на полках друг против друга и один из них говорит другому, что в Гвасюги можно попасть только по реке...

— Багдыфи! — Я поздоровалась с удэгейцем, затем с его собеседником, должно быть, нанайцем. Оба они оживились сразу, и удэгеец, быстро вскочив на ноги, уступил мне место, протягивая руку:

— О-о! Багдыфи! Откуда вы это знаете? Как догадались? — спрашивал он, а сам улыбался и что-то наивное, детское было в его простодушной улыбке.

— Как вас зовут?

— Меня? Алексей Сулейндзюга. Интересно прямо, я удивляюсь. Вы знаете по-нашему?

— Немножко... Ваши родители в Гвасюгах?

— Конечно, там. Мой отец — Дасамбу. Слыхали? А мать — Зузала...

Еще бы! Это были первые мои знакомые гвасюгинцы. Я сказала об этом Алексею, он улыбнулся и стал расспрашивать, кого я видела в Гвасюгах. Алексей сходил тогда тоже из Маньчжурии, и в Хабаровске мы с ним расстались.

С тех пор как война кончилась, многие удэгейцы побывали в Хабаровске. Приходил старый Ян Кимонко специально поглядеть, как живут городские люди, ковылял по тротуару на тонких ногах, обутых в мягкие улы, стоял, заложив руки за спину перед зданием краеведческого музея, покуривая трубку, смотрел на огромную каменную черепаху, а потом сидел у нас дома, пил чай и вздрагивал от телефонных звонков. Приезжала Надежда Ивановна, говорила, что теперь она уже

не председатель колхоза, недавно вернулся из армии Мирон Кялундзюга, он опять руководит колхозом; были фронтовики Василий и Сидимбу, наперебой делились своими впечатлениями о фронте, рассказывали о том, что каждый из них видел и пережил на войне. Иногда я получала из Гвасюгов письма, по почте или с попутчиками, как вот это письмо от Джанси Кимонко, навеявшее сразу столько воспоминаний...

А снег все падал и падал...

В коридоре нашей редакции не умолкали шаги, через две комнаты было слышно, как стенографистка принимает по телефону корреспонденцию, из машинного бюро доносилась частая дробь «Ундервудов». Курьер тетя Аня приоткрыла дверь и хрипловатым голосом окликнула меня, потом сказала кому-то:

— Вот сюда проходите...

Двое посетителей один за другим вошли в кабинет и назвали себя географами. Они принесли статью, но, кроме статьи, у них была еще новость, имевшая для меня значение. Оказывается, после долгого перерыва Приамурский филиал Географического общества возобновил свою деятельность. Вот как! Начинается новая полоса исследований природных богатств Дальнего Востока.

Председатель филиала Евгений Вячеславович Руднев, человек эрудированный, опытный организатор, заговорил об этом не без торжественных ноток в голосе; на его смуглом, как у южанина, лице отражался восторг, пока он вспоминал имена Пржевальского, Арсеньева, овеянные романтикой открытий. Между тем у филиала не было средств, не было даже своего помещения. В краевой научной библиотеке для него временно отвели небольшую комнату, где Руднев и его помощник — ученый секретарь общества Ефим Андрианович Старостин и утвердились.

— Все это замечательно, товарищи, но... — я вынуждена была прервать их. — У нас этими вопросами занимается другой человек. Можно пригласить его сюда, если хотите...

— Нет, мы пришли именно к вам. — Старостин, пожилой мужчина с квадратным подбородком, грузно

опустился на стул, положил перед собой портфель, мокрый от снега, и рядом шляпу. Руднев тоже сел поближе к столу.

— Дело в том, что Географическое общество снаряжает весной экспедицию в центральную часть Сихотэ-Алиня, — начал объяснять Руднев. — Исследователи пойдут по реке Хор, вплоть до самых истоков и дальше. Ну, а так как вы бывали в Гвасюгах, нам хотелось бы кое-что уточнить. — Он попросил Старостина достать из портфеля карту, и тот развернул ее на столе. — Маршрут приблизительно такой. Вот смотрите, Чукен, Сукпай, Чуи... Это левые притоки Хора. И дальше на северо-восток. Скажите, выше Гвасюгов есть населенные пункты? В каких местах еще живут удэгейцы? В верховьях есть их селения?

— Нет. Гвасюги, вообще, единственное удэгейское селение в долине Хора.

— Значит, транспорт и проводников придется брать в Гвасюгах?

— Да, конечно. А что это за экспедиция? Кто будет в ней участвовать? И какая цель? Расскажите подробнее.

— Цель? — Руднев помолчал и затем вкратце изложил свои соображения: — Цель такая... изучение малоисследованной территории нашего края в районе истоков рек Хор — Ануй — Самарга. Этот район почти не изведен. Участникам экспедиции предстоит составить физико-географическое описание района, изучить климатические особенности хорской долины. Надо посмотреть запасы ценной древесины для лесной промышленности. Энтомологи по своей линии должны установить зону распространения клещей и комаров — переносчиков энцефалита.

— Значит, в экспедиции будут принимать участие люди разных профессий? В основном, ученые, да?

— Ну, как вам сказать? — Руднев, переглянувшись со Старостиным, улыбнулся: — Что касается ученых, то мы тут не располагаем большими силами. Но климатолог у нас есть, будут ботаник, биологи, медики... Одним словом, экспедиция комплексная. Наконец, мы считаем, что этнографическое и литературно-художественное описание природы, жизни, быта народностей, населяющих этот район, составляют одну из основных

задач экспедиции. Ландшафт, пейзажи... этим займутся живописцы. Союз художников дал согласие послать своих товарищей...

Руднев в упор посмотрел на меня и вдруг спросил: — Почему бы вам не совершить такое путешествие?

Он стал говорить о том, что в крайисполкоме обещают помочь в отношении транспорта, снаряжения и средств. Потом спросил:

— В Гвасюгах можно будет найти проводников, лодочников? Ведь продовольствие, груз, все необходимое придется тащить в верховья на лодках? Интересно, какова грузоподъемность удэгейской лодки...

Кто знает? Я видела на фотографиях удэгейский бат, но не спрашивала, сколько груза может поднять эта древняя посуда. Что касается проводников, то они, конечно, найдутся.

— Жаль, что вы не пришли немного раньше. Сегодня были удэгейцы, — сказала я. — Вот письмо принесли мне от Джанси Кимонко. Могли бы сами поговорить с ними.

— А кто это Джанси Кимонко? — спросил Старостин.

— Это председатель сельсовета в Гвасюгах. Он недавно демобилизовался из армии. С ним можно посоветоваться. Если хотите, я напишу ему письмо. Он отлично знает тайгу и, вообще, серьезный, деловой человек.

После того как географы ушли, мысли мои закружились вокруг экспедиции. Еще совсем недавно мечта о походе в тайгу мне казалась несбыточной, но теперь возможность побывать в Гвасюгах, и на Сукпае, и дальше в верховьях Хора представилась вдруг реальной настолько, что я уже не могла не думать об этом.

Есть одно старинное предание о хорских лесах. Удэгейцы рассказывают так...

Давным-давно, когда не было еще ни одного человека и зверь не водился в долине, кругом стояла вода. Над водой летали большие птицы. Откуда-то издалека, из заморских стран они таскали сюда по кусочкам землю. До тех пор таскали, пока не появились тут горы.

Добрый дух, охранявший леса и горы, однажды послал на Хор самую большую птицу и велел ей уз-

нать, что там есть. Птица слетала, узнала и говорит: «Ничего там нет. Только один старый Хор бушует, сердится, что земля его потеснила». Тогда добрый дух сказал птице: «Лети в холодную сторону, принеси оттуда семена еловых деревьев и сбрось их на землю. Пусть вырастет там густой, темный лес».

И вот птица полетела. Когда она возвращалась назад, от реки поднялся белый туман. В тумане столкнулась она с другой птицей. Та летела из-за теплых морей с семенами южных растений. Стукнулись они клювами и рассыпали все, что несли. С тех пор в горах Сихотэ-Алиня стал расти смешанный лес...

Наивное предание. Но мысль его обращена к загадкам природы. Контрасты хорских лесов удивительны. Здесь рядом с могучей елью тянется к солнцу изящный ствол амурского бархата; по соседству с белой березой растет актинидия, плоды которой у нас называют кишмишем. Жители юга и жители севера сошлись на одной земле, не споря друг с другом. Виноградные плети взбираются кверху по кедром, по пихтам и, цепляясь за их мохнатые ветви, образуют пышные заросли. Осенью к синим гроздьям протягивает лапу медведь.

Чего только не увидишь в хорской тайге! Вот ясень вперемежку с липой и кленом. А вот маньчжурский орех — длинные листья его покачиваются на ветру, как перья сказочной птицы. Надо высоко запрокинуть голову, чтобы рассмотреть вершину старого кедра, увенчанную смолистыми шишками. Бывает так, что белка не сумеет удержать наверху свою ношу. Шишка стукнется о сучок, упадет на землю и станет добычей лесного кабана.

В глуши, над протоками с быстрой, певучей водой, смыкаются ветви размашистых вязов, черемухи, тополей. Тяжело раздвигая кусты сирени, сюда приходит на водопой сохатый. Белые лепестки сыплются, как снег, заметая глубокие следы от копыт. Трудно пробираться сквозь заросли. Тут и ольховник с темными серьгами, и опутанная лианами высокая лещина, и «пальма» уссурийских лесов — аралия с кургузыми и колючими ветками. Можно стать под ее листьями, как под зонтиком, и укрыться от солнца. Лес живет своей настороженной жизнью. Иногда в тишине прозвенит красноперая кукша, свистнет ястреб, под сопкой ухнет

сова, передразнивая медведя. И вдруг, как гром, прокатится по тайге тяжелый вздох. И тогда все живое в лесу притаится, замрет и слушает, как под мягкими прыжками полосатого зверя хрустит валежник.

Все в тайге переплелось и смешалось, как будто в самом деле кто-то допустил величайшую путаницу. А между тем это закономерно. И если отсталые «лесные люди», с незапамятных времен обитавшие в этих местах, на протяжении многих лет довольствовались наивным представлением о природе, то лишь потому, что удэгеец был весь во власти ее глубоких тайн и непонятные явления природы совсем не склонен был приписывать близости моря, законам климата.

В Гвасюгах я была зимой. Село это расположено в среднем течении Хора, ближе к низовьям. Вверх по реке, до самых ее истоков, на сотни километров тянется безлюдная, глухая тайга. Никто из охотников удэгейцев не заглядывает так далеко. Помню, я спросила у них: откуда берет начало Хор? И услышала в ответ:

— Э-э... кто тебе скажет? Наши люди туда боятся ходить. Хор там сердитый, горы отодвигает, деревья с корнями выворачивает. Далеко, наверно, вершинка Хора. Туда не попадешь...

Кто же разгадает тайну рождения Хора? До революции дважды туда снаряжались экспедиции, но, терпя большие лишения, вплоть до человеческих жертв, возвращались, не достигнув цели. Так рассказывают географы.

Да, заманчиво это было — пойти туда, где леса с облаками вровень, где светлыми струями с гор сбегает ключи, где зверя еще не тревожил охотничий выстрел и птичий свист не перекликался с тягучими удэгейскими песнями. Пойти навстречу быстрой волне сквозь тайгу, пересеченную медвежьими тропами. Развести костры там, где они еще никогда не горели. Пусть свет их зовет к себе строителя, потому что нет ничего прекраснее на земле, чем труд человека, преображающий эту землю.

Я давно мечтала о таком путешествии. И вот мне представился случай пойти с экспедицией в центральную часть Сихотэ-Алиня. Это была не совсем обычная экспедиция. Дело в том, что для такого похода в нормальных условиях потребовались бы месяцы подготов-

ки, как это бывает, когда снаряжаются большие государственные экспедиции. Но в нашем распоряжении оказались только дни, весьма скромные средства и готовность участников преодолеть любые трудности. По традиции русских исследователей, группа любителей географии хотела открыть путь в такие места, где еще не ступала нога человека, пройти на «белое пятно» Сихотэ-Алиня. А если иметь в виду, что в этом походе готовились принять участие люди различных профессий — от климатолога, ведущего наблюдения за погодой, до художника, пишущего ландшафты, — то путешествие представлялось интересным и значительным событием. Редакция «Тихоокеанской звезды» решила сделать его достоянием читателей и предложила мне отправиться с экспедицией в качестве специального корреспондента.

Нечего и говорить о том, как я обрадовалась возможности снова побывать в Гвасюгах. Там ждали меня мои смуглолицые друзья — удэгейцы. Там жил песенник Джанси Кимонко — первый писатель маленького лесного народа. Там много осталось незаписанных сказок, недослушанных песен. Удэгейцы, конечно, пойдут с нами до перевала. Ведь они превосходные следопыты и охотники.

Радостное и тревожное чувство охватило меня, как только я внесла в комнату свой рюкзак и стала с страстием осматривать его потертые ремни. Начались сборы: шитье, починка, хождение по магазинам, поиски необходимой литературы. Все надо было предусмотреть до малейшей вещицы, до иголки, без которой тоже не обойдешься. В длинном списке походного имущества уже зачеркнуты все названия, и все-таки надо подумать: не забыто ли что-нибудь?

В распахнутые окна льется весна. За стеной серебряным потоком журчит, нарастает и крепнет знакомая мелодия. Это играет сестра.

Я смотрю на сваленное в углу таежное обмундирование. Под белым пологом-накомарником спрятаны мои кирзовые сапоги, рюкзак, пара ботинок, небольшой деревянный ящик, набитый книгами, бумагой, фотопринадлежностями. Из всего этого что-то в пути окажется лишним, что-то износится, изорвется, бросится, но сейчас я не могу отложить в сторону ни одной ве-

щи и думаю только о том, как бы чего не забыть. Музыка за стеной смолкает. И в комнату входит сестра.

— Собираешься?

— Конечно. Садись, пожалуйста. Ты так хорошо играла, что я подумала: уж не дразнишь ли ты меня музыкой?

Сестра молча садится напротив меня. Скрестив на столе руки и опершись на них подбородком, смотрит не мигая куда-то в одну точку. Молчание сестры кажется мне опасным — я не люблю слез. В окно из соседнего сада долетает тоскующий голос птицы. И я заговариваю о том, что каждый год в одно и то же время дрозд находит здесь пристанище. Но сестра не слушает меня, она спрашивает:

— Значит, ты все-таки решила идти? Сама напросилась? Да? Как будто у тебя нет ни детей, ни семьи.

— Напрасно ты сердишься. Помнишь, в прошлом году к нам приезжала путешественница — географ Василиса Михайловна? Так вот, она всю жизнь провела в походах, тряслась в седле по горам Тянь-Шаня, ходила в тундру, плавала по рекам. Она целиком отдалась науке и даже не вышла замуж. Так и осталась одинокой. Когда я у нее спросила: «Почему же?» — она сказала, что иначе не смогла бы посвятить себя любимому делу...

— Ну хорошо, оставим наш разговор. Он бесполезен, я вижу. Дело твое, — сестра поднимается со стула.

Она разглядывает мой накомарник, и я вижу, как светлеет ее подобревший взгляд.

— Я тебе хочу починить кожаную куртку. Возьми ее. Пригодится. Да! Совсем забыла: тебе ведь звонили. Сегодня у вас какое-то совещание, к четырем надо быть...

Через полчаса, когда я уходила из дому, сестра уже сидела с иголкой в руках, склонившись над моей курткой, а из соседнего сада в окно рвался одинокий, протяжный крик дрозда, прилетевшего на новоселье.

Совещание участников экспедиции проходило в Хабаровском филиале Географического общества. Фауст Владимирович Колосовский (так звали начальника экспедиции) явился в тот момент, когда все уже были в

сборе. Прикрыв за собою дверь, он на какой-то миг задержался, снимая кепку, оглядел всех так, словно извинялся, но убедившись, что не опоздал, плавной, мягкой поступью прошел к столу. Стенные часы ударили четыре раза.

— Я не вижу здесь наших медиков, — тихо сказал он, усаживаясь за столом, и еще тише добавил, обращаясь к председателю: — Нечаева тоже нет?

Оказалось, что трое участников экспедиции во главе с геоботаником Нечаевым смогут пойти лишь после того, как закончат занятия в институте.

— Ах, вот как! Ну что же... — Колосовский пожал плечами. — К сожалению, мы не можем задерживаться. Пусть они догоняют нас. — Он встал из-за стола и, подойдя к окну, распахнул его настежь. — Вы посмотрите, какая весна! Сейчас самое милое время идти, пока дождей нет. Имейте в виду, по нашим прогнозам, лето будет дождливое.

Фауст Колосовский был старшим инспектором Хабаровского управления гидрометеослужбы. За двенадцать лет работы у него накопился немалый опыт путешественника. Он открывал и строил метеорологические станции в самых глухих местах, куда еще не было даже троп. Он прошел от устья до истоков горную капризную красавицу Бурею, быстрый извилистый Кур, холодную торопливую Селемджу, золотonosную Амгунь, веселую речку Урми от устья до Талакана; он побывал на Тугуре, зажатом скалистыми сопками; ходил на Удд, отмеченный славой Чкалова; путешествовал по озерам Хасан и Ханка. Ему приходилось переваливать через водораздельные хребты, плавать на лодках, ездить на нартах в собачьей упряжке, на оленях, но большей частью — идти пешком.

Высокий, худощавый, в том возрасте, который принято связывать с расцветом сил, Колосовский казался старше своих лет. Лицо его потемнело от загара. Ветер и солнце не пощадили его в походах. Тонкие морщинки лучами залегли у глаз, двумя резкими скобками окружили губы. Глядя на его статную легкую фигуру в строгом черном костюме, на гладко зачесанные кверху темные волосы, на весь его облик, в котором соединились внешние черты горожанина и суровая подтянутость таежника, я с удивлением думала об этом чело-

веке. Искоженное им расстояние уже перевалило за двенадцать тысяч километров, и все-таки не утомило его, не отпугнуло своими опасностями. Временами что-то юношески непокорное светилось в его карих глазах, смотревших из-под темных бровей то упрямо, то насмешливо. У него был опыт одиноких странствий по тайге, а тут — коллектив...

В экспедиции ему предстояло вести маршрутную съемку и все метеорологические наблюдения для составления физико-географической характеристики района. Колосовский привык дорожить каждым днем. Малейшее промедление с отъездом поставило бы его в затруднительное положение. Ведь ему предстояло еще обследовать работу таежных станций. Поэтому он решил отправиться из Хабаровска раньше всех. Вот об этом-то и говорил он сейчас, стоя у распахнутого окна.

В городском парке играл оркестр. Прохладный ветер с Амура ворвался в комнату, шевельнул на столе бумажки. Усаживаясь на прежнее место, Колосовский прихлопнул их широкой ладонью и стал внимательно слушать напутственную речь председателя.

— Итак, вы идете в центральную часть Сихотэ-Алиня. Почему именно сюда? — говорил Руднев, берясь за указку (на стене висела большая карта Дальнего Востока). — Выбор этот сделан не случайно. Пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства нашей страны предусматривает тщательное исследование малоизученных территорий Советского Союза, особенно его восточных районов. Это очень важно для экономического расцвета когда-то отсталых, оторванных от центра областей. Что касается нашего края, то его огромная площадь имеет до сих пор еще немало таких «белых пятен». Вот посмотрите на карту! От Нижнего Амура на восток, к Татарскому проливу, протянулась большая и неисследованная территория. Вы видите здесь реки, обозначенные пунктиром? Они пересекают во всех направлениях район истоков Хора, Анюя, Самарги Второй. Значит, там не был исследователь. В научной литературе об этом районе имеются крайне скудные сведения, между тем он заслуживает тщательного исследования и описания. Можно считать, что вся верхняя часть долины Хора является «белым пятном». Неизвестно, откуда берет начало Хор. Какова длина

этой реки? Что за растительность в долине? Есть ли удобные перевалы через Сихотэ-Алинь в долину Анюя? Я считаю, что, если вы пройдете туда хотя бы с рекогносцировочной целью, как разведчики, это будет уже достижением.

— А теперь, — заключил Руднев, — я хочу еще раз напомнить вам три заповеди знаменитого исследователя Дальнего Востока Владимира Клавдиевича Арсеньева. Он говорил: «Исследователь должен, во-первых, уметь подготовиться к путешествию; во-вторых, уметь собрать научный материал и, в-третьих, уметь его обработать. Каждое из этих требований в отдельности есть фикция, и только все три вместе создают нечто реальное и ценное...» Должен вам сказать, что зимой предполагается географический съезд в Ленинграде, так что наша экспедиция организована весьма кстати. Все ли достаточно ясно представляют маршрут?

— Да ведь кто как... — медленно нараспев заговорил художник Алексей Васильевич Шишкин. — Я, например, в деталях его не вижу и, собственно говоря, полагаю, что не мешало бы послушать еще раз.

Колосовский достал крупномасштабную карту Сихотэ-Алиня, аккуратно расправил ее на столе. Над картой склонилось сразу несколько человек. Шишкин стоял рядом с Колосовским, нахмурившись, впивался глазами в каждое движение его руки. Колосовский меж тем не спеша вел нас по карте, четко и отрывисто произнося каждую фразу.

— Наше путешествие начинается очень просто. Мы выезжаем из Хабаровска на автомашине до Бичевой. Вот это село. Оно стоит на берегу реки Хор. Следовательно, отсюда мы будем плыть уже по воде.

— На чем? — осведомился Шишкин, пощипывая подбородок.

— Говорят, что сейчас, пока большая вода, можно подняться на катере до удэгейского селения Гвасюги. Там будем готовить транспорт, подбирать лодочников, чтобы оттуда двинуться вверх по Хору. Пойдем на лодках до тех пор, пока это будет возможно...

— А дальше?

— Дальше? — Колосовский помедлил, отрываясь от карты. — Пешком к перевалу. Это будет самое трудное. Мы перевалим через Сихотэ-Алинь. Если позволит

время, достигнем второго перевала — на Самаргу. Возвращаться придется тем же путем. Вот и все. В походе будет тяжело, еще раз предупреждаю. Комаров там до бисова батька! — неожиданно заключил он, махнув рукой. — Так что если кто-нибудь из вас думает спастись от них кисеей, то это совершенно напрасно.

Колосовский сказал последние слова, ни на кого не глядя. Лидия Николаевна Мисюра, сидевшая у окна, как-то сразу потупила взгляд, посмотрела на свои туфельки с высокими каблуками, чему-то втайне улыбнулась, но в ту же минуту порывисто тряхнула светлыми кудряшками, и в синих прищуренных глазах ее замерло выражение решимости.

Мне нравилась эта женщина тем, что она не боялась трудного похода, хотя была хрупкой на вид. С простодушием неопытной путешественницы она доверчиво записала однажды под диктовку Колосовского необходимые для похода вещи, не заметив шутки. А потом догадалась и прибежала ко мне встревоженная: «Скажите, неужели в тайгу надо брать двенадцать пар белья, тюфяк, калоши, простыни?»

Лидия Николаевна была сотрудницей краеведческого музея. В экспедиции ей поручили заниматься сбором экспонатов для отдела природы и этнографии. Она впервые отправлялась так далеко и основательно готовилась к новым обязанностям. Пока мы бегали по городу в поисках снаряжения, Лидия Николаевна уже успела упаковать свое походное имущество: инструмент для препарирования зверей и птиц, бутылки с химикалиями, коробки с крахмалом, всевозможных размеров баночки, гербарные сетки, бумагу... Одним словом, она приготовилась для серьезной работы гораздо раньше, чем Колосовский предупредил об этом. Сейчас Лидия Николаевна уловила в словах Колосовского намек на свою неопытность, но не смутилась.

— А я, признаться, думаю так... — прервал молчание Шишкин, опускаясь в кресло. — Каждый год в тайгу уходят исследователи, в том числе и женщины. Работать им приходится в тяжелых условиях. И, представьте, работают, да еще как! Неужели мы не выдержим в экспедиции, Василий Николаевич, а? — Он обратился к своему коллеге Высоцкому с явным желанием вызвать его на разговор.

Тот степенно покуривал трубочку, слушал. В ответ на слова Шишкина удивленно повел бровями. Широкое, румяное лицо его сразу преобразила улыбка.

— Я не участвовал ни в каких экспедициях. Но пять лет армейской жизни, будьте уверены, — хорошая закалка! Считаю разговор о накомарниках пустым делом. Для нас с вами, Алексей Васильевич, важнее другое: сможем ли мы пройти по всему маршруту со своей тяжелой артиллерией? У нас же рулоны бумаги, подрамники, мольберты, палатка... Все это на себе не понесешь, верно? А главное: нужно какос-то время для того, чтобы освоить натуру. Пейзаж на лету нехватишь.

— Да... вот именно, — оживился Шишкин. — Я вот об этом как раз и думал, когда интересовался маршрутом. Что вы скажете, Фауст Владимирович?

— Но ведь мы уже говорили с вами, товарищи, что поскольку вам предстоит дать ландшафт хорской долины, вы можете ограничить свою задачу наиболее характерными видами. Идти с нами до перевала вам не придется.

— Да, вот ведь что еще! — спохватился вдруг Шишкин, вставая. — Если действительно лето будет дождливым, то надо как-то очень серьезно позаботиться о том, чтобы не пострадали вещи, экспонаты...

— А вы поделитесь опытом, Алексей Васильевич, — робко вставила Мисюра.

Лидия Николаевна несколько дней назад проходила мимо дома, в котором живет художник. Лил сильный дождь. Шишкин стоял под водосточной трубой в клеенчатом комбинезоне и покорно принимал на себя потоки воды. Лидия Николаевна остановилась, приподняв над головой зонтик. Заметив ее, Шишкин отошел от трубы. «Испытываю свой костюм, — сказал он, поздоровавшись. — Вот уже два часа стою здесь. И ничего. Великолепно...»

Рассказывая об этом сейчас, Шишкин, когда мы все засмеялись, удивленно пожал плечами:

— Вы напрасно смеетесь! А как же иначе? Мы же собираемся работать при любой погоде. Я бы советовал, товарищи, подумать хотя бы о плащах. Кроме того, потребуется, вероятно, брезент. Я не знаю, есть ли у нас брезент.

— Есть, — отозвался Колосовский, все еще улыбаясь, — брезент есть. И все-таки, уверяю вас, за лето мы очень много раз промокнем и столько же раз обсохнем. Что у нас с палатками, друзья? — меняя тон, спросил он студента. — Привезли?

— Привезли четыре палатки, — ответил Дима Любушкин, вставая.

Высокий, тонкий, с копною светлых кудрей, с пухлыми яркими губами, Дима порозовел от смущения. Глядя на него, я думала о том, что отвечать за судьбу каждого человека в походе — нелегкая обязанность. Студент географического факультета Дима Любушкин был самым юным нашим спутником. Он с увлечением собирался путешествовать, беззаботно глядя вперед и готовясь пойти навстречу всем невздам. Три дня назад Дима лежал в бреду. Прививка против страшной болезни — таежного энцефалита, — оказалась для него серьезным испытанием. Пришлось звать врача среди ночи. Дима был единственный сын у матери. Я долго не могла забыть, как она плакала, склонившись над его изголовьем. Но утром Дима явился ко мне озабоченный тем, что у него не было хороших сапог.

Когда закончилось совещание, Дима догнал Колосовского на лестнице.

— Фауст Владимирович! Вы знаете, что нам сказали в геологоуправлении?

Колосовский остановился. Юноша торопливо изложил суть дела. Оказывается, геологи смогли бы на своих самолетах забросить наш груз в верховья Хора. Колосовский махнул рукой.

— Это совершенно бессмысленно, — ответил он, шагая по ступенькам лестницы вниз. — Неизвестно, сколько времени мы будем подниматься по реке: может быть, месяц, а может, и два. Сбросить продукты с самолета в тайгу — это значит: надо строить там лабаз. А кто будет строить? У нас каждый человек на учете, и почти все заинтересованы в том, чтобы пройти пешком по маршруту. Мы не можем заниматься исследовательской работой с самолета. Нет, это для нас не подходит, — решительно сказал Колосовский, открывая дверь, и уже на улице, щурясь от яркого солнца, закурил. — Я попрошу вас вот о чем, — продолжал он, извлекая из планшета какую-то бумажку, — поезжайте

сейчас на склад. По этому требованию вы получите там сапоги и ватные куртки для всех. Машина уже, вероятно, ждет вас. Не опоздайте.

По дороге в редакцию Колосовский спросил меня: — Как здоровье вашей мамы?

Я сказала, что ей предстоит сложная операция, так что мой уход в экспедицию не совсем кстати.

— Да. Печально это... Я вас понимаю. Но вы не расстраивайтесь. Такие операции делают успешно. Поговорите с Гейнацем. Это же — чародей!

— Знаю. Вчера я с ним разговаривала. Сказал, что будет оперировать сам...

— Я вас понимаю... — снова повторил Колосовский. — Но вы теперь уже не можете здесь оставаться. У вас, как у замполита, много обязанностей. Имейте в виду, завтра я отправляюсь в Бичевую. Через три дня, ровно через три дня вы должны быть там. Последите, пожалуйста, чтобы все наше имущество было в порядке.

Весна уже окутала скверы и парки веселой зеленью. Из палисадников на тротуары ветер бросал розоватые лепестки яблонь. Колосовский видел все это глазами человека, привыкшего спорить с весенним ветром на таежных тропинках, на волнах горных рек, едва отзвеневших льдинами, на высоких гольцах, еще покрытых снегами. Впервые за многие годы он задержался в городе до такой поры. И что говорить! Он, конечно, тревожился: мы упускали золотое время...

В редакции к моему отъезду люди относились по-разному: одни считали, что мне повезло, другим экспедиция представлялась делом трудным и даже рискованным...

— Будем ждать от вас интересных материалов, — говорил мне на прощание редактор.

Он только что закончил читать гранки и пригласил меня для беседы. Всякий раз, отправляясь в командировку, я сидела вот так и слушала напутственные слова... Пока редактор закуривает, я невольно перевожу взгляд с одной вещи на другую. На столе бронзовая пепельница — медведь, лежащий около озера. В это «озеро», на моей памяти, сыпали пепел четыре редак-

тора. Сколько тут было сказано волнующих, резких и страстных речей! Здесь рождались смелые замыслы, и здесь они, воплощенные в очерки, статьи, фельетоны, заметки, получали право на жизнь. Все в кабинете знакомо до мельчайших подробностей. Широкий стол с точеными ножками, круглыми, как наплывы на стволе кедра. Зеленый бархат кресел... В простенке между окнами большой портрет. Сколько раз за годы войны и после мы испытывали на себе взгляд великого человека. Думая о нем, кто из нас не пожелал бы взвалить себе на плечи ношу потяжелее!

Редактор продолжал отечески мягким голосом:

— Расскажите читателю о природных богатствах долины, о том, как живут сейчас удэгейцы. Пишите об участниках экспедиции, вообще о людях, с которыми повстречаетесь. Ну, и что пожелать вам? Если будет тяжело, не падайте духом. Не отрывайтесь от коллектива. Это очень важно. Вас назначили замполитом?

— Да. И, знаете, это меня очень тревожит, потому что я ведь не имею опыта.

— Это ничего! Опыт не просто дается. Он приобретается. Будьте поближе к людям. Сколько у вас коммунистов?

— Я одна...

— Тем более надо помнить, что вы у всех на виду. Я себе представляю, что это значит. В пути у вас, может быть, не все будет гладко. А вы старайтесь выполнить задачу при любых обстоятельствах. Не забывайте, что путь к человеку иногда труднее, чем путь к перевалу. И, наконец, последнее... — Редактор прошелся по кабинету и в двух шагах от меня остановился, поблескивая очками. — Нам, конечно, приятно видеть вас в такой ответственной роли, — заговорил он медленно, с расстановкой, снял очки и снова надел их. Так он делал всегда, когда готовился сказать что-нибудь важное. — Все это так. Но плохие очерки, даже если они будут написаны рукою замечательного замполита, мы печатать не станем. Не обижайтесь. Я говорю это к тому, чтобы вы не забывали о главном. От души желаю вам успеха.

С высокого крыльца редакции я сошла под возгласы друзей, бросавших мне напутствия:

— Ни пуха тебе ни пера!

— Возвращайся в тигровой шкуре, на худой конец — хотя бы в собственной!

— Убей медведя!

Мне всегда было жаль расставаться с редакцией, когда я надолго куда-нибудь уезжала. На этот раз как-то особенно приветливо шелестели у крыльца тополя, и голоса моих насмешливых, усталых и добрых друзей звучали так ласково, что я пошла вперед не оглядываясь...

Перед отъездом я еще раз пересмотрела вещи. Выбросила из рюкзака то, что казалось лишним. В походе ведь можно стирать. Поэтому двух пар белья было вполне достаточно. Когда я откладывала в сторону теплую шаль, заменив ее легким большим платком, в дверях появился сын Юра. Он прошелся по комнате с гордым видом, стал перед зеркалом, любуясь своим отражением. На нем был мой таежный костюм. Брюки он подвязал на груди, и все-таки они путались у него под ногами. Охотничий нож в чехле болтался сбоку, выглядывая из-под куртки. Белое головное покрывало расшитое удэгейским узором, закрывало его до пояса. Концы покрывала соединялись на подбородке, стянутые завязками, и явно мешали ему. Он отвел их руками в обе стороны и задумался.

— Мама! А зачем тебе такое покрывало? Зачем удэгейцы носят его? Скажи.

Я объяснила, что в тайге это очень удобно. Когда охотник идет по лесу, головное покрывало не дает листьям с деревьев, хвое и снегу сыпаться за ворот.

— Как это называется, «помпу»? Да?

— Нет. Помпу — по-удэгейски зимнее покрывало. А вот такое, летнее, называется «мотулю».

— Как смешно! Мотулю, мо-ту-лю, — запел Юра, гримасничая перед зеркалом, и вдруг вспомнил, что пора приступить к главному. — Когда же ты возьмешь меня с собой в тайгу? — В голосе его зазвучали требовательные нотки. — Ты же обещала...

— Сейчас это невозможно, сынок...

— Невозможно! — с обидой сказал он, сбрасывая покрывало. — Почему-то Вера Константиновна в прошлом году не побоялась взять Леню с собой. Леня ведь меньше меня и плавать даже не умеет.

— Вера Константиновна — геолог. Ей не нужно бы-

ло тогда совершать никаких походов. Она добралась до места и работала. Леня сидел на таборе. А у нас совсем другое дело.

— Ну, возьми меня хотя бы к удэгейцам, Джанси Кимонко говорил, что научит меня плавать на оморочке. Он сказал, что сам сделает мне острогу. Мамочка... — Юра обвил мою шею руками. Голубые глазенки его стали круглыми, как две пуговики.

— Нет, Юрочка. Джанси не сможет с тобой заниматься. У него много работы. Он пишет книгу, ты ведь знаешь. Тебе в Гвасюгах покажется скучно. Лучше ты поедешь в пионерский лагерь. А на будущий год мы с тобой обязательно поедem к удэгейцам. Не плачь. Я принесу тебе из тайги живого ежика.

Дверь в соседнюю комнату приоткрылась. Мама шепотом позвала меня:

— Иди-ка посмотри, чем тут занята дочь.

Юра шагнул следом за мной, косясь на бабушку. Ему не понравилось то, что она говорила:

— Вот лежу, слушаю, и прямо голова кругом идет. Семейка, нечего сказать!

Разложив на полу игрушки, девочка командовала куклами. Она переставляла их с места на место и так увлеклась игрой, что никого не замечала.

— Вот твоя лодка. Садись сюда. А ты стой здесь. У тебя есть ружье? Сейчас придет медведь. Прячьтесь.

Ольга сидела на маленьком стуле спиной к нам. Светлые, как лен, косички торчали в разные стороны. Трудно было удержаться от желания схватить ее на руки и закружиться по комнате. Я наклонилась к ней сзади. Она поймала меня за руку.

— Мама, ведь сохатый тоже медведь? Правда?

— Нет...

Мы засмеялись. Юра хохотал громче всех, с явным сознанием своего превосходства над сестренкой.

Мне было тяжело расставаться с ними. Завтра чуть свет за мной придет машина. И не стану я будить детей. Пусть им снятся хорошие, светлые сны...

6. В ПУТЬ-ДОРОГУ!

Безветренное, ясное утро встретило нас за городом. В отрогах Хехцира лес еще дышал свежестью охлажденной за ночь листвы. Далеко впереди маячили сопки,

почти сливая свою волнистую линию с небом. Над распадаками воздух был такой синий, что его хотелось трогать руками.

В первые минуты не верилось, что мы уже в пути, что можем спокойно сидеть на вещах, покрытых брезентом, и, провожая взглядом улицы родного города, думать о том, как много впереди неизвестных дорог. При всей скромности наших запасов машина оказалась нагруженной до отказа мешками с провизией, ящиками, железными банками, свертками. Без претензий на первоклассное оснащение, наша экспедиция имела все необходимое для того, чтобы существовать в тайге три месяца, как намечалось по плану. С быстротой, на какую только способен тяжелый «ЗИС», мы мчались навстречу солнцу, вставшему из-за гор. И вот за двухгорбой сопкой уже скрылся город с широкой полосой амурской воды, с заводскими корпусами и дымными трубами, с красными, белыми, серыми боками зданий, горделиво вздымающимися ввысь этажи. Из открытого кузова машины был виден и близко и далеко необъятный, закрывший холмы и низины лес...

Путь на юго-восток от Хабаровска по великолепно-му, словно отполированному шоссе, всегда заманчив, особенно сейчас, когда весна распахнула все живое. Стройные ильмы в косматых папах, кудрявые клены с прозрачной нежной листвой, приземистые, куполообразные ивы проплывали навстречу нам, чередуясь с высокими кедрами и тополями.

— Какой красивый лес... — задумчиво проговорила Лидия Николаевна, оглядываясь по сторонам. Она сидела рядом со мной, пристроившись на ящике. Встречный ветер трепал ее волосы, светлые, почти в один тон с соломенной шляпой. — Смотрите! — Она взмахнула рукой: — Вот в этих местах когда-то ходил Пржевальский.

Дима, к которому адресовала свой жест Мисюра, и без того следил за каждым новым видом, открывавшимся впереди. Он полулежа расположился на мешках у заднего борта. Вместо фуражки он надел круглую с большими полями шляпу-накомарник.

— Пржевальский был здесь восемьдесят с лишним лет назад, если не ошибаюсь. Так, кажется? — спросил Дима, приподнимаясь на локте.

— Да, — ответила Лидия Николаевна. — И помните, он писал, что Хехцирский хребет представляет такое богатство лесной растительности, какое редко можно встретить в других, более южных частях Уссурийского края.

Во времена Пржевальского здесь была непроходимая глушь. Огромные изменения, происшедшие с тех пор, не уменьшили красоты природы. Наоборот, извилистая колея железной дороги, раздвинувшая тайгу, и сверкающая гудроном лента шоссе, по которой мчатся автомобили, только подчеркнули ее прелесть. Ничто так не оживляет пейзаж, как присутствие человека. Тропинка, мелькнувшая в заповедных лесах, пестрый шлагбаум на полустанке, цинковый круг встряка над колхозным двором... И вот уже сопки не кажутся угрюмыми, и древние леса приветливо зеленеют под синим, высоким небом.

Через два с половиной часа мы были в Переяславке. Это центр района имени Лазо — огромного по своей территории, еще недостаточно исследованного и представляющего собой интересный лесной уголок страны. Здесь имеется прекрасный строевой лес, тут в изобилии произрастает бархатное дерево, кора которого высоко ценится; в тайге повсюду — маньчжурский орех, амурский виноград, лимонник и множество ягод, а охота на пушного зверя приносит государству большой доход от ценного сырья. «Белое пятно», куда направлялась наша экспедиция, лежало в пределах района имени Лазо.

Я попросила остановить машину около здания райкома партии. Вчера вечером я предупредила секретаря райкома Щелканова о нашем приезде.

Михаил Антипович встретил меня добродушной улыбкой, поднялся из-за стола, протягивая руку, заговорил, как всегда, не повышая тона, мягко и проникновенно:

— Завидую вам, честное слово! Какое интересное путешествие предстоит, а?

Это был средних лет человек, весьма энергичный, немного мечтательный и необычайно подвижный. Не раз мне приходилось бывать вместе с ним в колхозах, слушать его деловые речи, всегда устремленные к действию. Он работал в этом районе много лет. Секретарь

райкома часто удивлял людей своим неожиданным появлением. На лесные деляны он мог приехать с попутным трактором, в отдаленный колхоз пробирался по горной тропе верхом на лошади, к удэгейцам плыл на глиссере. Многих удэгейцев он знал по имени. К нашей экспедиции относился с особым вниманием. В архивах Географического общества, вероятно, и теперь хранится его письмо, которое сыграло немалую роль в организации нашего похода. Секретарь райкома партии обратился к краеведам с вопросом: почему они до сих пор оставляют в стороне центральную часть Сихотэ-Алиня? Нельзя ли снарядить туда экспедицию хотя бы с целью разведки: что там? Какие леса, какие охотничьи угодья, реки? Ведь надо же знать, чем мы располагаем!

— Выходит, что основная часть маршрута у вас пройдет по территории нашего района? — заговорил он, когда я развернула перед ним карту и высказала опасение, что могут возникнуть трудности с переброской груза. — Это что же, придется вам пройти по тайге сотни километров, причем населенных пунктов за Гвасюгами вы ведь уже не встретите. Да, район у нас действительно большой, необжитый. Какое-нибудь европейское государство можно проехать в два счета, а вот попробуйте обойти наш район. Что же, в добрый путь! Если потребуется помощь, не стесняйтесь, вызывайте меня по радио.

Он уже направился вслед за мной к двери, но телефонный звонок заставил его вернуться к столу. Звонили из отдела пропаганды.

— Вот что, — сказал он, повесив трубку, — попрошу вас взять с собой пакет в Гвасюги. И потом в отделе пропаганды сейчас готовят туда посылочку: плакаты, красочные лозунги, кое-какую литературу. Придется вас нагрузить. Это же удэгейцам! — воскликнул он.

— Только, пожалуйста, побыстрее.

— Успеете. — Он взглянул на часы. — К вечеру все равно доберетесь до Бичевой. Дорога хорошая. Вы все ли предусмотрели? Оружие есть? Надо бы вам карабин взять. Есть? Впрочем, с вами ведь будут охотники. Передайте Джанси Кимонко, что план охотничьих угодий колхоза находится сейчас на утверждении в крае. Ну что же? В добрый путь!

Через несколько минут машина снова двинулась по дороге.

День был жаркий, хотя вверху клубились белые облака и по временам закрывали солнце. Дорога вела в глубь лесов. Рядом с ней плавно струилась тихая Кия, приток Уссури. Над спокойной гладью воды томились от зноя ивы, теснимые зарослями ольхи и черемухи. Иногда лес разбегался в стороны, уступая место колхозным лугам. И тогда река несла отражение кучевых облаков, а копны скошенного сена по-левитановски гляделись в ее голубое зеркало.

К вечеру вид тайги изменился. Над широколиственным лесом, над сквозящей светлой зеленью стали все чаще вздыматься темные, косматые шапки кедров. Вскоре на горизонте обозначилась знакомая линия сопок, окаймляющих хорскую долину.

Вот и село Бичевая, одно из тех дальневосточных сел, которые строились по берегам рек, на приволье, с широкими улицами, с просторными усадьбами, не терпящими тесноты.

— Большое село...

— Это здесь помещается хорский леспромхоз, да? — интересовались мои спутники, оглядывая далеко уходящие улицы и переулки.

Машина мчалась по главной улице, мимо магазинов и почты, мимо школьного, клубного зданий в соседстве с большими домами.

Нас встретил Фауст Колосовский. Он стоял, заложив руки в карманы, и ждал. Непривычно было видеть его в таежном костюме, в высоких сапогах и, главное, в таком живописном головном уборе, как удэгейское мотулю, с крыльями, откинутыми назад.

— Все в порядке? — спросил он здороваясь. — Давайте быстрее выгружаться, товарищи!

На лугу, просторном, как футбольное поле, на зеленой траве уже белела его единственная палатка. Вскоре около нее появились и наши полотняные жилища. Художники приехали сюда вместе с Колосовским и, не теряя времени, работали.

— Кто у нас сегодня дежурит по кухне? — Колосовский хитро улыбнулся, по-видимому, не рассчитывая на ответ.

— Я дежурный, — живо отозвался Дима. — Но я не знаю, где можно разжечь костер.

— Костер будем разводить вот здесь, посредине, — Фауст Владимирович взмахнул рукой, очертив в воздухе круг перед палатками. — Но сегодня ужин готов.

Когда мы уже сидели за столом, пришли художники. Они только что вернулись из леса. Шишкин сбросил шляпу и закрыл руками припухшие веки.

— Вы знаете, что творится в лесу? — проговорил он с отчаянием. — Комары совершенно заедают. Надо что-то придумывать, друзья мои!

Высоцкий засмеялся:

— Вы так сейчас говорите, Алексей Васильевич, как будто впервые узнали, что такое комар.

— Но тут не только один комар. А мокрец? Это же удивительная дрянь. Он лезет в глаза, в уши, в нос, забирается под воротник. Работать невозможно!

— Ничего тут не поделаешь, — заметил Колосовский, — привыкать надо.

После ужина мы прошли к радисту Владимиру Викторовичу Джиудичи. Он только что снял наушники, отложил в сторону микрофон и после передачи не сразу смог отдышаться. У него одно легкое. В годы войны он был стрелком-радистом в авиации и однажды во время боевого вылета получил сквозное ранение в грудь. Колосовский посмотрел на него сочувственно:

— Знаете что, Владимир Викторович, я думаю, вам не нужно работать на передаче с микрофоном.

— Ничего, — улыбнулся Джиудичи. — Зато живой голос, не то что ключ. Давайте-ка послушаем вашу станцию.

Коротковолновая радиостанция, отданная на вооружение нашей экспедиции, стоит на столе. Она очень удобна при переноске, проста в управлении и питается от ручного генератора. Прекрасная настройка ее позволяет работать на расстоянии до девятисот километров. Джиудичи откинул крышку футляра. На передней панели управления расположена вся ее несложная арматура. Кто-то взялся за ручки генератора, комната наполнилась ровным гудением. Ожили приборы, заговорил репродуктор, послышался знакомый голос хабаровского диктора.

— С такой станцией можно идти далеко, — заметил

кто-то. — Только вот придется самим вертеть эту машину.

— Значит, ваши позывные «Тайга»? В случае чего будем выручать вас, — сказал Джиудичи.

Утром около рации собрались все участники экспедиции. Чтобы послушать радио, Шишкин и Высоцкий сегодня дольше обыкновенного задержались с выходом в лес. Обычно с утра, нагрузившись этюдниками, подрамниками, мольбертами, они уходили на целый день.

В первые дни, когда они появились в Бичевой, было ненастье. Художники писали в дождь, развернув, на удивление местным жителям, свои огромные парусиновые зонты, до двух метров в диаметре. Художники предусмотрели все необходимое для похода — от складных стульчиков до палаток и специальной одежды.

— Ах, проклятые комары! Мешают работать. — Шишкин надел фетровую шляпу. — Я вот попробовал усовершенствовать свой головной убор, но, знаете, все-таки не то.

«Усовершенствование» состояло в том, что к полям шляпы он пришил белое полотно. Спускаясь на плечи, оно прикрывало шею со всех сторон. Концы соединялись на подбородке. Оставались открытыми только глаза и нос.

— Могу предложить вам сетку, — шутя отозвался Колосовский.

Но Шишкин уже не услышал. Его высокая, чуть согнутая под тяжестью поклажи фигура, преображенная таежным костюмом, вызывала добродушную улыбку всякий раз, когда он отправлялся «на этюды». Рядом с ним шагал Василий Николаевич Высоцкий, низкорослый, коренастый, точно так же обвешанный сумками, этюдниками, в такой же фетровой шляпе, только без всяких приспособлений. Он считал для себя вполне удобной черную, глухо застегнутую косоворотку.

— Меня комары не кусают. Да я, наверное, привык и не обращаю на них внимания, — говорил Высоцкий час назад, глядя, как Шишкин, пристроившись на верхней ступеньке лестницы, шил себе нарукавники.

Днем я увидела художников за работой. Недалеко от села, вниз по Хору, есть широкая галечниковая коса. Она как бы сбегает с крутого обрыва и полукругом упирается в воду, шумящую на перекате. Напротив

косы у подножия живописной сопки — устье Матая, реки, берущей начало в отрогах Сихотэ-Алиня. Эту сопку художники называли «сопкой Надежды». Смысл названия был прост. Первые хорские пейзажи, навеянные ее прекрасным видом, обещали плодотворное лето.

Еще издали можно было заметить два серых зонта, отстоящих друг от друга на большом расстоянии. Под их широкими полотняными куполами художники писали этюды. Увлеченные своим занятием, они забыли о костре. Чайник давно вскипел. Шишкин первым поднялся из-за мольберта.

— Как вам нравится этот угол тайги? Вы знаете, я сегодня решил задержаться здесь допоздна, — говорил он, снимая чайник с почерневшей рогатины. — Хочу понаблюдать хорскую ночь. Изумительное здесь освещение. Чая не хотите?

Мастер дальневосточного пейзажа, известный своими превосходными этюдами, прозрачными и тонкими акварелями, он любил природу той особой любовью, которая не терпит пустого восторга. Он приучил себя заставлять ее врасплох и радовался, когда осенью ему удавалось «схватить» последний трепет листвы, и сердился, если не поспевал к ней весною на праздник. В такие дни он ходил по городу с одним желанием — скорее попасть в тайгу. «Боюсь опоздать, — говорил он, озабоченный приобретением тента или палатки. — Вы знаете, на Хехцире сейчас самое интересное время: лес начинает одеваться. Обидно опаздывать, просто обидно...» В поисках темы он не раз бродил в распадках Хехцира, бывал на Анюе, в сучанской тайге. Он мог по несколько часов сидеть за мольбертом.

Предложение участвовать в нашей экспедиции Алексей Васильевич принял с радостью. Единственное, что его беспокоило, — это боязнь потерять независимость. Едва заходила речь о маршруте, он настораживался.

— А что, если в пути; предположим, я найду интересный для себя материал, смогу ли я располагать собой? — спросил он как-то начальника экспедиции. — Как вы поступите, если мне захочется написать какую-нибудь протоку или утес?

— Придется высадить вас где-нибудь на косе. По-

том будете догонять нас, — не то шутя, не то серьезно ответил Колосовский.

Шишкин задумался, вопрошающе посмотрел на него, словно говоря: «Как это понимать?» Но тут же услышал в ответ:

— А вы не удивляйтесь, Алексей Васильевич, я говорю это совершенно серьезно. На вашу творческую свободу посягать не собираюсь. Но прошу помнить, что вы участник экспедиции.

В то время Колосовский и сам не знал, как он поступит, если действительно возникнет необходимость оставить художников в пути. У него не было подобного опыта. План исследователей, стремящихся как можно скорее пройти расстояние по маршруту, никак не совпадал с творческими планами художников. В то же время их участие в экспедиции было необходимо.

— Я знаю только одно, — говорил в эти дни Колосовский, — самое интересное для вас впереди.

На готовых этюдах можно было узнать «сопку Надежды», высохшую протоку. А вот и живая хорская волна, наделенная оттенками, которые способен передать только живописец. Этюды, написанные обоими художниками, лежали рядом, однако по стилю, по манере письма это были разные вещи.

Василий Николаевич Высоцкий работал не отрываясь. В трудолюбии, в упорстве он не уступал своему старшему другу. Он тоже любил тайгу и не был здесь новичком. Вчера, поднявшись на «сопку Надежды», Высоцкий встретил дерево с собственной отметкой. Белила и кадмий, уцелевшие на коре ствола, напомнили ему о том, как шесть лет назад он впервые увидел отсюда хорскую панораму. Война прервала его творческие замыслы. Пять лет Василий Николаевич пробыл в армии. И вот в первое лето после демобилизации он снова за мольбертом. Прямо перед ним, шагах в пятидесяти, громадное кладбище деревьев, принесенных сюда рекой. Залом — это обычное для Хора явление — приковал внимание Высоцкого. Он пишет с увлечением, не выпуская изо рта погасшей трубки. Справа от него сверкает узкий заливчик с тихой, нагретой за день водой.

— Разве что-нибудь подобное можно увидеть в городе? — говорит он, кивнув в сторону заливчика, окай-

мленного кустами пышноцветущей таволги. — А вот и Лидия Николаевна идет!

Из-за кустов шагнула Мисюра. Она собирала береговую растительность. В руках у нее была гербарная папка. Мне показалось уместным заметить, что художник и в пейзаже не должен забывать человека.

— Безусловно. Я, например, думаю сейчас о большом полотне, — сказал Шишкин, — и напишу для него эскизы.

Лес дышал зноем. От камней, раскаленных солнцем, струился горячий воздух.

— Как вы можете сидеть здесь, товарищи? Ведь вы же добровольно уселись на горячую сковороду! — воскликнула Мисюра. — Моя сегодняшняя экскурсия дала мне пока что лишь интересный папоротник. Что касается других видов растительности, то они здесь те же, что и в окрестностях Хабаровска. Вот если бы удалось найти иллекс-рогозу...

Мы пришли к палаткам вечером. Горел большой костер. Сидевший возле костра старик Василий Григорьевич Петрук, оказывается, был первым поселенцем Бичевой.

— Зверь тут лютвал, помню, — рассказывал старик. — Поодиночке за водой к реке боялись ходить. У нас там, на родине-то, в Каменец-Подольской области, лесов таких не было. Ну вот. А тут вон какая тайга. Видали, что делается? Мясо-то небось варите с той коровы, что волки вчера задрали?

Ему, первому жителю села, название для которого привезли с собой каменец-подольские крестьяне из деревни Бичевой, было что рассказывать. Он вспомнил, как протапывали здесь первые тропы, как обживали тайгу. Летом к берегу приставали длинные узкие лодки, управляемые странными обитателями глухих лесов. И мужчины и женщины имели длинные косы, носили халаты с застежками на боку. Халаты эти были расшиты цветной каймой с замысловатыми узорами, особенно у женщин. Во время движения по реке женщину всегда можно было видеть на корме бата. Изо всех сил она отталкивалась шестом, продвигая лодку вверх по течению. Русскому человеку не могло не показаться странным, что женщины из племени ороchon, как тогда называли здесь удэгейцев, несут основную тяжесть в

пути, однако сами удэгейцы оправдывали это как обычное разделение труда: мужчина бьет острогой рыбу, а управлять батом не его дело.

— Долго потом, уже и при Советской власти, с этими удэгейцами трудно приходилось, — продолжал старик. — Темный, дикий народ был. Сейчас, понятное дело, не то. Видел я их только что. В сельпо приехали. Там есть один парень ихний. На фронте, говорит, был. Так что и в самую Германию входил...

Я решила пойти в сельпо и узнать, кто приехал из Гвасюгов, нет ли знакомых? Удэгейцы сидели во дворе на опрокинутых кверху днищами батах. Среди них я сразу узнала того, о ком только что говорил старик. Василий Кялундзюга был в синей сатиновой рубашке. На груди поблескивал гвардейский значок. Задорно откинув чуб, он поднялся, шагнул навстречу, здороваясь по-удэгейски:

— Багдыфи!

Мы познакомились с ним прошедшей зимой в Хабаровске, когда он вернулся с фронта и, едва повидавшись со своими родными, пришел в город. Тогда он был одет в армейскую шинель, держался несколько важно, и красивые охотничьи унты на ногах придавали его поступи плавную мягкость. Он то ходил по комнате, то останавливался, широко расставив ноги и жестикулируя.

— Вы понимаете, я книги читать люблю. Стихи люблю. Вообще литература нравится. «Радугу» Ванды Василевской читали? Я тоже читал. Я видел Ванду Василевскую. Она к нам на фронт приезжала. Она и еще какой-то писатель, не помню фамилии. Говорила речь. Очень так хорошо, горячо говорила. Потом командир части назначил меня сопровождать их. Командир сказал: «Что-нибудь случится, головой отвечать будешь». А что случится? Василий Кялундзюга через воду, как это говорят, через огонь проведет. Верно?

Сказав это, он рассмеялся, обнажив ослепительно белые зубы. Василий был сыном знаменитого катэнского охотника Дзолодо, о котором удэгейцы говорили, что он реки и леса насквозь видит. Отец позаботился о том, чтобы сын его, с детства приученный к остроге и оружию, был ловким. На войне это пригодилось Василию,

когда он шел в разведку на лыжах, переплывал реки, стрелял с высокого дерева.

— Немножко ранила пуля немецкая, — говорил он, ударяя себя по ноге. — Левый бок немножко тоже задела. Ну, это ничего. Хуже бывает. Охотиться все равно можно.

Еще тогда мы говорили с ним о том, что летом, если мне придется побывать в Гвасюгах, хорошо бы походить по тайге, порыбачить, посмотреть, как охотятся за пантачами-изюбрами. И вот теперь мы встретились с ним в Бичевой. Его привели сюда новые обязанности колхозного завхоза.

— Экспедицией идете? На Анюй, через перевал? О, далеко! Однако, интересно будет, а? — спрашивал Василий.

— А ты бы хотел пойти с нами?

— Конечно. Только не знаю, как решит правление колхоза.

Дела Василия Дзолодовича складывались сейчас таким образом, что он мог двигаться вместе с нами на катере до Гвасюгов.

Рано утром все засобирались в дорогу. Леспромхоз дал нам катер. Перед тем как отправиться на берег, я зашла к радисту, чтобы передать корреспонденцию для редакции. Джиудичи работал. Тоненький голосок, раздававшийся из репродуктора, говорил:

— Пускай привезут хлеба! Хоть одну булку. Надоели пресные лепешки. Слышите? Хлеба пускай привезут.

Джиудичи пояснил:

— Есть у нас такая девушка-радистка Валя Медведева. Она сейчас на базе одна. Я сказал ей о вашей экспедиции. Обрадовалась. Вы ведь, наверное, зайдете на Черинай?

«Как знать, — думала я, — до Чериная еще далеко».

В полдень мы покинули Бичевую. Медленно отшвартовавшись, катер пошел вверх по Хору, таща за собой халку с грузом и пассажирами. Кроме нашей экспедиции на катере были радисты дальней базы муж и жена Ермаковы, учитель и два удэгейца.

По нашим расчетам, мы должны были прийти в Гвасюги на третьи сутки. Однако старшина катера, опытный лоцман Бебко, скептически заметил:

— Это только ваши мечтания. При такой воде мы еще посидим на перекатах.

В самом деле, продвигаться вперед стоило немалых трудов. Катер на Хоре в мелководье вообще явление исключительное. Хор — река быстрая, капризная, со всеми особенностями горно-таежных рек. Левые и правые притоки его, рожденные в горах, многочисленные ключи, безобидные в обычное лето, вздуваются после дождей, и тогда Хор выходит из берегов и нередко меняет русло. Уровень воды в нем поднимается так же быстро, как и падает. И вот в мелководье даже малые катера застревают на перекатах.

Старшина катера был прав. Два часа мы стояли на месте, не в силах преодолеть первого переката. Пришлось возвращаться в Бичевую. Наутро снова двинулись в путь, миновали злополучный перекат и опять натолкнулись на мель.

— Надо идти назад, — угрюмо сказал старшина, — снимем винт, увеличим шаг.

Три раза, испытывая силу мотора и собственное терпение, мы покидали Бичевую. За это время дважды оставляли халку с пассажирами у берега. Шишкин успел сделать несколько карандашных набросков. Удэгеец Эргену, увидев свой портрет, долго удивлялся:

— Как здорово, понимаешь!

Наконец идем без остановок. Идем со скоростью не более двух-трех километров в час. Живописные берега медленно плывут нам навстречу, меняя свои очертания. На перекатах мужчины берутся за шесты. Приходится работать шестами, чтобы катер не стал на мель.

Было уже темно, когда мы причалили к берегу для ночевки. Быстро поставили палатки, развели костер. Но ужинать почти никто не стал. Из травы тучами поднимался мокрец. Невозможно было открыть глаза. Все жались к огню. Тем временем Колосовский настроил радиостанцию, которую он развернул поблизости на косе. Нужно было связаться с Гвасюгами. В лучшем случае катер мог довезти нас до Ходов. Требовались баты.

— Я «Тайга»! Я «Тайга»! — слышался голос Колосовского. — Слушайте меня. Я «Тайга»!

Через несколько минут он подошел к костру и объявил, что баты будут высланы.

Прежде чем устроиться с ночлегом, из палаток надо было выкурить мокреца. Брали дымящие головешки от костра, выкуривали. Потом в палатке пахло дымом, а мокрец все равно не давал покоя до утра.

— Кажется, справедливо было бы называть его «огнец», — заметил Шишкин, усаживаясь поближе к костру. На нем был теперь смешной белый капор, спущенный до бровей. — Он ведь жжет, как огонь.

Весь следующий день катер шел без остановок. Изредка попадались навстречу плывущие бревна, кое-где на косах дымились костры сплавщиков леса.

В среднем течении Хора расположены участки лес-промхозов. Иногда поселки лесорубов подходят к самому берегу, если он достаточно высок и ему не угрожает наводнение. Один из таких поселков, Ударный, вызвал у нас немало восторгов. Как будто взбежавшие на высокий холм, примкнули к тайге дома и едва выглядывают из-за деревьев. В распадке сверкает ключ, разделивший поселок надвое. Мы все сошлись во мнении, что здесь хорошо бы построить дом отдыха. Художники волновались: они оставляли позади еще один интересный пейзаж.

— Я бы хотел здесь остановиться, — сказал Высоцкий, всматриваясь в синеющий вдали утес. — Но как это сделать? Вот вопрос.

Когда мы подходили близко к утесу, все вышли на палубу. Василий Кялундзюга, весь день сидевший в кубрике с книжкой, пристроился на спардеке. Бинобль стал переходить из рук в руки. Удэгеец дольше всех держал его перед глазами, переводя то на синие складки гор, то на прибрежные кустарники. Наконец он обернулся назад и воскликнул:

— О, Шишкин фотографирует!

За вспененным потоком кипящей от винта воды тащилась халка. Алексей Васильевич был там. Впоследствии он объяснил, что не мог пропустить эти великолепные виды, не воспользовавшись хотя бы «лейкой».

7. ХОР — РЕКА БЫСТРАЯ

Долина реки стала приобретать более резкие очертания. Лесистые сопки, ограничивая берега, проплыва-

ли то справа, то слева. Когда-то это были громадные горы. Тысячелетняя работа стихии сгладила их формы. Теперь над всей грядой отлогих сопок с неглубокими седловинами возвышается один утес, поднявший свою угловатую вершину. Внизу простирается весь многообразный и противоречивый по своему составу растительный мир, всегда вызывающий удивление тем, что в нем так свободно смешались южные и северные виды растений. Тут рододендрон, который у нас называют багульником, там лиственница... Маньчжурский орех распростер свои перистые листья над кустами бересклета и жимолости. В пышном покрове то и дело мелькают высокие, в человеческий рост, папоротники страусоперы.

— Вот утес интересный, — сказал Василий Кялундзюга, усаживаясь на прежнее место. — Стрелковый утес называется. Про него старики много всяких сказок знают.

Мы подплывали к утесу. Темная громада, казалось, заслонила полнеба. Красноватый каменный бок ее отразился в воде. Недалеко от берега торчали округлые отполированные водой камни. Поток, пенясь, разбивался о них.

Я попросила Василия рассказать хоть одну сказку. Он согласился.

— Дело было такое. Жил здесь тигр, — заговорил Василий. — Большой тигр. Караулил утес. Никто не мог проплывать мимо. Боялись. Один Егдыга, парень, значит, сильный, здоровый был, решил убить тигра. Рано утром вышел на берег. Стал кричать. Три раза крикнул — и превратился в орла. Полетел орел. Сел на утес. Смотрит: тигр по тропинке идет, спускается к реке. «Ага, — думает Егдыга, — теперь я убью тебя»... Пока тигр пил воду, орел кружился над тропой. Потом стал настораживать стрелы. Расставил много стрел. Когда тигр обратно пошел, стрелы стали вонзаться в него. Сперва одна, потом другая, третья... Зверь упал и покатился вниз. Последнюю стрелу Егдыга пустил ему в сердце. Ну вот, после этого пришел парень в стойбище. «Люди! Я убил тигра, — сказал Егдыга, — теперь не бойтесь, идите на охоту мимо утеса». Но люди испугались. «Ты убил нашего сородича, — сказали они. — Это грешно. Горный дух потребует жертвы. Ты

должен умереть, или мы все погибнем». Егдыга задумался. На другой день умер его отец. Потом стали умирать в каждой юрте по нескольку человек. «Что делать?» — думает парень. Пошел на Хор и бросился в воду. Вот такая сказка. Не слышали? Наши старики и теперь не подходят к утесу близко. Видите камни? Это когда тигр падал, свалил камни сверху. А я недавно совсем близко на оморочке проходил. Ничего! — заключил Василий смеясь.

— Почему же он называется Стрелковым, этот утес?

— О, это немножко другая история! Говорят, что давно здесь наши люди пробовали свои стрелы. Раньше ведь удэ жили где попало. Юрту поставит на берегу — и порядок.

О том, что прежде удэгейцы кочевали по всему Хору, свидетельствуют названия рек и даже некоторых селений. Есть недалеко отсюда река Дзингали. Когда-то удэгейцы, по старому обычаю, устраивали борьбу на палках. Для этого выбиралось определенное место, подальше от жилищ. Борьба нередко заканчивалась кровопролитием. Предметом ее была родовая вражда, возникавшая чаще всего из-за женщин. Огнестрельное оружие, однако, не разрешалось пускать в ход. Пользовались палкой с железным наконечником. По-удэгейски эта палка называлась дзинга. Теперь, когда вместе с диким обычаем дзинга исчезла из обихода не только как предмет, но и как слово, обозначающее оружие родовой вражды, осталось лишь название реки Дзингали, напоминающее удэгейцам тяжкую старину.

— А я даже не знал об этом, — сказал Василий, выслушав историю маленькой речки. — Вот Юмо, деревня, которую мы будем скоро проезжать, знаю, почему так называется. По-нашему юмо — значит юрта.

Он умолк, затем, что-то вспомнив, быстро спустился в кубрик и вернулся оттуда с книгой в руках. Перелистывая страницы, воскликнул:

— Интересное дело нашел! Смотрите. Ороцкий словарь. По-нашему «би», тоже «я», «си» тоже «ты». Понимаете? Общие слова есть. «Ому» по-удэгейски тоже «один», «дю» — два, «ила» — три. Скажите, почему другой раз говорят: орочи, удэгейцы — все равно один народ? По-моему, это неправильно. Общие слова есть,

а язык все равно разный. Я на фронте ороча встретил. Друг друга не понимали, по-русски разговаривали.

Книга Штернберга, известного этнографа-лингвиста, полжизни посвятившего изучению народов Дальнего Востока, привлекла внимание молодого удэгейца еще вчера, когда мы просматривали свою походную библиотеку. Он читал всю дорогу. По-видимому, интерес к истории своего народа пробуждался у него не впервые. К сожалению, в литературе трудно найти ответы на очень многие вопросы, связанные с историей удэгейского народа. Исследователи нередко смешивали их с орочами: одни потому, что находили сходство в языке, другие объединяли их по хозяйственно-экономическим признакам.

Углубившись в чтение, Василий Кялундзюга находит у Штернберга негидальский словарь и вдруг вскакивает с места, пораженный открытием.

— Вот, пожалуйста, смотрите, тоже общие слова есть! Я вам скажу, и нанайский язык имеет некоторые похожие слова. Почему же нанайцев и удэ не перепутают?

В рассуждениях Василия хотя и сквозила наивность, однако они были интересны тем, что таили в себе критическое отношение к книге, которую он держал в руках. Штернберг, оставивший объемистые труды в области этнографии, обошел удэгейцев, механически присоединив их к орочам. Обращаясь к глубокому историческому прошлому нанайцев, ульчей, негидальцев, он утверждает, что все они, в том числе и орочи, когда-то вели оленеводческое хозяйство. Об этом свидетельствуют их предания, сказки. Но интересно, что ни в одной удэгейской сказке нет и намека на то, что удэ имели раньше оленей. Наоборот, их легкие одежды, расцвеченные ярким орнаментом, в котором преобладает растительный узор, их длинные долбленые лодки, напоминающие по форме индейскую пирогу, наконец, их многочисленные сказки, в которых часто речь идет о теплых морских берегах, о больших птицах, об островах, — не говорит ли все это о том, что удэгейцы представляют самобытное южное племя?

...Весь день палило солнце. С утра безоблачное небо к вечеру стало заволакивать тучами. Река потемнела. В долину пополз туман. Белую полосу его ка-

тер разрывал, как ленточку финиша, много раз. В сумерках, когда мы вошли в устье Ходынки, на западе блеснули зарницы. Показалось селение Ходы. Немногие из теперешних жителей села знают происхождение его названия. Проплывая по Хору, охотники, еще издали заведя рыбацкие сооружения, восклицали: «Хаудэ!» (заезок удэгейцев). Так постепенно люди привыкли называть устье неизвестной реки, где удэгейцы ставили заезки. Со временем из слова был вытеснен звук «у», появилось «Хадэ», затем «э» превратилось в «ы». На некоторых картах еще можно встретить старое написание «Хады», но теперь слово обрусело настолько, что нередко его объясняют происхождением от глагола «ходить».

В Ходах сейчас живут лесорубы. Вспомнилось, как мы с Байдаловым несколько лет назад были тут зимой проездом, отогревались в доме лесника, слушали забавные рассказы об удэгейцах из уст разбитного мужичка-«кородера»... Теперь Ходы мне показались более уютным поселком. Летние краски преобразили его...

— Быстрее, товарищи, быстрее! — командовал Колосовский.

Немного потребовалось времени, чтобы разгрузить халку. На берегу оказались помощники. Еще издали заслышав шум мотора, люди вышли к берегу. Приход почтового глиссера или катера здесь всегда радостное событие. Сбежалась толпа ребятишек. Пока мы расчищали место для палаток, ставили антенны, разводили костер, участниками нашего новоселья оказались многие местные жители. Радиостанция привлекла немало народу. Хотя начальник экспедиции развернул ее с единственным намерением вызвать Гвасюги, пришлось настраиваться на хабаровскую волну, чтобы послушать последние известия.

На следующий день пришли баты. Сначала четыре, потом три и еще три. Громко разговаривая, удэгейцы высаживались на берег. Вскоре по всему берегу задымались костры. Поляна превратилась в живописный табор. Около каждой палатки вились дымокуры. Женщины, сидя на корточках перед костром, готовили обед, мужчины обстругивали шесты. Поблизости резвились их дети. Василий Кялундзюга только что вернулся с рыбной ловли и теперь угощал своих земляков ленками.

К вечеру пришел еще один бат. Колосовский удивился: зачем так много? Девяти батов было достаточно, чтобы разместить груз экспедиции, десятый предназначался для Ермаковых. Одиннадцатый, выходит, лишний? Колосовский подошел к батчику. Пожилой удэгеец Маяка, протягивая руку, здоровался со всеми по очереди.

— Я вниз иду женьшень искать, — заявил он.

Вместе с женой Маяка отправлялся на поиски драгоценного корня по заданию сельпо. В Ходах они решили заночевать.

— Ах, вон что! — сообразил Колосовский. — Ну вот и прекрасно. Где наши художники? — спросил он кого-то из студентов. — Позовите сюда Шишкина и Высоцкого.

План был таков. Вместе с Маякой художники завтра поедут вниз до поселка Ударного, о котором так много было разговоров в пути. Им представляется возможность поработать там неделю. За это время мы рассчитывали сделать все необходимое.

— Это, знаете ли, весьма заманчиво, — проговорил Шишкин после некоторого раздумья, — но как мы оттуда выберемся?

— Бойтесь остаться в тайге?

— Нет, но мы должны знать, чем располагаем. Кто повезет нас обратно? — возразил Высоцкий.

— В вашем распоряжении будет бат! — заверил Колосовский.

— Ну, тогда другое дело, — весело подхватил Высоцкий.

Десять батов друг за дружкой потянулись вверх по реке. Замелькали белые шесты. Лес огласился звонкими голосами женщин, перекличкой детей, свистом, хохотом удэгейцев, следивших за тем, как собаки бросались вплавь, вслед за лодками, а потом, оставшись где-нибудь на заломах, скулили. В полдень ударил ливень. Все торопились пристать к берегу, укрыться от дождя. Последним причалил бат Ермаковых. Промокшие до нитки, оба они работали шестами, как заправские лодочники. Долголетняя служба в тайге приучила их пользоваться всеми видами транспорта.

— О, Федя! Твоя все равно удэгеец! Хорошо ходи, — восхищался старик Вакули спустя несколько минут, когда Федор Иванович присел с ним рядом на валежине.

— Да ну! — воскликнул Ермаков. — А вот Маруся не верит, — смеясь, кивнул он в сторону жены. — Маруся говорит, что она лучше умеет. Как тебе думай? — нарочито ломая речь, спросил он старика. — Папиросу хочешь, отец?

— Моя так думай. Его, Маруся, тоже немножко хорошо есть, — ответил старик с достоинством. Он взял папиросу, размял ее и набил табаком трубку.

Федор Иванович Ермаков был высок ростом, худощав. В его одежде городской стиль смешивался с таежным. Всем видам обуви он предпочитал в тайге удэгейские улы, зимой ходил в унтах. Он мог надеть ватную телогрейку и фетровую шляпу. Очки придавали ему солидность, на которую трудно рассчитывать в двадцать пять лет.

Удэгейцы любили Ермакова за веселый нрав и в общении с ним находили удовольствие. Он же, зная их отзывчивость на шутку, не упускал случая посмеяться.

— Га! — крикнул вдруг Ермаков. — Поехали! Га! — еще раз повторил он удэгейское восклицание, означающее: «Идем! Поехали!» — и стал собирать шесты.

Супруги Ермаковы работали на самой дальней метеостанции и теперь везли туда продукты.

Через несколько часов мы достигли удэгейской заимки. До Гвасюгов было недалеко. Отсюда можно было идти через тайгу. Почти все члены экспедиции сошли на берег и, доверяясь лесной тропе, гуськом зашагали в село. Лес еще не успел отряхнуться после дождя. Стоило пробежаться ветру по глухо сомкнутым вершинам, как сверху начиналась частая капель. На тропе держалась вода. Трудно было идти, не задевая мокрых кустов. На весь лес хором кричали сойки, предвещающая непогоду. Казалось, тропе не будет конца. И вдруг слева появилась изгородь, потом избушка, другая.

Мы очутились на левом берегу реки Гвасюгинки. Гвасюги по-удэгейски значит — протока. Здесь было до десятка домов с традиционными удэгейскими ам-

барчиками на сваях. Я видела их зимой. Кстати сказать, свая эти теперь удэгейцы уже вкапывают в землю, забыв о старом обычае строить амбарчики (цзали) на живых деревьях, которые надо было сначала отыскать в таком сочетании, чтобы они составили две пары, затем срубить на высоте двух метров от комля и тогда уже возводить это любопытное сооружение, напоминающее сказочную избушку на курьих ножках.

На правом берегу — основная часть села. Приезжим удивительно видеть такое расположение. Кроме того что люди расселились по обеим сторонам протоки, они еще построили дома на острове, между протокой и горной речкой Були, через которую перекинут горбатый деревянный мост. Через Гвасюгинку нет никаких переходов, так что люди иногда по несколько раз в день переправляются туда и обратно на батах или оморочках. Впрочем, это мало стесняет их. Даже дети свободно чувствуют себя на воде, ловко орудуя шестами.

Едва мы показались на берегу, как из-за островка уже появились две оморочки. Загорелые удэгейские мальчики охотно предлагают свои услуги в качестве перевозчиков. Пока мы переправлялись в шатких челнах, с опаской поглядывая на быструю воду, около магазина по ту сторону реки стал собираться народ. Здесь я увидела своих старых знакомых. Раскуривая трубки, охотники беседовали. В их негромкой и певучей речи то и дело слышалось луса (русские), экспедиция.

— Багдыфи! Багдыфи! — повторяли они свои приветствия, пожимая нам руки.

Шумно стало на берегу. Вот идет Амула, превосходная охотница, во время войны не раз ходившая добывать соболей. Она в черном шелковом платье. На груди выделяется медаль «За доблестный труд». Опираясь на палочку, шагает вслед за ней секретарь комсомольской организации, здешний избач Хохоли. Всегда спокойное, слегка бледное лицо его выражает почти детскую радость.

— Здравствуйте! — по-русски говорит он. — Ждем вас давно. Джанси Батович сегодня вспоминал, беспокоился.

По мосту шагает молодой удэгеец Зинцай. Он в национальном костюме. Бархатный халат (тэга), расшитый орнаментом по подолу, на рукавах и круглом

воротнике, лёгкие лосиные туфли, опушенные мехом выдры, и нарядные чулки, на четверть не достигающие до колен, — весь этот подчеркнуто праздничный вид выделяет его среди окружающих. Зинцай недавно демобилизовался из армии. Снял с себя все солдатское, положил в чемодан и вот нарядился...

— Электрическую станцию бы поставить в Гвасюгах. Верно? — заговорил Зинцай, когда Колосовский сказал, что селение не узнать. Восемь лет назад в Гвасюгах было несколько изб, школа и магазин, а теперь здесь восемьдесят домов.

— Мост надо вам построить хороший. Разве это мост? Надо сделать перила, все как следует. Смотрите, какая высота.

Внизу, под мостом, проплывали наши баты с грузом. Все экспедиционное имущество пришлось поместить в сельповском амбаре.

Над рекой опускался туман. Тут и там около изб дымились костры. Мы прошли через все село. Потом тропа повела по берегу Були, мимо пней, сквозь густые заросли цветущей сорбарии, орешника, бузины, уже свешивающей красные гроздья. У самой тропы невысокие папоротники, лабазник образуют пышный зелёный ковер. Где-то совсем близко на весь лес кукует кукушка. И вдруг ее тоскующий, нежный зов обрывает чья-то песня:

Вдоль деревни от избы до избы
Зашагали торопливые столбы.

Это поет пастух, собирающий стадо, и песня его в тишине лесов, где вместо троп уже возникают дороги, звучит с трогательной веселостью.

Вот и дом, предназначенный для нас. Это — большое стандартное здание, с узким коридором, по обеим сторонам которого располагаются комнаты. Самым удобным местом для нашей экспедиции оказалась здесь широкая, просторная передняя, где впоследствии все мы собирались не только для обеда, но и на беседы. Свои палатки мы установили во дворе. По огороду, гоняясь за бабочками, бегали дети, загорелые, без рубашек, крича по-удэгейски: «Ая! Ая!» (Хорошо! Хорошо!)

— Вот, понимаете, научились и лопочут, — говорил

наш хозяин Иван Михайлович, глядя на своих сыновей. — Ребята! Посмотрите, нет ли там колышков? Несите сюда!

Белобрысый мальчуган, прискакавший верхом на палочке, крикнул: «Анчи» (что значит «нет»), — и снова скрылся в кустах.

Вечером, закрывшись в комнате, Колосовский связался по радио с Бичевой.

Всю ночь о двускатные крыши наших палаток барабанил дождь. Утром, едва блеснули первые лучи, все ожило: на цветах засуетились шмели, взмахнули зелеными крыльями махаоны, и листва на деревьях стала глянцевицей.

Мы с Лидией Николаевной пошли умываться на речку Були. Речка была совсем рядом, через тропу, за кустами. Возвращаясь назад, встретили на дороге Хохоли. Я спросила, не вернулся ли с колхозных полей Джанси Батович.

— Завтра должен быть. Заседание исполкома проводить будет. Вы когда придете ко мне в избу-читальню?

Бледное скуластое лицо Хохоли осветилось улыбкой. Этот парень с палочкой в руке был бесконечно добрый и необычайно доверчивый человек.

Однажды зимой он отправился в город и по дороге заночевал где-то в заезжем доме, а котомку свою оставил на улице в санях. Утром хотел позавтракать, кое-что брал с собой из дому, но котомки в санях не оказалось. Потом разводил руками, никак не мог поверить, что это сделали люди... Хохоли умел рисовать и охотно дарил свои рисунки, если они нравились кому-то. Жил он вместе с отцом, у них была своя изба, но когда младший брат его Яков пришел из армии и женился, Хохоли уступил ему жилье. В Гвасюгах удивлялись, видя, как Хохоли переходил с одной квартиры на другую... Но сам он только посмеивался: «Я скоро учиться поеду. Пусть живут!»

От него я впервые услышала о Джанси Кимошко. Если бы не Хохоли, как знать, с чьей помощью и при каких обстоятельствах нам открылось бы дарование удэгейца...

— Джанси Батович сильно занят. Работы много, — сказал Хохоли, доставая из кармана портсигар. — Зна-

чит, вы придете? Посмотрите, как стенную газету выпускаем. У вас в экспедиции есть комсомольцы?

— А вот он, Дима Любушкин, комсомолец. Познакомьтесь.

Они протянули друг другу руки. Дима спросил:

— Где же у вас изба-читальня?

— В клубе. Вот там, видите, дом напротив школы? — Хохولي взмахнул палочкой. — Идем, посмотришь. Потом в школу сходим.

Вечером, когда все члены экспедиции сидели за столом, Колосовский пристально посмотрел на Диму.

— Вы, молодой человек, сегодня, кажется, основательно полоскались в реке. А ведь вода холодная. Простудитесь.

— Фауст Владимирович, что вы! — воскликнул Дима. — Со мной ничего не случится, уверяю вас. Я здоров, как вол.

— Предупреждаю всех, — Колосовский мягко стукнул ладонью о край стола. — Мы не на курорте...

После ужина Дима с торжествующим видом объявил, что помог оформить стенную газету, настроил все балалайки, гитару, домру в клубе и договорился с Хохولي разыскать в архивах интересные документы, связанные с историей школы в Гвасюгах.

— Хохولي показывал мне фотографию Анатолия Масленникова, — заговорил Дима. — Вы когда-нибудь видели его? Да? По-моему, это очень интересный человек. Вы обещали рассказать о нем.

— Да, да... — поддержала Лидия Николаевна. Она уже успела сегодня заложить в гербарную папку новые растения и теперь заканчивала их описание. — Хочется послушать, как здесь открыли школу. Расскажите...

История была длинная... Пришлось рассказать то, что я слышала из уст самого Масленникова.

8. РУССКИЙ УЧИТЕЛЬ

Анатолий Масленников воспитывался в детском доме. Когда он окончил среднюю школу в Переяславке, его пригласили в райком комсомола. Явился он туда без промедления, хотелось поскорее узнать, зачем, по какому делу вызывают? Думал: наверное, предложат

ехать куда-нибудь на стройку. Ребята, с которыми он учился, один за другим получив назначение, — кто в деревню, кто на железную дорогу, а некоторые по путевке райкома отправлялись строить новый город на Амуре — Комсомольск.

В юности много видится дорог, они увлекают, кажутся заманчивыми. Какая из них будет твоей? Кто знает... Масленников еще не принял твердого решения. Поэтому он спокойно выслушал секретаря райкома и даже почувствовал облегчение, когда понял, что о нем здесь не забыли, помнят...

— Придется тебе расстаться с Переяславкой. Дело такое... Мы тут посоветовались и решили послать тебя на работу. — Секретарь оглядел коренастого юношу в светлой рубашке с засученными по локоть рукавами и объявил: — Учителем в удэгейское стойбище... Как ты на это смотришь?

— Что ж, я согласен, — сказал Масленников. — Куда найдете нужным, туда и поеду...

Расспрашивать о стойбище, где оно, есть ли там школа, как и на чем туда добираться, пришлось ему спустя некоторое время, а теперь он выслушал короткое напутствие секретаря райкома:

— Учти, работать придется в трудных условиях. Тайга. Притом глухая тайга. Подбери себе хорошего помощника воспитателем в интернат. Иди в районо, там тебя проинструктируют. Не педагог, говоришь? Научишься, если надо. Действуй!

В районо Масленникову дали несколько дней на сборы. Надо было взять с собой учебники, тетради, наглядные пособия — вещей набралось много, упаковывал их в ящики из-под консервов, в коробки, а сам думал, что хорошо, если бы Гоша Кузьмин согласился поехать с ним. Он парень проворный, вот было бы здорово! Балалайку бы взяли...

Удэгейцев, с которыми ему предстояло работать, Масленников не знал. Что это за люди? Найдет ли он с ними общий язык? Как они встретят? А что если у него нет педагогических способностей, тогда как? Но мысль эта вытеснялась тут же, едва он вспоминал свою беседу с секретарем райкома. В детдоме Масленников был пионервожатым. Ребята слушались его и даже как будто любили...

«Инструкции... учебные программы, планы уроков, — думал он, повторяя про себя наставления инспектора из районо. — А вот с чего начинать?»

Перед отъездом Масленников ходил к своему учителю Вадиму Григорьевичу, советовался с ним. Долго разговаривали, кое-что Масленникову пришлось даже записывать.

— Знаю, что тебе предстоит испытать немало трудностей, вернее, предвижу это, — сказал Андреев, — но ты справишься. Помни, этим людям ты несешь не только знания, но и душу. Желаю тебе счастливого пути!

В тот же вечер Масленников встретил Георгия Кузьмина и уговорил его поехать в стойбище. Через несколько дней они прибыли в Бичевую и оттуда поплыли по реке в удэгейской лодке. Бат был тяжело нагружен. Поднимались на шестах медленно. Только на девятые сутки достигли стойбища Джанго.

Подплывая к нему, они еще издали слышали странный шум, как будто кто-то неистово барабанил по кастрюле и бил в барабан.

— Что это? — разом спросили друзья своих проводников.

— Сама (шаман), — отвечали удэгейцы.

Оказывается, шаман совершал очередное камланье перед началом рыбной ловли. Чем-то первобытным, сказочным повеяло от сумеречной после заката реки.

Когда бат причалил к берегу, уже стемнело. Где-то вдалеке лаяли собаки. Кто-то кричал за рекой на непонятном языке, и в ответ откликалось лишь эхо. Пришли два охотника. Постояли и, не сказав ни слова, скрылись. Разгрузив бат, проводники отправились, как видно, по своим юртам, а Масленников и Кузьмин, оглядевшись, пошли в школу.

Это был совершенно пустой дом. Необжитостью, затхлостью веяло от стен. Со свечой в руках друзья обошли просторные классы. В одном из них расположились на ночлег и долго обсуждали свое положение: с чего начать?

Утром к ним явился председатель Совета Ватану Кялундзюга. Он сообщил, что все охотники с семьями ушли далеко по рекам, дети тоже с ними, чтобы собрать детей в школу, надо прежде разыскать кочевья.

— Здесь уже был учитель, — сказал, усмехаясь,

председатель Совета. — Может быть, в столе найдете списки учеников.

Действительно, в одном столе Масленников обнаружил кое-какие «документы». Наиболее выразительным из них была азбука наказаний. На листе бумаги, расчерченной вдоль и поперек, стоял столбик фамилий. Против каждой фамилии стояли условные обозначения. Плюс означал — таскать дрова, треугольник — воду, кружочек — подметать пол, минус — удар линейкой по голове. Какой-то проходимец, назвавший себя учителем, подвизался здесь несколько месяцев, обирая темных людей.

— Трудно будет собрать учеников, — сказал Кузьмин.

Через несколько дней учителя отправились в тайгу. Они уходили в разные стороны, договорившись встретиться здесь не позднее как через два месяца.

В юртах, пропахших дымом, русских встречали радушно. Но как только они начинали говорить о школе, удэгейцы опускали глаза.

— Грамота не помогает лучше охотиться, — сказал Масленникову один старый охотник.

— Но зато помогает лучше жить, — ответил учитель.

— Все равно дети наши не привыкли учиться. Голова болеть будет. Больно бить палкой по голове. Пускай лучше охотятся, — уверяли его родители.

— А вот давайте условимся так, — заговорил Масленников после некоторого раздумья. — Если вашим детям будет плохо у нас в школе, вы заберете их домой. Согласны?

Так и было решено. Позднее Масленников рассказывал, что когда он входил в удэгейские юрты, он с трудом просиживал там даже недолгое время. Лишь в некоторых юртах имелись железные печки, а в большинстве посредине горел костер, и дым от него выходил через отверстие в потолке. На земле вокруг костра были разбросаны кабаньи шкуры, и люди спали на них головой к огню. Иногда в одной юрте размещались две-три семьи. Каждая семья имела свой угол.

У мальчика лет пяти на поясе болтался нож.

— Зачем это? Ведь он может порезаться, — сказал учитель, подавая ребенку конфетку.

— Ничего, — отвечали весело удэгейцы, — пускай привыкает.

Вдруг мальчик заплакал, подбежал к матери. Та прижала его к себе, покормила грудью и снова отпустила. Но он никак не унимался, и когда мать уже в другой раз отогнала его от себя, погрозив пальцем, он обиделся, всхлипывая, подсел к огню и стал разжигать свою трубку. Конфетка уже валялась около порога. С детства они привыкали к курению. И не удивительно было, что все мальчики, приехавшие в школу, привезли с собой трубки и табак.

В интернате все было готово к приему детей. Появились кровати, застланные одинаковыми одеялами, тумбочки, посуда. Больших трудов стоило завезти сюда и школьную мебель, и продукты питания.

Удэгейские дети, привыкшие к юколе, к лепешкам без соли, испеченным на огне, к свежей рыбе, долго не ели ничего соленого. Они и от сладкого отказывались. После занятий мальчики обыкновенно брали свое оружие и уходили на охоту. Убитый зверек или птица поджаривались на костре. Иногда дети ловили рыбу и тут же на берегу съедали ее в сыром виде.

Они с трудом приучились спать на койках. Часто бывало так, что с вечера учителя укладывали их в кровати, а наутро видели всех спящими на полу. По ночам нередко из интерната доносились крики и плач ребятшек. Тогда Масленников бежал туда с лампой в руках и спрашивал:

— В чем дело, ребята?

— Агдео, агдео! (Черта, черта!) — кричали дети.

— Где же он?

— Черт вселился в Заксули. Надо выгнать его.

Оказывается, мальчик Заксули ночью вышел на улицу, и вдруг на небе ему почудился черт в образе огненного человека с хвостом. Он с криком вбежал в комнату, забился в темный угол, плачет.

— Покажите мне черта, я его убью! — воскликнул учитель.

— О, его убить просто нельзя! — ответили дети. — Надо в пуле просверлить ямочку. Когда выстрелишь, пуля попадет в черта, а черт — в ямочку.

Пришлось следовать их совету. После того как в воздухе прогремело три выстрела, дети успокоились.

Черта гоняли таким образом довольно часто. Не так просто было избавить детей от суеверия: беседы с ними по этому поводу мало помогали.

Как-то вернулся с охоты старый Айола и заехал в школу повидать своего сына Гришу. Зашел в интернат, поглядел, чем питаются и как выглядят дети. Увидев, что сын его спит на кровати под белой простыней, старик опустился на пол и заплакал.

— Что с тобой, отец? — спросил его Кузьмин.

— Бата (мальчик) умрет. Он не может так жить. Он привык спать на шкурах. Отдайте мне его.

Но тут подошел Масленников с Гришиной тетрадкой, исписанной крупными каракулями. Он присел рядом с Айолой, развернул перед ним тетрадку.

— Смотри, как хорошо пишет твой сын. Зачем ты хочешь его увезти? погоди немного.

— Адин али, — повторил Кузьмин, уже начавший усваивать удэгейский язык.

Тетрадка сына произвела на старика неотразимое впечатление. Он забыл о своих слезах.

— Ая, ая! — закивал он головой, выражая согласие, и уехал успокоенный.

Через несколько дней явился в интернат охотник Дзолодо. Он привез своего сына Васю. Ему очень хотелось, чтобы мальчик тоже учился. Вася, однако, упирался, никак не желал оставаться. Он уже начинал привыкать к самостоятельной охоте, и вдруг — школа. Мальчик кричал истошным голосом, вырывался из рук учителя и даже укусил его за руку.

— Пусть учится, — решительно заявил Дзолодо и уехал.

Шли дни. Постепенно родители стали перебираться из тайги поближе к школе, к детям. В стойбище построили несколько изб. Все больше детей приходило учиться. Но занятия проводить было пока трудно. Чтобы заинтересовать ребятишек, учитель прибегал к самым неожиданным методам. Он входил в класс. Ученики недружно приветствовали его. Одни сидели на подоконниках, раскуривая трубки, другие бегали по двору со стрелами. Чтобы привлечь внимание детей, учитель брал балалайку, садился посередине класса на табуретку и начинал играть. Тогда с улицы прибегали все, кто там еще оставался, молча рассаживались по

местам и внимательно слушали музыку. Иногда перед уроком учились петь или танцевать. Но вот наконец учитель откладывал в сторону балалайку, брал в руки мел и писал на доске какое-нибудь новое слово. Так начинался урок.

Во время занятий Масленников не раз замечал, что под окном часто появляется девочка. Иногда она взбиралась на завалинку и жадно заглядывала в окно.

— Почему она не идет заниматься? — спросил учитель.

Ученики переглянулись.

— Ей нельзя. Она уже невеста.

Звали девочку Анягой. На вид ей было лет двенадцать. Она казалась жалкой. Синий расшитый халат с застежками на боку свисал с ее худеньких плеч. Она действительно была невестой молодого охотника Алексея и по старинному закону жила в семье будущего мужа, обязанная во всем подчиняться воле хозяина.

Как только учитель вышел на крыльцо и окликнул ее, девочка спрыгнула с завалинки, закрыла лицо руками и убежала.

Вечером Масленников и Кузьмин решили пойти побеседовать с Алексеем. Они взяли с собой переводчика, через которого и объяснили свою просьбу освободить Анягу от замужества.

— Ну какая она тебе жена? — говорил Кузьмин, стараясь доступными доводами убедить охотника. — Зверя она из тайги не притащит, даже разуть тебя не сумеет. Возьми себе в жены взрослую девушку. И потом ты знаешь, что Советская власть запрещает такой брак?

— Не могу, — возражал Алексей, — надо отца спрашивать.

Отец Алексея согласился отдать девочку, но заявил, что кормить ее не станет. Кроме того, старик потребовал, чтобы школа уплатила ему за нее — за то, что он два года держал у себя Анягу. Учителя переглянулись.

— Подавай в суд, — сказал Масленников. — Суд разберет.

До суда, однако, не дошло. Анягу поместили в интернат. На следующий день она пришла в класс, робко присела на крайнюю парту, все время пугливо оглядываясь по сторонам. Но вскоре она освоилась, стала

усердно учиться. А вслед за ней явился и сам Алесей с просьбой принять его в школу.

Перелом совершился. Черта больше уже не гоняли. Сами родители теперь посылали детей учиться, хотя, уступая совету старых охотников, над дверью школы еще подвешивали камень, который преграждал туда черту дорогу.

— Магани, — говорили удэгейцы о Масленникове.

Магани — это значит ловкий, умелый. Смысл этого слова знаком удэгейцу с самого детства. Восьмилетний мальчик берет лук и пускает стрелу, наметив заранее цель. Когда ему исполняется десять лет, отец идет с ним в лес, ставит на пенек спичечный коробок и дает сыну выстрелить из своего ружья, проверяя меткость. Зимой мальчик ходит на лыжах, ставит капканы на колонка, летом плавает на батах, приглядывается, как ловко орудуют шестами взрослые охотники. Двенадцати лет он идет на охоту, и в тайге между выстрелами опытного охотника гремит его первый выстрел. Сама природа приучила их с детства вырабатывать меткость, ловкость. Без этого ни пищи, ни жизни быть не могло. Вот почему удэгейцы испугались школы. Но оказалось, что учителя и сами непрочь были поохотиться. Они так же быстро ходили на лыжах, плавали на оморочках и совсем не боялись воды.

Как это ни странно, удэгейцы, всю жизнь кочевывавшие по рекам, постоянно связанные с водой, не умели плавать. Однажды в жаркий день, во время экскурсии, Масленников решил искупаться. Как только он прыгнул в воду, на берегу поднялся переполох. Ребятишки бегали друг за другом, размахивая руками, плакали.

К воде удэгейцы вообще относились с боязнью. Поэтому умывальник с трудом прокладывал себе дорогу в избы охотников. А когда в стойбище впервые истопили баню, это вызвало немало смеха, разговоров.

Из всех пережитков прошлого, с которыми пришлось столкнуться русским в стойбище, самым страшным было отношение к женщине. Она была рабыней вдвойне. В семье она постоянно терпела обиды и унижения. Когда охотник возвращался из лесу, он входил в юрту как гость. Жена его разувала, кормила, а потом шла в лес и приносила добычу.

Беременную женщину за несколько дней до наступления родов выгоняли из юрты. Зимой это было или осенью — все равно. В тайге для нее сооружался балаган. Там она оставалась одна. После родов еще неделю она не могла появиться в юрте, так как считалась «нечистой».

Осенью Масленников, возвращаясь с охоты, заметил неподалеку от стойбища шалаш. У костра сидела женщина, подбрасывая в огонь сухие ветки. Страдальческий вид ее внушал чувство жалости. Это была роженица, жена охотника. Масленников отправился к нему.

— Зачем ты ее оставил в лесу?

— Закон такой.

— Но ведь у тебя так тепло в юрте, а на улице дождь. Возьми ее домой.

— Такого закона нет.

Тогда Масленников достал бумагу и сказал:

— Я буду жаловаться на тебя.

— Ладно. Пусть идет, — согласился хозяин.

На другой день женщина вернулась в юрту, а Масленников видел, как она тихо и робко шла, неся завернутое в халат дитя. Хозяин скрылся из юрты и целую неделю не являлся домой.

Все чаще стали приходить удэгейцы в школу за советом к учителю. Это было отрадно, и в то же время требовалась большая осторожность при разрешении возникавших конфликтов. Новое вступало в борьбу со старым.

У охотника Вакули была дочь Патало. Еще ребенком ее купил Кикуса, уплатив за нее соболями и товарами. Девочка жила до поры у отца, но как только ей исполнилось четырнадцать лет, Кикуса стал ее мужем.

Весной мимо Гвасюгов проплывали на батах самаргинские удэгейцы. Ночевать они остановились в юрте Кикусы. Среди них был один молодой удэгеец. Патало заметила его. Она уже давно собиралась уйти от старика, прослышав о советском законе, предоставляющем женщине право свободного выбора. И, когда самаргинские удэгейцы возвращались к себе домой, она бежала с ними. За ней бросились в погоню. Догнали. И вот она, вся в слезах, бежит вечером в школу.

— Не хочу жить с Кикусой. Он бьет меня больно.

В свою очередь Кикуса тоже явился с жалобой. Он сказал Масленникову:

— Пусть Вакули уплатит мне за все, тогда Патало уйдет.

Но платить надо было очень много. Кикуса насчитал столько, что у Вакули не хватило бы никакого состояния с ним рассчитаться. Как поступить? Учителя долго размышляли над этим. Вековая вражда из-за женщин между родом Кимонко и Кялундзюга могла вызвать кровавую месть. Но девушку было жаль. Тем временем Кикуса уже успел обойти всех охотников, взывая к сочувствию. Совет старейшин пригласил Масленникова на суд. Суд проходил в палатке. Кикуса сидел среди мужчин, Патало — у двери на полене.

— Зачем убежала? — обратились к ней с вопросом.

— Он бьет меня больно. Он старый. Злой.

Потом говорил Кикуса. Считая по пальцам все расходы, которые он понес в связи с женитьбой, он требовал, чтобы Вакули вернул ему все. Наконец поднялся старейшина... Говорил медленно, не выпуская изо рта трубки.

— Законно требует Кикуса? Законно, конечно. Сколько одевал, сколько платил, все законно. Вакули не может столько отдать. Патало пусть живет. Если убегает, бить надо.

После того как каждый выразил свое мнение, все посмотрели на Масленникова.

— Что скажешь, русский учитель?

Патало уже знала, что он скажет. Перед тем как пойти на суд, учитель предупредил женщину, что она должна жить с Кикусой, пока не представится случай уйти от него. А случай этот даст ей Советская власть.

— Я считаю, — заговорил Масленников тем ровным и спокойным тоном, за который всегда уважали его удэгейцы, — пусть Патало живет с мужем до тех пор, пока Вакули не наберет денег, чтобы расплатиться с Кикусой. Но бить нельзя. Зачем бить? Помните, когда я приезжал к вам в тайгу собирать ребятишек, что вы говорили? «Не надо грамоту. Палкой по голове бить больно...» Вы думали, что я буду бить ваших детей. Но если бы я ударил хоть одного из ваших детей, раз-

ве от этого они больше любили бы меня или скорее выучились? Нет, друзья! Вы сами знаете, в драке человек другому человеку бывает зверем, врагом. Но мы же люди. Зачем поднимать руку на своего друга?

Удэгейцы остались довольны. «Учитель все знает», — говорили они, расходясь. Они и не предполагали, что спустя немного времени вопрос о Патало решится в сельском Совете. Красный флаг туземного Совета, кочевавшего по притокам Хора, взметнулся над большим новым домом в Гвасюгах. Председателем Совета избрали Джанси Батовича Кимонко. Он только что вернулся из Ленинграда, окончив Центральные курсы советского строительства.

С каждым годом молва о школе летела все дальше по глухим таежным кочевьям. Теперь родителей уже не надо было уговаривать — они сами привозили детей в школу. Иные просили принять совсем маленьких, говоря при этом: «Пусть они у вас поиграют...»

Частенько, когда на уроках химии учитель демонстрировал опыты, под окнами появлялись охотники, просились в класс. Получение обыкновенной поваренной соли или опыт с лакмусовой бумагой, которая синела в растворе щелочи и краснела в кислотах, приводили их в восторг. Знания учителя казались им безграничными. Немудрено, что обращаться к нему по всякому поводу вошло у них в обычай. У одной удэгейки родилась девочка. На другой день, после того как женщина вернулась из больницы, она прибежала в школу.

— Анатолий Яковлевич, как назвать девочку?

— Ну как? — задумался учитель. — У вас есть много хороших имен: Даняка, Лади, Огня, Ланчака — смотрите, какие красивые имена.

— Нет, — возразила женщина, — я хочу назвать по-русски.

Позднее учитель узнал, что все удэгейские имена оригинальны. Если в Гвасюгах есть Хабала, то ни на Самарге, ни в Тернейской бухте, ни в бикинских лесах никогда уже не встретишь другого такого имени. Между прочим, страсть ко всему русскому проявлялась у них тем сильнее, чем больше жизнь открывала перед ними новые явления и вещи. У многих удэ русское имя становилось вторым именем: Кяундзю звали Костей, Сидимбу — Сашей, Даняку — Татьяной. Новая жизнь

поражала удэгейцев на каждом шагу. Появлялись в магазине товары — и люди сбегались толпой смотреть на них, иногда не зная, где и как применить купленную вещь. Шли к учителю, спрашивали. Учитель объяснял каждую мелочь, вплоть до того, как сварить компот или кисель, как пользоваться часами.

Шли годы. Из школы, как из светлого родника, удэгейский народ черпал культуру, сохраняя, однако, наивное, почти детское отношение ко всем новшествам. Когда в стойбище организовалась комсомольская ячейка, поступило сразу несколько заявлений. Секретарем избрали Кузьмина. Однажды вечером пожилая удэгейка Киди, встретившись с ним на улице, смущенно протянула ему записку. Он развернул ее. Это было заявление, написанное, очевидно, по просьбе женщины кем-то из учеников: «Принимайте меня в комсомольцы. Я тоже хочу носить значок». Учитель еле сдержал улыбку. Он объяснил женщине, что она не подходит по возрасту. Та не обиделась и кивнула головой в знак того, что понимает. Но всюду, на всех коллективных стрельбищах, молодежных играх, на собраниях, она неизменно присутствовала, так же как и другие пожилые удэгейцы.

Однажды школьники сказали, что приехал с Самарги сильный шаман. Он будет лечить больного старика. За рекой возле одинокой юрты собрался народ.

— Пойдем посмотрим, что там такое, — предложил Масленников своему другу.

Они отправились. За лесом, словно большой костер, догорал закат, как всегда по осени щедрый на краски. В юрту набилось много зрителей. Едкий запах багульника шел от огня. Шаман был одет в короткую юбку из нерпичьей кожи, окаймленную пестрым орнаментом, изображавшим птиц и зверей. Поверх юбки топорщился халат, подпоясанный широким поясом, украшенным сзади железными трубками, которые во время пляски издавали звон, лязг. На голове у шамана была страшная маска с рогами, от косматой шапки до плеч спускались завитушки стружек. Перед тем как началось камланье, шаману разогрели бубен над костром и какая-то старуха подала ему колотушку.

Шаман сел у огня, подобрав под себя ноги. Больной лежал в углу на шкурах. Шаман начал свои при-

читания, вслед за ним стали повторять какие-то непонятные слова многие старики и старухи. Но вот шаман поднялся над костром и закружился, отчаянно ударяя в бубен. Все громче и громче становилось его пение. В такт словам он подпрыгнул и закрыл глаза.

— Начинается полет в загробный мир, — шепнул Кузьмин.

Шаман действительно изображал путешествие в царство теней. Преодолевая на своем пути множество препятствий, он должен был отыскать и вернуть больному его душу. В продолжение всего камлания Масленников, наблюдавший за бешеной пляской шамана, не упускал, однако, из виду своих учеников, которые стояли тут же, дрожа от страха. Шаман «опустился на землю», прыгнул в середину костра, разметав ногами тлеющие уголья. Масленников потянул друга за руку. Они вышли. Вслед за ними выбежали дети. Тяжелое мрачное впечатление надо было чем-то развеять. Масленников молчал.

— Вот был бы сейчас баян, — заговорил Кузьмин, подымаясь на крылечко школы, — честное слово, сейчас бы заиграл так, что лес и горы дрогнули...

На следующий день хоронили старика. В могилу сложили все предметы умершего, которыми он пользовался при жизни, кроме ружья, — с ружьем душа не попадет в загробное царство. Гроб был сделан из старого кедра в виде лодки, на случай, если душе придется плыть по воде. Под двускатной крышей, прикрывавшей могилу, удэгейцы оставили охотнику нарты, весла, острогу, копье и стрелы.

— А ты знаешь, почему они так хоронят ребятшек? — сказал как-то Масленникову Кузьмин, имея в виду недавний случай, когда они остановились в лесу на кладбище, увидев в развилках старой липы сверток, оказавшийся детским трупом. — Мне Джанси Кимонко рассказывал, что по старым законам ребенка нельзя хоронить в земле, иначе не будет детей. Вот дикость-то...

— Да, но ты понимаешь, как они, однако же, заботятся о потомстве! — ответил Масленников. — Надо сюда непременно фельдшера!

— Джанси уже подал заявку в район.

Весной опять появился тот же шаман. В школе

только что закончились занятия. Снова слышался стук бубна за рекой.

— Тащите винтовки, — сказал Масленников комсомольцам, — будем проводить соревнования по стрельбе.

Когда за стойбищем слышались выстрелы, охотники пришли узнать, в чем дело. Оказывается, школьники упражнялись в стрельбе. Это было интересно. Многие охотники тоже просили разрешения дать им выстрелить в мишень. Вскоре пришел сюда и сам шаман.

— Зачем ты шаманишь? — спросил его Масленников. — Все равно ведь старик умер. Работать надо.

Шаман усмехнулся, но ничего не сказал. С тех пор его не видели в стойбище. Настоящую помощь при болезнях удэгейцы привыкли получать в открывшемся медпункте. Правда, когда приехал фельдшер, вначале никто не хотел идти к нему. Но вот у одного мальчика появился кашель. Учитель повел его в медпункт. Фельдшер выписал порошки, и через несколько дней кашля не стало. В другой раз у девочки разболелся живот. Через три дня она уже была на ногах после того, как вмешалась медицина. Теперь они шли уже к фельдшеру со всякой мелочью, пустяком, так что в «больнице» иной раз становилось тесно.

Шаманское камлание многих привлекало и как зрелище, развлечение. Однако новая жизнь оказывалась и в этом отношении куда интереснее. В клубе стали ставить спектакли. Иногда кто-нибудь из участников появлялся на сцене в костюме шамана. Это вызывало искренний смех зрителей. По вечерам в клубе затевались танцы, с тех пор как приехала новая учительница, сестра Кузьмина Анна Ивановна. Сначала учились танцевать только девушки, а затем и все — от мала до велика. Кузьмин брал привезенный из города баян и шел в клуб, развернув меха. На звуки баяна сбегалось все стойбище, приходили старики, охотники. Иногда кто-нибудь из них входил в круг танцующих и, не обращая внимания на то, что Анна Ивановна танцевала с другим, брал ее за руку, говоря: «Хватит с ним. Меня учи!»

Но прошло некоторое время, и однажды в стойбище снова появился старый знакомый. Проплывая мимо, шаман не зря останавливался здесь. Он вел враждеб-

ную агитацию, распускал провокационные слухи на этот раз по поводу того, что удэгейцев впервые в истории начали призывать в Красную Армию.

Вечером к Масленникову один за другим стали приходить охотники. Они спрашивали:

— Анатолий Яковлевич, скажи, пожалуйста, почему раньше удэгейцев не брали в армию, а теперь берут?

— Что такое, почему повестка пришла? Разве мой сын плохой охотник? На войне, говорят, удэгейцев будут убивать.

Масленников нахмурился. В тот же день созвали собрание.

— Сегодня ко мне приходили люди и спрашивали: зачем удэгейцев берут в Красную Армию? — говорил учитель. — Я вам отвечу: я знаю, кто посеял смуту среди вас. Шаман. Что же он предлагает вам? Давайте разберемся. Мы с вами за эти годы по-новому жить научились. Шаман помогал? Нет. Удэгейцы теперь живут в избах, работают, учатся, одеваются красиво, кушают хорошо. Шаман помогал? Нет. Кто дал нам все это? Советская власть дала, партия наша дала. Мы живем все дружно, как одна семья. Если бы сейчас враг напал на стойбище, разве мы не стали бы защищать свое счастье? Мы бы все взяли оружие и не пустили злодея! Так вот, наша страна — это тоже одна большая семья. Красная Армия защищает свою страну, где живет много народов. Красноармеец — это сильный, ловкий, культурный боец. Раньше удэгейцы были темные, неграмотные, их не брали в армию. Сейчас удэгейцы окончили семилетку. Возьмите хотя бы Сидимбу. Разве он будет плохим бойцом? Он может быть командиром. Он прекрасный охотник, знает тайгу, умеет ходить на лыжах. Вот зачем позвали удэгейцев в Красную Армию. Мы все должны гордиться этим. Это наша большая победа, товарищи!

Тревожной была весть о том, что немецкие фашисты напали на Советский Союз.

— Уали! (Война!)

— Фашист напал!

Гонцы пошли в лес за охотниками, поплыли на оморочках по протокам, по рекам, в тайгу, на огороды, где работали колхозники. Вечером на улице около дома правления колхоза собрались все гвасюгинцы. Маслен-

ников рассказывал о том, какие зверства творят фашисты на советской земле.

Старый мудрец Гольду, приехавший из тайги с ружьем, взял слово:

— Вот я вижу, вы, молодые удэге, стоите тут все здоровые, сильные. Вы теперь умеете не только охотиться, вы узнали грамоту, светлую жизнь узнали, музыку и песни. Вы теперь носите белые рубашки с галстуками, женщины в шелковых платьях ходят. Кто дал это? Советская власть дала! А вдруг придет фашист, отнимет все это и скажет: «Идите опять в тайгу, живите в юртах». Что мы скажем? «Не надо старой жизни!» — скажем. Так берите оружие, удэгейцы, идите стрелять фашиста! Удэгейцы умеют стрелять хорошо...

После собрания к Масленникову один за другим приходили молодые и старики с одним и тем же вопросом:

— Как пойти на фронт?

Учитель объяснял, что пойдет тот, кого позовет Родина. А пока надо всем хорошо работать и этим помогать нашей армии.

Наступил день, когда из Гвасюгов отправились первые призывники, в том числе и Джанси Кимонко. Потом получил повестку учитель. Удэгейцы, привыкшие к своему русскому другу, заволновались. Они написали даже коллективное прошение оставить Масленникова. Узнав об этом, учитель спокойно заметил:

— Этого делать не надо, товарищи. Родина позвала меня, я должен идти.

Тот день, казалось, измерил всю глубину любви к нему обитателей села. Учитель заходил прощаться в каждую избу, и трогательным было это расставание. Его усаживали за стол и угощали. Школьники толпой следовали за ним всюду. Провожать учителя отправились десятки людей. Рядом с ним шла его жена Лидия. Учитель нес на руках маленькую дочку. Старшая шагала впереди. Когда учитель оглядывался, он видел, как в воздухе мелькали белые платки. Наконец скрылось из вида селение, вот уже показалась заимка, где столько раз учителю приходилось бывать в эти годы. Тут с удэгейцами он учился бить острогой рыбу. Здесь неподалеку он показывал им, как обрабатывать землю. Здесь он плакал от радости, когда встретил почтальо-

на, плившего по реке с газетами в руках, и узнал, что Советское правительство наградило его — учителя из далекого стойбища — орденом Ленина.

Стойбище осталось в его памяти на всю жизнь. В дни войны к удэгейцам часто приходили письма от Масленникова. Жена учителя читала их вслух. Удэгейцы слушали, говорили:

— Вот видите, Анатолий Яковлевич пишет: женщинам тоже надо идти охотиться. Значит, так надо...

Письма в Гвасюги приходят отовсюду. Писали питомцы школы — фронтовики. Суровые и жизнерадостные, глубокие и непосредственные эти письма были трогательны и по тому, как в их безыскусной орфографии русские слова порой смешивались с удэгейскими, по тому, как ярко выражалось в них чистое, сыновнее чувство любви к своей Советской Родине.

Врожденные охотники и следопыты, удэгейцы проявили себя в боях великолепными разведчиками, стрелками. Вместе со всей Советской Армией они входили в логово фашистского зверя, а во время войны с Японией были на маньчжурской земле. Сам учитель тоже стал воином...

Я встретила с Масленниковым как-то в поезде. Он был в шинели с капитанскими погонами, опять вспоминал о Гвасюгах, говорил, что десять лет, прожитых с удэгейцами, не прошли бесцельно.

— Если будете в Гвасюгах, — говорил на прощание Масленников, — передайте привет всем. Вы знаете, недавно Василий Кялундзюга прислал мне письмо. Он ведь в Берлине побывал! Это тот самый Вася — сын Дзолодо, который в детстве боялся школы.

Я вспомнила об учителе Масленникове, когда впервые увидела Василия. Он пришел к нам в редакцию вместе с Хохоли.

— Разрешите войти? Здравствуйте!

Он снял шинель, пригладил расческой непослушные, торчащие щеткой черные волосы и заговорил бойко, отрывисто. Вспоминал свое детство, смеялся над тем, как в шесть лет родители уже подыскали ему невесту, как в школе весь первый год он почти не учился, а забавлялся охотой, тайком от учителей бегал рыбачить. Разве он думал тогда, что ему придется побывать и в Румынии, и в Польше, и в Германии!

— Много раз приходилось в разведку ходить, — рассказывал он. — Один раз на снегу пролежал всю ночь. Ну все ж таки взял «языка». Цопнул его — и порядок. Правда, меня командир потерял, думал, что я замерз. Когда прихожу, он удивился. Я смеюсь. Говорю ему: «Я же охотник, таежный житель!» Вот такое дело было. Спрашиваете, как за границей? Ну что Берлин? Город большой, а дома все в одну серую краску, темные. Чужой город. И вообще за границей совсем не то. Каждый оттуда рвется домой. Правильно сказал Маяковский, что можно было бы жить в Париже, если бы не было такой земли — Москва. Не помню точно, так, нет?

Он ходил по комнате и все приглаживал рукой волосы.

— А вот теперь и у меня тоже есть немножко русской крови. Да, да! Чего вы смеетесь? Когда я ранен был, одна русская девушка мне кровь свою отдавала. Значит, Василий Кялундзюга и сам немножко русский стал!

Слушая тогда Василия, я еще не знала, что он окажется участником нашей экспедиции.

9. ЖИТЕЛИ ХОРСКОЙ ДОЛИНЫ

Рано утром пришел Василий Кялундзюга. Он помнил о нашем уговоре содействовать ему в случае, если правление колхоза откажется отпустить его с экспедицией.

— Помогайте мне! Хочу идти с вами. — Молодой удэгеец настаивал, чтобы мы решили этот вопрос как можно скорее.

— Идемте в правление, — предложил он, узнав о том, что мы собираемся в стойбище.

Впрочем, слово «стойбище» в применении к новой оседлой жизни удэгейцев звучит теперь старомодно. С ним ведь связаны временные становища кочевников, дымные балаганы и юрты — убожество полудикого обитания «лесного человека», все то, что стало историей. Гвасюги — село. Это единственное удэгейское селение в долине Хора. Ни вверх по реке, ни в низовьях больше нет удэгейцев, они все обосновались в одном месте. С тех пор как здесь организовался колхоз «Ударный

охотник», прошло только полтора десятилетия. Но за это время удэгейцы шагнули в социалистический строй, оставив позади кочевой образ жизни с первобытными нравами и обычаями.

— Да здесь, оказывается, почти у всех есть огороды! — удивилась Лидия Николаевна, когда мы проходили с ней по селу.

Всю жизнь удэгейцы кочевали по горным рекам, и тайга была их колыбелью. Зимой они промыслили зверя, летом добывали панты изюбра, ловили рыбу. По берегам рек хорского бассейна вековали их деды и прадеды. Едва весеннее солнце растопит снега, вскроются реки, удэгейцы начинают переходить с места на место. Убьет сохатого охотник и не тащит мясо убитого зверя домой, а забирает всю семью и ведет ее туда, где спрятана добыча. Новая удача охотника — новое место. И так всю жизнь.

Надо только представить себе это переселение! По быстрой реке плывет длинная лодка-бат, напоминающая колоду, из какой у нас в деревнях поят лошадей. Бат непременно делался из живого тополя. Беда, если кто-нибудь воспользуется для этой цели погибшим деревом, — нельзя, постигнет несчастье. В этой долбленой лодке весь убогий скарб кочевника, копье, стрелы, нарты, ловушки. Две-три собаки сидят присмирив. Тут все: медвежьи и кабаньи шкуры, корзинки с юколой, пучки травы хайкты на стельки в улах, коробочки из бересты, где сложены побрякушки, серебряные украшения, доставшиеся в наследство от родителей, ракушки, привезенные с моря.

Баты шли у самого берега, под живыми навесами из кустарников. При этом сохранялась полнейшая тишина. Даже дети не могли кричать и, если хотели пить, молча черпали берестяной чашкой воду прямо из реки. Удэгеец боялся прогневить бога Онку, охраняющего леса и горы, боялся злых духов, но более всего — человека. От людей шли к нему тогда напасти — от купцов, обманывавших на каждом шагу, от хунхузов, грабивших на глухих тропах.

В поисках лучшей охоты удэгейцы уходили все дальше и дальше, в глубь лесов, по таежным рекам. Их и теперь можно встретить в верховьях реки Бикина, на Анюе, в низовьях Хунгари, в Приморье на Самарге, в

Тернейской бухте и в заливе Ольги. Но селения их там весьма малочисленны. Гвасюги — самое большое удэгейское село.

В жизни маленького народа совершились сказочные перемены. Никогда не знавшие сельского хозяйства, удэгейцы научились обрабатывать землю. Теперь в лесной глуши поселился украинский подсолнух, растут помидоры, кавказская фасоль, муромские огурцы. Удэгейцы знают, как обращаться с домашними животными. А ведь еще не так давно доярка в их представлении была смелой женщиной, потому что не боялась рогатого зверя. Правда, новое отвоевывает почву в столкновении с пережитками старого быта.

Достаточно заглянуть хотя бы в этот берестяной балаган, который приютился рядом с избой охотника Дасамбу. Это его балаган. Зачем он ему? Из щелей, из приоткрытой двери просачивается на улицу дым. Однажды я хотела укрыться в таком шалаше от дождя. Страшный ливень застал меня на колхозных огородах. И вот в поисках убежища я вбежала в берестяной балаган, но и пяти минут не смогла пробыть в нем и, задыхаясь от дыма, выскочила оттуда. Старухи захохотали мне вслед. По старой привычке они спасались от мошки дымом, разложив в шалаше костер. Точно так же Лидия Николаевна сейчас отпрянула назад, едва мы очутились с ней в дымном убежище Дасамбу. Хозяин сидел перед костром на берестяной подстилке и выстругивал черенок кривого охотничьего ножа (афили).

— Да как у вас хватает терпения? — воскликнула Мисюра, когда мы попросили хозяина выйти.

Старик провел нас в избу. Здесь было прохладно и чисто. По белым занавескам на окнах, по фронтовым фотографиям, развешанным на стенах, по тому, как выглядел передний угол избы, где стояла железная кровать, заправленная по-солдатски, не трудно было догадаться, что этот новый порядок в доме наводился не без участия сына.

— Где же Алексей?

Говоря о сыне, Дасамбу оживился. Он стал рассказывать, что Алексей пришел с фронта и немножко болел, но теперь поправился и даже может охотиться, а сегодня ушел «в колхозную пашню». В этот день

многие колхозники были заняты прополкой. Мы обошли все село.

На школьном крыльце с лопатой в руках стоял Вадим Григорьевич Андреев в сером фартуке. Это был заведующий школой, с которым мы познакомились еще во время войны. Вспомнилась зимняя дорога, мы с Байдаловым возвращаемся из Гвасюгов, а навстречу нам по узкой тропе двигаются две подводы. Лошади с трудом тащили нагруженные сани. В санях, укутанные до бровей, сидели ребяташки, рядом с ними пожилые мужчина и женщина. Мы остановились, чтобы узнать, откуда они, куда едут? Оказалось, что это новый заведующий школой Андреев и его жена — учительница переселялись в Гвасюги...

— Когда-то я сам напутствовал Анатолия, — вспоминал Андреев. — Он ведь был моим учеником. А теперь мне пришлось заменить Масленникова. Вот как бывает...

Вадим Григорьевич работал здесь уже шесть лет. За эти годы двое старших его детей окончили семилетку и уехали учиться в город, а двое меньших подросли и тоже сели за парты, светлоголовые, синеглазые, рядом со своими смуглыми сверстниками. Я спросила, сколько теперь учителей в селе.

— Шесть человек. И все-таки нам не хватает хорошего математика. — Андреев задумался, опершись на лопату. — Сейчас вот ремонт заканчиваем. Сами все делаем. Видите, сколько помощников? — он кивнул на ребят, подносящих кирпичи. — Я тут печником заделался. Печника-то нет. А кирпич у нас теперь свой. Наверное, видели завод?

Андреев сошел с крыльца и проводил нас до клуба.

— На днях будем пионерский лагерь открывать. Жаль, что вы уедете, — продолжал он на ходу. — А может быть, задержитесь здесь? Вода ведь большая.

Около кирпичного завода женщины попарно таскали на носилках кирпичи и укладывали их под дощатым навесом. Удзали, недавно демобилизованный из армии, засучив по локоть рукава, размешивал глину. От школы с ведрами бежали девушки в забрызганных известью халатах. И ребяташки, впервые за эти дни оставив в покое волейбол, помогали старшим приводить в порядок школьное здание. По дороге в детские ясли

нам встретился молодой удэгеец в пограничной фуражке. Он шел к берегу, неся в руках весла. Я узнала Батули после того, как он поздоровался издалека.

— Багдыфи! Хочу с вами в экспедицию! — бросил он на ходу, не останавливаясь.

«Ну вот, — подумалось мне, — всполошили мы всех...»

Заведующая детскими яслями Зоя Кимонко, круглолицая симпатичная женщина в белом халате, с материнской нежностью наблюдала, как няня учила ходить смуглолицего, черноволосого ребенка. Старшие дети сидели за столиками в ожидании обеда.

— Видите, какая у нас армия? — Зоя обвела всех жестом. — Игрушек маловато.

Во время войны Зоя была председателем сельсовета, потом заведовала почтовым отделением. Сама возила и носила в район посылки для фронтовиков. В посылках были красивые меховые торбаса и рукавицы тончайшей работы. Унты, обшитые сверху орнаментом в два яруса, с полоской дымчатого меха. Внутри торбасов лежали теплые меховые чулки. Рукавицы из меха выдры, легкие и мягкие, перчатки, тапочки для раненых — все это готовили удэгейские мастерицы.

Особенно много делала Хабала. Она была искусной вышивальщицей, с редким вкусом настоящего художника. Ей заказывали вышивки удэгейские девушки-невесты, она расшивала рубашки русским учителям, ее просили рисовать узоры старые вышивальщицы. Но, когда ей сказали, что она и Суенка будут шить подарок Главнокомандующему, женщина заволновалась.

— Ой, это трудно! — сказала она. — Конечно, попробуем... не знаю, как получится.

В берестяной коробке Хабалы хранятся мотивы узоров. Но чаще всего она создает их, импровизируя во время работы. Из тонкой рыбьей кожи вырезает ножом узор без всякого карандаша — на глаз. Затем узор этот наклеивает на темный сатин и начинает обшивать цветной шелковой гладью. Иногда это цветы и листья, переплетающиеся в узоры, иногда можно рассмотреть в нем птиц и зверей. А в этот раз орнамент вышел особенно красочным.

Пока мастерицы были заняты работой, удэгейцы несколько раз наведывались. Когда же подарок был

готов, смотреть его собрались все. Смотрели издалека — руками трогать не разрешалось.

— Очень хорошо! — восхищенно говорили молодые.

— Ейни ая! — подтверждали старики.

Заведующая почтой Зоя отвезла подарок в район. А там его быстро запаковали в ящик и отправили в Москву, в Кремль.

После того как Байдалов сфотографировал вышивальщицу, случилось так, что снимки эти разошлись по всем фронтовым газетам. И вот как-то уже летом Хабала прислала письмо в редакцию. В нем была такая фраза: «Не знаю, что делать. Откуда все про меня узнали? Из всей страны получаю письма».

Я рассказала об этом Лидии Николаевне, когда мы уже вышли из детских яслей и разыскивали знаменитого сказочника Яна Кимонко. На берегу протоки меня окликнула Хабала. Она полоскала белье. На ней был халат, украшенный национальным шитьем. Медные побрякушки, нашитые на подоле, позвякивали при каждом ее движении. Женщина выпрямилась. Пряча мокрые руки, улыбнулась.

— Как в городе живете? Новости есть? Приходите к нам вечером, — заговорила она. — Ян будет дома.

Ян работал в бригаде плотников. Сегодня они заканчивали ремонт бани. С рубанком в руках он вышел из-за верстака и смущенно выслушал мою просьбу: не отказываться, когда мы придем к нему записывать удэгейские сказки.

Перед вечером я зашла в сельсовет. Надо было решить вопрос о подборе батчиков для нашей экспедиции. Колосовский сидел уже там. Без помощи председателя сельсовета вообще обойтись в этом случае было трудно. Он здесь не только представитель Советской власти, он — душа колхозного села. Кто бы ни приехал в Гвасюги — экспедиция ли, инструктор ли из райкома партии, или работник леспромхоза, — кого бы ни завела лесная тропа в эти глухие края, не обойдешь сельский Совет.

Председатель Джанси Батович Кимонко, средних лет человек, смуглолицый, почти как все удэгейцы. Добрый, открытый, понимающий взгляд из-под монгольской складки век, кроткая улыбка и всегда к месту сказанное слово располагают к беседе.

Много раз мне приходилось наблюдать, как он принимает посетителей. Будь то старая колхозница или учитель, молодой охотник или няня из детского сада — с каждым из них Джанси Кимонко одинаково учтив, разрешая по-деловому любой вопрос. Иногда посетитель запаздывает с какой-нибудь просьбой или с делом, которому Джанси уже заранее дал ход. Вот и сейчас Фауст Владимирович с беспокойством заговорил о батчиках, но Джанси уже развернул перед ним список:

— Вот, пожалуйста, смотрите, кого мы выделили. Шесть батов, двенадцать человек. Хватит?

Судьба Джанси — это судьба удэгейского народа. Он родился на берегу Сукпая, под хвойной крышей шалаша, как требовал этого закон «лесного человека». Кроме юрты его отца, в долине горной реки не было других жилищ. Юрта охотника Баты Кимонко стояла там, как еле приметный маяк среди бескрайнего лесного океана. Детство Джанси прошло у костров, в скитании по таежным рекам. Кочевья и снова кочевья. Что он видел? Горы и лес, звериные тропы и реки. В юрте, пропахшей дымом, долгие годы тянулась голодная, страшная жизнь. Юность пришла к Джанси не спокойно. Отблески далеких пожаров гражданской войны по ту сторону перевала «лесные люди» восприняли как несчастье. Зарево над лесами вызывало у них тревогу. Старики говорили, что это русские воюют и что, когда люди гибнут, кровь их поднимается высоко и стынет в небе. Но что бы ни говорили старики, Джанси мечтал о встрече с красными партизанами, и он ушел к ним.

О том, что он станет писателем, Джанси не знал ни тогда, ни потом, когда поехал учиться в город, несмотря на то, что все стойбище, провожая его с тревогой, опасалось за судьбу молодого охотника. Он учился в Ленинградском институте народов Севера и там открыл в себе потребность слагать песни о новой жизни. Он окончил Центральные курсы советского строительства и снова приехал в Гвасюги. Джанси первым вступил в колхоз; первая изба, построенная по русскому образцу, была его изба. Много таежных тропинок исходил он за свою жизнь, был в рядах Советской Армии, служил на дальневосточной границе. Три медали украшали грудь председателя сельисполкома. Сегодня он

в белом кителе. Веселость, с какою он встречал каждого нового человека, явившегося на заседание, выдавала его приподнятое настроение. Пока собирался народ, Джанси прохаживался по комнате, слушал о чем говорили старики, вступал с ними в беседу, шутил с ребяташками, прибежавшими сюда гурьбой показывать пойманного ежа.

Заседание исполкома началось не сразу. Ждали самого старого колхозника Гольду, который должен был приехать из своих «дедовских владений» на оморочке. Гольду жил в Джанго, за двенадцать километров отсюда вверх по Хору. Когда-то Джанго было стойбищем. Объединяясь в колхоз, удэгейцы раздумывали: где лучше остановиться на постоянное жительство? Избрали Гвасюги. Только один старый Гольду остался на земле своего деда и жил в юрте с женой Атянгу. Старик не пожелал изменить домашнего уклада, расстояние же в двенадцать километров он не считал для себя препятствием к тому, чтобы работать в колхозе. Привязанность к юрте, к джанговской земле, где он был почти отшельником, чудесным образом сочетались в нем с передовыми взглядами на колхозную жизнь, в которой он и участвовал с похвальным усердием. Задания Гольду выполнял аккуратно, независимо от того, что требовалось: сплести сети или выделывать шкуры, выстругать весла или починить бат. Несмотря на свои восемьдесят лет, он еще рыбачил, а во время войны ходил на охоту и перевыполнял план. Но самое замечательное, что отличало старика, за что так любили его удэгейцы, — это мудрость, с какою он произносил речи на собраниях или просто в кругу друзей разговаривал о жизни. Во время стрелковых соревнований он еще пробовал свою меткость в стрельбе, пускался на перегонки на оморочке и подзадоривал комсомольцев: «Вы же молодые люди, будьте смелыми. Идите вперед! Только не осуждайте меня, старика, если оглянетесь и увидите, что я немножко отстал...»

Гольду явился, когда было уже так тесно, что невозможно было протиснуться между скамейками. Некоторые охотники сидели на корточках возле двери.

— Сародэ! — громко по-удэгейски приветствовал он собравшихся, остановившись на пороге.

Низенький ростом, в черной рубахе — мокчо, под-

поясанный кушаком, чуть сгорбленный, он оглядел собравшихся, торопливо снимая с головы белое мотулю. Кто-то из молодых удэгейцев уступил ему табуретку.

— Итак, разрешите открыть заседание сельисполкома, — спокойно сказал Джанси. — На повестке такие вопросы...

Он зачитал повестку дня. Помимо двух вопросов, касающихся подготовки к уборочной кампании и оживления культурно-массовой работы на селе, значился еще один вопрос. Интерес к нему в значительной мере объяснял сегодняшнее многолюдье. Председатель должен был вручить правительственные награды колхозникам, отличившимся во время войны. В этот вечер я впервые наблюдала ораторские способности Джанси. Интересно было следить, как горячо и плавно текла его богатая интонациями речь. Джанси не испытывал затруднения перед слушателями. Позднее я неоднократно убеждалась в этом. Он всегда умел вызвать интерес к тому, о чем говорил, облекая самые сложные формулировки в живые и доступные образы. Так и сейчас, раскрывая смысл социалистического строя, силу дружбы народов, он прибегал к таким примерам, которые и объясняли и подтверждали новую быль, похожую на сказку.

Кто бы подумал, что женщины из племени удэ будут наравне с мужчинами охотиться, что они пойдут добывать пушнину, как во время войны пошли Амула, Бумбу, Зузала? Ведь промысел вели почти одни женщины да старики. Даже Гольду с успехом перевыполнял задания. Даже школьник Юра, убивший медведя, хотел, чтобы его удача была частицей общего дела. Надо знать, как далек был «лесной человек» от мысли, что земля будет его кормилицей, тогда поймешь, отчего так изумленно смотрит иной раз бабушка Атянгу на своих внуков, которые не знают вкуса талы и предпочитают сырой рыбе овощи, выращенные около дома. Всякий раз, когда я думаю об этом, у меня перед глазами возникает образ удэгейской девушки-колхозницы. Мы повстречались с ней как-то осенью на дороге. Она шла с колхозного поля вслед за лошадью. Я поравнялась с ней и хотела поздороваться за руку. Девушка застенчиво отстранилась. Руки у нее были в земле. Она копала картофель. Прошло время, когда удэгейцы боя-

лись прикоснуться к земле, чтобы не разгневать духов.

Вот об этом-то и говорил Джанси перед тем, как вручить награды. И как только прозвучали его слова, напоминающие о том, что награды эти пришли из Москвы, из Кремля, собрание загремело аплодисментами.

— Разрешите поздравить, — говорил Джанси, вызывая по очереди награжденных и пожимая им руки.

Когда он назвал фамилию Гольду, старик не торопясь подошел к столу. С минуту он разглядывал свою медаль, потом приколот ее на левую сторону груди и вдруг заговорил по-удэгейски, быстро, отрывисто:

— Хорошо! Очень хорошо! Большое спасибо Советской власти! Много лет на свете живу. Охотился много. Никто не знал Гольду Кимонко. Теперь в Москве узнали. Буду стараться, пока глаза видят.

Он вернулся на свое место под дружные хлопки. Сел и, пока не закончилось собрание, все поглядывал на свою медаль. Расходясь по домам, удэгейцы вооружались смолистыми кедровыми лучинами, зажигали их, шли друг за другом. Факельное шествие по ночам здесь явление обычное. Многим надо было плыть на батах и оморочках через протоку.

— Ну, как добирались? — спросил меня Джанси Кимонко, укладывая бумаги в ящик стола. — Я ждал вас все время. Немного поздновато идете. Надо было чуть-чуть пораньше. Теперь дожди пойдут. Тяжело будет подниматься по Хору. Обратно когда вернетесь?

— Трудно сказать.

— Это верно. — Он засмеялся. — В тайге километры никто не считал... — И задумался. — А я без вас начал повесть, о которой мы говорили. Написал первые главы. Но времени не хватает. Приходится по ночам сидеть.

Из сельсовета мы вышли с ним, едва отыскав в темноте тропинку. Справа над протокой мерцали факелы лодочников. С берега доносились людские голоса, смех, ауканье.

— Вот наше неудобство, — вздохнул Джанси, — село на протоках. Людям приходится все время на батах, на оморочках с одного берега на другой переправляться.

— А если перенести дома на один берег?

— Нет, тут нужно другое. Я думаю ставить вопрос о том, чтобы перенести наше село поближе к колхозным полям. Берег там высокий. Удобно будет. Правда, для этого средства большие нужны.

Около школьной ограды Джанси остановился.

— Что же вы Юру так и не привезли? Просился, да? Напрасно не взяли. Мы бы с ним порыбачили. Идите здесь осторожно. Около тропы пней много. Так, значит, завтра придете?

Он повернул в сторону протоки, а я пошла на метеостанцию. Темно было вокруг, у берега Булинки в низине растекался прохладный воздух, и эта волна как бы сбивала с кустарников сладкий запах цветения.

По огороду с площадки шла девушка-радистка.

— Вы ничего не знаете? — заговорила она, открывая дверь. — Есть радиограмма. Попросите у Ивана Михайловича.

Вместо Ивана Михайловича я застала Колосовского. Он работал, углубившись в отчеты, и не сразу отзывался на мой вопрос, откуда радиограмма.

— Придется вам собираться в дорогу. Вот читайте.

В радиограмме сообщалось о том, что члены нашей экспедиции, энтомологи и геоботаник, вышедшие из Бичевой на катере, застряли в пути. Ввиду мелководья катер не смог подняться выше Ударного. И вот они сидят в шестидесяти километрах отсюда, ожидая помощи.

— Надо как можно скорее спуститься вниз по Хору и доставить их в Гвасюги.

На следующий день мы снарядили бат. С двумя удэгейцами мне пришлось отправиться на поиски товарищей. Встреча произошла на берегу, около поселка Ударный. Высокая, плечистая девушка в синем комбинезоне и белой панаме бегом спустилась к нам с крутого обрыва. Это была Надя Жданкина. Она бежала, неуклюже расставив руки и спотыкаясь о камни.

— Наконец-то! — звонко воскликнула она, здороваясь. — А мы уже хотели пешком идти, но, говорят, здесь такие глухие тропы. — Она прищурилась и вдруг рассмеялась, подбодрившись и задорно откинув назад панаму. — Вы думаете, что я не дошла бы? Будьте уверены, еще как!

Девушка говорила искренне. Она не знала, что в огромных мужских ботинках ей будет нелегко идти.

— Как же мы уместимся в одной лодке? — задумчиво продолжала Надя, оглядывая наш бат.

Удэгейцы засмеялись.

— Вы, однако, невыгодный пассажир, — сказал Василий Кялундзюга, посматривая на девушку: — Центнера полтора, наверно, весите? Да?

— Что вы! Что вы! — Надя смутилась и замахала рукой. — Юрий! Иди скорее! — она нетерпеливо шагнула в сторону косогора.

Оттуда уже спускался вниз ее коллега Юрий Мелешко, молодой человек в таком же синем комбинезоне. На голове у него была белая шляпа-накомарник с откинутой назад тюлевой сеткой. Маленький ростом, худенький, рядом с Надей, пыщущей здоровьем и силой, он казался еще меньше. Оба они были студентами Хабаровского медицинского института. Прикомандированные к нашей экспедиции, они имели задание разведать, нет ли в долине реки Хор переносчиков редкой и опасной болезни — таежного энцефалита. За плечами Юрия Мелешко был некоторый опыт практической деятельности. Он пришел в институт не со школьной скамьи, как Надя. До института он уже работал фельдшером. В нашей экспедиции кроме научно-исследовательской деятельности он будет исполнять обязанности лечащего врача.

— Ну, как там, все у вас здоровы? — спросил он в первую минуту нашей встречи, потом заговорил о своей аптечке, о лекарствах, перемежая русские слова с украинскими. — Надо звать Андрея Петровича. Придется ведь все наши медикаменты, все имущество тащить сюда. Надя! — обратился он к девушке. — Иди, позови Нечаева. Он там наверху, за поселком, цветы собирает.

— Да вот он!

На вершине косогора показался Нечаев. Он шел с гербарной сеткой в руках. Под его сапогами со стуком разлетались мелкие камни.

— Здравствуйте! — сказал он всем сразу и положил сетку на камень. В голубой спортивной безрукавке, полинявшей от солнца, загорелый, медлительный в движениях, он казался моложе своих сорока лет.

— Кто это? — спросил меня по-удэгейски Василий Кялундзюга.

Я сказала, что это наш ботаник Андрей Петрович Нечаев.

— Крепкий человек. Наверно, может идти пешком, — сообразил Василий и стал вычерпывать воду из лодки.

— Что же, к нашим услугам единственная лодка? Бат, что ли, как вы ее называете? — заговорил ботаник, раскладывая на песке только что сорванные растения с таким видом, словно был у себя дома. — В этой лодке мы все, разумеется, не сможем подниматься. Так ведь? Лично я не претендую. Могу идти пешком. Главное, надо разместить вещи. Что вы думаете по этому поводу? — спросил он, не отрываясь от своего занятия.

Я сказала, что могу предоставить свой бат в распоряжение студентов. Нечаев поднял на меня вопросительный взгляд.

— Значит, нам с вами идти пешком? Ну что же, давайте будем собираться.

Вместе с ботаником мы отправились в путь через тайгу, оставив позади лодку, медленно поднимавшуюся навстречу течению. Андрей Петрович показал в ходьбе завидную выносливость. За время пути, углубившись в лес, мы несколько раз теряли из вида наших лодочников, но, когда прибрежная тропа приводила нас к реке, мы снова встречались с ними, вместе разводили костры на берегу, а потом двигались дальше, мокли под дождем, изнемогали от жары и опять мокли. Иногда, остановившись на отдых где-нибудь в тени, Нечаев заводил беседу на свои излюбленные ботанические темы. Он свободно оперировал латинскими названиями, знал поименно каждую травку и безошибочно мог определить, к какому виду или семейству относится то или иное растение. Андрей Петрович был научным сотрудником Дальневосточной базы Академии наук. Участие в нашей экспедиции представлялось ему делом интересным и важным, так как растительность хорской долины еще не имела научного описания.

Когда мы подходили к Гвасюгам, грянула гроза. Лодочники отстали от нас где-то за колхозными огородами. Над лесом гремел гром. Потом ударил такой ливень, что с маньчжурского ореха полетели листья.

— Сколько же нам еще идти? — спросил Нечаев.

Я оглянулась. Он шагал сзади, укрывшись зеленым плащом. Под сапогами хлюпала вода. Когда я сказа-

ла, что осталось совсем немного — всего километра три, Андрей Петрович попятился назад, к большому кедру.

— Идите сюда! — он махнул рукой. — Пусть пройдет этот ливень.

— Нет, я побегу. А вы потом прямо по тропинке идите, никуда не сворачивайте.

Я побежала, захлебываясь от бьющих в лицо потоков. Дождь хлестал по спине. Мокрая одежда прилипла к телу, вода чавкала в ботинках. Останавливаться было уже бессмысленно. Вскоре за лесом мелькнула изгородь. Вот и дом Джанси Кимонко. Совсем близко. Я открыла знакомую дверь, переступила через порог и остановилась, не решаясь пройти дальше. По рукавам куртки, по брюкам на чисто вымытый крашеный пол стекала вода.

— Кто там?

Из комнаты вышла хозяйка, моя давнишняя знакомая, Надежда Ивановна, невысокая, полная симпатичная женщина с лучистыми искорками в глазах, полуприкрытых монгольскими веками. Увидев меня, звонко расхохоталась.

— Ой, что такое? Откуда ты? — И засуетилась, захлопотала, помогая мне развязать головное покрывало. — Иди-ка сюда! — крикнула она кому-то в комнату, приподымая цветастую занавеску на двери.

Выбежала Дуня — жена Санчи Батовича, младшего брата Джанси Кимонко. Принесла ситцевый халат, комнатные туфли из лосиной кожи, расшитые цветными узорами. Надежда Ивановна протянула мне полотенце.

— Скорее идите с нами обедать! — торопил Джанси.

В просторной комнате за столом собралась большая семья: три брата Джанси с женами и детьми. Старенькая мать Яроба обхватила мою руку своими худенькими руками с серебряными браслетами выше запястья и долго трясла, приговаривая:

— Багдыфи... Багдыфи, аджига! (Здравствуй, дочка!)

Рядом с Джанси, вертясь на стуле, сидел его племянник Максимка, черноголовый, забавный мальчуган в черных трусиках и голубой майке. Джанси не имел детей. Неистраченную отцовскую нежность отдавал он Максимке. Тот сновал за ним всюду, называя Джанси

«одо» (дедушка). Усаживая племянника на колени, Джанси сказал, подмигнув:

— Ну-ка, Максим, рассказывай тете, как ты цыплят острой бьешь...

Максим надулся, глядя в тарелку, молчал. Надежда Ивановна заступилась:

— Он уже дал слово. Больше не будет так делать. Верно, Максим?

— Знаете, что он устроил? Я сделал ему острогу. Он вышел во двор, там цыплята, совсем маленькие, бегают, пищат. Он нацелился, бросил острогу прямо в цыпленка. Попал и смеется. Еще раз бросил и опять в цыпленка попал. Хорошо, что Надя увидела, отняла у него острогу, — рассказывал Джанси.

— Плохо сделал! — проговорил старик в темно-красном мокчо.

Я видела этого старика первый раз и спросила Джанси, кто он?

— Надо познакомиться! — живо отозвался Джанси. — Это Миону. А это его жена Яту. Наши гости, приехали с Анюя.

Так вот оно что! Я вспомнила, что Миону Кимонко был когда-то проводником у Арсеньева. Джанси подтвердил это. Он тут же взял с этажерки книгу Арсеньева «В горах Сихотэ-Алиня» и отыскал знакомые страницы.

В 1909 году Владимир Клавдиевич Арсеньев, автор книги «Дерсу Узала», путешествовал по реке Сальму. Река привела его в долину Хора, где жил тогда Миону. Они встретились в верховьях Садомабирани. Миону ходил на соболевку, но тигры испортили ему охоту.

«Миону был мужчина лет тридцати восьми, — писал Арсеньев, — невысокого роста, бедно одетый. Обветренное и загорелое лицо его и заскорузлые руки говорили о том, каким тяжелым трудом он добывал себе средства к жизни. В глазах его можно было прочесть тревогу и заботу, а в глазах жены — покорность судьбе...»

Это было почти сорок лет назад. Арсеньев хотел воспользоваться тем, что Миону прекрасно знал здешние леса и мог провести его к скалам Мэка. Но Миону был напуган злыми духами. Он спешно погрузил на нарты свой скарб и исчез, оставив в жертву тигру привязанного к дереву щенка.

Я спросила Миону: знает ли он, что стрелки Арсеньева отвязали тогда щенка, накормили его кашей и оставили у себя?

Старик засмеялся:

— Давно, давно был такой случай. Щенка оставлял. Потом не знаю, что получилось.

Миону был теперь уже стар, но силы не изменили ему до сих пор. Он еще плавал на оморочке, мог провести бат с грузом и ходил бодрой походкой. Безусое, гладко бритое лицо его запоминалось с первого взгляда своими необычными чертами: нос с горбинкой, выдающийся вперед подбородок, крутой взлет бровей. Миону был похож на индейца. Говорил он густым басом и смеялся заразительно весело. Маленькая племянница Джанси, краснощекая Юлька, сидевшая на руках у матери, смотрела на незнакомого дедушку с трубкой удивленными, округлившимися глазами. Старик вспоминал, как в другой раз шел с Арсеньевым через хребты Сихотэ-Алиня в Хабаровск:

— Арсеньев большой человек был. Все знал. Он не любил продукты в мешках таскать. Мука, крупа, сахар — все в железных банках. Я помню, так дело было. Через перевал шли в Хабаровск. Около реки встретили военных. Это, наверно, которые хозяева границы, да? Они говорят: «Стой! Куда ходи?» Они думали, что мы контрабанка таскай. Арсеньев говорит нам: «Давайте, ребята, покажите военным, что тащим». Они все-таки посмотрели. Потом Арсеньев свои бумаги показал. Он веселый был. Так говорил им: «Моя всегда такой контрабанка таскай». Тогда военные руку ему крепко давали: «Ходи, капитана!..»

— Вот вам, пожалуйста, живая история, — сказал мне один из братьев Джанси, учитель Удзюлю, кивая в сторону рассказчика.

— А как вы теперь живете, Миону?

— Живем на Анюе, в колхозе, — с достоинством ответил удэгеец, отхлебывая из стакана кисель. — Вот пришли сюда, немножко соскучились. Она сильно соскучилась... — Миону посмотрел на жену.

Яту улыбнулась. Это была маленькая и кроткая женщина лет пятидесяти. С ней у Джанси были связаны тяжелые воспоминания детства.

— Я вот как раз недавно главу про нее написал, —

сказал Джанси, поднимаясь со стула. — Потом прочитаю.

— А может быть, лучше сейчас? Пусть послушают все.

— Надо пообедать сначала, — вмешалась хозяйка. — Потом будем читать, слушать...

Надежда Ивановна поставила на стол пельмени в фарфоровом блюде, принесла салат из свежих огурцов, жареную рыбу с зеленым луком, яичницу, творог со сметаной. В стаканах остывал брусничный кисель. Хозяйка умела готовить и любила угощать. За этим столом частенько собирались родственники, друзья. У Джанси всегда кто-нибудь гостил. Приходили старики и старухи, годами жили племянники, приезжали приморские удэгейцы с Самарги, из Тернейской бухты.

Сегодня был выходной день. Потому-то и оказались здесь руководитель бригады плотников Санчи Батович, колхозный бухгалтер Семен со своей женой Зоей, — заведующей детскими яслями, учитель Удзюлю. Все братья были коммунистами, все во время войны служили в армии, а вернувшись домой, стали работать. Я взглянула на их мать Яробу. Она молча курила трубку, поглядывая то на одного, то на другого сына. Эта старая женщина, видевшая немало горя под сводами дымной юрты, теперь была счастливой матерью...

— Я прочитаю вам главу про нее. — Джанси посмотрел на Яту и улыбнулся. — «Мангмукэй»...

Он отодвинулся от стола и вместе со стулом сел ближе к окну. Удэгейская речь полилась певуче и мягко. Перед слушателями встали картины далекого прошлого. Сукпайские горы, покрытые горелыми лесами. Одинокая дырявая юрта на берегу Сукпая. Охотничьи тропы, быстрые реки, по которым бежало детство Джанси. Как хорошо он помнил мудрые сказки бабушки, простые, незатейливые песни Яту! «Мангмукэй» — Амурская, так называли Яту в семье Кимонко. Она ведь была нанайкой, а нанайцы звали Амур — Мангму. Яту привезли с Амура в обмен на девочку Аджигу, бабушкину дочку, которую украл нанайский торговец Пуга. Яту стала женой дяди Ангирчи, а потом овдовела. Ангирчу погубили маньчжурские купцы в страшную морозную ночь. Тогда, спасаясь от смерти, вся семья Кимонко бежала подальше в тайгу. Шли в темноте друг

за другом, увязая по колено в снегу. Мать несла маленького Санчи. Джанси бежал следом за бабушкой. В лесу, под большой елью, ночевали. Костер разводить было нельзя. Боялись, как бы купцы не заметили. Яту набросила на всех одеяло. Сама дрожала от страха и холода так, что медные бляшки, нашитые у нее на халате, звенели. Бабушка заставила убрать эти бляшки. Яту отрывала их, отгрызала зубами. Страшная это была ночь...

Джанси читал, держа перед собой тетрадь. В комнате было тихо. По временам, когда ребяташки подавали голос, женщины успокаивали их шепотом. По старой привычке мать Яроба сидела на пороге. С виду она казалась безучастной, покуривала длинную трубку, молчала. Но протяжные и глубокие вздохи ее тревожили душу. Я посмотрела на Яту. Она потупила взгляд. И снова подняла на Джанси свои черные, удлинённые в разрезе глаза, полные удивления и нежности. В детстве Яту называла Джанси просто — бата (сын, мальчик). Она шила ему одежду, подавала еду, учила держаться в лодке, пела для него песни, поправляла ему острогу... Теперь бата был большим человеком. Он пишет книгу о жизни своего народа. И в этой книге даже о ней, «мангмукэй», есть хорошее слово. Как он заметил тогда, что она тяжело страдала, потеряв Ангирчу?.. Лесной закон не защищал вдову. Но в семье Кимонко ее не обижали. Потому ей и не хотелось покидать эту семью, когда старый Чингиса посватал «мангмукэй» за своего сына. За нее, безродную женщину с Амура, не надо было платить калым. Яту со слезами ушла в юрту Чингисы. Шли годы. И вот Джанси встретил ее однажды. Несчастная «мангмукэй» была голодна и оборвана. Над ней издевались в семье Чингисы, ей не давали есть, ее избивали палками. Джанси боялся, что Яту бросится в Хор, после того как свекор избил ее и выгнал из юрты. Яту исчезла. Вместе с матерью Джанси пошел искать ее. Ночью они нашли Яту в лесу, привели домой и приняли в свою семью...

Когда Джанси кончил читать, Яту закрыла лицо руками. Под красной шелковой кофточкой затряслись ее плечи.

— Манга... (тяжело...) — пробасил Миону.

Мужчины потянулись за табаком. Надежда Иванов-

на распахнула окна. Дождь давно перестал. На цветах в палисаднике сверкали под солнцем росинки. Солнце уже скрывалось за ближним лесом. Я попросила Джанси отложить нашу беседу до завтра, хотя и не хотелось покидать этот дом. Яту уже успокоила, вышла на крыльцо. Джанси и Надежда Ивановна проводили меня до протоки. Максимка выбежал следом за нами. Я взяла его на руки и понесла, не обращая внимания на то, что мальчик вырывался, размахивая ручонками.

— Скучаешь о своих ребятишках? Да? — спросила Надежда Ивановна и понимающе кивнула мне.

Я отдала ей Максимку. Мы сели с Джанси в оморочку и переправились на тот берег.

— Не знаю, что получится, — заговорил он, едва мы сошли на землю. — Пишу про свою жизнь. Разве будет интересно читать?

— Очень интересно.

Я старалась убедить его, что в своей повести он будет рассказывать не только про себя. Читатель увидит в ней историю возрождения удэгейского народа. И личная судьба Джанси Кимонко явится как бы отражением этой истории...

Когда я вернулась в дом экспедиции, там было особенно оживленно. Приехали художники. Свежие, еще не просохшие этюды, пейзажи, привезенные ими, украсили стены. Шишкин ходил вдоль комнаты и рассказывал, как они с Высоцким по целым дням просиживали за мольбертами, работали, оставались без обеда и по вечерам, забравшись в палатку, жевали хлеб. Мелешко и Надя, раскладывая свои вещи, звенели флаконами, пробирками. Нечаев сидел возле печки, сушил промокший рюкзак. Теперь все были в сборе. Можно было продолжать путешествие, но дожди сделали свое дело. Уровень воды в реках поднялся настолько, что нам пришлось задержаться в Гвасюгах дольше, чем мы рассчитывали.

10. НЕБО И ЗЕМЛЯ

В эти дни всех нас волновала погода. Удэгейцы предсказывали наводнение. Пугали стародавними приметами: один поймал тайменя, заглотнувшего камни,

другой увидел черепаху на вершине горы. Черепаха взбирается высоко, значит, жди наводнения. Старики тревожились, как бы не пришлось перебираться на сопки. Однако, не довольствуясь своими предсказаниями, они приходили к нам и спрашивали каждый день одно и то же:

— Как думаешь, много воды будет?

Долгосрочный прогноз погоды, которым мы располагали, не мог дать ничего утешительного. Со страниц синоптической сводки Хабаровского управления гидрометеослужбы июль глядел хмурым, взбалмошным месяцем: грозы, дожди, преобладание облачности. Всякий день мы с надеждой смотрели на голубые просветы в облаках и радовались солнцу. Находясь в Гвасюгах, мы зависели от погоды в верховьях Хора, откуда шел стремительный водосток. Нечаев мрачно острил:

— Живем, можно сказать, во власти погоды, как пленники!

Между тем каждый из нас в эти дни был занят своим делом. Художники писали этюды, портреты удэгейцев, ботаник уходил в окрестные леса для описания растительности, энтомологи собирали клещей... Мне приходилось большую часть времени посвящать гвасюгинскому колхозу. По вечерам было решено проводить беседы и лекции на темы, хотя и неодинаково близкие всем участникам экспедиции, однако полезные и вообще интересные для всех. Это началось после того, как однажды мы случайно оказались на беседе Фауста Владимировича со своими коллегами. Он рассказывал новости гидрометеорологической службы. Беседа вызвала большой интерес. Слушали все. Может быть, с той поры и возникло то повышенное внимание, с каким участники экспедиции относились впоследствии к метеорологическим наблюдениям.

Для молодого удэгейца Степы, сына охотника Тунсяны, разговор о метеорологии оказался решающим в выборе профессии. Он впоследствии стал метеорологом-наблюдателем.

Итак, Колосовский затронул интересную тему. Он сидел в непринужденной позе, облокотившись на стол, говорил негромко. Изредка посматривал на слушателей. Среди них были и удэгейцы. Они теперь наведывались к нам часто. Степа Тунсянович жадно ловил

каждое слово. Колосовский рассказывал о том, какую большую роль играет сейчас метеорология.

— Председатели колхозов вооружаются данными прогноза бюро погоды, водники, лесники, строители дорог запрашивают сводки о воде, о вскрытии рек, о паводках. Но для того чтобы сейчас легко отвечать на эти вопросы, связанные с погодой, людям потребовались века.

Когда-то Ломоносов, гениальный естествоиспытатель, корифей мировой науки и великий гражданин государства Российского, томился мыслью о том, что «знание воздушного круща еще великой тьмою покрыто», но ему первому принадлежит доказательство, что перемены погоды можно объяснить, если знать, как движутся воздушные массы на больших пространствах. Уже тогда он предлагал в разных частях света учредить метеорологические станции.

И вот прошло много лет. Наука обогатилась величайшими открытиями. Теперь уже галилеевская «склянка» кажется младенцем в сравнении с такими приборами, как радиозонд, который поднимается в воздух и сам записывает на разных высотах и скорость ветра, и влажность, и температуру воздуха — записывает и передает все это на землю, тем, кто ловит завтрашний день. Люди научились не только объяснять явления атмосферы, но и научно предсказывать их. Какая будет погода завтра, через три дня, через месяц? На всех пяти материках тысячи глаз следят за движением воздуха, стараясь охватить как можно большее пространство. Ведь слово «синоптика» в переводе с греческого означает: обозревающая одновременно физические процессы на больших территориях. Сколько же нужно обозревателей, сколько глаз?

— Представьте себе в долине или на вершине горы одинокий домик, со всех сторон окруженный лесами, — продолжал Колосовский. — На сотни километров вокруг — ни дорог, ни селений. Такие домики можно встретить в разных местах страны. В них живут наблюдатели — часовые погоды...

Вот по небу медленно движутся купола облаков. На каком они расстоянии от земли? Вопрос совсем не праздный. Наши летчики едва ли не самые активные клиенты синоптиков. Вот облака громоздятся в виде

башен. Это предвестники гроз. Наблюдатель заносит их в свою книжку особыми знаками.

На каждой метеостанции есть наблюдательные площадки. На них — психрометрические будки с приборами, показывающими температуру и влажность воздуха. К этим приборам наблюдатели приходят несколько раз в сутки. После того как закончен осмотр приборов, записано атмосферное давление, можно обратиться к радиосвязи. И вот происходит краткий разговор. Для быстроты синоптики разговаривают на языке цифр. По словам одного ученого, «прогнозист может медлить не более, чем хирург во время операции». А прогноз — это тысячи глаз, видящих одновременно.

В одно и то же время, ни на минуту позже, наблюдатель должен давать сведения о погоде. День и ночь бегут цифры с островов и морей, с горных, степных и таежных станций, бегут по эфиру в бюро погоды. Эти сводки нужно собрать воедино, расшифровать, нанести на карту. И прежде чем синоптик представит прогноз погоды, над картой еще склоняются физики, анализируя сложнейшие физические процессы, происходящие в эфире. Синоптики справедливо негодуют, когда слышат обывательские рассуждения, будто они «угадывают» погоду. Прогноз погоды — результат глубоких знаний.

— Да, прогноз погоды — хорошая вещь, — говорил на следующий день Ермаков, — а все-таки как бы это сделать, чтобы вода убывать стала? Чего мы тут с Марусей сидим? Ведь у нас там на всю медвежью округу один житель...

Федор Иванович волновался не зря: вода прибывала.

— Послушай, Динзай! Нельзя ли пошаманить? — крикнул он стоявшему у порога удэгейцу. Тот едва успел войти и, как всегда, раскланялся.

— Я это шаманство и разную чепуху не признаю, — презрительно отозвался он и с независимым видом стал осматривать новые полотна художников.

Это был Динзай Пиянка. Среди своих сородичей он выделялся необычайной живостью. Был он весьма словоохотлив и старался говорить по возможности красиво, употребляя такие выражения, которые, по его мне-

нию, должны были оставить приятное впечатление у собеседника. Запас слов он имел богаче, житейский опыт шире, чем многие удэгейцы его возраста. Да это и не мудрено. Он долго жил во Владивостоке, бывалый человек. Но в Гвасюгах относились к нему с неприязнью. Считали его пустым, высокомерным. Между тем он был хорошим следопытом. Последние десять лет все время сопровождал экспедиции и в Приморье и здесь. Он умел читать карту, знал компас. Своим знакомством с Колосовским Динзай был обязан тайге. Когда Фауст Владимирович путешествовал по Хору, Динзай был у него проводником. Теперь ему выпала та же роль в нашей экспедиции. Он уже числился у нас на работе и в эти дни по заданию Колосовского готовил баты. Всякий раз, как только он появлялся, со всех сторон к нему летели вопросы, рассчитанные на ответную шутку, — Динзай не умел сердиться и любил высказывать свое мнение по любому вопросу, даже если и не был достаточно осведомлен. Почти со всеми он был на «вы» и к себе требовал уважения.

— Динзай Мангулевич, — кричала ему со двора Лидия Николаевна, — идите на помощь!

В это время в калитку впорхнула молоденькая удэгейка в модном светлом платье. Динзай столкнулся с нею на крыльце, поздоровался и так, чтобы слышали все, высказался по поводу ее пышной прически перманента:

— Электрическим током? — Он прищурился, оглядывая девушку. — Мне гораздо нравятся длинные косы. Я не люблю кудри. Другой раз женщина зачем так делает, пампушки разные на голову накручивает? Нехорошо. Все равно филин.

— Вам-то какое дело? — огрызнулась модница. Она искала Лидию Николаевну, чтобы передать ей книгу.

Лидия Николаевна препарировала ежа. Она расположила свою походную лабораторию во дворе и занималась делом, которое художники в шутку называли «живодерством». На ящике, покрытом газетой, лежали пинцеты, ножницы, нитки с иголками, тут же стояла банка с мышьяком, уже сделавшим свое дело. Еж был жирным. С трудом преодолевая брезгливость, Мисюра сняла шкурку. Динзай помогал ей не первый раз, обнаруживая при этом немалый опыт.

— Вы посмотрите, какое ужасное скопище клещей! — С помощью пинцета Лидия Николаевна осторожно приподняла шкурку ежа. — Надо позвать энтомологов. Юрий Дмитриевич! Несите пробирки!

Через несколько минут вокруг ящика столпились пытливые коллекционеры. Среди них были и удэгейские школьники, в эти дни принимавшие активное участие в сборе клещей. Вооружившись пробирками, сачками, они собирали их на собаках, на коровах, искали в траве и приносили к нам. С приездом медиков у нас прибавилось посетителей. Так как здешний фельдшер находился в отлучке, удэгейцы обращались за помощью к «доктору экспедиции», как они называли Мелешко. Особенной любовью ко всяким мазям, таблеткам, порошкам отличались старики. Правда, медики не сразу научились понимать, что от них требуется. Один просил гончаровки (марганцовка), другой — винта (бинт). Прослышав о том, что «доктор» интересуется насекомыми, старый Сисана принес ему жука-дровосека, завернутого в ореховый лист. Все смеялись, а он, переминаясь с ноги на ногу, с видом провинившегося человека бормотал: «Моя теперь знай...» Меж тем Мелешко, изо всех сил преодолевая свой украинский акцент, старался объяснить ему, для чего собирают клещей и как уберечься от переносчиков энцефалита.

— А нельзя ли все-таки поподробнее узнать, что это за энцефалит, — сказал Шишкин перед вечером, когда мы рассматривали новые коллекции энтомологов. — Укололи нас всех по три раза в целях профилактики, напугали, но я, например, ничего не знаю о природе этой болезни. В самом деле, очень интересно... Может быть, зря нас укололи?

— Что вы! — поспешил возразить Мелешко. — Это же такая верная профилактика!

Колосовский, разбирая карабин, заметил:

— Я мог бы рассказать вам из своей практики такой случай. Прошлой весной я путешествовал по тайге. Шли мы с одним парнем. Вернулись и первым делом, конечно, стали осматривать одежду: нет ли клещей? А клещей было, должен вам заметить, до бисова батька. Я снял с себя штук семьдесят, наверно. И парень не меньше. Но к вечеру он свалился, потерял сознание, замялся в бреду. И... одним словом, клещ был для него

роковым. Мы положили его на бат, отправили в больницу. Но... было уже поздно. Ужасный случай. Вот вам, пожалуйста. Этот парень не хотел делать прививку против энцефалита.

— М-да-а... — протянул Шишкин, с опаской оглядывая свою рубаху то на правом плече, то на левом. — Надо соблюдать осторожность.

— Конечно, — подтвердил Мелешко, встряхивая на свету пробирку, заполненную клещами. — Я вас еще раз предупреждаю, товарищи, перед сном обязательно осматривайте одежду. К тебе, Дима, это в первую очередь относится, потому что я уже заметил: ты пренебрегаешь добрыми советами.

— Наоборот! — воскликнул Дима. — Будьте справедливым, Юрий Дмитриевич: вы сейчас рассматриваете клещей, которых я вам дал. Верно? Я только что совершил осмотр.

Дима стоял с копьем в руке. Он вернулся из лесу в приподнятом настроении. Лицо его порозовело от загара. В эти дни Дима с самого утра сидел в сельсовете, разбирал архивы, отыскивая документы, связанные с историей организации удэгейского колхоза. Вместе с ним мы обошли все избы. Юноша быстро освоился здесь. Многих он уже знал по имени. Вчера он выступал в клубе с докладом для молодежи. Рассказывал о дружбе народов нашей страны. Сегодня ходил на колхозную пасеку и, как видно, куда-то еще заглянул. Его интересовали старинные обряды «лесных людей». Я посмотрела на копье и все поняла. Копье было надломлено. Дима поставил его в угол и вынул из кармана блокнот.

— Теперь я знаю, как удэгейцы хоронили в старину, — заговорил он, перелистывая записную книжку. — Если умирал старый человек, гроб ему делали из старого кедра. Если это был охотник, то в гроб ему клали все принадлежности охоты: котомку с продуктами, спички, котел, копье, стрелы, одним словом все, кроме ружья; нарты ставили рядом. Но вот что интересно: все эти вещи поломаны специально. Вот видите копье?

— Где вы его взяли?

— Там, на кладбище. А вы знаете, для чего они делали так? — спрашивал Дима, держа наготове карандаш.

Я сказала ему, что в представлении удэгейцев умерший человек отправлялся под землю странствовать. Он кончал на земле все свои счета с жизнью. Об этом свидетельствовали поломанные копья, нарты, даже одежда, надрезанная у ворота, на подоле. Человек отправлялся в подземный мир, где тоже есть реки и лес.

— Но вы зря принесли это копье, Дима.

— Почему?

— Потому что удэгейцы не любят, когда трогают могилы. Вы должны сейчас же отнести копье и положить его на место. Иначе может быть неприятность. Скажите, кто-нибудь видел вас на кладбище?

— Не знаю, — растерянно проговорил юноша.

— Идите скорее туда, отнесите копье. Обогащать музей экспонатами мы будем другим способом.

Дима ушел, не сказав ни слова, а когда вернулся, виновато признался:

— Вы правы: действительно я совершил ошибку. Знаете, как сейчас на меня старик Вакули посмотрел? Я иду с копьем, он стоит на тропе. Смотрит и молчит. Пришлось мне объяснять, что я взял копье по недоразумению.

— Вам нужно учитывать такие вещи, Дима, и не допускать их больше. Вы ведь, наверное, здесь остаетесь! Будете собирать фольклор. Займетесь статистикой. У вас будет много работы...

Юноша задумался. Лицо его стало скучным.

— А может быть, я все-таки пойду с вами дальше, вверх по Хору?

— Нет, мне кажется, что вам следует задержаться в Гвасюгах. Ведь вся удэгейская этнография здесь. Зачем же уходить в лес от нее? Надо воспользоваться тем, что вы сюда приехали. Впрочем, мы еще посоветуемся с Колосовским.

— Хочу показать вам одну вещь, — заговорил Дима, оживляясь. — Я вот записал сказку и не знаю, так это делается или нет? Посмотрите.

Он подал мне тетрадь, в которой была записана сказка «О богатом и бедном». Он записал ее с помощью Хохоли. Сказка начиналась так: «Было это очень давно. Жил на свете один богатый человек по имени Бая-Мафа. Этот человек жил так хорошо, что все ему завидовали. По соседству с ним жил бедняк...»

— Нет, Дима, это не то... — сказала я, прочитав первую страницу. — Вы обрабатываете фольклор, а этого делать не нужно. Задача собирателя фольклора состоит в том, чтобы представить устное творчество народа без всяких литературных прикрас. Желательно даже сохранить синтаксис удэгейского языка, строй речи. Вот, если хотите, можете прочесть эту же сказку в другой записи.

Дима читал вслух:

— «Э-э-э-э-э! Анана-анана (давным-давно) один богатый человек жил, Бая-Мафа звали. Рядом — бедный юрту себе поставил. Дженку-Мафа назывался. Плохо жил Дженку-Мафа. Кушать нечего, носить нечего. Мучился. К богатому стеснялся идти. Богатый к нему тоже не ходил, старался не видеть. Так жили.

В один вечер бедняк сказал своей жене: «Рано утром пойду в лес. Приготовляй мне котомку. В ту котомку положи мне юколы, ковш из бересты, травы хайкты, спичек».

Жена все так сделала, как просил. Рано утром Дженку-Мафа торопился в лес идти. Быстро одевался. Юколу, траву хайкту, ковшик из бересты, коробку спичек за пояс заткнул. Пошел по реке. Шел, шел. Смотрит: лед треснул, вода темнеет. От воды пар идет. Как раз напротив остановился, где берег повыше. В ноздри ягоду боярку затолкал и лег. Так лежал, лежал. В то время к нему старый заяц Тукса пришел. Долго ходил кругом, бегал, разглядывал, потом стал кричать: «Тальниковые зайцы, бегите сюда! Будем смотреть, отчего старик умер. Ельниковые зайцы, скорей сюда бегите! Березняковые зайцы, все бегите сюда! Дедушка бедняк умер».

Все зайцы прибежали. Стали смотреть, отчего умер старик.

Тукса говорит так: «Если сказать, что от голоду, то у него юкола есть с собой. Если сказать, что от холоду, есть у него спички с собой. Если подумать, что пить хотел, есть у него ковш. Надо пойти старухе сказать...»

— В этой сказке, — заметил Дима, — чувствуется влияние русского фольклора. Верно? Я уже слышал много таких сказок. Теперь буду записывать так. Это кто вам рассказывал? Джанси Кимонко, да?

11. У НАШИХ ДРУЗЕЙ

В ожидании спада воды мы пробыли в Гвасюгах еще несколько дней. Пока шли дожди, река разлилась, и теперь в низинах около изб вода угрожающе поблескивала. Отовсюду тянуло сыростью, комары нас одолевали, мошка. Поседевший от влаги лес казался хмурым и неприветливым. Но стоило выглянуть солнцу, как все сразу ожило, воздух наполнился щебетанием, пиликаньем, свистом. Ослепительно сверкает листва на деревьях и кустарниках. Большой махаон летит над тропой, расправив свои бархатные сине-зеленые крылья. А внизу, на листьях лабазника крошечным пламенем полыхает его дальняя родственница — бабочка зорька.

— Вот видите, уже и махаоны появились, — говорил Нечаев.

Он был недоволен: лето в самом разгаре, а мы тут застряли. Но удэгейские лодки с шестами не годятся для большой воды. Другого транспорта у нас нет, поэтому приходится ждать, когда утихнет река.

За протокой кукует кукушка, и совсем близко поет иволга, словно кто-то на флейте играет, а то вдруг замыкает по-кошачьи, так странно чередуя разные, совсем не похожие звуки.

В эти дни Юрий Мелешко готовился поразить нас новейшим средством против комаров. У него был с собой американский порошок, взятый на кафедре биологии для опытов в таежных условиях. Вчера он с колдовским видом пересыпал его из большого флакона в маленькие, делил на части, говоря при этом, что больше нам не придется страдать от гнуса. И вот сегодня он решил произвести опыт.

— Может, и мне пойти с вами? — спросил Шишкин, видя, как Мелешко и Надя уходят, закрывая за собой калитку.

— А что! Идемте... — Мелешко зазывно махнул ему рукой. — Безопасность гарантирую...

Алексей Васильевич усмехнулся и пошел за ними следом.

— Я тоже... И я с вами! — сказала Мисюра, быстро сбегая по ступенькам крыльца. — Подождите! Мне тоже интересно.

По тропинке вдоль берега Були они отправились в

заросли, где из плотных кустарников и густой травы обычно поднимались тучи мошки, комарья.

Прошло не более получаса, как во дворе появился Шишкин. Отплеываясь и закрывая платком глаза, он поспешил к умывальнику.

— Вот это эксперимент!

Оказывается, снадобье было едучим. На комаров же оно не произвело никакого действия. Пострадал главным образом сам испытатель. Его привели из лесу под руки.

— Как же так? — виновато бормотал Мелешко. — Чи пропорцию дав не ту, чи шо? Хай ему биса...

— Да при чем тут пропорция, Юрий Дмитриевич! — спокойно заметил Шишкин. — Что за наивность? Все эти американские штучки давно известны. Реклама!

Кто знает, может быть, среди кровососущих насекомых были и такие, которые несли в себе опасность? Комарам, как переносчикам таежного энцефалита, многие из нас не придавали значения, гораздо больше заботясь о том, чтобы не упустить клеща. Но ведь и те, и другие могли быть опасными. С тех пор как мы прослушали лекцию об энцефалите, а главное — насмотрелись фотографий и рисунков, на которых показаны последствия этой страшной болезни, все без исключения стали соблюдать осторожность. Возвращаясь из лесу, мы тщательно осматривали одежду, иной раз снимали с себя клещей и тут же несли их нашим сборщикам. Клещи хранились в пробирках, снабженных этикетками, на каждой из них было указано, где и когда они пойманы, в противном случае сбор их утратил бы всякое значение для науки. Энтомологам надо было представить собранный в экспедиции материал, чтобы установить в долине Хора зоны распространения клещей и комаров — переносчиков таежного энцефалита.

Что же представляет собой эта болезнь? Достаточно сказать, что один маленький клещ способен свалить великана, что укус комара может оказаться смертельным, чтобы представить, как опасен энцефалит. Болезнь беспощадна. Еще вчера совершенно здоровый человек сегодня может почувствовать внезапное потрясение центральной нервной системы, сопровождающееся параличами и нередко приводящее к смерти. Советские ученые потратили немало сил, прежде чем нашли меры

и способы борьбы с энцефалитом. Но раньше всего надо было установить, почему очаги этой болезни встречаются в необжитой тайге, через каких кровососущих переносчиков происходит заражение людей и в какое время года.

— Это бывает так, — разъяснял Мелешко, — в марте, едва пробуждается природа, клещи выползают на свет. Встреча с ними в тайге опасна более всего именно в эту пору. Не думайте, что они еще не успели воспринять инфекцию и, очнувшись от зимней спячки, невинно идут на пастбище. В том-то и дело, что возбудитель в них благополучно перезимовал. Кровососы получают заразу из крови животных и передают ее своему потомству. Клеши нападают на человека не сверху, как многие думают, а с травы и низких кустарников. Они располагаются в тайге преимущественно у тропинок, где ходят люди и звери.

Долина реки Хор в энтомологическом отношении оставалась до сих пор неисследованной. Правда, случаи заболевания здесь настолько редки, что они известны наперечет, при этом они не распространяются на местных жителей. По рассказам удэгейцев, возвращаясь из тайги, они без особого страха снимают с себя одежду, иногда сплошь усеянную клещами.

— Значит, у них есть иммунитет! И это очень интересно, товарищи, — говорил Мелешко, многозначительно подняв кверху палец.

Энтомологи работали с увлечением, хотя их занятия, опыты, сбор насекомых — все это порой казалось со стороны забавным. К тому же, сам Юрий Дмитриевич, еще не приспособившийся к новым условиям, то и дело попадал впросак. Совсем недавно дежурили они с Надей по кухне, день был дождливый, Надя никак не могла растопить плиту во дворе и попросила своего помощника принести смолистых щепок.

Мелешко состроил кислую гримасу, оглядел двор, но тщетно: кроме сырых березовых поленьев и чурок не было ничего.

— Где ж я возьму?

— Не знаю... Василий Николаевич где-то находит. Вон там! — девушка показала рукой в сторону кедровых.

С неохотой взял Мелешко топор и отправился по бе-

регу Були... Долго его не было, мужчины уже забеспокоились: время идет к полудню, у Нади лицо и руки в саже, а на «камбузе» тихо, ни огня, ни дыма, чего доброго, еще оставят без обеда... Наконец, Высоцкий не выдержал и пошел разыскивать «кашевара».

— Иду на стук топора, подхожу ближе, — рассказывал он потом, — и что бы вы думали? Оседлал наш доктор валежину, колет щепочки, а дерево твердое, не поддается. «Что это вы делаете?» — спрашиваю. Он отвечает с самым серьезным видом: «Та надо ж смолья на рубать!» Вот где смех-то, ей-богу! Рубит ясень, да еще сырой, представляете? Я говорю: «Как же это вы ясень спутали с кедром, Юрий Дмитриевич? Это же ясень!» Смеется. «А бис его знает...» Бросил топор и смеется...

На следующий день Мелешко решил исправить свою оплошность и снова пошел на заготовку смолья. Вот теперь он не ошибется, уж теперь-то знает! Подошел к кедровому пню, но едва ударил топором, из дупла роем поднялись пчелы. Как они искусали его, беднягу! Чуть ли не бегом прибежал он оттуда и сразу попросил холодной воды. Ополаскивает лицо и стонет... Верхняя губа у него вздулась, один глаз наполовину прикрыт опухолью. Разглядывая себя в зеркальце, он смущенно отворачивался от нас и говорил, что, наверное, Василий Николаевич не без умысла показал ему «на ту кедру».

Но Шишкин, не любивший наветов, сразу рассеял его подозрения:

— Ну что вы... Разве такими вещами шутят?

Перед вечером Мелешко был уже на протоке, собирал кровососущих. Осторожно переставляя пробирки, он между делом объяснял Лидии Николаевне:

— А кусают нас только комариные самки. Представьте себе, за лето одна такая, с позволения сказать, особа, может дать четыре-пять поколений. Миллиарды комаров от одной самки! Это же ужас!

Глядя сбоку на его лицо, вспухшее от укусов, Мисюра с затаенной усмешкой спрашивала:

— Ну, а как узнать, когда летит «он», когда «она»? Вы-то небось знаете?

В ответ Мелешко хихикал...

От гнуса страдали все, но особенно доставалось художникам. Во время работы они и дымокур-то не

всегда могли развести, так как дым, по словам Шишкина, был для них плохим союзником, а ведь они сидели за мольбертом часами. На некоторых этюдах комары увековечили себя тем, что попали под кисть и засохли вместе с краской.

Художники писали с натуры. Надо было еще сосредоточиться в уединении. Ребятишки бродили за ними по пятам. Алексей Васильевич смеялся:

— Отвлекают! Вопросы, вопросы без конца. Любопытный, забавный народ — ребятишки.

А то еще старый Сисана повадился вместе с ним ходить в тайгу на этюды. Придет и сядет рядом на валежину, курит трубку, разговаривает.

Как-то в дождливый день, когда Шишкин, укрывшись в зарослях на берегу Хора, с увлечением писал свой очередной этюд, к нему из-за кустов подкрался удэгеец Никита.

— Здравствуйте! — сказал он громко, так, что Алексей Васильевич вздрогнул от неожиданности. — Тебе письмо есть. Вот! Я принес.

Письмо было из Хабаровска, от жены. Алексей Васильевич удивился: как это почта разыскала его по такому адресу? На конверте всего четыре слова: «Река Хор, художнику Шишкину...»

Радостное известие словно ветром подхватило его с места. В этот день он пришел из лесу раньше обычного и объявил нам с порога:

— Можете меня поздравить, товарищи, с прибавлением семейства. Дочь родилась!

Шишкин достал из нагрудного кармана своей куртки конверт и потряс им перед нами, он был счастлив, синие глаза его сияли. Теперь он — отец двух дочерей. Усаживаясь за стол, Алексей Васильевич сказал, что по такому случаю можно было бы выпить бутылочку хорошего вина, если бы оно было... Но увы! А дочь будет Танечкой, — так они заранее решили с женой, — и этот этюд «В хорской тайге», который начат сегодня, он посвятит ей, дочери...

Вместо вина мужчины выпили по рюмке водки, раздобыв ее у завмага. Застенчивая девушка-радистка долго не хотела садиться за стол обедать с нами. Я вошла к ней в комнату и пригласила ее. Она замахала руками:

— Ой, нет! Я так стесняюсь... Я очень стесняюсь Шишкина. Он такой интеллигентный...

Как тут было не улыбнуться? Выходит, остальные не производили на нее такого впечатления? Эта девушка ловила каждое слово Шишкина, едва он заводил речь об искусстве. Да и разве только она? Мы все были увлечены его беседами, казалось, он мог часами без усталости говорить о работах великих мастеров живописи: Репина, Сурикова, Крамского, Левитана... У него было специальное художественное образование. Он окончил Строгановское училище в Москве, затем поступил во ВХУТЕМАС (Высшие Художественные мастерские) и, вообще, много знал и видел, но без нужды не выказывал этого, а между тем его обширным знаниям по истории западного искусства, русской классической и советской живописи можно было позавидовать.

В разные годы, после того как желание узнать свою страну заставило его путешествовать и привело к берегам Тихого океана, Шишкин призывался в армию, служил на Дальнем Востоке, и хотя Москву, где он родился и вырос, мать всех городов, с ее сокровищами искусства, музеями, выставочными залами ему не мог заменить ни один город на свете, Алексей Васильевич обосновался вдали от нее и давно уже считал себя дальневосточником. Здесь была благодатная почва для него, как для художника-пейзажиста.

Приамурье завладело его душой, и, кажется, надолго. Не зря же Шишкин говорил, что у нас всюду, как воздух, разлита романтика, что она живет в самой природе, но ярче всего проявляется в людях, с неотразимым упорством осваивающих этот богатейший край. Надо только успевать! Когда развернулось строительство Комсомольска-на-Амуре, Шишкин и Высоцкий вместе поехали туда, чтобы в карандашных рисунках и кистью запечатлеть рождение нового города. Лучшее из того, что им удалось сделать в ту зиму, демонстрировалось на республиканской выставке. После войны они стали вместе ходить на этюды в тайгу. И вот — наша экспедиция. Можно ли было отказаться от участия в ней?

Оба они — и Высоцкий, и Шишкин — считали, что им повезло, и теперь не хотели тратить попусту ни одного дня. К первым этюдам прибавились новые, весьма характерные для долины Хора, пейзажи с удэгейскими

постройками, с деталями старого и нового быта, натюрморты, портреты охотников...

— Что значит погода! Совсем другое освещение. Вы только посмотрите, как сразу все изменилось: избы, деревья, вода... И вон та сопка вдали. Ее очертания казались призрачными, а сейчас она господствует над этим пространством. Ну, прямо как заглавие стихотворения... — Шишкин стоял посреди двора, без шляпы, заложив руки за спину и щурясь от яркого света, говорил вполголоса. — Если, конечно, иметь в виду, что все это — поэзия. А я именно так и думаю...

У него было хорошее настроение; из-за туч выглянуло солнце, теперь оно уходило на закат, и лучи его, просачиваясь сквозь листву огромных ильмов, дробились в воздухе. Синий дым от костров, зажженных около изб, не расползаясь, плыл высоко и там, наверху, становился багровым. А со стороны острова, за протокой, кто-то громко пел «Катюшу». Я сказала, что это, наверное, пастух опять поет, он любит петь на весь лес. И голос у него звонкий, чистый. Они все хорошо поют.

— Да, но вот только что меня перевозила на лодке с той стороны какая-то старушка, волосы у нее коротко подстриженные, а в носу — серьга. Вы бы послушали, как она пела. Басом! Представляете? — Шишкин рассмеялся. — По-моему, и слов-то у этой песни не было никаких, просто звуки однообразные, но ведь это песня!

Нетрудно было догадаться, что говорил он о бабушке Сигданке. Других старушек с такой серьгой здесь больше нет.

— А вы взяли бы да и нарисовали ее. Она действительно песенница, бабушка Сигданка...

Подошел Высоцкий, дымя трубкой, узнал, о чем идет речь, и сказал, что в Гвасюгах много интересного, только времени не хватает на все.

— Пожить бы тут лето, вот тогда был бы другой разговор...

Через несколько дней, когда вода пошла на убыль, все мы радовались, что скоро двинемся в путь, только художники не проявляли особого рвения, у них были свои планы.

Возвратившись с этюдов, Шишкин сидел на крыльце и, глядя перед собой, медленно, нараспев говорил:

— Интересные люди — ученые. Вот мы с вами любовались этой сопкой, а Нечаев взял да и разложил ее на составные части. Для меня это великолепный пейзаж, а для него — какие-то останки материнской породы, орография... Когда я слушаю Нечаева, который оперирует масштабами тысячелетий, мне мой труд представляется ничтожным.

— Искусство, наука... У них разный язык. И задачи разные... А все-таки художнику или скульптору для того чтобы создать портрет, надо знать анатомию человека, вы же сами говорили об этом... Есть же взаимосвязь между ними.

— Верно. Только для творчества нужна окрыленность!

В сумерках под жужжание мотора мы слушали по радио последние известия. Неожиданно на пороге появился удэгеец Сиды. Постоял у дверей, бросив коротко: «Багдыфи!», огляделся и протянул мне записку, ничего не объясняя.

Что за поздняя весть? Не сразу поймешь — карандашом написано. Я подошла поближе к свету, керосиновая лампа висела на оконном косяке высоко.

— Так ведь это вам, Василий Николаевич! Натек-ка...

Высоцкий подхватился с места и, прочитав записку, рассмеялся.

— На свадьбу приглашают. Меня и вас. Ну и чудеса! Без всякого предупреждения. Чего ж тут не верить? Вот, читайте, Микрон пишет.

Оказывается, Сиды женится, вот что! Сам он молчит, только попросил воды напиться и опять встал у двери, ждет.

Ну что ж, надо идти... Уже стемнело, когда мы, шагая гуськом по влажной и корчеватой тропе среди кустарников, а затем вдоль проулка, дошли до берега Були, где Сиды оставил свой бат. Едва переправились на ту сторону, как из-за кустов навстречу нам вышел председатель колхоза Микрон Кялундзюга. Сиды был его двоюродным братом, он недавно демобилизовался из армии, но избы своей не имел и временно жил у Микрона.

— Э-э... чего-то долго вы, — заговорил Мирон укоризненно. — Смотрите, сколько батов, оморочек... Давно люди ждут.

— Так ведь мы же не знали, Мирон Чаунович! И потом к тебе добираться-то вон как, не просто... — оправдывался Высоцкий; он был знаком с Мироном, еще перед войной приезжал в Гвасюги, даже нарисовал его портрет.

Во всех домах было уже темно, только здесь, на самом краю села светились окна Мироновой избы. Я думала, что мы будем последними, но тут же, вслед за нами явились Джанси Кимонко и Надежда Ивановна.

— Багдыфи!

— Здравствуйте! — слышалось со всех сторон.

Гостей было много, но изба у Мирона просторная, есть где разместиться. Из кухни дверь открыта в большую комнату, тут что-то наподобие горницы, отделенной от двух комнатушек тесовой переборкой. Жена Мирона, кроткая, маленькая ростом женщина, по имени Исюнда, улыбалась гостям, велела проходить в комнату и потихоньку командовала своими помощницами, подругами невесты. Те уже несли посуду на длинный стол, покрытый светло-зеленой скатертью.

Вмиг оживились заждавшиеся хозяева и гости. С косматой медвежьей шкуры, распластанной на полу, подхватились два черноголовых мальчугана, юркнули по команде старших за дверь одной из комнат. От широкой деревянной кровати, где все заранее было убрано, кроме берестяных циновок, на которых полулежа отдыхал какой-то старец и вполголоса беседовал с матерью Мирона, тихой, приветливой старушкой, поднялся навстречу нам Чауна — отец семейства, долговязый и громогласный старик.

— Ая! Хорошо... Багдыфи! — говорил он, протягивая сразу обе руки.

А бабушка покуривала длинную трубку и улыбалась. Вначале я не разглядела ее собеседника в тусклом свете лампы, висевшей на стене, но когда Джанси Батович подошел к нему и почтительно раскланялся, тот моментально сел, весело отзываясь на его приветствие, и стало видно, кто это. Гольду! Вон это кто... Несмотря на свой преклонный возраст, он, как и прежде, не отрывался от колхозных дел, хотя жил в Джанго, за двена-

дцать километров отсюда. Завтра он будет помогать бригадиру Пимке ремонтировать баты, а сегодня решил погулять на свадьбе...

— Правильно, дедушка. Сам-то небось и забыл уж, как женился... — шутливым тоном заговорил Ермаков. — Я и то не помню. А ты, Маруся, помнишь, как мы женились с тобой?

— Да будет тебе, Федя. Ну, чего ты? — оборвала его Мария Ивановна, видя, что все смеются.

— А че, пускай Федор Иванович говорит, — вступился за него Матвей. — Он веселый! Другой человек так не скажет. Верно же?

Хозяева тем временем заканчивали последние приготовления. К большому столу подставили маленький.

Наконец начали рассаживаться по местам. Здесь были родственники жениха и невесты, друзья, соседи, знакомые. На самом видном месте, в переднем углу, торжественно восседали Сида и его невеста Анябу. Она была одета в розовое шелковое платье и казалась совсем юной. При каждом упоминании ее имени девушка стыдливо опускала ресницы.

— Анябу! — крикнул ей через стол Федор Иванович Ермаков. — Ты должна контролировать Сиду, пусть много не пьет. Слышишь? Иначе он завтра не сможет ехать с нами.

Супруги Ермаковы завтра намечали отправиться домой, и вместе с ними в качестве батчика шел Сида.

Федор Иванович уселся рядом с Гольду и время от времени что-то шептал старику на ухо, отчего тот смеялся, потряхивая седенькой бородкой.

На столе появились разнообразные кушанья, начиная от зеленых огурцов в сметане, с луком и петрушкой, от жареной рыбы, пельменей, яичницы и кончая национальным блюдом соулима (отваренным, мелко изрубленным мясом, политым сохатиным жиром).

Первые слова произнес Гольду. Все поднялись с протянутыми кверху стаканами и ждали, что скажет старик. Он говорил на родном языке:

— Выпьем за новую жизнь! Раньше удэ не знали, что такое свадьба. Раньше женились так: если есть в моем доме парень, а в твоем девочка, менялись, продавали. У кого не хватит калыма, железного котла нет впридачу, тот остается без невесты. Сейчас другая

жизнь. Сейчас молодые люди грамоту знают, сами находят один другого, котла не надо. Вот Сида пришел из армии и выбрал Анябу. Пусть живут счастливо. Выпьем за новую жизнь!

За столом стало шумно, молодых поздравляли, по русскому обычаю кто-то кричал им «горько!» Снова звенели стаканы.

Джанси Кимонко поднялся из-за стола и, взмахнув рукой, попросил тишины.

— Я предлагаю тост за дружбу народов! — начал он и, вплетая в русскую речь удэгейские слова, заговорил о счастье, которое дала удэгейцам Советская власть.

Он закончил свою речь стихами. Все захлопали в ладоши. Брат невесты Матвей взял в руки балалайку и заиграл.

Тем временем Гольду подозвал к себе жениха и невесту. Те встали перед ним на колени, склонив головы.

— Живите дружно, — говорил старик. — Работайте. Самое главное, трудиться надо. Смотрите, какой я старый. Но я работаю, помогаю. Будете хорошо работать — все вас будут уважать. Не ссорьтесь. Не смотрите друг на друга косыми глазами. Живите весело. Пусть будут дети у вас. Желаю вам счастья.

Он поцеловал их три раза и отпустил.

В этот вечер мы слышали много удэгейских песен. Сначала заставили петь Мирона. Он долго отказывался, смущался. Затем, уступая желанию гостей, запел старинную удэгейскую песню с придыханиями и подголосками:

Чайка, чайка! Возьми меня с собой,
Унеси на крыльях отсюда.
Я хочу попасть на море,
Там есть девушка хорошая...
Птица, птица! Возьми меня с собой,
У меня есть лук и стрелы.
Я могу стрелять хорошо,
Если кто-нибудь погонится...

В гортанных звуках слышалось подражание птицам, завыванию ветра, звону ручья. Древние песни «лесных людей» раскрывали их прошлое, когда полудикие, кочующие племена учились языку у природы. Мирон был чем-то похож на индейца. На смуглом, как бронза, ли-

це без морщин выделялись длинный, чуть-чуть приплюснутый нос, резко очерченная линия губ, опущенных вниз уголками. Он пел тоненьким голосом, закрыв глаза. Две пряди густых черных волос все время спадали ему на лоб. Он поправлял их рукой и пел:

Чайка, чайка! Не бойся ни огня, ни воды,
Унеси меня скорее...

Голос его звучал нежно. Это как-то не вязалось с тем, что Мирон вообще говорил всегда громко, даже грубовато. Некоторые удэгейцы его побаивались, считали, что председатель колхоза слишком резок и требователен. В тех случаях, когда люди были недовольны каким-нибудь решением Мирона, искали Джанси Кимонко. И хотя после беседы с Джанси Батовичем решение это часто не менялось, удэгейцы уходили от него успокоенные, без всякой обиды. Рассчитывать на душевные разговоры с Мироном было трудно. Он считал свою холодную строгость началом порядка в колхозе. В 1939 году колхоз «Ударный охотник» был участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Удэгейцы добились высокого урожая картофеля. А ведь каких трудов стоило их научить обрабатывать землю! Мирон вначале и сам не верил, что они станут хорошими хозяевами.

До недавних лет многим из них не приходилось видеть домашних животных — лошадей и коров. Когда в Гвасюги из района впервые доставили двух лошадей и несколько коров, все стойбище выбежало смотреть на них, как на диковину. Ухаживала за коровами вначале русская женщина. До поры, пока не появились сараи, скот оставался под открытым небом, и доить коров приходилось на улице. В это время собиралась такая толпа, что доярке невозможно было повернуться. Одни заглядывали, как льется в ведро молоко, другие щупали корове рога, хохотали... Доярка однажды не выдержала и попросила председателя выставлять на это время дежурных.

Правление колхоза решило выделить двух доярок, которые учились бы у русской женщины. Когда она уехала, доить коров стали удэгейки. Один раз корова переступила с ноги на ногу и опрокинула ведро с молоком. Новая доярка Дуся Кялундзюга испугалась, бро-

сила все и побежала домой с криком: «Не буду больше доить, не буду!»

Случай этот обсуждался на общем колхозном собрании. Мирон Кялундзюга и доярке хотел сделать внушение, и сам толком не знал, что предпринять: «Черт знает, как быть? Чего боимся? Наверное, надо привязывать к дереву, что ли?» — говорил он, пожимая плечами.

На помощь пришел русский учитель. Без него ни одно дело не обходилось. Когда охотники раскорчевали тайгу и первый раз выехали в поле, Масленников сам шел за плугом, а они смотрели на него и смеялись как дети. Но он терпеливо учил их и пахать, и сажать овощи. Теперь все знают, как это делается. В любой избе вам подадут на стол мясо с картошкой, приправленное луком и перцем. Непременным продуктом питания стало молоко, любят его не одни только дети, взрослым тоже нравится вкус творога, сметаны. Некоторые хозяйки уже обзавелись коровами.

В первые годы войны, пока Мирона еще не призывали в армию, он оставался на посту председателя колхоза. Он и Джанси Кимонко вели большую работу. В правлении колхоза на видном месте до сих пор висит в рамочке под стеклом благодарственная телеграмма из Кремля, адресованная Мирону Кялундзюга и Джанси Кимонко. Удэгейские колхозники тоже отдавали в фонд обороны свои трудовые сбережения...

Мирон, потянувшись к тарелке, сказал:

— Почему так плохо кушаете, товарищи! Русская пословица как говорит: песнями нельзя накушаться? Правильно?

— Пословиц много, Мирон, — заговорил вдруг Федор Иванович Ермаков, блеснув очками. — Говорят еще так: «Не единым хлебом сыт человек». Понимаешь?

— Это верно! — поддержал Джанси, расхохотавшись.

Надежда Ивановна, сидевшая рядом со мной, посмотрела на Ермакова долгим, удивленным взглядом и шепнула мне:

— Федя никогда за словом не лезет в карманы. Вот веселый человек, прямо не знаю, откуда чего берет.

— ...Поэтому, — продолжал Федор Иванович, — сле-

дующим номером нашей программы будут песни Джанси Батовича. Просим! — и всплеснул руками, хлопав изо всей силы.

— Просим! Просим! — закричали все сразу.

Джанси поднялся, смущенно оглядываясь по сторонам. Мирон встретил его восторженными глазами, продолжая аплодировать. Мирон и Джанси, как братья, любили друг друга. В старину не было такой дружбы между мужчинами из рода Кялундзюга и из рода Кимонко. По внешнему виду и по характеру они были не похожи один на другого, как не схожи между собой угловатая и волнистая линии.

— Ну, хорошо, хорошо... Я спою вам. Это будет про охотника. Только надо сперва, наверно, по-русски? — он взглянул в мою сторону: — Расскажите, чтобы всем понятно было.

Я только недавно перевела эту песню и наизусть ее не помнила, пришлось пересказать содержание. А Джанси пел ее по-своему.

От села до колхозного поля
Тропа ведет по тайге...
От села до колхозного поля
Ходят девушки удэге...
Еххания, девушки удэге,
Еххания, идут по тайге.

Над тропой наклоняются кедры,
Шумят вверху тополя.
Далеко от села убежала
Ты, родная земля.

Смуглый парень из лесу выходит,
Ружье у него за спиной.
Этот парень ищет невесту
И торопится к ней одной.

У нее за плечами косы,
В глазах играют лучи.
У нее такая улыбка,
Что гляди, страдай и молчи.

Про нее говорят на собраниях
Хорошо всегда, как назло...
А вот парню беда: на охоте
Хоть бы раз повезло!

Он подходит к ней осторожно,
Берет ее за плечо,

Говорит, что давно искал ее
И что любит так горячо...

А она лукаво смеется.
— Не стой, — говорит, — не трещи,
Если любишь меня хоть немножко,
Лучше белок в лесу поищи.

От села до колхозного поля
Тропа ведет по тайге.
На работу с веселой песней
Ходят девушки удэге...
Еххания, удэге,
Еххания, поют в тайге...

— Ая! — крикнул старый Гольду. — Хорошо!

— Вот видите! — воскликнул Федор Иванович, когда Джанси под одобрительный гул сел на свое место. — Теперь такому парню котел не поможет, наверно, а? Ты слышишь, Сидя? Учти это дело.

— Да... — подтвердила Надежда Ивановна. — Теперь наши девушки смотрят, как парень — хорошо работает в колхозе или плохо? Совсем другое дело. Котел ни при чем.

Темной ночью мы переправились через протоку на оморочках. Держа в руках факелы из кедровой лучины, шли по тропинке. Колосовского застали за работой.

— Только что передали в редакцию ваш очерк, — сказал он мне. — Можете быть спокойны. — Он оторвался от бумаг. — Ну, как свадьба?

— Зря вы не пошли с нами, Фауст Владимирович.

— Интересно было, да? По старому обряду или как, по новому?

— Видите ли, свадьбы как таковой, с обрядами, раньше ведь не было у них. Но дело не в этом. Послушали бы вы, как поют песни Мирон и Джанси! Вот это было интересно...

— Да? — Колосовский задумался, подперев рукой подбородок, облокотился на стол.

Мне показалось, что он чем-то встревожен, и я спросила его об этом.

— Думаю вот о чем, — сказал он, когда Высоцкий скрылся за дверью, — как нам поступить с художниками? Они хотят двигаться самостоятельно до Чериная. С остановками, разумеется, в тех местах, которые им покажутся интересными.

— Надо предоставить им эту возможность. Пусть берут бат, лодочников и отправляются вверх. Зачем их удерживать?

— Хорошо. Завтра мы с вами напишем приказ. Ну, как вы договорились с Мироном относительно Василия Кялундзюга? Отпустят его с нами?

— Да. Он уже знает об этом и очень рад. Собирается. Я была у них дома. Бабушка шьет ему накомарник.

— Итак, завтра начнем собираться в путь-дорогу. Мне придется задержаться здесь еще денька на два. Догоню вас около Сукпая.

Когда наступил день отъезда, все засуетились, стали укладывать вещи, носить их на берег. Бабушка Василия сделала мне удобную сумку из бересты для книг. «Камизи» — так назвала она этот необычный предмет. На лицевой стороне красовался узор, выдавленный костяной палочкой. Удэгейские женщины умеют делать из бересты великолепные непромокаемые коробки для спичек и соли, дорожные саквояжи, футляры для стеклянной посуды. Они украшают свои изделия орнаментом. «Камизи» раньше можно было встретить в каждой юрте. В такую сумку складывали мелкую тальниковую стружку для новорожденного. Стружка употреблялась вместо пеленок. Молодые удэгейцы с удивлением теперь рассматривали сумку, называя ее портфелем, чемоданчиком. Что такое «камизи», они уже не знали.

— Хорошая сумка? Нравится? — спрашивал меня Василий, погружая мои вещи на бат.

У моста на протоке уже выстроились баты. Возбужденные, смуглолицые наши спутники всех возрастов суетились на берегу, укладывали груз и готовились к отплытию. Родственники и друзья помогали. Собралось много народу.

— Ждите меня около устья Сукпая! — еще раз напомнил Колосовский.

— Хорошо ходи! — кричали со всех сторон удэгейцы.

Пожилой усатый Иван Кялундзюга, много раз уверявший меня в том, что нам не удастся достигнуть истоков Хора («Там комар кусает шибко, плакать будешь»), на прощание пожелал удачи.

Джанси пришел в последнюю минуту, когда батчики уже взялись за шесты.

— Подождите!

Он попросил меня снова сойти на берег.

— Вам это нужно обязательно взять. Берите. Надя велела.

— Зачем?

— Как зачем? — Видя, что я не понимаю для чего этот кусок медвежьей шкуры, он сам положил его на мою лодку. — Будет холодно, сыро будет в тайге, пригодится...

Ему очень хотелось идти вместе с нами. Я это знала. Он даже готов был пожертвовать своим отпуском. Но до отпуска оставалось долго ждать, к тому же за лето он должен был написать несколько глав повести.

— Все равно успею на Сукпай сходить. Нужно кое-что посмотреть там, — говорил он, затягиваясь дымом папиросы. — Когда обратно пойдете, около устья Сукпая увидите мой знак. Я поставлю шест с красной лентой. Ая битуза! (До свиданья!) — весело проговорил он и снял шляпу.

— Счастливого пути!

Мы уплывали, а бабушка Василия шла за нами по берегу и кричала: «Васей! Васей!..» Так ей хотелось, чтобы внук оглянулся.

12. ПО РЕКЕ НА БАТАХ

Из протоки Гвасюгинки, как из ворот, мы вышли на широкую хорскую воду. Подхваченные быстрым ее течением, баты сначала уклонились вправо, перерезая реку, но у левого берега, справившись с волной, стали подниматься вверх по Хору, следуя на небольшом расстоянии друг от друга. Надо было видеть, как искусно работали батчики, огибая кривуны, лавируя между камней, торчащих из воды, — то длинных, то круглых, отполированных водой.

На каждой лодке — по два батчика. Они работают размеренно и плавно, отталкиваясь шестами, гонят лодку. Один из них стоит на носу, другой — сзади, на корме, он управляет батом. Впереди у этой долбленой

лодки приподнимается гребень, напоминающий не то лопату с небольшим углублением, не то широкий ковш, предохраняющий лодку от высокой волны.

Плавание на батах требует особой выучки, сноровки. Нужно хорошо знать реку, чтобы не попасть в ее опасные водовороты, не поставить бат поперек струи, и все время держать равновесие, иначе на крутом повороте можно вывалиться в воду.

Наш бат идет впереди. На носу стоит Василий, широко расставив ноги и с силой отталкиваясь шестом. Он изредка перебрасывается замечаниями со своим старшим напарником, стоящим на корме. Это Дада Кялундзюга, пожилой удэгеец, низкорослый и молчаливый. Его назначили к нам проводником в последние дни перед отъездом.

— О, Дада у нас опытный таежник! — сказал Джанси, когда я спросила, что собой представляет Дада. — Говорить много не любит. Но дело знает. Охотник замечательный.

Дада в выцветшей гимнастерке защитного цвета, подпоясан тонким ремешком из сыромятной кожи. Сбоку два ножа в чехлах. Он смугл, как и все удэгейцы, но в отличие от своих сородичей Дада кудряв. Волнистые волосы его прикрыты пилоткой. В них уже заметна седина. Он так спокойно работает шестом, что иной раз кажется: это ему не стоит усилий. Но так только кажется.

Вслед за нами движутся Нечаев и Мелешко. Они сидят посредине бата, лицом друг к другу, оба в широкополых шляпах, с откинутыми назад тюлевыми сетками. Носовщиком у них Шуркей, низкорослый, круглолицый парень, похожий на подростка. При каждом взмахе шестом он слегка приседает. Черная косоворотка с засученными выше локтей рукавами пузырится у него на спине. Кормчий в голубой рубашке, глухонемой Семен, ловко работает шестом, стараясь попасть в такт движениям своего напарника.

— Э-эй! Почему отстаєте? — кричит Шуркей, оглянувшись.

Из-за поворота реки выплывает третий бат, которым управляет старик Маяда и его племянница Намике. Она — впереди. Из-под красной косынки выбились длинные черные косы. Намике уже не раз бывала в эк-

спедициях. Походы не утомляли ее. Молодая женщина охотно согласилась пойти с нами хотя бы до половины пути, пока у нас было много груза. Она взяла с собой десятилетнего сына Колю, несмотря на то, что родственники уговаривали ее оставить мальчика дома. Коля просился идти с матерью, плакал, и Намике уступила его просьбе. Усаживаясь в лодку вместе с Лидией Николаевной и Надей, мальчик положил перед собой игрушечный лук и стрелы. Теперь издали едва видна его голова, повязанная белым платочком.

Сзади всех, на четвертой лодке, плывет Батули со своей женой Галакой. Под опрокинутой оморочкой, как под навесом, спрятавшись от жаркого солнца, сидят их маленькие сыновья Паша и Яша. Батули — бывший пограничник, недавно демобилизованный из армии, славится как хороший охотник и следопыт. На его долю выпало в нашей экспедиции везти ответственный груз — мешки с мукой. Жена ему помогает.

Наш бат тяжело нагружен. На нем — часть провианта, вещи, покрытые брезентом. Тут же весла, топор, запасные шесты, ружья в чехлах из кабаньей шкуры, две остроги, есть береста и даже сухая трава хайкта для подстилки в улы. В ногах у Дады черная лайка Мушка, которую он зовет Муськэ. В ногах у Василия желтая собачонка Дзябула. Сзади к бату привязана оморочка.

Вот уже несколько часов подряд мы продвигаемся вперед, время от времени устраивая короткие передышки. Над рекой плывет туман, цепляется за береговые кусты. В зарослях темно и прохладно, все время тянутся кустарники, обвитые лианами винограда, актинидии, лимонника. Огромные тополя в три обхвата, липы и клены кое-где сменяются елью, черной березой, кедром. По берегам папоротники, вейник. Иногда вспыхнет в траве запоздалым огнем красная лилия или покажется синий выюнок среди высокой травы, и снова медленно плывут навстречу кусты боярышника, бересклета, малины, роняющей ягоды с крутого обрыва на галечник у воды. Над самой водой по временам склоняются то ольха, то ива, то черемуха, склоняются так низко, что, проплывая под ветвями, приходится отводить их от себя в сторону. Удэгейцы на ходу умудряются срывать с веток ягоды.

Как-то на одной из стоянок Надя Жданкина, заметившая куст черемухи, усыпанный черными ягодами, принялась ощипывать их. Со всех сторон слышались предупредительные возгласы:

— Нельзя, нельзя!

— Кушать не надо! — кричали удэгейцы.

Андрей Петрович Нечаев поглядел на руки девушки, покрасневшие от яркого сока, и объяснил:

— Это черемуха Маака. Плоды ее несъедобны, хотя отличаются от обыкновенной черемухи только тем, что чуть поменьше, а на вкус горькие. Между прочим, их можно использовать в качестве красителя.

Удэгейка Намике подтвердила:

— Наши женщины раньше варили такую ягоду и красили белую материю. Красиво получается. Малиновый цвет.

Мы остановились на ночевку, выбрав для этого галечниковую косу, до половины заросшую тальниками, заваленную корягами. Расчистив место для палаток, стали поспешно устанавливать их. Пока обтесывали колышки, вбивали в каменистую почву шесты и обсуждали, как лучше поставить палатки, удэгейцы уже сидели под своими шатрами и ужинали. Был туманный и тихий вечер. Давно угасли последние отблески заката на воде, река потемнела, и горы в отдалении приняли таинственный вид. Костры осветили наш лагерь. Из палаток люди вышли к огню.

Послышался говор, смех, потом вдруг все обернулось на протяжный, назойливый, режущий звук, донесшийся издалека. Оказывается, Василий уже успел поохотиться. Он плыл по реке на оморочке. Берестяной свисток, сделанный для охоты на кабаргу, возвещал о его приближении. Ступив на берег, молодой удэгеец выбросил из оморочки утку и трех ленков.

— Я думаю, наверно, художники наши там, недалеко, ночуют, — сказал Василий, подходя к костру. — Собаки лают за кривуном.

Шишкин и Высоцкий вышли из Гвасюгов раньше нас. Они следовали самостоятельно. Проводником у них был Кикуса.

После ужина мы долго сидели у костра. Смешливый и шустрый парень Шуркей пел удэгейские песни, выводя однообразный мотив:

Удза, удза лаала,
Талу гадзи лаала,
Хадза лая лаала...

Ему подпевала Намике, сидевшая на камнях рядом со своим сынишкой Колей, уже дремавшим от усталости. Мне было жаль мальчика. Я спросила Намике:

— Зачем ты взяла его с собой?

— Он всегда со мной, — отвечала удэгейка. — Дома не хочет. А что, разве страшно? Ничего, пускай привыкает...

Утром, спешно позавтракав, мы отправились дальше. На косе еще слегка дымились костры. Вдоль реки стлался густой белый пар, закрывавший берега так, что на расстоянии двадцати пяти метров не видно было ни деревьев, ни кустов.

— Держитесь правее, у берега! — кричал Василий, оглядываясь назад и никого не видя.

Постепенно туман редел, растворялся, клочьями оседал на деревья и высокие травы. Даже паутины, повисшие на ветвях, были унизаны мелкими капельками воды, как стеклянным бисером. Теперь можно было хорошо различить баты, идущие сзади.

Время от времени батчики перекликаются.

— Скоро будет Джанго, — говорит Василий, указывая на высокую сопку, вершина которой возвышается над хорской грядой. — Раньше там было стойбище. Потом все перекочевали в Гвасюги. Один Гольду остался.

Долина реки здесь широкая. Левый берег Хора высокий, гористый, по правому далеко простираются пойменные леса. Подплывая к джанговской сопке и выходя на широкий плес, мы догнали художников. Вместе с ними причалили к берегу. Затем все отправились осматривать бывшее стойбище удэгейцев, где когда-то жил Джанси Кимонко.

Мы подошли к юрте Гольду, осмотрели амбарчик на сваях, затем направились по тропинке туда, где посажены овощи, картофель. Было приятно видеть этот маленький уголок сельского хозяйства, окруженный густыми зарослями. Растительность была здесь настолько пестрой и разнообразной, что мы невольно останавливались перед каким-нибудь деревом, обвитым лианами, разглядывали ползучие ветви ломоноса.

Вокруг было много спелой малины. Здесь можно было бы разбить великолепный фруктово-ягодный сад.

Когда мы возвращались к берегу, Василий остановился возле амбарчика, поставил ногу на гладкий длинный камень и крикнул:

— Вот какой, смотрите! Кто поднимет?

Он нагнулся и поднял камень, весивший, по его словам, пудов шесть. Этот валун Гольду привез сюда на счастье откуда-то с верховий Хора. В молодости старик поднимал его и прослыл силачом. Теперь около этого камня столпились участники нашей экспедиции. Старый Маяда попробовал было испытать свою силу, нагнулся, крикнул, но не смог поднять такую тяжесть, закашлялся и отступил в сторону.

— А ну-ка я... — сказал Батули. Напрягаясь, он взмахнул руками, как будто готовился прыгнуть в воду.

— Ничего, ничего, — подбадривал его Василий, — давай покажи, как можешь, нет?

Батули приподнял камень и тут же опустил его на землю. Потом все выжидающе стали смотреть на Высоцкого, выступившего вперед. Он словно играючи взялся за камень и перенес его с места на место.

— Вот сильный! Ая! Магани... Вот это да! — одобрительно заговорили в один голос удэгейцы.

Получасовая остановка в Джанго была чем-то вроде разрядки. Через несколько минут мы стали готовиться к отплытию. Художники оставались здесь. Шишкин сфотографировал нас на прощание.

— Итак, где же мы встретимся теперь? — в раздумье спрашивал он, поправляя свою шляпу.

— Да может и не встретимся вовсе, мы ведь отсюда пойдем на Черинай. И, пожалуй, этого с нас будет достаточно... — сказал Высоцкий.

Я присмотрелась к нему и заметила, что одно ухо у него было в крови, оно даже чуть-чуть припухло.

— Что это у вас такое, Василий Николаевич?

Они с Шишкиным переглянулись, оба стали смеяться, но не говорят, в чем дело, а я уже хотела позвать Мелешко — пусть посмотрит, может, надо йодом смазать, сделать перевязку? Но Высоцкий остановил меня, сказав, что ничего не нужно, пустяк и все...

— Это Алексей Васильевич мне чуть было ухо не оторвал. — И опять они засмеялись.

Потом все-таки Шишкин потихоньку стал рассказывать мне. Прошедшей ночью они останавливались вон там, на косе... Перед тем как уснуть, говорили о своем проводнике, о его собаках... У Кикусы голодные, хитрые собаки. От них ничего не спрячешь, того и гляди сожрут весь их провиант. Ночью в палатку действительно влезла одна собака. Шишкин очнулся первым, ему почудилось, что собака тащит сало шпик, положенное в изголовье у Высоцкого, он изо всей силы рванул кусок, но... под рукой у него оказалось ухо Высоцкого...

— Случай, можно сказать, дикий прямо-таки... Каюсь, виноват... — оправдывался Алексей Васильевич. — А, вообще, у нас все в порядке. Только вот... Эх, и проводник же нам достался! Он шаман, что ли... Кикуса? Вы думаете, что он сейчас делает?

Кикуса сидел на валежине у входа в юрту старого Гольду и кривым ножом выстругивал из дерева какие-то фигурки зверей, птиц... Художники решили, что старик делает игрушки для детей, но, оказывается, нет! Это — идолы. Потом он вдохнет в них «душу», когда станет молиться. Темный, отсталый человек... Что ему скажешь?

Мы прощаемся с художниками, уходим дальше вперед, а они пока останутся здесь на несколько дней. Шишкин давно хотел написать портрет Гольду, но хозяина нет дома, надо ждать... А пока его интересует вот эта юрта. Жилище старого Гольду...

— Ну, что ж, до свиданья...

Опять замелькали шесты, снова перед нами распахнулся речной простор.

Четыре дня мы поднимались к устью Сукпая. С утра до позднего вечера шли вверх по Хору, останавливаясь лишь для обеда где-нибудь на косе. От шестов у батчиков на руках появились мозоли. Как-то вечером Василий спросил, нет ли у нас вазелина, и тут же объяснил для чего:

— Немножко будем ладони мазать, потом горячим камнем натирать. И порядок.

На перекатах, хотя и было мелко и не опасно, баты продвигались с трудом. Чтобы помочь удэгейцам, мы тоже стали браться за шесты.

Все чаще перед нами появлялись теперь протоки. Со-

крашая путь, Дада опытным глазом отыскивал эти протоки, иногда настолько узкие, что приходилось то и дело обламывать сучья деревьев, чтобы пройти под живыми навесами. В иных местах протоки были расчищены. Заметив свежий след топора, Василий восклицал:

— Э! Видите? Это Ермаков рубил.

Действительно, Ермаковы двумя днями раньше здесь проходили.

По мере нашего продвижения вперед Хор принимал все более бурный характер. Старицы, прежде встречавшиеся на пути, исчезли из вида. То справа, то слева к реке подходили высокие, каменистые склоны гор, поросшие мхом, звенели ключи. Холодом веяло от камня, обнаженного бешеной работой воды. Берущий начало где-то в горах Сихотэ-Алиня, Хор мчится то вдоль горных складок, то поперек, давно когда-то прорвав каменные преграды. Принимая в свои воды другие реки, ключи, он удваивает силы и мчится, увлекая за собой камни и деревья.

Однажды, когда нам пришлось прорубать на пути небольшой залом, в протоке мы увидели огромное дерево, поваленное водой. На стволе его можно было троим стать в ряд. Это был тополь Максимовича, названный так по имени одного из первых исследователей Дальнего Востока. Тополя эти встречались нам, пока мы плыли к устью Чукена. Не доходя четырех-пяти километров до устья, мы остановились на обед, причалив к широкой песчаной косе.

— Будешь смотреть стойбище? — спросил меня Дада и, подозвав Василия, отвязал оморочку.

Через несколько минут мы с Василием плыли по тихой протоке, заросшей камышом и осокой. Ни звука не было слышно, и только всплески весла нарушали тишину. Василий то оглядывался по сторонам, то смотрел на воду, прозрачную, как стекло.

— Наверно, здесь рыба есть, — почему-то шепотом заговорил Василий.

Поставив сетку, мы сошли на берег и стали пробираться сквозь густые заросли крапивы. Подойдя к первой избушке, до крыши заросшей диким виноградом, я остановилась. Тут и там повсюду на деревьях белели медвежьи черепа.

— Идемте дальше, — сказал Василий, раздвигая кусты.

Это было заброшенное удэгейское стойбище. Еще несколько лет назад здесь жили охотники, именовавшие себя чукенскими. Вот изба, окруженная густой зеленью. Неподалеку — амбарчик на сваях, заросший крапивой и вейником. Ни просеки, ни тропы. Я иду вслед за Василием. Он шумно раздвигает кустарник. Все вокруг молчит, даже птиц не слышать. Тишина такая, что весь этот дремлющий, неподвижный лес с деревьями, на которых ни один лист не шелохнется, с медвежьими черепами, белеющими на ветвях, кажется небылицей.

— Идите сюда, — тихо говорит Василий, уже стоящий на пороге избы.

Продираясь сквозь высокую крапиву у самого крыльца, я едва не споткнулась о железную мотыгу, проржавевшую от дождей. Рядом с мотыгой валялся скелет какого-то зверька, а чуть подальше — детская игрушка — маленький голубой автомобильчик. Откуда это?

Между тем все здесь имело свою историю. Стоило войти в избу и поглядеть на сваленные в кучу столы и ящики, на шкафчик, в котором лежат запыленные листки тетрадей, исписанные по-удэгейски, с отметками русского учителя, наконец на стены, еще хранящие следы от плакатов и лозунгов, чтобы ощутить то недавнее время, когда бывшие кочевники обитали здесь, впервые приобщаясь к новой жизни.

— Вот как жили раньше, — показывая на развалившуюся юрту в отдалении, сказал Василий и поморщился.

Захватив с собой несколько исписанных тетрадей, я пошла вслед за Василием. У левого берега протоки он полчаса назад забросил сетку. Мы дважды обошли ее на оморочке из конца в конец, тревожа шестами илистое дно. В сетке запутались три ленка. Василий бросил их на дно оморочки, предварительно оглушив каждого ударом весла, затем направил оморочку вдоль протоки. Трава, шурша, задевала о борта нашей легкой лодчонки — настолько узок был проход.

— Ого! — воскликнула Намике, когда я стала показывать им тетради, найденные в заброшенном стойбище. — Это моя тетрадка!

Все сбежались смотреть, расспрашивали, что мы там

видели. Дада, сидевший у костра, недовольно заметил:

— Так делать худо. Зачем брали? Наши вещи ничего трогать не надо.

Василий объяснил ему, что, кроме тетрадей, мы ничего там не трогали, и старик, довольный, одобрительно закивал головой. По старым обычаям удэгейцы ничего не брали на местах своих прежних стоянок. Охотник, оставивший в тайге свою вещь, все равно когда-нибудь вернется за ней и возьмет ее сам.

— Что такое? — говорил Василий, с силой отталкивая лодку. Он оглянулся назад. — Старик Маяда все время отстаёт. Придется, наверно, на буксир брать. Там одна Жданкина центнер весит.

— Зачем так говоришь? — сурово оборвал его Дада. — Гляди вперед. Ой-ей!..

С берега над водой навис почти горизонтально толстый ствол каменной березы. Вода отнимала у дерева последнюю почву. Казалось, что оно вот сейчас рухнет и придавит наш бат. Под батом со свистом билась волна. Василий уперся шестом о каменный выступ на берегу.

— Берегитесь! — закричал он, напрягаясь изо всей силы, чтобы преодолеть быстрый поток.

Собака, лежавшая у меня в ногах, взвизгнула. Я пригнулась. Прутья хлестнули по спине.

— Гэлэ! — крикнул Дада.

Бат с трудом подался вперед. Оглядываясь на идущих следом за нами лодочников, я видела, как прошел бат Нечаева, потом проследовали Батули с Галакой и, наконец, старик Маяда со своим «экипажем». Белая панама Нади Жданкиной мелькнула в воздухе. Девушка размахивала ею в знак благополучия.

Все было хорошо. Но к вечеру, идя по узким протокам, мы потеряли из вида последний бат.

— Ничего, — успокаивал меня Дада, посасывая трубку. — Маяда знает дорогу.

Мы причалили к берегу. Василий отвязал от нашего бата оморочку и без всякого предупреждения отправился вверх, захватив с собой острогу и сетку. Уже запылал костер. А Маяды все не было. Я натянула палатку у самой воды, очистив для нее место от крупного камня. Нечаев с Мелешко рубили дрова.

— Где Василий? — спросила я у Дады.

— Имсабе. (Не знаю). Наверно, рыбачить пошел, — шурясь от яркого огня, отвечал старик.

Он варил кашу, сидя перед костром на корточках. Глухонемой удэгеец Семен чистил картошку. Шуркей стоял рядом, опустив по швам руки, ухмылялся. Я попросила его спуститься вниз по Хору на поиски оставших товарищей.

— Как пойду? Оморочки-то нет. — Он почесал затылок.

— Бат возьми.

— С кем пойду?

— С Семеном.

— Зачем идти? Сами найдутся.

Шуркей зевнул, потягиваясь. Ему не хотелось двигаться с места. Между тем время шло, сумерки сгущались все более, а Маяды не было.

— А ну-ка, Шуркей, без разговоров, быстро лети вниз, стрелой! Га!

Я столкнула на воду пустой бат, положила два шеста. Шуркей чертыхнулся, но пошел к берегу, увлекая за собой и Семена. Тот скорчил удивленную гримасу, развел руками, словно говоря: «Кто же будет чистить картошку?» Я взяла у него нож и подвинула к себе мешок с картофелем.

Через полчаса за поворотом реки, из-за кустов, слышались женские голоса, потом явственный стук шестов. В темноте пристали к берегу, женщины торопливо сбрасывали мешки и рюкзаки прямо на камни, разговаривая вполголоса.

— Все в порядке, товарищ начальник, — отрапортовал Шуркей, приложив руку к виску. — Была небольшая авария...

Он круто повернулся кругом и зашагал к палатке. Одна штанина у него была засучена выше колена, другая, совершенно мокрая, облепила ногу.

Удза, удза, лаала,
Талуга дзи лаала... —

пел Шуркей, удаляясь.

— Надя все дело нам портит, — сказала усталым голосом Намике, подходя к костру.

— А что такое?

— Берется шестом работать. Прямо не знаю, как

дальше будем. Чуть не утонули... Старик Маяда сердится.

Надя переодевалась в палатке, сбрасывала мокрые ботинки и виновато улыбнулась, когда я вошла туда, чтобы узнать, что случилось. Лидия Николаевна стояла у входа со свечой в руке.

— Ой, что я наделала!.. — сказала девушка, приподымаясь, и тут же изменила тон: — Но, честное слово, у меня уже не хватает терпения. Мы так медленно продвигаемся вперед, что я просто не могу. Ничего особенного не случилось. Ну, упала в воду. Ну, бат покачнулся, немножко воды набрали. Подумаешь, какая авария... Все равно я должна научиться работать шестом.

Я вполне понимала желание Нади и сказала ей, что ничего не вижу плохого в том, чтобы научиться управлять батом. Но не надо это делать на глубоких пелесах, где шесты не достают дна. Лучше учиться на мелких протоках и, конечно, днем, а не в сумерки.

В эту ночь мы долго не могли уснуть. После ужина, пока в палатке горела свеча, я записывала в полевой дневник события за день. Лидия Николаевна и Надя полусшепотом о чем-то беседовали. Когда свеча, растаяв, поплыла на камень, Надя зевнула.

— Ой, как я устала, товарищи! — И натянула на себя одеяло. — Руки болят от шеста.

В соседней палатке заплакал младший сынишка Батули Яша. Лидия Николаевна вздохнула.

— Такая меня тоска охватила сегодня. Вы знаете, все время думаю о своем сыне. Ужасно тоскую. Он ведь остался с бабушкой. Как они там?..

— Не волнуйтесь: вот дойдем до устья Сукпая, развернем рацию, и можете дать домой радиogramму. Спите спокойно. Вы завтра дежурите по кухне. Что будете готовить? Люди жалуются на однообразие пищи. Говорят, что консервы надоели. Может быть, ленков поджарите? Василий сегодня поймал штук десять хороших ленков.

— Ох, этот Василий какой гордый! — полусонно заговорила Надя, поворачиваясь на другой бок. — Гордый и насмешливый. Иногда я даже не знаю, как с ним заговорить.

— Нет, Вася — молодец, — возразила Лидия Николаевна. — Вы посмотрите, какой он старательный. Он

же совсем мало отдыхает. Ну скажите, кто его просил сегодня за рыбой идти? Он так устал за день. И все-таки вечером рыбачить пошел. Вот с Шуркеем действительно трудно разговаривать. — Лидия Николаевна приподнялась на локте. — Вы бы послушали, как Шуркей сегодня ругался, когда пришел к нам на помощь. Он же сам опрокинулся вместе с батом. Злой был... ужасно.

Шуркей воспитывался без родителей. Жил у старшего брата, у дяди. В школе не доучился — бросил, стал рыбачить, ходил на охоту вместе со взрослыми охотниками. Батули приютил его как племянника. Галака относилась к нему с материнской нежностью, хотя нередко встречала его угрюмый, недоверчивый взгляд. Но сердце у него было отходчивое, и в ответ на доброе слово он мог быть послушным. В экспедицию он пошел весьма охотно, так как представлял себе наш поход чем-то вроде развлечения: беседы у костра, охота на зверей для научной цели, радиопередачи, наконец, новые люди, с которыми просто интересно побыть вместе, понаблюдать за ними со стороны. Шуркей не сразу понял, что был в экспедиции не просто лодочником, батчиком, но членом коллектива.

Однажды, рано утром, после того как мы свернули палатки и стали укладывать вещи, чтобы двигаться дальше, на берегу разыгралась неприятная сцена. Старик Маяда, сидевший у костра, возбужденно разговаривал с Шуркеем. Тот в запальчивости кричал изо всей силы, размахивая руками, стоя перед костром и лихо отплевываясь.

Лидия Николаевна подошла ко мне встревоженная.

— Идите, пожалуйста, узнайте, что там Маяда с Шуркеем не поделили. — Она рассмеялась. — Вот, действительно, старый и малый связались друг с другом... Надо же собираться, а Маяда никого не слушает. Поговорите с ним, узнайте, чего он хочет.

Маяда сидел у костра, скрестив ноги. Всклобоченная голова его была опущена вниз; руками он обшаривал высохшую за ночь траву под берестяным ковриком.

— Трубку потерял, — сказал Шуркей, усмехнувшись. — Потерял и говорит, что я взял. На черта мне его трубка!

— Стыдно так делать, — заговорил на своем языке Маяда. — Ты сидел тут рядом, трубка на камне лежала. Ты ушел, трубки не стало. Зачем взял? В кусты забросил, наверно?

— Не брал я, — решительно сказал Шуркей, шагнув ко мне навстречу. — Садза, садза! (Правда, правда!) — уверял он, приложив руку к груди. Плутоватое скуластое лицо его расплывалось в улыбке.

— Хорошо, мы тебе верим, Шуркей. Но зачем ты кричал? Нельзя так грубо разговаривать со старшими. Это нехорошо. Понимаешь?

— Он всёгда такой, — безнадежно махнув рукой, сказал Маяда.

— А вы, Маяда, поищите трубку хорошенько. Давайте быстрее все поищем. Может быть, она где-нибудь тут лежит? Надо посмотреть как следует.

— Вот, действительно, потеря... — заметил Нечаев, подошедший к нам. — Небось лежит у него где-нибудь в кармане... Смотрите, солнце-то как высоко поднялось. Что же мы из-за трубки будем здесь до обеда стоять?

— Не могу идти без трубки. Пусть отдаст, — настаивал между тем старик, косо поглядывая на Шуркея.

Тот уже молча обстругивал шест, еле сдерживаясь от гнева. Я наклонилась к старику:

— Так вот, Маяда, вы знаете, что Шуркей не брал вашу трубку? Зря вы на него сердитесь.

— Почему так ручаешься за него? — спросил Маяда, приподымаясь на колено.

— Если человек говорит: «Не брал», — надо ему поверить. Мы должны верить друг другу. Иначе в экспедиции нельзя. Понимаете?

— Как можно верить этому парню? — возмущался старик, видя, что Шуркей улыбается.

— Нашли! — закричала вдруг Намикé, стоявшая у самой воды. Она взяла трубку из рук своего сына Коли и в три прыжка добежала до Маяды. — Вот возьми, — сказала женщина ласково. — Совсем плохая память стала у тебя. одо (дедушка)...

— Где нашли? — встрепенулся Маяда, обрадованный как ребенок. Выслушав Колю, он закивал головой. — Правильно, там оставил, на камне. Рубаху стирал. Совсем забыл.

Вид у старика был растерянный, виноватый. Значит, он сам себе стирает белье? Я отозвала Намике в сторонку и спросила у нее: почему она не поможет старику в таком деле?

— Вы же здоровая женщина. Вам ведь нетрудно было выстирать ему рубаху.

Она пожала плечами:

— Просто я как-то не подумала. Теперь буду так делать.

Лидия Николаевна, стоявшая рядом, тронула меня за плечо:

— Посмотрите на Шуркея...

Шуркей сидел, обняв руками колени, и задумчиво уставился взглядом куда-то в одну точку.

— Все время, если плохое дело, значит, Шуркей виноват. Да? — говорил он с обидой. — Почему так?

— Потому что, наверно, ты когда-нибудь сказал неправду. Один раз обманул, и тебе перестали верить, — заметила Лидия Николаевна, подходя к нему. — Ничего, ты не обижайся. Это дело поправимое.

В тот день Шуркей был молчаливым. По реке ни разу не пронеслась его песня. Обычно он стоял в носовой части бата, весело взмахивал шестом, пел или насвистывал, оглядываясь по сторонам, дразнил идущих сзади, хохотал. И вдруг присмирел...

— Сердится немножко, — сказал про него Василий, видя, как Шуркей изо всей силы налегает на шест, стараясь обогнать наш бат во что бы то ни стало. — Смотрите, как хорошо работает, когда сердитый. Эй, Шуркей! Закурим давай!

— Ладно, ладно, — угрюмо отозвался Шуркей, — до Чукена дойдем, тогда покурим.

Наши баты выровнялись, пошли рядом, потом Шуркей оказался впереди нас. Глухонемой Семен подмигнул Василию: вот-де мы какие! Василий не любил, когда кто-нибудь его обгонял. В таких случаях он горячился, просил нас с Дадой приналечь на шесты и сам подпрыгивал при каждом взмахе. На этот раз я положила свой шест у правого борта и достала полевой дневник, усаживаясь так, чтобы удобнее было писать.

— Опять будете записывать, да? — разочарованно спросил Василий. — Эх-ма!

— Ничего, ничего... Пусть Шуркей идет впереди.

13. СУКПАЙ-РЕКА

К устью Чукена мы подошли перед вечером, когда солнце уже садилось за ближние горы. Широкая галечниковая коса, окаймившая левый берег Чукена и мысом вышедшая к Хору, быстро ожила, едва мы высадились на ней со всем своим скарбом.

— Гляди, какая вода есть — совсем чистая, — сказал мне Дада, когда мы, вытащив свой бат на косу, пошли осматривать Чуken.

Чукенская вода действительно очень прозрачна. Недаром и реку называли так: Чукэ — значит светлый.

Несмотря на вечернее время, можно было разглядеть пестрые камешки, устилавшие дно реки.

Интересно было бы пройти вверх по Чукену сейчас, хотя бы с рекогносцировочной целью, на оморочке и посмотреть, что эта за река. Я вспомнила разговор с научным сотрудником Хабаровского института лесного хозяйства Федором Ивановичем Киселевым. Двадцать лет назад он, будучи таксатором, ходил по Чукену с экспедицией.

— Когда доберетесь до устья Чукена, — говорил он весной, узнав о нашей экспедиции, — обратите внимание, какая чистая вода в этой реке. И какая быстрая! Это очень порожистая река, стремительная. Местами скорость ее доходит до пятнадцати километров в час.

Признаться, такой скорости мы теперь не заметили. Правда, здешние реки, по словам охотников, нередко возле устья укрощают свой бег, становятся плавными. Кроме того, с течением времени, много раз меняя русло, они изменяют и свой бурный характер. К сожалению, наш маршрут не предусматривал возможности побывать хотя бы в среднем течении Чукена, а намерение двигаться все время вверх по Хору как можно быстрее исключало даже короткую экскурсию по реке.

— Говорят, что Чуken зимой не замерзает? Это правда? — спросила я у Дады.

— Конечно, — ответил он и объяснил, что здесь хорошо бы развести норку, так как и условия долины и обилие кеты, погибающей после нереста, благоприятствуют ее обитанию.

Чукен берет начало на западном склоне Сихотэ-Алиня и вливается в Хор у подножия высокой сопки. Мы расположились как раз напротив этой сопки, вершина которой закрыла от нас горизонт, откуда, из-за гребня ее, по всему небу разливался яркий закат. Это незабываемое зрелище заставило всех нас выйти из палаток и долго смотреть, как глубокая котловина, в центре которой на отмели был раскинут наш лагерь, заполнялась красным светом. Сначала зажглись вершины деревьев над рекой, затем вспыхнули светлые крыши палаток, и вот уже и камни, и вода, и песок отливают этим необыкновенным холодным пожаром, и даже на кленовую трубку Дады ложатся его неяркие отсветы.

Дада стоял у самой воды, чуть поодаль от нас, мечтательно смотрел на небо и молчал. Джанси Кимонко был прав, когда говорил о нем, что старик не любит разговаривать. В самом деле, вот уже несколько дней мы плывем по реке в одной лодке, но я еще ничего не знаю о Даде, кроме того, что в колхозе «Ударный охотник» Дада один из лучших охотников. Правда, за это время я успела заметить: Дада был человеком исполнительным, строгим, но никого не осуждал, и, если между удэгейцами возникали порой конфликты, он никогда не вмешивался в разговор. Завоевать его расположение было нелегко. Однако молчание Дады никого не угнетало. Утром, отправляясь в путь, старик черпал веслом воду и пил с весла, подхватывая капли на лету и приговаривая по-своему:

— Эх, хорошо!

От устья Чукена долина реки, суживаясь, потянулась на север. Крутые, каменистые склоны правого берега с неровными обнажениями горной породы стали чаще вставать на пути. Мы пристали к левому берегу, и если бы Дада не сказал мне, что за кустами, недалеко отсюда, бывшее стойбище Верхнее Богэ, никто бы и не подумал сойти на берег. Мы отправились смотреть стойбище, покинутое удэгейцами около двадцати лет назад. Ничего, кроме развалившихся амбаров и юрт, не нашли. Без тропы, пробираясь сквозь колючие кусты шиповника и малины, добрались мы до разрушенной юрты. Дверь от нее валялась в десяти шагах, балки давно подгнили и упали. Это все, что осталось от стой-

бища Верхнее Богэ. Кстати сказать, на карте, которой мы располагали, оно было помечено ниже Чукена, хотя Чукен мы миновали еще вчера. Пришлось внести исправления.

Еще издали мы стали искать глазами вершину Черинайской горы. Бинокуляр переходил из рук в руки, но домик, который якобы видел отсюда простым глазом Василий, никто из нас не мог разглядеть. Между тем вершина Чериная была уже действительно видна. Мы все смотрели на нее позднее, когда выбрали место для ночлега метров на полтора-два выше Сукпая и расположились на косе, прилегающей к пойме, густо населенной ивой-корейкой. Вечером, установив рацию, мы слышали голос черинайской девушки Вали Медведевой:

— Я «Двойка»! Я «Двойка»! — кричала она, ища кого-то в эфире.

Никогда не видев этой девушки, не зная ее, мы все, однако, прониклись к ней уважением. Большинству из нас она представлялась рослой и сильной девушкой. Жить в этой угрюмой, безлюдной тайге, в горах, окруженных бурливыми реками, оставаться одной на целые месяцы — для этого надо быть смелой и сильной.

Мне захотелось побывать на Черинае, пройти по Сукпаю, о котором так много говорил Джанси. Кстати, представился случай. На следующий день пошел дождь. Делать было нечего. Все равно здесь нам предстояло ждать Колосовского. Охотники отправились в тайгу за добычей, а мы с Нечаевым решили подняться по Сукпаю. Василий и Намике сдвинули на воду бат. Намике взяла с собой сынишку. Она укрыла его брезентом. Едва мы вышли, поднялся ветер. Навстречу нам побежали крутые волны и без того порожистой, быстрой реки.

Черинай — это таежная база на Сукпае, связанная с изучением окружающего района. Она расположена на высокой горе. Плыть от устья Сукпая до подножия этой горы — восемь километров. Надо было огибать камни, где вода кипела и брызгала каскадом. Так вот каков Сукпай — родина Джанси Кимонко, о котором писал он:

«Сукпай — на Бикин перевал, Сукпай — на Идзи перевал, Сукпай — на океан перевал...

Вода твоя шумит и пенится на перекатах. Огромные

камни несутся по дну твоему, гонимые сильной струей. Страшны пороги твои, Сукпай!..»

Когда мы подплывали к Черинайской горе, усилился дождь. Мы промокли до нитки. По синей сатиновой рубашке Василия струями скатывалась вода.

— Мафа! Мафа! — закричал Коля, увидевший на противоположном берегу медведя.

Василий схватил ружье и выстрелил. Зверь, подошедший было к реке, бросился в лес. Мы подплыли к берегу. Василий пустился бежать по следу медведя. Намике шла за ним. Мы с Нечаевым стояли около брата. По-видимому, зверь был легко ранен, он ушел далеко. Вернувшись ни с чем, разочарованный Василий заметил:

— Не повезло.

— Конечно, — пошутил Нечаев, — если бы он был привязан...

Через полчаса мы подошли к подножию большой отлогой сопки, поросшей лесом.

— Вот вам пристань Черинай! — сказала Намике. — Пожалуйста, на берег.

На берегу, заросшем крапивой, лежал опрокинутый бат. Чуть подальше, под корьем, стояли бочки, ящики, на ящиках лежали мешки с мукой, рядом — большая бутылка с маслом. Продукты, недавно привезенные сюда, как видно, еще не успели поднять наверх.

— Ну, ладно, вы идите, — обратился к нам Василий, — идите туда сами, а мы ночью будем охотиться.

— Может быть, мальчик с нами пойдет? — спросил Нечаев, указывая на Колю, посиневшего от дождя и ветра.

— Нет! Нет! — воспротивился Коля. — Я буду здесь.

Медленно ступая по кочкам, перешагивая через валежины, мы с Нечаевым стали подыматься на Черинайскую гору.

Два часа длилось восхождение. Утомителен был путь по крутой горной тропе среди бурелома и камня. То и дело приходилось перешагивать обомшелые валежины, иногда взбираться на лесины, лежащие поперек тропы, перепрыгивать через них и снова карабкаться вверх по каменным выступам.

Андрей Петрович шел впереди. Привыкший к таежным походам, он уже давно мечтал о том, чтобы побро-

доть по горным кручам, и теперь взбирался наверх безо всяких усилий. На Черинай его влекло желание осмотреть высокогорную растительность и отсюда начать изучение «белого пятна», геоботаническое описание которого входило в задачи нашей экспедиции. Дальше устья Сукпая вверх по Хору никто из ботаников еще не был.

День выдался пасмурный, и оттого в лесу было сумрачно, сыро. Дождь то переставал, то снова барабанил по листьям. Кусты и деревья намокли, и зелень казалась сизой от обилия влаги. По мере того как мы поднимались все выше, широколиственный лес уступал место елям и пихтам с редкой примесью клена зеленокорого, рябины и шиповника, достигающего в этих местах более двух метров высоты. С неба, с мокрых деревьев сыпался на нас двойной дождь. Одежда намокла и стала тяжелой, сапоги скользили. Время от времени Нечаев останавливался, чтобы лучше рассмотреть какое-нибудь растение, не подозревая о том, что эти краткие остановки давали мне возможность отдышаться.

Идя по гребню горы, мы ждали, что теперь наконец покажется домик Вали Медведевой, но вместо него перед нами возник крутой каменистый склон. Повсюду беспорядочной грудой лежали базальты — свидетельство древней работы стихии, разрушившей когда-то величественные горы. Но вот лес отступил, и глазу открылась панорама гольцов, тут и там покрытых зелеными мхами, светлым ягелем, ликоподием, брусникой.

— Вот и предгольцовая растительность. — Нечаев сорвал красноватый лоснящийся лист бадана. — Между прочим, вы знаете, что бадан можно заваривать вместо чая?

Всякий, кому приходилось совершать восхождение на вершину Черинайской горы, думал, наверное, о людях, которым довелось жить в этой глухой стороне, да еще подниматься на такую высоту с грузом. Недаром у подножия ее внизу устроен лабаз. Как видно, враз унести оттуда продукты нелегко. Охотники-удэгейцы, проплывая мимо горы по Сукпаю, почти никогда не заходят на базу, так как путь туда требует немалых усилий. Только спустя некоторое время мы узнали, как трудны условия Чериная. Не всякий их может выдер-

жать. Тут низкое атмосферное давление. В таких условиях некоторые люди страдают «горной болезнью».

Все наши усилия были вознаграждены, как только мы очутились перед домиком, окруженным буйными зарослями малины, растущей между серыми глыбами камня.

— Ну, вот и все! — Нечаев вздохнул с облегчением. Он первым поднялся на крыльцо и отворил дверь.

Промокшие, усталые, мы вошли в дом неожиданно для его обитателей. Их было трое. Наше знакомство состоялось у порога, пока мы снимали с плеч рюкзаки и мокрые куртки. Из-за стола, где помещалась радиоустановка, поднялся молодой человек высокого роста, со светлой и пышной шевелюрой. Это был начальник базы Роман Богданов-Ольховский.

— Вот хорошо! Как раз к обеду! — просто заговорил он и, подходя к нам, протянул руку. — Валя, — обратился он к девушке, накрывавшей на стол, — надо быстрее переодеть их в сухое.

Невысокая, худенькая черноглазая девушка с косичками, подобранными на затылке в узел, гремела посудой. Оставив свое занятие, она подошла к нам и вслед за юношей Николаем Ярошенко отрекомендовалась:

— Медведева.

Через несколько минут мы все сидели за столом и вели оживленную беседу. Хозяева рассказывали нам последние новости, которые они только что слышали по радио. Мы в свою очередь торопились поведать о своих делах. Бойкая на слово, шустрая Валя Медведева, как радушная хозяйка, суетливо бегала от стола к плите то с чайником, то с лепешками. Я напредила Нечаеву о хлебе, и тот, спохватившись, вынул из рюкзака четыре ковриги хлеба.

— Вот, пожалуйста, вы ведь просили... — сказал он девушке.

— Да что вы! — смутилась она. — С такой тяжестью в гору шли. Я уже лепешек настряпала.

— Как вы подымаетесь на такую высоту?

— А ничего, мы уже привыкли.

— Сейчас затоплю баню, — сказала Валя, надевая калоши, стоявшие у порога. — Воды теперь много.

— У нас ведь вода только небесная, — пояснил Ро-

ман, — питаемся дождями. Зимой — снег тает. Жить тут нелегко, но интересно. Посмотрите, какое замечательное место вокруг.

Он привел нас к краю обрыва. Отсюда, с гольцовой вершины, открывалась панорама долины, стесненной горными складками. Слева, извиваясь светлой змейкой, сверкал Сукпай, а справа блестели излучины Хора. Ветер расчистил небо. В долину упали последние лучи солнца и зажгли плывущие внизу облака.

— Когда я первый раз увидел вот такие облака, — заговорил Роман, — я подумал, что это лесной пожар. — Помолчав он добавил: — Хорошо здесь все-таки. Я уже привык. А помню, на выпускном вечере, когда мои товарищи уходили в морское училище, я ведь тоже очень хотел пойти с ними.

Роман учился в хабаровской средней школе. Там я видела его за партой в годы войны. Потом он отправился работать в тайгу.

— Теперь я научился и на батах плавать и нарты тащить по несколько суток зимой, — продолжал Роман. — Вот только тяжело в одиночестве. Особенно когда праздники. Представьте себе, в День Победы я оказался здесь один. Утром включаю радио — и вдруг...

Он начал рассказывать о том, как торжественная, победная музыка заполнила таежную избушку и возгласы «ура!», и песни, и слово «победа», летевшие на всех радиоволнах, обрадовали его настолько, что он распахнул двери избы и выбежал. Вокруг на сотни километров не было ни души. Он поднял красный флаг на крыше своей избушки. И, не в силах спокойно пережить радость, долго ходил по гольцам, смотрел на синие дали глухой лесной пустыни.

На следующий день мы с Вале́й Медведевой бродили по окрестностям Черина́я. Был сильный ветер. Лиственницы, окружавшие базу, раскачивались, глухо шумя на ветру. Рваные дождевые облака — «фрактонимбусы» — мчались так низко, что задевали о крышу бани, о кусты бузины, раскинувшейся за огородом. По рядкам картофеля и в междурядьях розовели головки мака, посеянного Вале́й. Впервые за эти годы здесь появился огород. Девушка сама расчистила участок от камней, вскопала его, посадила картофель и овощи.

— Огурцы у меня пропали, — говорила она, огля-

дывая грядки. — Холодно было весной. А вообще, мне кажется, здесь можно выращивать овощи.

Валя впервые пришла на Черинай зимой прошлого года. Вместе с Богдановым-Ольховским девушка добиралась сюда по замерзшей реке. Целую неделю длилось путешествие с ночевками у костров, с тяжестью поклажи на нартах и с томительной неизвестностью перед тем, что такое Черинай. У подножия горы Роман сказал ей:

— Ну вот, Валя, теперь, как только взберешься на гору, так и не захочешь больше спускаться вниз.

Идти было скользко. Под конец пути Валя добиралась почти ползком, чувствуя сильное головокружение.

Необычайные условия жизни не смутили Валью. Ничего, что каждый день надо было таять снег, для того чтобы иметь воду, спускаться вниз за продуктами и подниматься снова на гору. Ей даже нравилось жить так, постоянно преодолевая трудности. В какой-то мере это поднимало девушку в собственных глазах... Могла же она, как и ее сверстницы, тоже устроиться на работу дома и сидеть в теплой конторе.

Ранней весной Валя осталась одна. Богданов уехал за продуктами и вернулся только летом. Весна была ранняя. Но здесь, на горе, она всегда поздняя гостья. Вокруг еще лежал снег, и холодные ветры раскачивали деревья, свистели в окнах, обегая гольцы. Внизу уже цвел багульник, зеленели березки и клены. Пахло тополем. Валя спустилась вниз, к лабазу, где оставалось немного крупы и масла. Но лабаз был пуст. Медведи ничего ей не оставили. Она взбиралась на гору очень долго и уже в пути почувствовала сильную головную боль.

С каждым днем продуктов оставалось все меньше и меньше. Валя сняла с чердака остатки сушеного мяса и решила экономить. День ото дня уменьшала порции, ждала возвращения Богданова. Несмотря ни на что, она все так же четко несла свои обязанности радиста базы. Как назло, стояла сухая погода, не было дождей, а вода кончилась. Девушка взяла небольшую банку и спустилась до середины горы, где когда-то пробегал чуть заметный ключик. Теперь его не было. На камнях, свернувшись в клубок, лежала змея. Валя припала к едва перебирающейся по камням водичке, но,

заметив змею, отпрянула в ужасе и поспешила домой. Вечером она передала по радио в Гвасюги о своем бедственном состоянии. Ей сказали, что Роман уже несколько дней как вышел оттуда. И действительно, вскоре Богданов вернулся домой. С помощью удэгейцев он доставил на вершину горы необходимую часть продуктов.

— Неужели вам не страшно оставаться одной? — спросила я девушку во время нашего разговора.

— Нет, представьте себе, не страшно. Правда, я приучила себя не бояться. Живем мы на такой высоте, что опасный зверь сюда не забредет. А человек? Человеку я была бы только рада. Но, к сожалению, сюда никто почти не приходит. Самое главное, чтобы продукты были, а остальное — ерунда. Чувство страха, я считаю, вот в таком случае — это просто выдумка.

— А ночью?

— Сначала я побаивалась. Но потом стала приучать себя не бояться. И еще, знаете, когда я прочитала о Зое Космодемьянской, мне все мои ночные страхи показались такой чепухой. Помню, осталась одна, возвращаюсь вечером с наблюдательной площадки и вдруг вижу: около крыльца мелькнула какая-то тень. В это время у меня погас фонарь. Я хотела побежать, но нарочно заставила себя идти как можно медленнее. И вот прихожу в дом, зажигаю свет, осматриваюсь вокруг — нет никого. В ту ночь я оставила дверь открытой и с тех пор стала спать не запираясь...

Вечером она сидела за передатчиком. Я с удовольствием наблюдала, как аккуратно и четко работала девушка. Между делом она успевала готовить ужин, стряпала пирожки с малиной, мыла посуду. И ночью около рации слышался ее звонкий голос:

— Я «Двойка»! Я «Двойка»! Слушайте меня!

Мы пробыли на Черинае два дня. Здесь я закончила свой второй очерк о путешествии и попросила Богданова как можно скорее передать его в Хабаровск.

— Хорошо, — сказал он, перелистывая мою рукопись. — Мы сегодня же постараемся передать. О чем это, интересно?

— А вот будете передавать, узнаете.

— Вам есть радиограмма! — весело крикнула Валя,

подзывая меня. — Вот, читайте. Про какую-то операцию.

У меня на мгновение зазвенело в ушах. Я подошла к столу и прочитала расшифрованную Валею радиogramму. «Операция прошла благополучно, температура нормальная, дети здоровы».

Я пожала Валину руку так сильно, что девушка испугалась. Если бы она знала, как я ждала этого известия.

— Спасибо вам, дорогая...

В дверях уже стоял Василий Кялундзюга. Он пришел за нами и объявил, что Сукпай выходит из берегов. Распростившись с новыми друзьями, мы пошли по тропе вниз.

— Заходите на обратном пути, обязательно заходите! — крикнула Валя. Она стояла на большом сером камне и махала рукой. — Я вас картошкой угощать буду!

Спускаться оказалось не менее сложным делом. Ноги скользили, стоило немного оступиться, и полетишь вниз, на камни. У берега стоял наготове наш бат. Василий отвязал его, и через минуту мы уже плыли вниз по реке с такой быстротой, что в полчаса достигли устья Сукпая.

14. НЕПРЕДВИДЕННЫЙ СЛУЧАЙ

Еще издали мы заметили наш лагерь: на правом берегу Хора дымились костры. У воды на валежине сидел Колосовский, чистил ружье. Он только что прибыл сюда вместе с Динзаем и сегодня торопился попасть на Черинай.

— А где же Дима? — спросила я Колосовского, едва мы поздоровались.

— Дима? — Он помолчал, пробуя пальцем спусковой крючок. — Диму я оставил в Гвасюгах. Ему там на все лето работы хватит. Пусть занимается этнографией.

Колосовский говорил спокойно, хотя я видела, что он не в духе.

Дожди беспокоили его не на шутку. Время шло, мы продвигались по Хору медленно. Сознавая, что на его ответственности лежит судьба экспедиции, коллектива,

Фауст Владимирович волновался. Между тем люди относились к нему с доверием. Он не любил навязывать свои мысли, но, если случалось обратиться к нему за советом и помощью, он охотно шел навстречу. Колосовский не был словоохотлив. Углубившись в дела, он мог во время дневок часами не выходить из палатки, но там, где он появлялся, негромкий голос его звучал решительно, твердо. Высокий, стройный, всегда подтянутый, он почти неслышно ступал по камням, проходя мимо наших палаток. Его маленькая белая палатка стояла в стороне от нашего лагеря. Я уже заметила, что Колосовского тяготит присутствие в экспедиции женщин. По этому поводу он однажды сказал:

— Как это вышло, что я очутился в тайге с женщинами, — сам поражаюсь.

— Что же в этом плохого?

— Боюсь, что не сумею быть деликатным. Не привык. Как бы то ни было, но ведь женщине гораздо труднее в тайге. Вот, скажем, так: разве я могу вас заставить работать шестом? Нет. Не могу, ибо это опасно. Когда Жданкина берет в руки топор, у меня душа уходит в пятки. Да и смешно смотреть. Вы видели, как она рубит дрова? И потом, знаете, мне просто жаль вас, честное слово. Впереди так много трудностей... Вот Лидия Николаевна все время поет. Но ведь она поет до первого залома. Seriously!

— Не пугайте, пожалуйста.

В день приезда Колосовского по кухне дежурила Надя. Она долго возилась с тестом, стряпала лепешки. Девушка покраснелась у костра. Следы ее усердия запечатлелись в виде мучных пятен на лице, на синем комбинезоне. Увидев это, Динзай прыснул от смеха и сказал заикаясь:

— Так, наверно, долго обед не будет, а? Все время пудришь...

Она действительно запоздала с обедом. Колосовский, не дождавшись, пошел в палатку Батули. Галака уже давно сварила уху, нажарила пирожков с мясом. Колосовский с Динзаем обедали там. Когда Надя пригласила всех в палатку, Фауст Владимирович уже готовился к отплытию вверх по Сукпаю. В ответ на ее предложение захватить с собой в дорогу лепешек, Колосовский нахмурился, потом вдруг рассмеялся.

— Благодарю вас. В ваших лепешках слишком много муки. — Он произнес последнее слово с ударением на первом слого и, чтобы не обидеть девушку, добавил добродушно: — Нет, серьезно, я сыт. Спасибо. — И зашагал к реке. — А вода-то прибывает... — Он оглянулся. — Перенесите палатки подальше от берега.

С Колосовским ушел и Динзай. Охотники еще не вернулись. Мы перенесли палатки подальше от берега. Весь день Андрей Петрович и Мисюра занимались описанием поймы. Энтомологи собирали клещей в береговых кустарниках. Удэгейцы стирали белье, развешивая его на деревьях.

За ужином Василий сказал:

— Вот что, товарищи, я предлагаю идти на другое место. Все равно вода придет ночью, затопит.

— Ничего, — ответил Нечаев, — за одну ночь ничего не случится.

Мы развели большой костер и сидели в тесном кругу. Из-за гор взошла луна, прямо перед нами на воде заблестела серебристая дорожка. Вода прибывала.

— Я думаю, надо продукты, муку, главное дело перетащить подальше от берега, — не унимался Василий.

Мы перенесли мешки с провизией подальше в лес и пристроили их в развилке большого дерева. Намике пошла отвязывать лодки. Ведь за ночь их могло унести водой! Стоя в оморочке, женщина ловко работала шестом и, удерживая равновесие, подгоняла к берегу баты.

— Посмотрите, как красиво! — сказала Надя, подавая мне бинокль. Навстречу лунному свету двигался, как на экране, темный силуэт удэгейки с длинными косами.

— Дайте, я посмотрю на луну, — попросила Намике, подойдя. — О, как интересно! Вот там есть старик со старухой. Поглядите, — она громко засмеялась. — У нас есть такая сказка. Один старик жил. Поругался со старухой. Ушел от нее на луну. Там ему плохо стало. Воды нигде нет. Позвал старуху. Она пришла и говорит: «На тебе воды». Видите, ковшик ему подает?

Этой ночью в нашей палатке долго горела свеча. Я дописывала очередную корреспонденцию, которую завтра надо было передать по радио в Хабаровск. Склонившись над своим дневником, Надя подбирала какую-то фразу.

— Ну почему я не умею выразить словами то, что думаю?

Она уткнула голову в рюкзак, служивший ей подушкой, и вдруг рывком приподнялась. Под ногами звякнули кастрюли. Девушка вскрикнула. Остатки ухи плеснулись на одеяло. Она виновато посмотрела на меня и звонко расхохоталась.

— Какая я все-таки неуклюжая! Хотите, я прочитаю вам свои записи? Совсем немножко. Вот послушайте...

Надя зашелестела тетрадкой. Симпатичное, круглое лицо девушки, освещенное пламенем свечи, стало серьезным. Она читала вполголоса:

— «Я очень довольна, что на мою долю выпал случай участвовать в этой экспедиции. Мне давно хотелось побывать в тайге, поэтому я и не раздумывала, когда наш биолог предложил мне отправиться в долину Хора. Каждый день мы ловим клещей, наполняем клещами пробирки, собираем их сачками и волокушами. Но клещей становится все меньше и меньше. Кажется, мы опоздали, клещевой сезон уже заканчивается...» Нет, это не то... — Она поморщилась. Опять перелистала дневник. — Вот что я вам прочитаю. «...Начальник нашей экспедиции Фауст Владимирович Колосовский — суровый и строгий человек. Он уже не молодой. Ему лет тридцать пять. В его внешности нет ничего выдающегося: высокий, худой, говорит всегда тихо. Но он очень симпатичный. У него умный, проницательный взгляд. Когда он молчит и слушает, кажется, что видит человека насквозь. Он со всеми одинаков и ровен. Я еще ни разу не видела, чтобы он был сердитым. Но я боюсь с ним разговаривать. Сегодня я писала протокол совещания нашей экспедиции. Когда я попросила Фауста Владимировича подписать протокол, он сказал: «Хорошо, оставьте его. Я прочитаю и подпишу». Но вечером Колосовский вызвал меня к себе и спросил: «Вы на каком курсе учитесь?» Я сказала: «На третьем...» Он помолчал и протянул мне протокол, не подписав его. Я готова была провалиться сквозь землю, когда он сказал: «Вы допустили здесь несколько грамматических ошибок. Это нехорошо. Перепишите снова...» Было ужасно неловко. Но я несколько не обиделась на него. Потому что он прав. В

самом деле, врач должен быть всесторонне грамотным, образованным человеком...»

— Я не согласна с одной твоей формулировкой, — заметила Лидия Николаевна. Оказывается, она не спала, спасаясь от мошки под одеялом, слушала и теперь, не выдержав, вступила в разговор. — Ты пишешь, что Колосовский — суровый человек и строгий. По-моему, он просто скромный...

— Ох, ох... — Надя опять захохотала.

А Лидия Николаевна уткнулась лицом в подушку; малейшее проявление несправедливости корбило ее. Она была чуткой и доброй и для каждого из нас могла бы пожертвовать всем, что имела.

На рассвете к нам в палатку хлынула вода. Я проснулась от крика.

— Ой, потоп! Смотрите-ка, что случилось! — кричала Надя, раскидывая одежду.

Под медвежьими шкурами хлюпала вода.

— Не кричи! — успокаивала девушку Лидия Николаевна. Она уже зажгла свечу, стала выносить из палатки вещи.

— Что у вас тут такое? — проговорил сонным голосом Андрей Петрович, прибежавший на шум. — Идемте к нам, у нас все в порядке. Как-нибудь пробудем до утра.

— Вот видите, я говорил — затопит, — сказал Василий, выходя из-под своего полога-накомарника. — Давайте помогу таскать вещи.

Рано утром мы отправились вверх по Хору искать удобное пристанище.

Через два дня Колосовский разыскал нас уже в шести километрах от устья Сукпая. Кто бывал в дальневосточной тайге, тот знает, как тяжело очутиться во власти ее непокорных, капризных рек, особенно в половодье. Таежные реки быстры и коварны. Но пока они зажаты в берега, пока текут, огибая крутые горные склоны, разрезая дремучие леса, бывалые люди, таежники, легко справляются с их бурливой волной. Зато когда текущие с гор бесчисленные ключи разбухают от дождей, реки заливают поймы, выворачивают с корнями деревья, мчатся с бешеной скоростью.

Весь день мы шли по узеньким протокам, едва заметным в густых зарослях, вспугивали рябчиков, срывали черемуху, ловили рыбу. Иногда протоки встречали нас певучим журчанием, похожим на старинные удэгейские песни. В самом деле, стоит прислушаться, как звенят, булькают, плещутся струи, как в темных зарослях, почти над самой головой, перекликаются кедровки или где-нибудь справа, под сопкой, ухает филин, и невольно подумаешь: не природа ли — подсказчица — стоит за песнями «лесного человека»?

На закате широкая река понесла отражение огненных бликов, разливая вокруг золотое сияние. Как только впереди показалась удобная галечниковая коса, мы остановились для ночлега. На камнях у воды, кокетливо помахивая хвостиками, стояли трясогузки. Завидев нас, они вспорхнули и исчезли. «Инаи» — так на карте помечено озеро, неподалеку от которого мы разбили лагерь.

— Почему Инаи? Ведь это, кажется, «собака» по-удэгейски? Инаи... — еще раз повторил Колосовский, держа перед собой карту.

На карте была явная ошибка. Следовало бы написать «Иххинаи», то есть «Лиственничное» — здесь много лиственницы, и потому, очевидно, удэгейцы так называли это озеро. Через несколько минут три костра осветили наш лагерь, раскинувшийся по всему берегу. Быстрее всех ставил палатку Батули, и как мы ни старались хоть раз опередить его, это не удавалось. Нечаев и Мелешко еще обтесывали колья для своего походного жилья, мы очищали от крупных камней место для своей двускатной палатки, Колосовский еще и не думал ставить свой белый «домик», но Батули уже сидел под полотняным шатром, и пламя костра освещало его веселое семейство. Галака стряпала пирожки. Дети играли. Я подошла к костру, чтобы взять огня для своего костра. Батули тронул за руку Шуркея, сидевшего рядом с ним:

— То илая! (Разведи костер!) — И, обратившись ко мне, жестом указал на берестяной коврик. — Садитесь. Давайте с нами ужинать. Шуркей разведет огонь, дров нарубит.

Батули снял свою пограничную фуражку с зеленым околышем, повесил на шест. Между тем Шуркей не

торопился, шел вразвалку, заложив руки в карманы. Глядя на него, Галака усмехнулась:

— Когда будет умываться, не знаю. Вчера не умывался. Сегодня опять такой.

Костер мы разводили с Шуркеем вместе. Я сказала ему, что, если он не умеет умываться, придется его научить. После ужина я пришла в палатку Батули. В глубине шатра Пашка и Яшка перебрасывались подушками. Мать смотрела на них и радовалась. Галака была рукодельницей и вообще хорошей хозяйкой. Белые наволочки с прошивками, простыни, обшитые кружевом, в условиях нашего похода казались напрасной роскошью. А между тем Галака успевала вовремя постирать белье, переодеть ребятишек. Сама она выглядела молодо. Смуглая, без единой морщинки на лице, в светлом платье, облегавшем ее стройную гибкую фигуру, она изо дня в день ловко работала шестом, стоя в носовой части бата. Галака мало с кем разговаривала. Казалось, весь мир для нее был заключен в этом полотняном шатре, где около отца резвились черноголовые ребятишки. Иногда она проходила мимо наших палаток. В медлительной походке ее, в том, как шла она, высоко подняв голову, смешивались сознание достоинства и еще не утраченная привычка удэгейской женщины держаться особняком. Однажды, рассердившись на мужа, она отправилась вдоль берега. Долго сидела на камне. Батули принес ее оттуда на руках. Она хохотала, выбивалась из его крепких объятий, оба они были счастливы.

Батули рассказывал, как он вчера убил изюбра.

— Там, около Дзюгдэ, наверно, тигр был, — сообщил он между прочим, — есть кости кабана... — И вдруг, повысив голос, спросил меня: — Вот вы собираете сказки, а такую сказку знаете: про тигра и человека?

— Расскажите.

— Я слышал эту сказку от отца... «Давно Кутэ — тигр, значит, жил в тайге. Думал тигр: «Сильнее меня нет никого на свете, я самый сильный». Так ходил, ходил, всех зверей пугал, кругом все боялись.

Один раз, поймавши добычу, тигр наелся и отдыхал под деревом. Слышит, кто-то позвал его. На ветке сидела птица Куа. Говорит ему: «Что, ты и в самом деле думаешь — сильный? Сильнее тебя есть». Тигр

сразу вставал на ноги, вверх глядел. «Кто сильнее меня, говори!» Птица говорит: «Человек сильнее тебя, вот кто!» — Так сказала и улетела.

Тогда тигр, никогда не видавший человека, захотел увидеть его. Искать пошел. Ходил, ходил — навстречу сохатый попался. «Ты человек, что ли?» — спрашивает тигр. «Нет, — говорит сохатый, — человек совсем другой. Ты его зачем ищешь?» Тигр говорит: «Хочу посмотреть немножко...» Тот сохатый ему говорит: «Зря ты хочешь его посмотреть. Человек сильнее тебя, он может убить...»

Тот тигр смеяться стал. Пошел дальше. Навстречу изюбр попался.

«Ты человек, что ли?» — спрашивает опять. «Нет, я изюбр. Зачем ты ищешь человека? Он сильнее тебя».

Тигр не поверил, дальше пошел. Ходил, ходил. Смотрит, кто-то на двух ногах стоит, дерево рубит. Тот тигр, притаившись, рассматривать стал. Потом поближе подкрался. Человек заметил тигра. Спрашивает: «Чего тебе нужно?» — Тигр говорит: «Хочу посмотреть человека!» — «Вот как плохо ты задумал, — говорит человек. — Ты разве не знаешь, что он сильнее тебя? Смотреть на него опасно». Тот тигр не поверил опять. Тогда человек говорит: «Ладно, я тебе помогу. Только надо привязать тебя к дереву, сейчас человека увидишь...»

Так сделал, привязавши тигра к дереву, сам пошел, взял ружье, хотел выстрелить тигру прямо в глаз. Тигр реветь стал, просить стал. «Отпусти меня, теперь вижу — ты, человек, сильнее меня». Человек отпустил его: «Теперь беги в тайгу. Беги подальше и человеку не попадайся». С тех пор все звери человека боятся». Вот такая сказка. Интересная, верно?

Я записала сказку и отправилась к себе в палатку. Утром опять развели костры, стали готовить завтрак. Неподалеку от костра старый Маяда обстругивал шест, напевая себе под нос какую-то песню.

— О чем он поет? — спросила Надя, помешивая ложкой закипавший в ведре суп с мясными консервами. — Маяда! О чем вы поете? — обратилась девушка к старику.

Но он не ответил ей. Маяда сердился на нее за то, что она в эти дни уже несколько раз опрокидывала

бат. Ей очень хотелось научиться работать шестом. Но всякий раз она валилась за борт. Маяда пел:

Сижу на камешках близко от костра,
Делаю новый шест,
Будет хороший, гладкий шест,
Чтобы руки не болели.
Русская девушка варит суп,
Вкусно пахнут консервы...
Так бы и хлебнул этого супа.
Вкусно пахнут консервы...

В это утро мы с Галакой умывали Шуркея. Для него это было неожиданно. Шуркей сидел задумавшись, и по его скуластому, смуглому лицу видно было, что он опять не умывался. Галака подтвердила это кивком головы. Она стояла сзади него и жестом дала мне понять, что неплохо бы проучить парня. В трех шагах блестела река. Как-то удачно мы сразу схватили его и потащили к воде. Он пробовал отбиваться, но у Галаки крепкие, сильные руки, она держит его за голову, пятится к реке. Я ухватила за ноги. Вот мы уже по колено в воде.

— Отпусти, говорю тебе, отпусти давай! — кричит Шуркей, но Галака умывает его лицо холодной водой под громкий хохот собравшихся на берегу удэгейцев.

Шуркей побежден. Он ни на кого не смотрит. Стоя на носу бата, со злостью отталкивается шестом, так что шест выбивает барабанную дробь о борта. Он обогнал нас, чертыхаясь, кричит на весь лес. Кулики на отмелях вскидываются и улетают... Но гнев его недолог. Вечером на привале он уже опять смеется, поет песни и обещает каждое утро умываться.

Это лето выдалось на редкость дождливым. Наши палатки почти не просыхали за все время пути. От дождей страдали экспонаты, книги, вещи. Пока мы продвигались до Тивяку, большая вода несколько раз заставляла нас искать высокие берега. В одном месте уютный склон речной террасы, поросший березовым лесом, показался нам превосходным убежищем.

— Вот видите, — сказал Нечаев, оглядывая березовый лес, освещившийся кострами, — нам говорили, что в этой тайге не было пожаров. А на самом деле что? Смотрите, ведь береза — это первый поселенец горелой тайги. Когда-то здесь росла ель. Теперь она активно

возрождается. Береза скоро исчезнет, уйдет отсюда, потому что настоящая хозяйка леса — ель — не даст ей света.

Мы стояли в березовой роще целую неделю. Здесь можно было переждать, пока успокоится Хор, и, не теряя времени, вести научные наблюдения. С утра лагерь пустел. Члены экспедиции уходили в горы, в глубь тайги. Возвращались обыкновенно поодиночке, шли к костру. Студенты-энтомологи гремели пробирками, ботаник закладывал в сетку новые растения, Колосовский, изучавший реку, занимался вычислениями. Мне надо было писать очерки. Тем временем удэгейцы свеживали какого-нибудь зверька, пойманного для музея. Лидия Николаевна ревностно следила за тем, чтобы нож охотника не испортил шкурки.

По вечерам, когда переставал дождь, Колосовский разворачивал нашу походную радиостанцию. Сидя верхом на скамеечке генератора, удэгейцы по очереди вертели ручку этой забавной машины. Разместившись вокруг, мы с нетерпением следили за настройкой и жадно ловили каждое слово хабаровской станции. За сотни километров двестисороковая волна приносила нам вести о событиях в мире, о возрождении разрушенных врагом городов, о строительстве новых заводов, о горячей страде на колхозных полях.

— Как вы думаете, — заговорил Василий, оторвавшись от передатчика, — здесь тоже когда-нибудь много людей будет? По-моему, все равно хорская тайга зашумит. А?

Мысль о будущих новостройках, о заселении хорских лесов уже не раз объединяла нас всех в оживленной беседе. Конечно, когда-нибудь, а может быть, и скоро, придут сюда строители и проложат дорогу так же, как во время войны они проложили дорогу от Амура через Сихотэ-Алинь к морю. Когда-нибудь люди станут обживать и эти суровые места. А пока здесь гулко плещется о берег волна и впервые в белоствольной роще, освещенной сиянием костров, гремит музыка Чайковского.

В эти дни дважды передавались по радио мои очерки об экспедиции, напечатанные в газете. Удэгейцы воспринимали это как событие необыкновенное. Они прислушивались к голосу диктора и шептались друг с

другом. Василий толкал Шуркея под локоть, улыбался. Упоминание о Джанси Кимонко, о них самих казалось им настолько невероятным в эти минуты, что Дада, раскрывший от изумления рот, посмотрел на репродуктор и вдруг просиял весь.

— Как так? Почему знают, что делаем, как работаем, а?

— Тс... — взмахнул рукой Колосовский, требуя тишины.

А диктор меж тем продолжал говорить о богатствах хорской природы, о том, какие замечательные изменения произошли в жизни удэгейского народа за годы Советской власти, о государственном значении нашей экспедиции, в которой удэгейцы принимают горячее участие.

Когда окончилась передача и Колосовский выключил репродуктор, люди еще долго не покидали своих мест, сидели на траве полулежа, разговаривали, делились впечатлениями.

— Это как получается? — заикаясь, обратился ко мне Динзай. — Вот вы, значит, пишете. Так? Потом радисты передают в Хабаровск. Так? Потом газета отпечатала, и опять по радио читают. Теперь все люди кругом знают, как идем. Это здорово интересно, понимаешь... Надо скорее вверх идти...

— «Скорее, скорее!» — передразнил его Дада. — Как идти! Вода совсем не пускает.

Старик сердился. Он не любил, когда Динзай говорил необдуманно. В эти дни действительно Хор был глубоким. Трехметровые шесты батчиков едва доставали дна. Двигаться на такой глубине вверх по реке было невозможно.

— Ничего, — продолжал Динзай, — еще два дня так будет, потом быстро пойдем...

Как-то рано утром на весь лес протяжно взревел берестяной рожок Батули, сделанный им для охоты на изюбра. Это означало: подъем! Люди выходили из палаток, бежали к реке умываться и, наскоро позавтракав, стали грузить баты. Колосовский объявил отход. Удэгейцы погасили костры. Шуркей бегал по берегу с полотенцем в руках и громко пел «Бескозырку».

— Ехаем, ехаем! — весело говорил Дада, прикры-

вая пилоткой кудри. Он уже оттолкнулся от берега. — Бери кружку!

Я не успела еще допить чай и вынуждена была заканчивать завтрак в пути. Опять замелькали пестрые камни на дне реки, заросли дудника и осоки по сторонам, и слева и справа поплыли навстречу горы.

— Скоро будет Чуи, — сказал Дада, когда мы были уже в двух километрах от ее устья.

Впервые только здесь мы заметили на склонах гор интересное и редкое в условиях дальневосточной тайги явление — оползни. От вершины высокого холма и до подножия как будто кто-то нарочно прорубил просеку. Огромные деревья, опрокинутые вершинами вниз, сползли вместе с почвой, обнажив красноватый камень. Вода и здесь показала свою разрушительную силу.

— Выходит, на этих склонах лес вырубать нельзя, — заметил Андрей Петрович. — Лес поддерживает естественное сцепление земляных масс, и это очень важно иметь в виду будущим строителям.

Чем ближе мы подходили к Чуи, тем больше стало встречаться подводных камней и заломов. За дорогу я наслушалась об этой реке немало историй. Чуи — река быстрая, порожистая. Вся она захламлена корягами, и плавание по ней связано с большим риском. Тем более странным казалось то, что при впадении в Хор река эта как будто умиряла свой бег. Устье ее представляет собой типичную дельту, разделенную тремя рукавами. Река здесь глубокая. На быстрине наши батчики держатся осторожно и, когда пересекают Хор, становятся на колени, работая веслами. Беда, если неопытный батчик потеряет равновесие. Бешеные струи Хора понесут его с такой силой, что и опытному пловцу нелегко справиться.

Я поняла это, когда тонула около Чуи. Все вышло очень просто. На последней стоянке Василий оставил свою собаку. После того как мы прошли вперед по реке километра четыре, я вспомнила:

— А где Дзябула? Зачем ты оставил собаку?

Василий молчал. Он был не в духе. Последнее время собака стала привыкать ко мне, и это ему не нравилось. Наконец мы с Дадой переглянулись и поняли.

— Да, — сказал Василий, — мне такая собака не нужна. Пусть пропадает.

— Но ведь это жестоко. Ты подумай, — убеждала я его, — разве можно так делать? Придется все-таки вернуться тебе, Василий.

Дада со мной согласился.

— Бери оморочку, иди вниз, мы тебя подождем.

Василий сел в оморочку охотно. Было ясно, что в душе он уже давно осудил свое необдуманное решение, и теперь весело мчался вниз. Тем временем нас обогнали. Сначала прошел вперед бат Колосовского, затем проплыл Нечаев. И вот даже Маяда со своим женским экипажем проходит мимо нас.

— Ну как? — Дада посмотрел на меня вопросительно.

— Конечно, идем.

Пришлось занять место Василия в носовой части бата.

Носовщиком быть не просто. Носовщик должен видеть опасные струи между камнями, среди карчей, торчащих в воде, и умело вести лодку навстречу волне. Благополучно переправившись к правому берегу Хора, мы вошли в протоку. Тут немало потратили силы, чтобы продвинуть тяжелый бат. Протока была всего метра четыре шириной. По всему руслу торчало множество карчей. Быстрое течение воды оглушало; стоило задержаться взглядом на воде, как начинала кружиться голова. Шест в моих руках прогибался. Едва мы выбрались из протоки, перед широким плесом я обернулась, чтобы спросить Даду, как лучше идти. По его лицу я видела, что старик был доволен успехами нового носовщика. Но в ту же минуту, потеряв равновесие, я упала.

В воде я ударилась головой о днище бата и, вынырнув, почувствовала, что произошло неприятное событие. Глубокий, быстрый поток уносит меня к большому залому. Я слышу позади чей-то отчаянный крик. Хотя бы за что-нибудь зацепиться! В тяжелых ботинках, во всем обмундировании плыть неловко. Залом уже близко. Вода с невероятной быстротой мчит меня туда. Я понимаю, что если не сумею удачно схватиться за какой-нибудь сучок, значит, меня потянет вниз, под залом.

На двести метров вдоль реки громоздятся голые стволы, сваленные друг на друга. Вода уже давно

ободрала с них кору, высветлила их серые скелеты и глухо шумит под ними. Неужели я не сумею выбраться? Я стараюсь взять курс правее от залома, но струя упрямо поворачивает меня к левому берегу. Кусты ивняка, до половины затопленные водой, напрасно кажутся мне надежной опорой. Я хватаюсь за них руками и понимаю грустный смысл пословицы, — за соломинку не удержишься. Чувствую, как пальцы левой ноги стягивает судорога. Этого еще не доставало! В ушах со звоном тукают странные молоточки. Вода меня захлестывает и тянет ко дну. В сознании обрывки мыслей. Тихая, далекая музыка... И вдруг кто-то сильно дернул меня за косы. Я ударилась о какие-то доски. Что это? Желтое небо, желтые кусты и Дада, совсем на себя не похожий. Стоит на корме, размахивает шестом. Сбоку — Батули в оморочке. Я лежу на дне бата. Куда мы плывем? У Дады глаза стали круглыми. В них не то испуг, не то удивление.

— Мангэ-э!.. — нараспев произносит старик и смотрит на меня с укоризной. — Еще немножко, совсем немножко — и все, букини (умирать). Под заломом...

Я попробовала приподняться на локте, но Дада сдвинул сердито брови:

— Не надо вставать! Сейчас пойдешь на берег.

Батули, идущий рядом в оморочке, сказал смеясь:

— А я думал, что такое: вы все время так хорошо управляли. Потом поглядел: вас нет. Слышу, все кричат, руками машут. Я отвязал оморочку свою и решил: обязательно догоню вас. Не помню, как дошел. Вижу, Дада впереди, торопится. Мы с ним оба тащили вас. Наверно, ушибли немножко?

Батули быстро пошел вверх по реке, туда, где нас ожидали товарищи. Дада причалил к берегу. Пока я в кустах выжимала одежду, явился Василий. Узнав о случившемся, он беспощадно ругал собаку, считая во всем виноватой ее одну. Дада пересказал ему все по порядку.

— Теперь, наверно, не будете за шест браться, — сказал мне Василий, едва я села в лодку. — Все равно будете, я же знаю!

Только теперь мне вдруг отчетливо представилось все, что произошло. Нелепый случай. Теперь друзья мои будут с опаской поглядывать, как только я снова

возьму в руки шест. Над моей неловкостью даже Шуркей имеет право посмеяться. Несмотря на то, что солнце жарко палило, я чувствовала сильный озноб.

— Давайте к берегу! — резко скомандовал нам Колосовский. Таким я его еще не видела. Помогая подтянуть на косу наш бат, он заговорил со злостью: — Какое легкомыслие! Не ожидал я от вас... Рисковать там, где это совершенно не требуется. Зачем? Какое вы имели право? Хорошо, что все обошлось так. А представьте себе другое... — Колосовский нахмурился, помолчал. — Думаю, что вы сделаете для себя выводы.

Было неприятно сознавать, что вся эта история наделала столько шума. Стыдно было за свою оплошность. Я попросила Колосовского забыть все, что произошло.

— Забыть? — он повел бровями. — Ни в коем случае. Мы еще с вами приказ напишем. А сейчас будет дневка. Скажите удэгейцам...

Круто повернувшись, Колосовский зашагал вдоль косы. Навстречу ему двигались Нечаев и Мелешко, они размахивали руками, о чем-то беседуя. Лидия Николаевна с Надей подбежали ко мне одна за другой.

— Как это все случилось? — спрашивала Мисюра, заглядывая мне в глаза.

— Ой, я прямо чуть с ума не сошла!.. — расстроенно говорила Надя. Над верхней губой, на носу у нее блестели капельки пота. Она вытирала лицо панамой и торопилась высказать все, что пережила за эти минуты. — Когда я увидела, что вы плывете к левому берегу, мне стало страшно. Я вам кричу: «Плывите вправо, вправо!» Но вы ведь ничего не слышали. Да?

— Ничего не слышала. Это правда... — Мне уже не хотелось продолжать разговор на эту тему: — Давайте разведем поскорее костер.

Коса, на которой мы расположились, тянулась широкой полосой вдоль реки. За рекой слева открывалась топкая марь. С высоких берез слетали вороны и каркали на весь лес. От нагретого солнцем камня, от костра стало жарко. Была моя очередь стряпать лепешки. Я поставила на огонь сковороды. У нас уже давно иссякли запасы хлеба, сухари под дождями размокли и заплесневели. Теперь мы питались лепешками. Қислос

тесто в ведре всегда стояло наготове. Надя сидела рядом со мной, подкладывала палки в огонь.

— А я сейчас отправлюсь на ту сторону! — сказала Лидия Николаевна. — Андрей Петрович предлагает осмотреть марь.

Она побежала к берегу. Нечаев, Динзай и Шуркей уже стояли в лодке, взявшись за шесты. Вскоре из-за реки донеслась песня. Надя обернулась, прислушалась:

— Какая Лидия Николаевна все-таки веселая! Никогда не унывает. Вы слышите, она уже поет.

Когда они вернулись из-за реки, суп в ведре остывал, румяные лепешки горой возвышались на берестяной подстилке, служившей нам скатертью. Шуркей принес немного ягод голубицы. Он собирал ее прямо в фуражку.

— Это вам. Берите. Давайте кушайте... — Шуркей протянул мне ягоду вместе с фуражкой.

— Сколько там мошки, если б вы знали! — Вытирая платком покрасневшее лицо, Лидия Николаевна заявила, что теперь понимает, почему удэгейцы всегда выбирают открытые отмели для ночевки. — Никакого сравнения нет, вы понимаете? Здесь же прямо благодать!

Колосовский подошел к костру, прикурил от головешки, встал поморщившись. В руке он держал карандаш и листок бумаги. Очевидно, формулировка приказа давалась ему нелегко.

— Эх, чуть-чуть изюбра не убил! — воскликнул Динзай, хлопнув себя по лбу. — Совсем близко был, вот так, совсем рядом.

— Что же ты не стрелял? — спросил Колосовский.

— Как стрелять? Ружья-то не было, понимаешь... — Динзай косо посмотрел на Нечаева. Тот, уходя за речку, оказывается, из предосторожности не велел брать оружия.

— Ну вот... Ружья не было, а говоришь: чуть-чуть не убил. Чудной ты, право, Динзай! — Фауст Владимирович засмеялся. — Пойдем со мной, поможешь мне поставить антенну, Динзай...

Вечером Колосовский пригласил меня к себе в палатку.

— Вот, ознакомьтесь, — сказал он, протягивая мне приказ. — Только, пожалуйста, не защищайте Василия. Заранее вас предупреждаю: не выйдет.

— Вы хотите наказать его? За что?

— За историю с собачкой. Это ведь мальчишество. Он не имел права отлучаться без разрешения.

— Но ведь Василий не знал, что мы с Дадой пойдем без него. Тут, собственно говоря, я виновата, Фауст Владимирович...

— А вы читайте, читайте приказ...

Приказ был длинный. В нем говорилось о том, что некоторые члены экспедиции проявляют недопустимую безответственность, забывают о своих прямых обязанностях, нарушают дисциплину. Упоминалась фамилия Жданкиной, уже неоднократно подвергавшей своих товарищей опасности быть перевернутыми из лодки во время продвижения по реке. Начальник экспедиции категорически запрещал неопытным людям работать шестами. Сегодняшний случай явился подтверждением того, что это сопряжено с риском для жизни. За находчивость, за товарищескую помощь Колосовский объявил благодарность Батули и Даде. Поступок Василия он расценил как нарушение дисциплины и объявил ему выговор...

Я представила себе, как болезненно воспримет приказ Василий. Чувство гордости не позволит ему защищаться. В то же время прямой вины Василия не было в том, что произошло. Как я должна объяснить этот приказ? Ведь сейчас мне придется оглашать его перед удэгейцами! Они же знают, что весь сыр-бор загорелся из-за моей оплошности. И вдруг... Василию выговор?

— О чем вы думаете? — спросил Колосовский, прервав мои мысли.

Откровенно говоря, меня смешил этот приказ и озабоченный вид начальника экспедиции тоже смешил. Но уж раз так оборачивается дело, надо поступать справедливо...

— Думаю, что вряд ли сумею объяснить удэгейцам это так, чтобы не признать своей вины.

— Ах, вот оно что! Я понимаю: вы боитесь испортить с ними отношения?

— Если хотите, да. Но только я беспокоюсь не о себе.

— О ком же?

— О начальнике экспедиции, который дает повод упрекнуть себя в несправедливости.

— Я вас не понимаю... — Колосовский пожал плечами.

— А вот послушайте, Фауст Владимирович. Разве Жданкина, о которой вы упомянули в приказе, не нарушала ваше указание? Нарушала. Разве сегодняшний случай не дает вам право порицать меня хотя бы за то, что я не поставила вас в известность, когда отпустила Василия за собакой? Дает право. Почему же вы решили ограничить свою власть в таком случае? Выходит, что начальник экспедиции поступает несправедливо? Это поймет даже старик Маяда, который больше всех страдает оттого, что Жданкина берется за шест. Нет, Фауст Владимирович, я не согласна с таким приказом...

— Ну, хорошо. А что вы предлагаете? — Колосовский потянулся за папиросой, закурил и отвернул левый край палатки, подперев его палкой. — Не могу же я объявить выговор вам. Зачем подрывать авторитет своего заместителя?..

— Оттого, что я получу взыскание, авторитет, о котором вы говорите, если он есть, не подорвется. А вот если все оставить так, как сейчас, будет нехорошо. Вы представьте себе мое положение: я оглашаю ваш приказ, который появился в результате того, что ведь я отпустила Василия, я стала вместо него управлять батом, я чуть не утонула. Кто виноват? Это же так ясно. И вдруг я осталась в стороне. Больше того: выступаю в роли судьи. Кого? За что? Почему? Нет, вы должны изменить приказ. Иначе я не смогу проводить беседу.

— М-да-а... — Колосовский задумался. — Вы как-то все усложняете.

— Нет, я просто помню, что мы сейчас поставлены в условия необычные. У нас сложный, интересный коллектив. В этом коллективе законы для всех одни. Попробуйте сказать Василию, что он не имеет никакого отношения к задачам нашей экспедиции. Он же обидится. И прав будет.

— Хорошо. Я изменю приказ. Только ведь удэгейцы сейчас начнут вам сочувствовать, я же знаю...

— Не беспокойтесь, я объясню им, что справедливость на вашей стороне. А вы проявите твердость. Это очень важно. Кто знает, какие трудности нам придется пережить! Самое главное у нас впереди.

— Да... — опять повторил Колосовский. — Я вот как подумаю, что ведь скоро у нас табаку не будет... Эти наши друзья, особенно старики, такие заядлые курильщики, тут беды не оберешься. И как это вышло? По-надеялись друг на друга.

Колосовский погасил окурок о камень и выбросил за палатку. Сколько непредвиденных мелочей вставало на пути! Из этих мелочей иногда возникали такие ситуации, над которыми надо было подумать, прежде чем что-нибудь решить. В этот вечер мне как-то вдруг ясно открылась вся сложность задачи, выпавшей на мою долю. Недописанный очерк камнем лежал на совести. Но я не могла за него взяться, потому что не имела возможности сосредоточиться. К тому же дневное происшествие давало знать о себе: болели суставы в плечах, хотелось покоя.

Приказ произвел на удэгейцев такое впечатление, как будто они уже знали о нем и ждали, что Колосовский поступит именно так. Когда я пришла к костру, Шуркей, еще бродивший около палаток, напевал:

Темная ночь,
Только пули швистят по штепи...

Его позвали в круг. Василий стоял у костра, ничего не подозревая; поэтому, услышав свою фамилию, насторожился, а когда понял, в чем дело, склонил голову.

— Значит, Василию Кялундзюга тоже выговор? — Он рывком отбросил пряди волос, свисавшие на глаза. — Конечно, приходится отвечать. — Он опять склонил голову, задумался.

— Зачем собаку оставлял? — сердито спросил Динзай. Он сидел на камне. В ногах у него вертелась белая собачонка. — Сам виноват, конечно, неправильно так делать. Не годится. Начальник знает, кому что написать.

Я уже заметила, что Динзай не без гордости воспринимал в экспедиции свою роль. Он ведь второй раз был проводником у Колосовского. День ото дня они вдвоем двигали шестами свой бат. Динзай считал, что

ближе всех стоит к Колосовскому, и хотя побаивался его, однако при случае не упускал возможности показать перед товарищами, что осведомлен гораздо больше других. Удэгейцы не любили его за это. Но сейчас все чувствовали, что Динзай прав. Все молчали. Наконец Василий прервал свое раздумье.

— Посмотрим, — сказал он, отходя от костра. — Увидим, как дальше дело пойдет, кто своими плечами экспедицию вывезет. — Он говорил уже на ходу. — Василий Кялундзюга еще пригодится!..

Шуркей последовал за ним, держа в карманах руки.

Как я люблю
Глубину твоих ласковых глаз... —

пел он, удаляясь. Нечаев, сидевший на валежине рядом с Мелешко и Надей, улыбнулся:

— Вот Шуркей у нас — дисциплинированный парень. Без разрешения — никуда.

— Все равно, тоже надо крепко держать, — отозвался Батули. Он надел свою пограничную фуражку, встал, широко расставив ноги. Один по одному люди стали расходиться.

— Как чувствуете здоровье? — спросил меня Динзай, поднимаясь с большого камня, на котором сидел все время, пока шла беседа. — Наверно, болеете немножко?

— Довольно об этом, Динзай. Что было, то прошло. Вот возьмите, вы что-то потеряли.

Небольшой узелок, завернутый в красную тряпку, лежал около камня. Я подала его Динзаю.

— Ничего, — выручил меня Дада, — кто тайга ходи, все равно немножко тонет, немножко болеет. Геолога Баранова знаешь? — Он поймал мой утвердительный кивок. — Баранов на Чуи ходил. Совсем больной был. Все думали: помирать будет. Ничего. Хорошо получилось.

— А кто такой Баранов? — поинтересовалась Надя, когда мы пришли с ней в палатку.

Она развернула постель. Лидия Николаевна уже спала.

— Мне все-таки ужасно неловко, — заговорила Надя, понизив голос. — Я так оскандалилась. Скажите, об этом приказе будет известно у нас в институте?

— Это зависит от того, как вы дальше будете вести себя.

— Придется учесть... — Надя с размаху плюхнулась на постель. — А что, геолог Баранов действительно чуть не умер? И это было здесь, вот тут на Чуи?

— Да.

История была такова. Еще в первый год войны по Хору прошел геолог Степан Допиро. В долине мы видели его затески на деревьях, среди мхов — пустые консервные банки. Он шел здесь как первый разведчик горных богатств, проводя мелкомасштабную геологическую съемку. В шлихах, которые привез он с Чуи, оказался металл. Надо было детально разведать долину реки. И вот весной 1944 года пошел на Чуи Александр Федорович Баранов.

Баранову уже не раз приходилось бывать в экспедициях, подниматься на лодках по рекам, но Чуи оказалась коварной. Несколько дней геолог и его проводники преодолевали расстояние в тридцать пять километров, иногда часами стояли в холодной воде, разбирали заломы топорами, руками. Наконец, достигнув места слияния правой и левой Чуи, они остановились, чтобы устроить здесь базу.

Через неделю на берегу появились амбар на сваях, баня и даже пекарня с печкой из камня. Отсюда, с этой базы, совершались маршруты в глубь тайги.

Однажды помощник Баранова, геолог Степан Яковлевич Николаев, ходивший по правой Чуи, принес около шестидесяти интересных шлихов. Разглядывая шлихи под микроскопом, Баранов не мог не выразить радости.

— Вот что, — сказал он Николаеву, — я подсчитал запасы продовольствия и нахожу, что их хватит нам в лучшем случае на полтора месяца. Но мы не должны прекращать работу. Надо кому-то идти вниз за продуктами. Пойдете вы. Тем временем я поднимусь по ключам до самых вершинок и как следует разведу этот район.

На другой день Александр Федорович проводил своего помощника. Оставшись с двумя коллекторами и рабочими, он сделал несколько маршрутов вверх по Чуи. Особенно много радости принес ему последний маршрут. В двадцати километрах от базы он обнару-

жил богатые залежи металла. Геолог решил вернуться на базу, взять рабочих и начинать поисковые работы. Не раздумывая, на следующий же день Баранов с двумя рабочими и коллектором отправился в тайгу. Шли трое суток. Шагали через густой лес, пробирались без тропы. В пути геолог почувствовал головную боль.

— Что-то мне нездоровится, — сказал он, присаживаясь на поваленное дерево.

— Может быть, вернемся? — предложил кто-то.

— Что вы! — возразил Баранов. — Скоро ведь дойдем до ключа, там отлежусь.

Но в тот же вечер у костра он свалился в тяжелом бреду. Он даже не успел сделать никаких указаний рабочим. Его положили в накомарник под брезентовым тентом в лесу. Шли дожди. Шуршали о брезент потоки воды. Товарищи посменно дежурили, склоняясь над его изголовьем. Они уже успели несколько раз сходить на базу за продуктами, прорубили просеку, протоптали тропу. А геолог все еще лежал без сознания. У него оказался брюшной тиф.

— Где капитан парохода? Найдите капитана. Он должен взять наш груз... — шептал он запекшимися губами.

— Здесь нет капитана. Мы в тайге, Александр Федорович, — услышал он знакомый голос коллектора и открыл глаза.

Был солнечный день. Желтый лист березы упал к нему на руку.

— Какое сегодня число, товарищи? — спросил Баранов.

— Двадцать пятое августа.

— Неужели?

Он снова закрыл глаза. Почти целый месяц прошел с тех пор, как он слег здесь, потеряв силы. Ему захотелось встать поскорее и пойти, но при первой же попытке он вынужден был отказаться от своего желания. Так прошло еще несколько дней. За это время рабочие прокопали несколько канав, коллектор собрал образцы. По настоянию геолога они решили выбираться отсюда. Погода стояла ненастная. Идти было тяжело. Подхватив геолога под руки, рабочие повели его, тяжело ступая через валежины. Достигнув базы, они узнали, что Николаев все еще не вернулся. Было решено идти вниз.

Но как идти? На чем? Один старый бат мог вместить только трех человек. Остальные шли по берегу. Через каждые три километра бат останавливался. Люди выходили на берег, ждали идущих пешком товарищей, так как они ведь могли заблудиться.

Едва оправившись от тяжелой болезни, Баранов еще испытал немало невзгод. На заломе бат разбило в щепки. Все имущество и остатки продовольствия пошли ко дну. Впоследствии геолог удивлялся, вспоминая, как ловко юный рабочий Коля Газизов нырял в воду, чтобы достать инструмент.

Много дней шли они по тайге, сооружали плоты, делили крупу по ложкам, конопатили какую-то старую оморочку, найденную в лесу, разорвав на себе рубахи, и все-таки шли. Навстречу им уже плыли удэгейцы на батах, нагруженных продовольствием. Шел и сам Николаев с продуктами. А через несколько дней, несмотря на все пережитое, Баранов снова вернулся на Чуи.

— Да, у Чуинского месторождения есть будущее, — говорил он, — может быть, даже большое будущее.

Утром, отправляясь в путь, я опять вспомнила о Баранове. Позади нас над лесом зубцами синели чуинские горы. Сколько еще неизведанных богатств откроет тайга человеку!

15. РАДИО ПРИНОСИТ ИЗВЕСТИЯ...

Вечером, после того как мы разбили лагерь и, утомленные походом, сидели у костра, Нечаев заявил, что он обнаружил интересную находку. Еще днем, подходя к устью Чуи, Шуркей обратил его внимание на осыпавшиеся каменистые склоны.

— Горючий камень тут есть. Давайте посмотрим.

Многие удэгейцы, побывавшие за эти годы в экспедициях, были наслышаны о богатствах тайги от лесников и топографов. Проезжая мимо скалистых гор, они рассказывали нам предания, легенды, затем кто-нибудь из них с таинственным видом сообщал:

— Однако, здесь железо есть.

Любознательность, с какою удэгейцы присматривались к окружающим явлениям природы, была огромна. Даже старики поднимались с нами на сопки или помогали гидрологам измерять скорость течения реки.

Разбитной, словоохотливый Динзай, много раз ходивший проводником в экспедициях, почти на каждой косе, где бы мы ни пристали, совершал свои «геологические» поиски. Обыкновенно он брал белую эмалированную чашку и шел вдоль берега, низко склонив голову, собирал камни, казавшиеся ему подозрительными, долбил их, затем, подолгу сидя у воды, вымывал песчинки слюды, сверкавшие на солнце, как золото.

— Однако, подходящий камень будет, — неизменно твердил он в таких случаях. — Видите, шлихи!

Услышав чей-нибудь скептический ответ, он не успокаивался:

— Наши люди удэ хорошо могут ученым помогать. Верно, верно! Раньше, который охотник золото находил, особенно старик, он думал так: «Не буду говорить никому, потому что тихое место — хорошая охота. Придут люди, громко будет, нехорошо, зверь уйдет». Надо объяснить старикам, помогать будут.

Нам удалось найти большие залежи охры на Сукпае. А сейчас Нечаев держал в руке темно-серый кусок горной породы, вызвавший особый интерес, так как по всем признакам здесь могли быть горючие сланцы. К сожалению, в нашей экспедиции не было геолога. Легкостью, с какой обнаруживались эти находки, мы были обязаны прежде всего разрушительной работе стихии. Вода и ветер обнажили горные склоны, так что нередко и случайного любопытства членов экспедиции было достаточно, чтобы пополнить нашу геологическую коллекцию.

Река все еще была многоводной. Быстрота ее течения достигала шести метров в секунду. Батули то и дело стрелял крохалей, пролетающих над Хором. Иногда он не успевал догнать свою добычу на оморочке — так быстро подбитых птиц уносило течение. И хотя на глубоких местах шесты по-прежнему едва доставали дна, удэгейцы все-таки шли, преодолевая пороги и перекаты. Динзай жаловался на боль под левой лопаткой. У него появились фурункулы. Мелешко бегал за ним каждый вечер с марганцовкой, пытался делать перевязку, но Динзай, махнув рукой, морщился и говорил:

— Все равно долго не может висеть бинт, упадет.

Раз, два шестом толкнешься, все полетит. Надо что-то другое думать...

В последние дни августа выглянуло солнце. Василий сбросил рубаху. И без того смуглая спина его почернела от загара еще более. Смахивая с лица пот, он заодно подмигивал своему кормчему и, довольный тем, что наш бат все время идет первым, приговаривал:

— Ничего. Василий Кялундзюга не подведет. Фронтная закалка есть. Верно?

Дада молчал, сосредоточенно работая шестом, стараясь не показать свою усталость, хотя было видно, что ему нелегко. В эти дни я опять стала помогать своим батчикам. На перекатах, где было мелко, брала в руки шест. Это ускоряло движение нашей длинной тяжелой лодки. Но едва шесты начинали уходить в глубину, Дада грозно кричал мне:

— Садись!

Зато Василий посмеивался:

— Не бойтесь. Пока Василий Кялундзюга здесь, никто не утонет. Из-под коряги вытащу.

Плавал он действительно хорошо. Нырял и долго держался под водой, удивляя и нередко пугая старика.

Путь наш то и дело разнообразили встречи со зверьем. Еще не сменившая свой летний наряд уссурийская белка проходила в лесах, осторожно перепрыгивая с ветки на ветку. Мы видели белок почти каждый день. Дада с беспокойством поглядывал вверх, на деревья, где, затаившись, отдыхали зверушки.

— Кочуют куда-то, что ли...

По вечерам удэгейцы заливистым свистом звали кабаргу. Из-под карчей показывалась выдра. Я узнавала об этом только после того, как Дада и Василий вскрикивали или свистели ей вдогонку.

— Смотри, смотри! Опять пошла...

Приставая к берегу на краткий отдых, они рассуждали о том, что хорошо бы поохотиться здесь. Но для охоты не было времени. Дада делился с Василием табаком. Щепотками доставал из кисета зеленоватый самосад и тревожился:

— Э, плохо дело! Табак кончаем.

Нередко навстречу нам выходили медведи. В хорской тайге водится гималайский медведь. Живет он в широколиственных и хвойных лесах. Зимой спит, сидя

в дупле, а летом бродит по лесу, по берегам рек в поисках ягод, орехов, рыбы. У него гладкая черная шерсть, только по сторонам шеи обрамляет густой косматый воротник. На груди — белое пятно в виде треугольника.

Как-то, спасаясь от ливня, мы забрались в ельник. Дада решил развести костер, чтобы немножко обсушиться. Он умел разводить огонь даже в сильный дождь. Под елями, под их густыми ветвями, мы сидели, как под крышей. Нарубив палок, он уложил дрова «колодцем» и попросил меня принести бересты. У нас в лодке на всякий случай всегда хранилась сухая береста.

Подойдя к берегу, я увидела, как с той стороны реки прямо к нам плывет косматый зверь. Он был совсем близко и, видимо, не замечал людей.

— Дада! Медведь!

Пока Дада прибежал к бату, достал из чехла ружье, пока он выстрелил, зверь повернул назад. И вот уже черная спина медведя скрылась в кустах. Выстрел Дады был запоздалым. Старик покосился на меня:

— Зачем так громко кричала? Тайга надо всегда тихо ходи. Другой раз сама стреляй.

Перед вечером Колосовский настроил радиопередатчик. Чтобы не расходовать питание от батарей, приходилось пользоваться ручным генератором. Обычно два-три человека вертели его посменно. Около нас собирались почти все удэгейцы. Только Галака, если она в это время укладывала детей спать, не выходила из своей палатки, да старый Маяда, безучастный ко всему, сидел у костра, раскуривая трубку. В эти дни он прихварывал. Радиослушатели сгруппировались около передатчика в различных позах: одни сидели на валежинах, другие стояли поблизости, третьи, облокотившись на песок, лежали и слушали зарубежные новости.

«...Недавно в помещении американского пресс-центра в западном Берлине группа «белых» американских корреспондентов учинила дикую расправу над «цветным» журналистом Филиппом Бредесом. Представители так называемой «свободной» прессы в кровь разбили лицо Бредеса и закончили издевательство тем, что сбросили свою жертву с лестницы...»

«...Тридцатичетырехлетний негр Вильямс скончался

от ран, полученных им на прошлой неделе. «Белый» кондуктор трамвая выстрелил в Вильямса несколько раз за то, что Вильямс пытался занять место в отделении трамвая, предназначенном для «белых» пассажиров...»

— Чего там говорят? — осведомился Дада. Он только что вертел генератор и теперь, сменившись, сел возле нас, грузно опускаясь на землю.

Василий жестом дал знать ему, чтобы не шумел, а потом шепотом по-удэгейски стал объяснять, в чем дело. До моего слуха долетели два слова: «палигини», «цалигини» (белые и черные люди). Старик не понял. Глаза его округлились. Диктор между тем продолжал читать обзор печати о положении туземцев в Соединенных Штатах Америки:

«...Навахо — это самое большое индейское племя. И хотя шестьдесят тысяч индейцев Навахо располагают территорией в двадцать пять тысяч квадратных миль, им негде жить и нечем жить. Все, что могло для них сделать правительство США, — это угнать за тысячами километров от родных мест и поселить в резервации, ибо в отношении индейцев оно всегда действовало по принципу: «Хороший индеец — это только мертвый индеец». Редкий счастливчик может найти себе работу за пределами резервации, но и то временно, на несколько месяцев, без крова, без каких бы то ни было прав, кроме одного — продать свой труд по дешевке...»

После радиопередачи я проводила беседу. Она возникла сама собой, когда удэгейцы, расположившись у костра, стали обсуждать только что услышанные новости.

— Это почему так: черные, белые люди — не все равно, что ли? — заговорил Дада с возмущением. — Где такой закон есть?

Надо было объяснить старику, что пока еще есть такой волчий закон, продиктованный властью сильных. Он там, за океаном, где люди делятся на «белых» и «черных». «Белые» — хозяева, «черные» — рабы. В прошлом, при царизме, «туземцы», как их тогда презрительно называли, испытывали на себе всю тяжесть этого закона. Разве Дада не помнит?

— Богатые, которые раньше управляли, удэгейца тоже не считали человеком, — сказал Дада, отодви-

гаясь от жѣрко́го огня. — Когда купцы приходили, страшно было. Грабили, убивали. Царский закон не защищал «лесных людей».

Дада вспомнил, как он не хотел отдавать купцам четырех соболей за один мешок чумизы и едва не заплатился головой.

— Кому жаловаться? — старик пожал плечами. — Никто не знал. Старшинка был, который сам боялся купцов. Так жили, терпели.

Тяжелая жизнь маленького лесного народа, кочевавшего в хорских лесах, теперь уже воспринималась, как далекая страшная быль, которая никогда не повторится. Но можно ли спокойно думать о том, что миллионы людей в странах капитала еще не имеют ни прав, ни свободы?

Удэгейцы слушали и удивлялись. Как же это может быть, чтобы человек только потому, что он имеет черный цвет кожи, не поступил на работу, что где-то он умирал и никто не звал к нему врача, что у него нет никаких прав, что, если он поздоровался за руку с «белой» женщиной, его могут посадить в тюрьму, что он не должен сидеть вместе с «белым» в одном вагоне, разговаривать, пить воду, умываться, есть, танцевать там, где пьют, едят и развлекаются американцы. Его убивают только за то, что он чернокожий. Но руками этих «цветных» людей добываются блага для тех, кто набивает себе карманы золотом и грозит атомной бомбой...

— Американские фашисты, я так думаю, наверно, хотят воевать с нами, — сказал Динзай, подсаживаясь ближе к огню. Он смастерил из бересты какую-то воронку и теперь привязывал к ней марлевый бинт. — Надо им крепко по башке давать. Разве можно терпеть такое дело? Одни работают — другие гуляют. Когда негр работает, черная кожа не мешает. Когда негр просит кушать, тогда надо посмотреть, какая кожа, да?

— Вот Маяковский здорово сказал, — Василий Кялундзюга вдруг оживился и не смог усидеть на месте, поднялся, размахивая рукой, заговорил:

Почему же сахар,
 белый-белый,
должен делать
 черный негр?.. —

Люблю Маяковского! Он еще давно этим американским заправилам давал по мозгам. Интересно вот, когда Советская власть кругом будет, жизнь пойдет хорошо! Тогда индейцы приедут к нам, пусть посмотрят, научатся, как жить можно. Вот бы сейчас им такую жизнь, а? Смотрите, сколько места! — Василий огляделся вокруг, обвел руками пространство. — Два месяца идем по тайге, еще будем идти — и все кругом леса, вода, горы. Это все наше. Верно?.. Мы, такой маленький народ удэ — хозяева. Это все наши колхозные охоты-удодья. Прямо интересно так, подумайте! Я сейчас сидел, слушал, как Динзай говорил. Знаете, что подумал? Прямо скажу. Вот, допустим, приехали к нам индейцы. В экскурсию, что ли. Посмотрели Гвасюги. Пошли в клуб, в школу, туда-сюда. Потом спрашивают у Джанси Батовича: «Ну, как у вас, все удэгейцы в колхозе?» Джанси Батович что должен сказать: «Нет, товарищи индейцы, у нас Динзай Пиянка единоличник». Индейцы захотят посмотреть Динзая... Какой он? Что за человек?.. Получится некрасиво. Верно?

Молодой удэгеец горячо воспринимал международные события. Ему — участнику войны, побывавшему в Германии, в Польше, в Румынии, — легче было представить, как велик мир и как различны законы там, в чужих странах, и здесь, под небом родины. Несмотря на свою молодость, Василий легко завоевывал слушателей. Сейчас, когда он задел Динзая за живое, тот даже привскочил с места, попробовал отделаться шуткой, но никто не засмеялся. Тогда Динзай сделал вид, что все это мало его занимает.

— Надо немножко думать, потом говорить, — сказал он заикаясь. — Динзай Пиянка — маленький человек. Кто будет спрашивать? Никому не интересно.

— Мы все — маленькие люди, — возразил Василий. — Работаем понемножку все вместе. Получается большое дело.

Динзай был не очень доволен тем, что оказался в центре внимания, и потому, как только представилась удобная минута, ушел в палатку.

На небе уже давно зажглись звезды. Удэгейцы предсказывали хорошую погоду.

Обыкновенно по вечерам, развернув полевой дневник, я записывала наиболее важные события за день.

В этот вечер никак невозможно было сосредоточиться. Из соседней палатки, где помещались охотники, сначала доносился возбужденный голос Василия, по-видимому, увлеченного фронтовыми воспоминаниями, затем разговор перешел на другие темы. Слышно было, как Динзай выкрикивал что-то в запальчивости и как заразительно смеялся Шуркей.

— Аяну? (Можно?) — спросила я, подходя вплотную к их палатке.

В ответ послышалось сразу несколько голосов:

— Можно! Можно!

Предупредительный Динзай чиркнул спичку, достал огарок свечи, затем освободил у входа место и пододвинул мне какой-то сверток, говоря при этом:

— Садитесь, пожалуйста...

— Послушайте, — начал со смехом Василий, — такое дело. Динзай говорит, что есть какой-то зверь с крыльями. Разве медведь может летать? Чепуха, по моему. Верно? Сказки.

Динзай, укреплявший в это время свечу на камне, отозвался:

— Я сам эти ниманку (сказки) не признаю. Все это вранье к черту, мне не нравится. Но башка мало-мало варит, вспоминает, как охотники раньше говорили, как сам видел. Вот вам, пожалуйста, личными глазами видел, как это летучие кабаны бывают. Верно, верно. Зачем смеетесь? Есть так, что летают через сопку на сопку. Медведи тоже летающие есть. Четыре зверя могут летать: кабан, медведь, изюбр и кабарга.

— Вы видели, как они летают? Разве у них есть крылья? — спросила я.

В ответ на это Динзай сказал:

— Нет, конечно, крылья не видел. Дело было так. Я охотился, гонялся за кабанами. Шел по следу. Снег был немножко. На снегу хорошо видно, куда след идет. Шел, шел. Все время след был. Потом около сопки скрылся. Куда его девался? Конечно, летел через сопку.

— Вот это да! — воскликнул Василий.

Молодые удэгейцы засмеялись, а Динзай рассердился и вышел из палатки. Но через несколько минут он явился по-прежнему веселый.

— Не будем разными чепухами заниматься, — за-

говорил он примиряюще, — лучше расскажите нам, это как, правда или нет говорят, что вот этот песок — да? — его огнем так жарко накаляют, потом стекло получается. Я так слышал. Не знаю, верно, нет ли?

Мне приходилось беседовать с удэгейцами на различные темы. Любознательность их нередко выходила за пределы моей осведомленности, и тогда на помощь приходили остальные члены экспедиции. Удэгейцы расспрашивали о том, как добывается золото, из чего делается бензин, отчего происходят землетрясения, какой величины атомная бомба... Вопросов было много. Иногда беседы длились до тех пор, пока их не прерывал чей-нибудь повелительный возглас:

— Спать, товарищи! Завтра рано вставать!..

Однажды вечером Василий заглянул к нам в палатку:

— Идите радио слушать. Там надо вертеть генератор, а вы сидите...

Лидия Николаевна и Надя живо отправились вдоль косы, туда, где стояла наша походная радиостанция. Я осталась в палатке и работала при свече. Прошло не более четверти часа, как вдруг послышались чьи-то тяжелые шаги. Прибежала Надя. Запыхавшись, она бросилась ко мне со словами:

— Фауст Владимирович принял сейчас какую-то радиogramму. Не знаю, что в этой радиogramме, но, кажется, что-то очень серьезное. Потому что он попросил нас всех отойти от радиопередатчика, когда включил микрофон. Теперь он сидит у себя в палатке. Вы сходите к нему, узнайте.

— А где Лидия Николаевна?

— Она ходит по берегу. Вы знаете, Лидия Николаевна почему-то решила, что Колосовский получил известие о ее сыне и не хочет ей говорить. Она расстроилась. Ведь у нее Петька — единственный сын. Вы понимаете?

При чем тут радиogramма? Петька? Лидия Николаевна? Я ничего не понимаю, но выхожу из палатки и почти лицом к лицу сталкиваюсь с Лидией Николаевной.

— Не ходите туда, — говорит она. — Я думала, что

радиограмма касается меня, и решила спросить его. А он говорит: «Идите отдыхайте, Вам абсолютно незачем волноваться. Спите спокойно...» По-моему, его не надо ни о чем спрашивать. Он расстроен чем-то...

На самом краю косы стояла палатка Колосовского. Она светилась изнутри, как стеклянный плафон. Тремя щелчками о полотно я попросила разрешения войти и услышала в ответ:

— Пожалуйста.

Колосовский приподнялся на локте полулежа. Он захлопнул тетрадь. Перед ним стояла свеча на железной банке. Сбоку, на длинной берестяной подстилке, лежал карабин, рядом коробки с патронами. В палатке было тесно. Чтобы освободить место, он убрал карабин, положив его в изголовье. Предлагая сесть, сказал вполголоса:

— Я думал, вы уже спите. Что скажете?

Глаза его светились скрытой печалью, но лицо было спокойным, непроницаемым. Когда я заговорила о таинственной радиограмме, он задумался:

— Видите ли, это касается лично меня. Мне бы не хотелось, чтобы кто-нибудь еще был в курсе моих семейных несчастий. Но коль вы пришли сюда, могу сказать вам. Я получил такое известие, которое при других обстоятельствах вынудило бы меня вернуться в Хабаровск. Заболела жена. И, по-видимому, опасно. Ее положили в больницу. Друзья умоляют меня приехать домой. Но я при всем желании не могу вернуться до тех пор, пока мы не дойдем до перевала. Вот и все. Только, пожалуйста, не нужно никаких соболезнований. И давайте больше не возвращаться к этой теме. Вы вот что скажите мне: как нам поступить с энтомологами? Ведь у них скоро начнутся занятия в институте...

— Но, пока нет никаких указаний из Хабаровска, они должны идти с нами хотя бы до Тивяку.

— А вы знаете, что Мелешко мне заявил? У них уже нет посуды. Оказывается, вчера на заломе во время аварии разбились почти все пустые пробирки, подмокли медикаменты. Мы остались без аптечки. Впрочем... — он махнул рукой, — лично я в тайге обхожусь без медицины. А вам рекомендую позаботиться о том, чтобы сохранить уцелевшие порошки, йод хотя бы... и

что там еще? Попросите Жданкину, пусть она завтра проверит, что у них осталось, и доложит мне. Кстати, вы аккуратно ведете наш общий полевой дневник? Записывайте все, что может представить общественный интерес. Вот насчет очерков. Не знаю. Боюсь, что вам не о чем будет писать. Ведь нужно что-то героическое. А у нас все так обычно и просто.

Уходя, я посоветовала ему дать домой радиogramму. Он улыбнулся:

— Благодарю. Я уже отправил.

— Если бы я умела писать стихи, — говорила Надя утром, когда мы умывались на реке, — я бы посвятила их Колосовскому. Он такой необыкновенный!...

В это время Колосовский проплывал мимо нас на оморочке. Он ходил вверх по реке узнать, нет ли впереди заломов. В разведке подстрелил сразу трех уток.

— Кто у нас сегодня дежурный? — спросил он, подходя к костру. — Вот вам моя добыча.

По его воспаленным глазам было видно, что он плохо спал эту ночь.

— Я думаю, что Лидия Николаевна не будет претендовать на моих крохалей, как на музейную редкость, — продолжал он. — Поэтому перья можно ощипать и передать Наде. Говорят, у нее нет подушки...

16. ТИВЯКУ

Близились осень — пора охоты. По ночам собаки отчаянно выли, учуяв незваного гостя. Утром удэгейцы обнаруживали следы изюбра недалеко от палаток. Мы приближались к царству зверья, давно не пуганного охотничьим выстрелом.

В падах на низких местах появилась предвестница охотской флоры — лиственница, достигающая огромной высоты. В березовых рощах путались следы сохатого, из темных ельников тянуло грибной прелью, стойким запахом багульника.

— Эх, вот тут хорошо охотиться за пантачами-изюбрами! — говорил Василий, оглядывая заводь, блеснувшую в тальниках.

Действительно, здесь было удобное место для охоты на изюбра-пантacha. В июне удэгейцы отправляются

на пантовку. Это особый вид промысла. Каждый год, по плану артели «Ударный охотник», они добывают панты изюбра и сдают государству как дорогое лекарственное сырье. Зверя убить не так просто. Лучше всего можно подкараулить его ночью. Охотник заранее ищет след. Он знает, что по ночам изюбр приходит купаться в тихих заводях. Там зверь лакомится стрелостомом, кувшинкой, водяным лютиком и, спасаясь от гнуса, стоит в воде. Охотник, не спавший трое-четверо суток, даже в темноте не промахнется. Он ведь ждал этого случая, сидя за кустами в своей оморочке или притаившись в траве. Комары не давали ему покоя, но он не разводил дымокура, не курил, чтобы зверь его не почуял.

На пантовку ходят только в июне, когда молодые, налитые кровью рога изюбра еще не окрепли.

— Люблю такую охоту, — заключил Василий с азартом.

Подплывая к устью Большой Хулальги, мы остановились у берега, чтобы посмотреть «священное место» удэгейцев. Когда-то, уходя на охоту, они просили здесь бога Эндури послать им удачу. На стволе высокой ели и теперь еще темнеет треугольное отверстие, закопченное дымом. В нем курилась смола во время обряда. Вокруг садились охотники и вслед за шаманом повторяли молитву. Как бы стыдясь прошлого, Дада неохотно вспоминал старинный обряд.

— Это все не так интересно, — перебил его Динзай. Указывая в сторону реки Хулальги, красноватая вода которой резко отделялась от хорской при впадении, он сказал: — Вот интересно — речка Хулальги. По нашему — красный. Рыба кета здесь много, на другой речке, совсем близко, нету. Почему так?

Динзай был без рубахи. На спине, под левой лопаткой, у него торчала воронка из бересты, прикрывающая фурункул. Он привязал ее двумя бинтами так, чтобы она не отрывалась от тела, и уверял всех, что чувствует себя хорошо.

В этот день мы преодолели опасный участок пути. Его называют здесь каменным заломом. Остатки горной породы в виде угловатых каменных глыб загораживали реку по всему руслу. Ударяясь о камни, вода кипела, брызгала. Зловещий шум реки заглушал голоса

батчиков, обсуждавших, как лучше пройти. Возле самого берега, справа, оставалась узенькая полоска воды, свободная от камня. Удэгейцы решили ею воспользоваться, чтобы провести свои баты.

— Иди на берег, — сказал мне Дада, подавая шест.

С помощью шеста можно было пройти по левому каменистому склону. Едва я ступила на берег, Дада и Василий, работая веслами, пересекли реку и остановились, поджидая остальных батчиков. Один за другим подходили Батули, Динзай, Шуркей... Наконец все вместе они начали преодолевать «каменный залом». Женщины и дети шли вперед по берегу.

— Э-гей! Взяли! Оло! Оло! Га! — сквозь шум воды доносились восклицания батчиков. Все их усилия сейчас были направлены к тому, чтобы протащить лодки, не разбив о камни. Это было не так просто. Правым бортом баты касались берега, а слева к ним подкатывались высокие, грозные волны. Они разбивались о камни, торчащие над водой. С высоты река напоминала разъяренного зверя.

Взобравшись на базальтовый выступ, я чуть не свалилась вниз: в двух шагах от меня на камнях змея расправляла свое отвратительное тело. Это был щитомордник — небольшая желтая змея с щитовидной головой. До этого, еще в Гвасюгах, я видела кожу такой змеи, принесенную удэгейскими школьниками из тайги. Можно было бы сейчас пополнить наши экспонаты для музея, но мысль об этом пришла мне спустя несколько минут, когда я уже сбежала в распадок к небольшому ключу. В это время наши батчики благополучно миновали «каменный залом».

Направляясь к берегу, они работали веслами, стоя на коленях.

— Все! Хватит, товарищи! Отдыхаем! — скомандовал Колосовский. Он воткнул в землю шест и выпрыгнул на берег.

— Давайте закурим! — крикнул ему Василий.

Колосовский развел руками:

— С удовольствием бы закурил, дорогой мой, но... нечего.

Дада сосал холодную трубку. Василий прошелся по берегу, остановился у крайней лодки, где сидел Маяда. Старик закуривал.

— Одо, дами бе? (Дед, табак есть?) — спросил Василий, наклоняясь к нему.

Маяда утвердительно закивал головой, вынул из кармана берестяную коробку в виде портсигара и насыпал Василию горсть самосада. Василий роздал табак всем курящим. Только Нечаев отказался.

— Я решил бросать, — сказал Андрей Петрович. — И вам советую.

— Правильно! — поддержал его Динзай. — Когда табаку нет, зачем курить? Я так всегда думаю. Другие люди нехорошо делают, чай курят, орешник — это все дураки, у них потом сердце болит. Верно?

— Однако вы все-таки не отказались сейчас?

Динзай смутился.

— Да... В кармане нашел немножко.

Подходя к Тивяку, мы заметили впереди оморочку. Кто-то, ловко орудуя двумя шестами, переплывал реку. Дада и Василий заспорили: кто это — русский или удэгеец? Для того чтобы так проворно ходить на этой неустойчивой, маленькой и легкой лодчонке, нужна многолетняя практика. Решив, что это какой-то охотник, они успокоились. Каково же было наше удивление, когда в этом охотнике мы узнали Федора Ивановича Ермакова. Подтащив оморочку к берегу, он вытянул ее из воды, и сняв свою выцветшую от солнца шляпу, стал размахивать ею в воздухе, приветствуя нас по-удэгейски:

— Багдыфи! Сородэ!

— О, Федя все равно охотник! — говорил Дада возбужденно.

Наш бат первым причалил к берегу. Оказывается, Ермаков уже не раз выходил встречать нас.

Тивяку... Это был последний населенный пункт, если можно назвать так единственный дом, обитателями которого были Ермаковы.

— Тибеу! Тибеу! — напевал Дада, выгружая бат.

Тибеу — значит стриж. Здесь много стрижей, оттого и реку называли Тибеу (позднее — Тивяку). Река Тивяку впадает в Хор справа, как раз около домика Ермаковых.

— Вот здесь я был восемь лет назад, — тихо проговорил Колосовский, когда мы, поднявшись на гору, шли по тропе к дому.

Повсюду буйно цвела золотая розга. Прямо на тропу выползали плети тыквы; уютно желтели круглые шапки подсолнухов, кое-где еще доцветали кусты картофеля, и все это после бескрайних и необжитых таежных просторов привело нас в шумный восторг.

— Маруся! Что же ты сидишь там? — крикнул Федор Иванович своей супруге, выбежавшей на крыльцо. — Посмотри, сколько гостей!

Мы вошли в просторный, светлый и чистый дом. Заботливая рука хозяйки Марии Ивановны чувствовалась здесь во всем, начиная от белоснежных скатертей, занавесок на окнах. Всего в доме было четыре комнаты, разделенных светлым коридором, дверь из которого выходила в широкую переднюю. Здесь была поставлена железная печка и стол посередине, за которым обедали. Молодая женщина любила порядок и поддерживала его так, словно сюда, за тридевять земель, постоянно могли пожаловать гости.

Нам отвели две комнаты. Но, в сущности, с нашим приездом все здесь изменилось. Членов экспедиции можно было видеть повсюду: Фауст Владимирович целые дни и вечера просиживал около рации или за научным дневником, женщины — в комнате Марии Ивановны, Нечаев и Мелешко занимали стол в передней, тут же толпились наши батчики. Впрочем, они бывали здесь только днем. Все удэгейцы остались на косе, предпочитая ночевать в палатках. Палатки стояли по ту сторону реки. Но это не мешало появляться здесь почти каждый час кому-нибудь из наших спутников.

— Эх, закурить бы, Федор Иванович, — говорил Василий, — у кого-то, наверно, есть табак.

Василий морщился, шагал вдоль комнаты, заходил туда, где гремело радио, садился на табуретку и слушал.

В пути нам трудно было следить за событиями, так как мы не имели возможности развертывать рацию каждый день, а когда это удавалось — пользовались ручным генератором, для которого требовалось немало энергии. Зато сейчас в любое время можно было слушать радио, не прилагая никаких усилий.

Радио в тайге — вот где оно особенно дорого. На сотни километров вокруг ни дорог, ни селений. Горы, лес, река... И вдруг в таежный дом врывается шум

Красной площади, бой кремлевских курантов. Москва! Родное, близкое сердцу слово, способное раздвинуть леса и горы, пройти через моря и океаны, всюду пробуждая чувство Родины: где бы ты ни был, ты всегда у нее на виду.

Супруги Ермаковы живут здесь одни. Их не смущают ни трехсоткилометровый путь по реке, ни долгие дни одиночества. Федор Иванович был послан сюда организовать климатические наблюдения. В свободное время он уходит на рыбалку или охотиться, а Мария Ивановна хозяйничает. В этом году у них прибавился еще один член семьи — брат Марии Ивановны, восемнадцатилетний Юрий Мокроусов. Все трое они прекрасно ходят на батах, плавают на оморочке. Они научились выращивать здесь овощи, несмотря на то, что еще недавно мысль об этом казалась им пустой затеей. Правда, стоило немалых трудов раскорчевывать землю. Зато в прошлую осень они собрали двадцать мешков картофеля и с гордостью сообщали теперь об этом.

— Жить можно, — признался Федор Иванович. — Мне даже нравится здесь, честное слово.

Высокий, худощавый, в очках, в выцветшей от солнца шляпе, ловко сидящей на макушке, он только что пришел из лесу, держа за крыло большого серого ястреба.

— У нас тут всякой дичи хоть отбавляй, — говорил он, бросая на пол убитую птицу. — Один раз я на огороде работал и так увлекся, что не заметил, как рядом со мной очутился медведь.

— Представьте себе мой ужас! — воскликнула Мария Ивановна. — Слышу, Федя кричит, зовет меня. Выхожу на огород. Смотрю: медведь! Я так и ахнула. Пришлось бежать за ружьем.

— Да, — подтвердил Ермаков, — она тогда действительно медведя убила. Правда, я мог бы разделить участь медведя, потому что руки у нее дрожали вот так...

Федор Иванович дополнил рассказ выразительным жестом.

— Небось задрожат... — оправдывалась Мария Ивановна.

Когда зашла речь о трудностях таежной жизни, кто-то из женщин сочувственно заметил, что не всякий

мог бы выдержать здешние условия. Ермаков возразил:

— Нет, знаете ли, когда понимаешь, что это нужно, никакие трудности не испугают.

— Вот в сорок третьем году здесь действительно... — Мария Ивановна зажмурилась: — Ой, трудно было!

— Не стоит вспоминать... — Федор Иванович махнул рукой. — Давайте лучше обедать, товарищи.

Днем мы с Марией Ивановной ходили по огороду. Я спросила ее, что же все-таки было в сорок третьем году. И она рассказала. Во время войны бывали перебои в снабжении продуктами. Ермаков ходил на охоту. Но вот кончились патроны. Ермаков отправился в Гвасюги за охотничьими припасами. Мария Ивановна осталась одна. Продукты были на исходе, приходилось жить впроголодь, даже варить медвежью шкуру...

— Сейчас-то мы ожили... Вон охотник наш идет, посмотрите-ка! — Мария Ивановна взмахнула рукой.

— Сидя, что ли? Как же он свою молодую жену оставил?

— Он тут временно...

Сидя возвращался с охоты, обвешанный рябчиками.

— Там Надя, — указывая назад, в сторону леса, заговорил он встревоженно. — Не знаю, что такое: лежит, понимаешь, спит, что ли, никак не встает...

Это был уже не первый случай, когда во время сбора комаров и клещей Надя, нанюхавшись эфира, валилась где-нибудь в лесу и засыпала. На сей раз она дремала, прислонившись к большому пню. В руке у нее были пробирки с добычей.

— Ну что это такое? — виновато говорила Надя, вставая. — Неужели я действительно уснула? Одного клеща только нашла.

Энтомологи давно уже не имели хорошего «улова». Был август, в это время клещи исчезают, хотя весной в окрестностях Тивяку их такое множество, что, по словам Ермакова, хватило бы одного дня, чтобы заполнить ими не только пробирки, но даже бутылки.

На закате солнца мы топили баню. Около бани, прямо в лесу, стеной тянулась длинная поленница. Мы брали из нее дрова.

Мария Ивановна сутилась около печки, готовила

ужин. Лидия Николаевна и Надя ей помогали, стряпали пирожки.

Перед ужином собрались почти все наши спутники. Переодетые в чистые рубахи удэгейцы сидели за столом, положив перед собою карты.

— Вот сейчас поиграем! — Федор Иванович даже прищелкнул пальцами от удовольствия. — А то что за игра вдвоем с Юрием? Маруся вечно занята...

— Да я, признаться, и не люблю играть в карты. — Мария Ивановна покраснелась, подкладывая в печку дрова. — А Федя... — Она махнула рукой, подходя к столу. — Тоже мне игрок! Зимой вот так скучно бывало. Все время вдвоем с ним. Юрия не было. Так он уговаривает: «Ну, давай поиграем в дурака, что ли». Начнем играть. А тут, смотришь, картошка на сковородке как бы не пригорела, суп кипит. Я уйду. Он один сидит за столом, играет. Потом объявляет мне: «Вот, Маруся, ты осталась душой». Ладно, говорю, спасибо тебе.

— Ты там меня не выдавай! — подмигнул жене Федор Иванович. — А то, чего доброго, про меня еще в газете напишут: вот, мол, Ермаков в карты играет...

— Действительно, — засмеялась Мария Ивановна, — ты думаешь, это так интересно.

За столом тем временем усаживались игроки: Дада, Василий, Шуркей. Остальные наблюдали. Я ушла в другую комнату, чтобы обдумать свой следующий очерк. Телеграмма редактора, полученная сегодня, и обрадовала меня и озадачила. Я еще раз перечитала ее: «Очерки печатаем с продолжением, не задерживайте. Читатели следят за вашим походом. Давайте больше познавательного материала, пишите о людях. Желаю успеха. Горячий привет вашим спутникам...»

На минуту я представила себе обстановку редакции. Хорошо бы сейчас взять в руки газетный лист, пахнувший типографской краской, побывать на редакционной «летучке», где по косточкам разбирают вышедшие за неделю номера. На этих «летучках» какое-то слово было сказано и о моих очерках. Критиковали, наверное... Пишутся они торопливо, на привалах, у костров, в палатке при свече, даже в лодке. Но читателю нет дела до того, что вчера я дежурила по кухне, а вечером в палатку на огонь налетело столько мошки, что невозможно было работать. Читатель не знает, как тяжело

сосредоточиться, если в соседней палатке плачет маленький Яшка. Или у костра во весь голос, едва справляясь с шипящими звуками, поет Шуркей.

Если бы всегда вот так, как в этой комнате, за столом. Но через три дня мы покинем Тивяку и пойдем дальше. Хорошо бы до отхода справиться с очередным очерком и передать его по радио. Передо мной лежат три странички, исписанные карандашом. Ловлю себя на том, что вот уже четверть часа сижу за столом и не могу написать ни строчки. Думаю о своих ребятах. За лето они подросли, наверное, загорели. Только бы не случилось никакой беды... У Юры привычка бегать через парк на утес и спускаться по угловатым каменным глыбам вниз, где сидят рыбаки с удочками, вентерями... Опасно там, можно сорваться. Но нет, не должно этого быть, успокаиваю себя. Закрываю глаза на миг и вижу, как прыгает с мячиком Оля. Светлые ее косички торчат в обе стороны. Скорей бы домой! Две недели назад мама пришла из больницы, у нее была очень сложная операция по поводу язвы желудка. Правда, меня заверил профессор Гейнац, что все будет благополучно. Судя по телеграмме, так оно и есть...

За стеной слышатся голоса удэгейцев. Ночью, когда все умолкнет, можно будет поработать. Я выхожу в переднюю и слышу:

— Давай туза козыриного! — кричит Шуркей. Он смотрит на Василия злыми глазами. — Конечно, так все время будем на дураках...

Хлопнув карты на стол, он бросает игру.

— Зачем так делать? — возмущается Дада, видя, что Шуркей выходит из-за стола.

— Из-за стола не выходить! — Мария Ивановна несет посуду. — Сейчас будем ужинать. Куда ты, Шуркей? Вот видите, игра не доводит до добра.

— Горячий парень, — с улыбкой говорит Василий, глядя на своего партнера. — Шуркей! Как дальше жить будешь, такой задиристый, а?

— Да ну вас! — Шуркей машет рукой и садится на пороге. Он уже смеется.

Динзай, все время наблюдавший за игроками, укоризненно качает головой.

— Не могу понять интерес. В карты играть не люблю. Так, немножко другой раз играешь подкидного.

Есть которые люди сильно играют. Еще есть, которые гадают там всяко, разную чепуху, это я не признаю.

— Ох, Динзай, наверно, немножко сулеси (обманы-ваешь) есть?

Федор Иванович шутя грозит ему пальцем.

— А помнишь, как ты гадал Зине? Товарищи! Это же умора...

Ермаков расхохотался. Динзай часто-часто заморгал, заулыбался, стал, заикаясь, оправдываться:

— Ну, это какое гаданье. Надо было проучить.

— Знаете что, друзья, — вмешалась Мария Ивановна, — довольно вам, садитесь за стол, мне уже надоело вас приглашать. Федя! — обратилась она к мужу. — Перестань, пожалуйста, люди есть хотят.

Но Федор Иванович не унимался, и, когда все уселись за стол, он опять нарушил молчание:

— Нет, я все-таки расскажу. Вы знаете, товарищи, у нас была одна повариха. Звали ее Зиной. Друг Динзая в нее влюбился. Ну чего ты, Динзай, не про тебя ведь! Стал к ней свататься. Она говорит: «Убей трех сохатых, тогда пойду за тебя замуж». Он пошел на охоту. Убил сперва одного, да, Динзай? Потом еще двух. Идет к Зине с победой, как говорится. Да. Она засмеялась — и снова отказ. «Убей трех медведей, тогда буду твоей женой». Друг опять пошел в тайгу, убил трех медведей — и к Зине. А она стала перед ним и улыбается: «Вот, говорит, пойду за тебя замуж, когда рак на горе свистнет...» Вы понимаете? Этот друг ходил по сопкам и слушал, а потом спрашивает Динзая: «Что такое, сколько хожу, слушаю — почему рак не свистнет?» Динзай, конечно, рассказал ему, в чем дело. Тот понял и скрылся куда-то. А надо вам сказать, что эта Зина была женщиной суеверной. Я говорю ей: «Попроси Динзая, чтобы погадал тебе. Он умеет». Вот она пристала к нему: погадай да погадай. Динзай разложил на столе карты, как полагается, а потом говорит ей: «Все, что твоя башка мало-мало варит, что маленько соображает, все будет исполняться...»

— Хорошо рассказывает Федя, — кивнул Динзай Колосовскому.

— Да, Федор Иванович — мастер повеселить...

— Это что! — возразил Ермаков. — Вот сейчас мы Сиду попросим исполнить один номер... Вот это да!

«Номер», о котором говорил Ермаков, Сиды показал нам после ужина, когда женщины убрали посуду и сели за стол, а мужчины задымили трубками, козьими ножками, раскуривая табак Сиды. Невозможно было усидеть в соседней комнате, и я на минуту вышла оттуда, едва слышался топот ног, лязг железа. Сиды кружился по комнате согнувшись, приговаривая: «Сок, сок, сок!» Он ударял деревянной ложкой о крышку кастрюли, приседал на пол и снова вставал. Это был шаманский танец. Сиды исполнял его с серьезным лицом, но все хохотали, видя, как он передразнивает шамана. Даже Дада рассмеялся и захлопал в ладоши, когда Сиды изобразил, как шаман, отправляясь в «царство теней» разыскивать пропавшую душу, находит соболиный мех и довольно солидный кусок материи...

— Здорово, здорово! — кричал Василий. — Это надо на сцене исполнять.

— Вот видите, какой талант у нас пропадает, — задорно подмигивая, говорил Федор Иванович.

Сиды сидел на табуретке, обмахивал лицо платочком и улыбался.

Ночью Колосовский принял из Хабаровска радиogramму, в которой сообщалось о том, что студенты медицинского института Юрий Мелешко и Надя Жданкина должны немедленно возвратиться в город, чтобы не опоздать к началу занятий. Фауст Владимирович позвал меня и сказал:

— Ну вот, теперь надо подумать, как их отправить. Придется снаряжать бат.

Мы стали обсуждать, кого из удэгейцев можно отпустить без ущерба, и решили, что пойдут Маяда и Намике. Старик в эти дни прихварывал, и Намике уже не раз высказывала опасение, что сынишка ее опоздает в школу. Близилась осень.

С утра Мелешко и Надя стали укладывать вещи. Заботясь о том, чтобы доставить в целости свои энтомологические коллекции, они ставили пробирки, наполненные клещами, в коробочки с ватой, коробки обкладывали берестой, прежде чем поместить их в ящик. Мелешко весело насвистывал. Предстоящая дорога радовала его. В последние дни он приходил из лесу недовольный, жаловался на плохой сбор клещей.

— Ну как? Много трофеев? — спросил Федор Иванович, кивнув на ящик.

— Да порядочно. — Мелешко стоял подбоченившись, насвистывал. — Все-таки я доволен экспедицией. — Он прошелся взад и вперед по комнате и остановился задумавшись. — Только вот не знаю — шо воно там: чи есть переносчики, чи нет?

— Ну и что вы дальше будете с ними делать? — поинтересовалась Мария Ивановна.

— А вот приедем в институт и отдадим весь материал на кафедру биологии. Там установим: может быть, среди этих клещей окажутся такие, которых надо было опасаться.

— Я прямо-таки не знаю, — оживляясь, заговорила Мария Ивановна, — как это получается, что удэгейцы всю жизнь ходят по тайге, клещей этих снимают с себя ужас сколько — и ничего, не болеют.

— Не болеют? — переспросил Федор Иванович. — А в прошлом году в Гвасюгах, помнишь, клещ укусил Дуню? Куда он ее укусил, в ухо, что ли? Как ее в больницу-то направляли, помнишь? Она же была тогда красная как рак. Температура у нее повысилась.

— Ну и что же? — возразила Мария Ивановна. — И все-таки через несколько дней она ведь выздоровела. Никаких последствий энцефалит у нее не оставил. Чем объяснить?

— Насчет Дуни, — Мелешко кивнул головой, — мы с Надей уже знаем. Вообще я должен вам сказать, товарищи, что это очень интересно. У удэгейцев, по-видимому, есть иммунитет против энцефалита. Кое-какие интересные наблюдения мы, конечно, представим на кафедру. Откровенно говоря, меня сейчас так тянет в институт, в лабораторию, — мечтательно заключил он.

В полдень мы провожали Мелешко и Жданкину. Все вышли на берег. Удэгейцы торопились передать свои многочисленные просьбы. Некоторые из них написали домой письма. Надя складывала белые треугольники-конверты в карманы своего комбинезона и говорила, чуть не плача:

— Ой, товарищи! Как не хочется расставаться! Я думала, что дойду с вами до перевала. Интересно, какой он, этот перевал. Мне почему-то кажется, что на нем должны быть ступеньки. Ну как вы пойдете? Ника-

ких медикаментов нет у вас, ничего. И как это вышло, что мы не сумели сохранить аптечку?..

— В тайге порошками не спасешься, — заметил Василий. — Садись, Надя!

Он и Шуркей приготовились столкнуть на воду бат. Со всех сторон уже слышатся напутствия. Маяда и Намике берут в руки весла — вниз по реке им будет легко плыть, не надо работать шестами. Я сфотографировала отъезжающих. Надя подходит прощаться. Она обнимает нас с Лидией Николаевной и, стыдась своих слез, прикрывает лицо панамой.

— Как я привыкла к вам, если б вы знали! Теперь буду все время думать о вас. Когда же мы увидимся? Как только доберусь до Хабаровска, обязательно проведу ваших ребятишек. Ну, до свиданья, товарищи!

Она садится на бат, прислонившись к ящику. Бат покачивается на воде. Маяда и Намике взмахнули веслами. Мелешко держится за борта лодки, что-то кричит, но никто уже не слышит его. Надя уткнула лицо в колени. Белая шапочка ее вместе с лодкой уходит все дальше и дальше.

— Вот, понимаешь, опять плачет, — смеется Шуркей. — Надя! Возьми банку, слезы черпать, а то бат утонет.

Три дня мы пробыли в Тивяку. За это время просушили и рассортировали вещи: освобождаясь от лишнего груза, оставили здесь одну палатку, звериные шкуры, часть инструмента, книги, оморочку, ненужную посуду. Я дописала свой шестой очерк и перед самым отъездом вручила его Ермакову для передачи по радио.

Накануне отъезда удэгейцы поймали большого тайменя.

— Видали такую рыбу? — кричал Василий еще издали, идя по тропе рядом с Динзаем. Они несли на палке тайменя в полтора метра длиной. — Это Батули поймал.

— Вот что! — заговорил Динзай у крыльца, освобождаясь от ноши. — Плохо дело получается. Батули хочет домой. Дада тоже ногой разболелся. Надо разобратся, как дальше пойдем...

Я решила узнать, в чем дело, и переправилась на косу. Все собрались в палатке Батули. Дада, сидевший у костра, поднялся. Очевидно, желая пошутить, он нахмурился и плаксивым голосом сказал:

— Нгала унини, багды унини... (Руки болят, ноги болят...) — он показал забинтованные пальцы на ноге. — Как дальше пойду?

Батули сидел в палатке, изобретая для своих ребятишек очередную игрушку из бересты. Он умел делать маленькие лодочки из коры бархатного дерева, из жасмина. Пашка и Яшка пускали их на воду или привязывали к бату и наблюдали, как тащатся следом игрушечные оморочки. В продолжение всего пути я часто с восторгом следила за этой семьей. Батули был превосходным охотником, одним из самых смелых и опытных батчиков. На трудных и опасных поворотах он обгонял нас. Его пограничная фуражка не раз служила нам ориентиром, когда, подойдя к узким протокам, мы выбирали: по какой идти? И хотя сейчас нелегко было с ним расстаться, тем более, что вместе с женой они тащили на лодке значительную часть груза, однако никто не решился бы заставить Батули следовать дальше с детишками. Мы только что говорили об этом с Колосовским.

— Что же, — сказал Фауст Владимирович, — отпустим его, если будет настаивать. А жаль. Я вот тут приказ написал...

Как только я прочитала удэгейцам приказ начальника экспедиции, в котором говорилось о премировании лучших батчиков, Батули задумался. Значит, и его с женой тоже премировали? Динзай и Дада заговорили о значении экспедиции. Они отлично представляли себе, что сейчас-то, как никогда, нужна их помощь. Батули посмотрел на жену. Лицо ее было спокойно — ни тени тревоги. Муж прочел глубокое доверие в ее взгляде и объявил о своей готовности идти с нами дальше.

— Еще две недели могу идти. Потом обратно.

— Ая! Хорошо! — засмеялся Дада, поправляя головешки догорающего костра. Уж он-то, конечно, не раздумывал над тем, как быть. Забинтованные пальцы на ноге не считал болезнью: — Два-три дня — все, кончай болезнь...

— Дальше трудновато пойдет путь. — Динзай со свойственной ему горячностью стал говорить о том, что в пути надо помогать друг другу, что экспедиция — государственное дело. — А вот Вася имеет такую привычку — бежать вперед. Куда гонит свой бат — сам не

знает. Надо оглядываться, смотреть, как другие товарищи идут.

— Правильно! — согласился Василий.

А Шуркей чертыхался по адресу Динзая и еле слышно буркнул:

— На кого оглядываться, черт тебя возьмет с твоим табаком! — но тут же спохватился и умолк.

Рано утром все палатки на косе были спущены. Четыре бата, нагруженные до отказа, двинулись вверх по реке. Так как Фауст Колосовский еще и раньше имел намерение взять с собой помощника, чтобы проводить метеорологические наблюдения, то теперь у нас прибавился еще один человек — Юрий. Ермаковы стояли на берегу и смотрели, как, медленно огибая кривун, наши баты пошли навстречу волне. В воздухе мелькнул белый платочек Марии Ивановны. Федор Иванович размахивал фетровой шляпой и кричал:

— Возвращайтесь с победой!

17. ТАЙГА НЕХОЖЕНАЯ

В первый же день пути нас отхлестал дождь. Еще с утра по небу, медленно клубясь, проплывали облака. Мы и не заметили, как ветер собрал их в сплошные темные тучи, и вот над нами разыгралась очередная воздушная битва. Сразу же все вокруг потемнело: изумрудная зелень, река, даже воздух. Ветер торопливо прошелся по вершинам деревьев, лес зашумел и качнулся. Когда первый гром ударил дробно и весело, Василий поглядел на небо, усмехаясь:

— Здорово кабарга в бубен бьет! Верно? Когда я был еще маленький, я верил. Думал, действительно так: на небе есть женщина — кабарга. Это она бежит, кричит, в бубен бьет. Понимаете, какое дело! Нам придется к берегу приставать. Одо! — обратился он к Даде: — Агда дзафи! (Давай причалим!)

Я оглянулась, чтобы посмотреть на нашего кормчего. Дада стоял на корме бата и каждое новое сверканье молнии встречал одним возгласом:

— Нгаина-на-на! (Ай-я-яй!)

Пышная, всклокоченная ветром шевелюра придавала старику бравый вид. Он с беспокойством смотрел по сторонам, отыскивая взглядом удобную косу для оста-

новки. Между тем электрические разряды сотрясали воздух с новой силой. Наконец хлынул дождь. Мы все промокли до нитки, но продолжали продвигаться вперед. Мокрые шести скользили в руках батчиков. Под ногами на дне лодки быстро накапливалась дождевая вода. Ее надо было вычерпывать, а у меня на руках сидел маленький Яшка. Я укрыла плащом его босые ноги, прижала к себе и чувствовала, как под рукой бьется его сердечко.

За истоками Пихцы мы увидели старый лабаз, от него теперь остались одни свай. Дада и Василий, сговорившись, пристали к берегу. За ними последовали другие батчики. Во время короткой передышки Дада успел рассказать мне, как в 1927 году он строил этот лабаз для экспедиции В. К. Арсеньева, который тогда совершал свое последнее путешествие по тайге. Мы стояли под елью. Сквозь густые ветви едва просачивались отдельные капельки, и внизу, около ствола, травянистая подстилка оказалась совершенно сухой. Мой маленький спутник все время беспокойно поглядывал по сторонам, а когда заметил мать, помчался к ней навстречу.

— Сегодня надо обязательно дойти до Сооли! — крикнул Колосовский, проходя мимо нас и не желая останавливаться.

— Дождя испугались? Да? — спрашивал Юрий. Он стоял посередине бата в синей безрукавке, без кепки, отталкивался шестом, не обращая внимания на льющиеся сверху потоки воды.

Мы достигли устья Сооли перед вечером. Выбрали для ночлега песчаную косу, до половины заросшую тальником. Река Сооли впадает в Хор с правой стороны, оттуда, где взору открывается широкая низменность, покрытая редколесьем. Вересковые кустарники, вейник, мхи устилают подножье стройных лиственниц. Врываясь в долину Хора, эта маленькая холодная красавица приносит с собой веяние суровых ветров. Хор отгораживается от них высокой грядой темнохвойной тайги. Ель и пихта завоевали здесь огромные площади. Но на ветробойных склонах гор, обращенных к северо-западу, светлой стеной встали заросли каменной березы. Кое-где, протянув кривые ветки, врассыпную разбежались лиственницы. Вот она, охотская флора — дав-

но уже не видно бархатного дерева, амурского винограда, маньчжурского ореха. Китайский лимонник стал редко встречаться на пути, был он без ягод и уже не вился так высоко по деревьям, а припадал и робко терялся в кустах. Из лиан только актинидия не чувствует себя одинокой в темнохвойных лесах. Об этом только что с воодушевлением говорил Нечаев. Пока мы просушивали палатки, он успел сходить в лес и теперь сидел неподалеку от костра, разложив растения для гербария. Протягивая мне еловую шишку, он сказал:

— Теперь вы уже не встретите сибирскую ель. Здесь аянская ель — хозяйка. Смотрите, какие у нее зубчатые чешуйки. Лидия Николаевна, помните, когда мы с вами встретили последний раз сибирскую ель?

— Да, — подтвердила Мисюра. Она укладывала растения в гербарную сетку и вслух повторяла: — Клематис, а это какалия ушастая. Вот хвощ, майник, клентония, корнус...

— Зачем так не по-русски называете? — возмутился сидевший рядом Динзай. — Можно думать: ругань...

Нечаев засмеялся:

— Тут вот какое дело, Динзай, — сказал он, приподымаясь на колено, — в каждой деревне одно и то же растение называют по-своему. А наука о растениях одна. Попробуй разберись, о чем идет речь. Вот ученые и предложили называть все деревья, травы, цветы одинаково, по-латыни. Понимаете?

Динзай быстро закивал головой, однако не успокоился и, напрягая мысль, заговорил с усилием:

— Это понимаем. Другое дело интересуется. Если, например, в этом месте, где сидим, будет штук пятьдесят всякой травы, разного дерева, надо все в голове держать, что ли?

— Ого! — изумленно воскликнул он, узнав, что ботанику нужно помнить сотни, тысячи разных названий, и с уважением поглядел на Нечаева.

Андрей Петрович беседовал с ним, не прерывая своих занятий. Подошел Василий и тоже с интересом стал наблюдать, как делается гербарий...

Дождь перестал. Я попросила Василия поймать на ужин ленков. Вместе с Шуркеем они отправились за добычей, воспользовавшись пустым ботом.

— Будете нас фотографировать? Да? — спросил Шур-

кей, видя, что я иду следом за ними по берегу с «ФЭДом».

Берег тут был возвышенный, лесистый. В покрове повсюду прозрачно зеленел папоротник, еще не обсохший после дождя. Сапоги мои изрядно намокли. Я остановилась. Лес был полон влаги. Еще кусты и деревья, и травы не успели отряхнуться, еще птицы только поправляли свои гнезда после грозы, но ветер уже обдувал вершины деревьев, сквозил в ветвях. Перепрыгивая с ветки на ветку, вверху показалась белка. Махнула пушистым хвостом и исчезла. А вслед за ней дождевые капли так и посыпались, словно душ, на муравьиную кучу. Около берега в кустах порхнул непоседа стриж. Над лесным пологом на востоке расцвела всеми цветами радуга.

— Вот, пожалуйста, ворота открыты! — крикнул Василий, указывая в сторону радуги. — Идите к нам. Сейчас рыбу поймаете.

Василий подтолкнул бат к самому берегу, и я прыгнула в лодку. Через несколько минут Шуркей поймал большого ленка.

— Нравится такой? — Он положил рыбу на дно бата и под ногами у него стала переливаться вода, окрашенная кровью.

— А такой нравится? — воскликнул Василий, после того как с размаху ударил острой и достал хариуса. — Эх, хорошая тала будет!

Мы поднялись вверх по реке километра за полтора от нашего табора. Спускаясь вниз, заметили косулю. Она стояла на берегу, вытянув длинную шею.

— Эй, эй! — крикнули разом Шуркей и Василий.

Косуля исчезла за кустами.

— Чуть-чуть не убили, как Динзай, помните, чуть-чуть не убил изюбра. Ружья не было... — Василий рассмеялся и продолжал: — Вот Динзай — человек какой, у него ведь табак есть.

Я не поверила.

— Спросите Шуркея.

— Есть, — подтвердил Шуркей. Он перегнулся через борт, умывая водой вспотевшее лицо. — Я видел. Вот такой мешочек. — Шуркей сжал кулак.

— Что вы хотите, — рассуждал Василий, — единоличная струнка играет.

— Черт с ним, с табаком! — сказал Шуркей и вдруг изо всей силы грянул:

Бешкозырка,
Ты подруга моя боевая...

Вечером мы поджаривали рыбу на двух сковородках. Динзай предложил испечь одного ленка в золе, предварительно обернув его бумагой.

— Получается копченый. Очень вкусно, — уверял он нас.

Дада искоса поглядел на Динзая и, бормоча себе под нос какую-то песенку, стал готовить талу. Делал он это очень ловко. Большим охотничьим ножом (кусюга) играючи делил рыбу надвое, освобождая ее от хребта. Затем срезал мелкие кости и тут же на маленькой скамеечке для стряпни крошил рыбу пластиками и отправлял в рот прямо с ножа.

— Неужели вкусно? — со страхом спрашивала Лидия Николаевна, видя, как Дада управлялся с сырым ленком.

— Пробуй, — отвечал старик, — узнаешь...

— Нет, — засмеялась Мисюра, — лучше давайте есть полтавские галушки.

Ели талу почти все удэгейцы, в том числе и Динзай, любивший похвастать тем, что он давно освободился от старых привычек. Я спросила его: правда ли, что у него есть табак? Динзай перестал есть, поднялся.

— Идемте сюда. Идемте! — указывал он по направлению к своей палатке.

Мне стало неловко: а что, если Шуркей обманул меня? Я пошла вслед за Динзаем, остановилась у входа в палатку. Динзай юркнул туда и быстро вышел, держа в руке знакомый мне сверток в красной тряпке.

— Табак есть. Это правильно, — сказал он, еще сильнее заикаясь от волнения. — Вот посмотрите. Только не надо так считать Динзая жуликом, что ли. Я вот нарочно прячу его. Думаю так: дальше будет трудно, тогда отдам! Я сам могу не курить. Верно, верно. Другие люди сильно курят. Я нет. Можно раздать сейчас. Если хотите, возьмите, отдайте всем.

— Нет. Вы это сделаете сами, когда найдете нужным.

Возвращаясь к костру, Динзай твердил все время:

— Думаете, Динзай не был в экспедициях? Динзай знает дело.

Он явно мучился оттого, что ему не доверяли.

Спустя два дня Динзай развернул красный узелок перед изумленными взорами своих недоверчивых друзей.

— Вот табак, — сказал он, — делите.

Шуркей с Василием переглянулись.

— Зачем так долго прятал? — обрадовался Дада и набил табаком трубку.

Мы стояли перед большим заломом. Началось то, чем пугали нас удэгейцы еще в Гвасюгах. Надо было прорубить дорогу, разбирая, растаскивая колодник, чтобы вырвать узенькую полоску воды и по ней провести лодки. Река стала все чаще разбиваться на протоки. Вода по ним неслась с такой стремительной быстротой, что наши батчики едва удерживались на ногах. То и дело они входили в воду по пояс, чтобы подрубить или перепилить деревья, лежавшие поперек протоки. Вода была холодная. Выходя на берег, Дада оттирал руками покрасневшие ноги.

Как-то раз все наши баты, идущие гуськом, очутились перед завалом, посредине которого торчал серый пенёк, распростершись как краб. Дада посоветовался с Батули: как лучше его обойти? Достали пилу, чтобы перепилить сучья, принесли топоры. Но вот Юрий Мокроусов зашел в воду по пояс, расшатал пенёк и отодвинул его в сторону так неожиданно, что все ахнули. Этот круглолицый веснушчатый парень с широкими плечами отличался большой физической силой, притом он был веселым, и все мы полюбили его.

— Ая! — восхищался Дада, проходя вперед со своим батом. — Хорошо!

Однако через час-другой перед нами возникало новое препятствие. Чем выше продвигаешься по Хору, тем чаще встречаются заломы. Глухая, нехоженная, не тронутая никем тайга богата своими лесными событиями. Их можно прочесть даже вот в этом заломе. Столетнее дерево, вырванное бурей, упало поперек реки. Течением к нему прибило другое, третье, вода принесла сюда сухого валежа, загрозила русло плавником, и вот река в поисках выхода двинулась в пойму. Появилось много мелких протоков; порою кажется, что Хор уже не имеет

русла, вода идет по лесу, между стволами. Батчики упираются шестами в стволы деревьев, отталкивают лодки, при этом лес оглашается шумом, русская речь, смешиваясь с удэгейской, разносится далеко вокруг, кричат ребятишки, лают собаки. Где-то слышится звонкий смех, кто-то упал в воду. Но вот опасное место позади. Кажется, все кончено. Теперь перед нами чистая вода, без карчей. И вдруг опять...

— Смотри в оба! — кричит Колосовский, обгоняя наш бат.

Впереди большой залом. В протоке водоворот. Вода, как по лестнице, стремительно мчится сверху навстречу нам. А мы стоим внизу, на самой нижней ступени, и пытаемся подняться наверх. Шум воды заглушил людские голоса. Носовщик не слышит стоящего на корме. Я вижу, как бледность покрыла лицо Дады, изо всех сил пытающегося удержать наш бат. Меня обдает брызгами. Я хочу подняться, но Дада окриком усаживает меня на место и просит довериться его опыту.

— Э-тэ-тэ! Манга! Тяжело!

В этом месте было глубоко, шесты едва доставали дна. Наша лодка быстро продвигалась вперед, прикрывая волну пристроенным впереди гребнем.

Но вот опять остановка. Толстые ели загородили нам путь, легли поперек протоки. Обойти их никак нельзя. Значит, надо перепилить. Дада привязал бат к дереву, стоящему у берега, взял пилу. Я думала, что старик сейчас рассердится, начнет кого-нибудь ругать (есть же такие люди, которые с досады могут обвинять в своей неудаче даже мертвое дерево). Но Дада был совершенно спокоен.

— Топор давай, — сказал он Василию.

С берега пилить было невозможно. Дада зашел в воду. Василий следом за ним стал с другой стороны. Они работали, едва держась на ногах. Быстрый холодный поток сбивал их. На спине у Дады пузырилась от ветра рубаха.

Я пробежала по берегу и за кривуном, впереди, увидела точно такое же препятствие. Тем временем подплывали остальные лодки. Колосовский подал команду сменить Даду и Василия. Тут мы развели не большой костер. Вдоль протоки уже понесло перепиленные надвое толстые стволы. Юрий и Нечаев на-

правляли их, гнали по воде вниз так, чтобы они не задевали лодок. Батули и Шуркей прошли с топорами вперед, к следующему завалу, а здесь уже опять звенела пила. Динзай с Семеном стояли по пояс в воде и, напрягая силы, трудились.

— Холодно, черт возьми! — говорил Василий, подставляя к огню то одну, то другую ногу. Дада выжимал за кустами мокрые брюки. Через минуту он уже снова был в воде, отстранив Динзая. Когда последние стволы рухнули в протоку, подхваченные течением, старик обрадовался:

— Васей! — закричал он. — Сюда иди!..

Они провели свой бат вперед, за кривун, к очередному препятствию. Вслед за ними двинулись остальные батчики.

— Так хочется помочь им. Но что делать, я просто не знаю, — говорила Лидия Николаевна.

Я фотографировала батчиков и не заметила, как она очутилась рядом со мной. Мы пошли вперед, переступая с камней на валежины, по кустам, по высокой траве. Остановились напротив следующего залома, где работали Батули и Шуркей.

— Ой, как страшно! Смотрите-ка!..

Лидия Николаевна тронула меня за руку. Батули сидел верхом на дереве и подрубал его топором. Дерево висело над протокой, упершись вершиной в стволы, загромаздившие русло. Шуркей рубил соседнюю березу, стоя по пояс в воде.

— О-ёй! — закричал Батули, когда верхняя часть дерева с треском ухнула в воду. Сам он едва усидел на толстом комле. Через минуту он уже карабкался на другое дерево. Шуркей тем временем воткнул топор в недорубленную березу и, обхватив руками упавшую вершину, потащил ее к берегу. Мы с Лидией Николаевной, не сговариваясь, разом подхватили ее с берега. По воде плыли щепки. Батули уже опять подрубил какое-то сучковатое дерево. Оно понеслось за кривун, толкаясь о правый берег сучьями. Между тем из-за кривуна показалась лодка. Василий, стоя на носу, не замечал плывущей навстречу лесины.

— Василий! — крикнула Лидия Николаевна. — Иди правее! — И бросилась следом за плывущей лесиной, стараясь отвести ее от мнимого фарватера.

Это случилось так быстро, что я даже не успела остановить ее. Она стояла по колено в протоке, пока Василий и Дада миновали препятствие. Лесина зацепилась за корягу, торчавшую у берега, и остановилась. Лидия Николаевна выбралась из воды, сбросила с ног сапоги.

— Вот это вы совершенно напрасно делаете, — недовольно сказал ей Колосовский, вышедший из-за кустов. — Быстро разводите костер.

Но костер разводить было поздно. Батули и Шуркей уже расчистили дорогу, и все мы, погрузившись на баты, двинулись дальше.

Так, с большим трудом, нам удавалось проходить в день по восемь, по десять километров. Лес уже рядился в осеннее, пестрое. По реке плыли сорванные ветром желтые, багряные листья. Утром люди выскакивали из палаток чуть свет, разводили костры, чтобы согреться. Но днем бывало еще так тепло, что хотелось упрятаться в тень. Белохвостые орланы кружились высоко в небе.

— Кяаса! — указывая вверх, говорил Василий.

— Все равно самолет. Верно, Динзай? — подмигивал Юрий.

— Вот, понимаешь, интересно, — заговорил Динзай со свойственной ему горячностью, — кто-нибудь видал, как звери самолет встречают? Весной в Антуни много изюбра. Я нашел одного, хотел стрелять. Как раз самолет летит, понимаешь. Изюбр голову поднял, слушает, ушами шевелится. Я не стал стрелять, другого нашел...

— Э, самолет, самолет! — кричал громко Шуркей, завидев самолет.

Действительно, пролетел пассажирский самолет из Хабаровска.

— Таскай табак! — подхватил, смеясь, Дада.

Он уже опять томился без курева. Запасов Динзая хватило ненадолго. Вчера Василий спросил меня:

— Что если у нас не хватит продуктов? Как будем?

— Убьем зверя.

— Но патронов мало. Скоро кончатся.

— Что ж, тогда сообщим в Хабаровск по радио. Самолет пришлют.

Василий заулыбался, ободренный возможностью такого выхода, хотя у нас не было повода бить тревогу.

Сейчас, увидев самолет, все стали кричать, замахали шапками, будто пилот оттуда, сверху только нас и выискивал. Как бы не так! Самолет пролетел, держа свой курс на юго-восток, а мы двигались на север.

Долина Хора становилась все более узкой, теперь она принимала корытообразную форму; широкие низины чередовались с округлыми разной высоты сопками, подходившими к реке то справа, то слева. Иногда берег составляли горные террасы, поросшие хвойным лесом. Интересно было посмотреть, что там... Я подала Даде знак остановиться. Лодка шаркнула гребешком о травянистую кочку.

— Стоп!

Василий моментально воткнул в землю шест и выскочил на берег, я — за ним, а Дада остался на месте, сидит и опять держит во рту холодную трубку, оглядывается: где там идут остальные, далеко ли?

Берег представлял собой довольно высокую террасу. Взобравшись наверх, я огляделась и замерла, словно угодила на морское дно. Вот где стояла вековая, дремотная тишина! Ни птичьего свиста, ни шелеста. Огромные старые ели, сомкнув свои вершины, образовали почти непроницаемый зеленый полог; в поисках света они тянулись к небу сотни лет и теряли в тени свои нижние сучья. На более дряхлых деревьях, как водоросли, неподвижно висели космы бородатого лишайника. Ну просто подводное царство, да и только! Ельник был без подлеска. Вместо обычной путаницы ветвей между стволами сквозил голубоватый воздух, или, может быть, это туман поднимался от глухо рокотавшего под обрывом ключа? Оттуда тянуло прохладой. А в изумрудно-зеленом покрове среди мхов красовались сыроежки в лиловых и розовых шляпках, конопатые мухоморы, целые семейства сморчков. И всюду — россыпи красных горошинок корнуса...

Древний-древний ельник! Никогда еще человек не тревожил здесь ни одной былинки. Вот невесть с каких пор лежит упавшая лесина, во всю длину покрытая зеленым плюшевым ковром. Василий, прибежавший следом за мной, хотел пройти по этой лесине, но от первых же его шагов она рассыпалась впрах... Из-под ствола показались маленькие елочки.

— А вон, смотрите, еще... — Василий кивнул на трух-

лявый пенёк, из него, как из кадушки с неровными краями, выглядывало деревце. — Хм... Растет, да? Неинтересный лес, это самое, тут филины одни живут. Ну да! Кабана-то и медведя следов нету. — И засмеялся.

Он по-своему оценивал тайгу.

Подошел Нечаев и на мои восторги отозвался весьма сдержанно, сказав, что у него есть уже ботаническое описание такого же леса:

— Обыкновенный ельник-зеленомошник... — Он зашагал между стволами, но тут же вернулся. — Грибов-то, грибов сколько! Вот бы миколога сюда...

— Чего ему делать здесь? Кто он такой? — спросил Василий, не замечая усмешки Андрея Петровича.

— Микология — это, видишь ли, Вася, есть такая наука о грибах... — Нечаев стал объяснять, а мне вдруг вспомнился наш разговор с Шишкиным о несовместимости различных форм познания. Он был прав, но не совсем. Конечно, это смешно — «ельник-зеленомошник», думала я, прислушиваясь теперь к словам Нечаева, говорившего о грибах, но ведь наука освещает предмет только с одной стороны, а искусство берет все в совокупности...

Где они сейчас, наши художники? Как им работает на Черинае?

— А вы знаете, сколько наука насчитывает видов грибов? — продолжал Нечаев: — Если не ошибаюсь, кажется, около семидесяти тысяч...

Оказывается, еще в далеком прошлом люди учились распознавать грибы по их хозяйственным признакам — съедобные, несъедобные... Потребовалось немало наблюдений, чтобы выяснить их природу. Вначале ученые рассматривали грибы, как явление животного мира. Прошло много лет, прежде чем наука добилась точного описания и изображения грибных форм, а затем ученые проникли и в биологию их. Изобретение микроскопа окончательно опрокинуло представление о грибах, как о животных организмах. Микроскоп позволил ученым рассмотреть мельчайшие зернышки у грибов, так называемые споры, с помощью которых они размножаются...

— У нас грибы мало кто кушает, — сказал Васи-

лий. — Старики говорят: надо белке оставить, медведю... А че? Правда, правда!

Перед тем как спуститься к реке, мы видели еще несколько упавших стволов, а рядом с ними — молодую поросль. В одном месте около трухлявой и обомшелой валежины я насчитала восемнадцать елочек. Оттого, что пожар не затрагивал эти леса, они имели девственный вид, но в ельниках много было сухостоя и фаутных деревьев, до которых специалисты лесного хозяйства и рубщики не скоро еще доберутся.

В непогоду лес такой бывает страшен. Большие, старые деревья раскачиваются на ветру, скрипят и стонут, а порой и падают с треском.

— Ну, чего там видели, а? — спросил Дада по-своему, как только мы подошли к берегу и стали усаживаться в лодки.

Василий отшутился, сказал, что грибов и ягод наелись, а белка еще шубу не успела переодеть.

На другой день во время стоянки Колосовский вызвал по радио Черинай.

— Я «Тайга»! Я «Тайга»! Слушайте меня! Слушайте меня!

Валя Медведева передала для нас письмо из Хабаровска. Работники охотинспекции интересовались запасами пушного зверя в долине Хора и просили нас ответить на шесть вопросов: 1. Как и в достаточной ли степени опромышляются охотоугодья в верховьях реки Хор? 2. Каковы перспективы на урожай орехов, ягод, семян хвойных пород, грибов? 3. В каких местах, в каком количестве встречаются норка и соболь? 4. Есть ли подходящие места для выпуска ондатры? 5. Каковы перспективы на урожай белки? 6. Много ли мышей и вредных грызунов?

— Жаль, что нет у нас зоолога. Впрочем, мы сможем ответить почти на все вопросы. Надо поручить нашим охотникам вести наблюдения. Правда, запасы норки и соболя можно подсчитать только зимой...

Колосовский прищурился, протягивая руки к огню:

— Знаете новость? Оказывается, Высоцкий уже отправился в Хабаровск. У него разболелась рука. Теперь Шишкин остался один и хочет ждать нашего воз-

вращения там, на Черинае. Нет, нам решительно не везет.

В эти дни Фауст Владимирович тоже прихварывал. Пока мы ждали охотников, он редко выходил из палатки. Всячески скрывая свое недомогание, он бодрился и даже пробовал насвистывать, но по его воспаленному лицу было видно, что он с трудом переносил высокую температуру. Несмотря ни на что, три раза в сутки он вместе с Юрием проводил метеорологические наблюдения, измерял температуру и влажность воздуха. Обыкновенно прибор подвешивался на каком-нибудь дереве вблизи реки, и треск вентилятора привлекал внимание наших спутников.

— Зачем машинку таскать? — спросил Дада. — Все равно дождик. Помогай нету.

Он сидел у костра, снимая с ног разбухшие от воды улы. Удэгейцы вернулись с охоты изнуренные, промокшие до нитки. Лось достался нелегко. Пришлось две ночи подряд караулить зверя у протоки. При этом охотники сидели в траве, не смея пошевелиться, ждали, когда подойдет зверь. Стрелял Дада. Лось был большой, гораздо больше коровы. Удэгейцы сняли с него шкуру для музея, взяли ее в распорки и подвесили сушить в ельнике, чтобы на обратном пути захватить с собой. Лидия Николаевна сделала описание лоса.

— Два метра и шесть сантиметров длины! Какое огромное животное.

— Бывают больше! — отозвался Юрий.

— Я говорю не только об этом экземпляре, — возразила Лидия Николаевна. — Вообще лось — ценное животное, и если здесь он обитает в большом количестве, то я, например, меньше всего думаю об охоте. Меня интересует лось как будущее домашнее животное.

— Домашнее животное? — переспросил юноша и рассмеялся. — Вот уж не знаю, как это можно, Андрей Петрович, — обратился он к Нечаеву. — Домашний лось? Его приручать будут, что ли?

— Да, конечно. У нас в стране уже есть такие опыты. Это же очень выгодно. Почему? Во-первых, потому, что лось дает превосходное мясо; во-вторых, его можно использовать как вьючное животное. В трудных лесных условиях это замечательный транспорт. Сейчас мы с вами могли бы прекрасно оседлать этих четвероногих

и шли бы до самого перевала. Серьезно. Со временем здесь будет заповедник, и сюда станут приезжать за сохатым из питомников. Да, да...

Между тем удэгейцы уже коптили мясо на вешалах, предварительно порезав его на длинные ленты. Галака в своем шалаше стряпала пельмени. Дада предложил мне отведать сырого костного мозга, он уговаривал меня, держа его на ладони, и когда я наотрез отказалась, старик искренне пожалел. В его голосе слышалась обида:

— Совсем ничего не понимаешь. Это сырой мозг — самое лучшее. Как так — не могу?

Я взяла угощение и отнесла его Василию. Тот, как видно, простудился во время охоты и сейчас лежал в накомарнике, жалуюсь на боль в боку. Мы задержались из-за него на сутки и отправились дальше, не уверенные в том, что Василий дойдет с нами до перевала. Фронтное ранение все чаще стало его беспокоить. Близились холода...

В сентябре мы подошли к устью реки Кадади, что значит каменистая. Почти все притоки Хора каменистые, но эта река особенно. Вливаясь в Хор с правой стороны, Кадади шумит, как водопад. По всему устью ее лежат круглые, окатанные камни. Около устья в углу, образованном ею и Хором, стоит сплетенный из тальника шалаш конусообразной формы.

— Нанайские охотники были, — сказал Дада.

— Почему вы так думаете?

Оказывается, удэгейцы никогда не делают таких шалашей. Присутствие этого незначительного и давным-давно сослужившего свою службу убежища вдруг каким-то странным образом оживило нас всех, словно мы прочли письмо, оставленное здесь много лет назад. Значит, сюда когда-то приходили охотники. За устьем Кадади Батули настрелял много уток. Шуркей принес их и бросил у костра.

— Варите полтавские галушки. Завтра утром мы уходим от вас. — Он присвистнул. — Дома картошки наедемся, молока... Эх-ма! Курить будем...

Глухонемой Семен с завистью посмотрел на Шуркея, вздохнул и жестами стал объяснять, как он хотел бы сейчас сесть в лодку и (щелкнул двумя пальцами) спуститься вниз по реке, домой. Там ждет его жена.

Семен показал, какая она хорошая (провел по лицу руками, вспомнил, как она заплетает длинную косу). Василий громко расхохотался и указал на синеющие впереди горы:

— Туда надо глядеть. Домой еще рано.

Семен понял и нахмурился, замотал головой, давая понять, что он боится туда идти — там придется заломы растаскивать, пешком шагать... А у него чирей на ноге. Он задрал штанину до колена, показывая забинтованную ногу. Лидия Николаевна только что сделала ему перевязку.

— Все равно не дойдете, — сказал Шуркей, имея в виду наш путь к перевалу. Он махнул рукой, усаживаясь на камни рядом со мной.

— Почему?

— Другие люди-то, наверно, тоже старались, да не дошли. Пешком тяжело, я думаю.

— Зачем говоришь так? — рассердился Василий. — Настроение создаешь плохое. Так нельзя. Если на фронт пойдешь, тоже так будешь, да? — Василий посмотрел на меня, зная, что я внимательно слушаю, и продолжал: — В армию хочет идти Шуркей. Слыхали? Надо немножко подрасти. Дисциплину понять надо. А то вчера плакал из-за того, что порвал штаны. Такое дело не годится.

Шуркей отвернулся. Ему было неприятно это напоминание. Вчера на заломе во время работы он в ключья изодрал свою одежду, а когда вышел на берег и увидел, как сквозь дыры на брюках торчат голые колени, закрыл их ладонями и заплакал от досады. Лидия Николаевна починила ему брюки, отдала свою гимнастерку. Шуркей повеселел. Теперь он сидел в новой рубахе.

— «Заплакал», — передразнил он Василия и, повернувшись ко мне, спросил уже другим тоном: — Вы нас фотографировали, карточки дадите?

Я объяснила, что сейчас не имею возможности обрабатывать фотопленку, но когда вернусь из похода, сделаю это.

— Хорошо бы витрину такую устроить в колхозе, — напомнил Василий, — экспедицию показать. Помните, у нас была такая витрина — лучших стахановцев фотографии. Интересно будет, верно? — Василий заговорил

о Гвасюгах, размечтался о том, как он зимой пойдет на охоту вверх по Катэну, и вдруг рывком поднялся. — Эх, черт, домой охота! Теперь у нас готовят уборку урожая. Как там дело идет — интересно.

Мы сидели на косе у костра. Василий чистил берданку, Шуркей помогал мне ощипывать уток и рябчиков. Уже вечерело. Я с тревогой посматривала на противоположный берег. Там, в темном ельнике, где-то разбрелись в разные концы Нечаев и Мисюра. Они решили осмотреть растительность левобережья, и Шуркей переправил их на ту сторону. Едва за рекой послышалась песня Лидии Николаевны, Шуркей, не говоря ни слова, толкнул на воду бат и отправился за ними.

— Шуркей-то какой молодец, — полушепотом сказал Нечаев за ужином, так, чтобы тот не слышал. — Перестал ругаться, хорошо работает. Прямо жалко с ним расставаться. Мне кажется даже, что он у нас в экспедиции подрос за лето. Шура! — обратился он к парню. — Талу не ешь!

— Талу кушать не буду, — говорил между тем Шуркей, отодвигая сырую рыбу, — потом опять придется желудок настраивать.

Лидия Николаевна затряслась от смеха и долго не могла успокоиться.

Утром последний раз на песке у реки отпечатались босые детские ножки. Батули снарядил свой бат в обратный путь. Пашка и Яшка сидели посередине бата под опрокинутой оморочкой. Накрапывал дождик. Мать завернула детей в теплое одеяло, сама устроилась возле них — теперь ведь Шуркей занял ее место.

— Будем здоровы! — кричал он, поднимая в воздух весло, и ударил им по воде так, что брызги долетели до нас. В ту же минуту бат качнулся и поплыл вниз по течению.

Все ждали, что сейчас над рекой взвьется песня Шуркея. Даже старые удэгейцы всегда поют, когда спускаются вниз по рекам. Но Шуркей на этот раз не подал голоса...

Мне показалось даже, что он был опечален. И, может быть, я не ошиблась. Кто не опечалится, расставаясь с друзьями?

— Итак, товарищи, в путь-дорогу! — сказал Колоковский, выходя из палатки.

Несмотря на то, что дождь не переставал, мы сняли свои шатры, забросали песком костер и пошли вперед — теперь уже на трех батах. Опять навстречу побежали со свистом упрямые струи. Хор без солнца был мрачный и злой.

Горные реки — быстрые реки! И любить их опасно, и нельзя не любить. Я уже давно забыла, как хорская волна прошумела однажды над моей головой. Я снова беру в руки шест, с размаху погружаю в воду до самого дна, где лежат окатанные волной скользкие камни, нажимаю на шест изо всей силы и вижу, как наша, длинная долбленая колода подается вперед и вперед. Мы идем близко у берега. По траве, бегущей навстречу, видно, что идем хорошо. У Василия болит рана в боку. Он то и дело морщится, и я чувствую, что больше не могу быть пассажиром.

— Эх, если бы не ранила меня пуля гадючая... — сердится Василий.

Дада молчит, поглядывает вперед. А впереди, над темной гривой лесов, вздымаются сизыми волнами горы.

«Далеко ли, далеко ли...» — кажется, выстукивают в один такт три шеста. Волна, уступая, разбивается о гребень нашей лодки и дразнит: «Далек-ко-о!..»

Что же мы так медленно ползем вперед? Хочется приналечь на шесты еще сильнее. Василий чаще взмахивает шестом, приседает.

— Р-раз! Еще рраз!

Я вступаю в этот новый ритм и слышу спокойный голос кормчего:

— Так не надо.

Ну, конечно, Дада смеется над нами. Старик знает, что на таких рывках далеко не уйдешь. Он размеренно погружает в воду свой шест, не торопится. А дождик уже промочил нам насквозь рубахи, льется за воротник. Под ногами скользкие доски. Собаки лежат, свернувшись в клубок, зевают.

— Эг-е-ей! — кричат нам сзади.

За нами идет бат Нечаева. Там теперь вместо Шуркея стоит на носу Юрий. Лидия Николаевна сидит по середине, завернувшись в плащ.

Колосовский с Динзаем отстали далеко. Мы ждем

их перед тем, как подойти к опасному месту. Слева впереди, около утеса, торчат каменные глыбы.

— Идите, идите! — машет Колосовский.

И вот уже опять по берегу навстречу нам бежит, бежит высокий вейник. А потом темная базальтовая стена придвинулась своей громадой. Слева камень и справа камень. Между стеной и лежащим на метр от нее гладким камнем, похожим на гигантскую черепаху, узенький коридор. Мы ведем бат по этому коридору. Брызги обдают нашу длинную колоду, попадают через край. Но мы нажимаем на шесты, какое-то мгновение бат стоит, не двигаясь с места, вот-вот волна собьет его и потащит назад.

— Еще рраз! — командует Василий.

И мы проходим опасный водоворот. Но как здесь остановиться? Опять по руслу врассыпную легли угловатые, острые камни. Они торчат над водой, и река пробует о них свою грозную силу.

— Давай дальше! — говорит Дада уже не своим голосом.

У меня кружится голова, я чувствую, что не смогу устоять на ногах, сажусь, хватаясь за борта лодки. Еще минута-две, и вот мы уже причаливаем к берегу. Но из-за скалы не видно, как проходят наши товарищи. Между тем оттуда доносятся громкие голоса. Я говорю Даде, что нужно пойти им на помощь. Старик отвязывает бат. Руки его дрожат от усталости.

— Стой здесь, — говорит мне Дада, выбрасывая на берег собак. — Васей, идем!

Они уходят вниз по реке, за скалу. Черная собака Мушка бросается следом за хозяином, но Дада кричит на нее: «Та!» (Пошла!), — и она опять жметя у берега. Что же случилось там? Прошло несколько минут, прежде чем из-за каменного выступа мелькнули белые шесты батчиков. Юрий и Семен — впереди. Дада и Василий ведут на буксире бат Колосовского. Вот они уже подходят совсем близко, и я вижу, как трясется Динзай, продрогший до костей. Оказывается, он не сумел удержать свой бат в том самом коридорчике, где было так опасно идти. Бат скользнул вниз и пошел. Динзай уцепился за каменный выступ и остался на нем, крича и размахивая руками, потом прыгнул в воду, погнался за батом, остановил его. Но вода уже лилась сквозь

щель, пробитую в одном боку. Пришлось приставать к берегу. И тут на помощь явились сначала Юрий с Нечаевым, потом Дада и Василий.

— Теперь придется становиться на ремонт. Вот это действительно авария, — говорил Нечаев, осматривая пробитый бат. Колосовский сидел на траве, снимал сапоги и молчал. Он был расстроен. Сейчас, когда мы дорожили каждым днем и даже часом, как на беду, нас подстерегали неудачи. У Юрия заболела рука. Два дня он крепился, никому не говорил. Но сегодня вечером, когда мы развели костер и натянули палатки, Юрий не вышел к ужину. Лидия Николаевна сказала мне:

— Вы знаете, в чем дело? У него нарыв под ногтем. Весь палец синий. Это ведь опасно.

Всю ночь Юрий не спал. Он сидел у костра, ходил вокруг палаток, снова садился и снова ходил. Никто не знал, как ему помочь.

— Ну что это такое? — сокрушался Колосовский. — У нас не экспедиция, а какой-то лазарет.

Он только что вышел из палатки, где лежал Нечаев. В самом деле, странное стечение обстоятельств поставило нас в затруднительное положение.

Пока удэгейцы починяли бат, Нечаев с утра до вечера ходил по тайге. Увлечшись своим занятием, он не заметил, как промочил ноги, а теперь лежал не поднимаясь. Я испекла ему лепешек на сале, извлекла аварийный запас сахара. Андрей Петрович отказался даже от чая. Он лежал, укрывшись одеялом с головой. У изголовья валялась раскрытая тетрадь, исписанная наполовину по-латыни, наполовину по-русски.

— Что у нас есть из медикаментов? — осведомился Колосовский.

— К сожалению, у нас нет ничего, кроме подмокших порошков дисульфана.

Не было даже аспирина. Кроме того, без врача трудно было что-нибудь предпринять. И вот возник вопрос: как быть? Оставить его здесь одного, а самим пойти дальше, — мы не имели права. Ждать, пока он выздоровеет и сможет продолжать путь? Но неизвестно, долго ли это протянется? Ведь была уже половина сентября, у нас оставалось слишком мало времени для похода. Единственно правильным решением представ-

лялась отправка его немедленно вниз, сначала на Тивяку, а оттуда — дальше, в Гвасюги, и затем в Хабаровск. Но кто будет сопровождать?

— Я бы очень не хотела возвращаться теперь, когда предстоит самое интересное, — взмолилась Мисюра.

Весь день она пробыла в лесу, занимаясь сбором растений, и вернулась оттуда, напуганная медведем. Она еще не знала о нашем решении. Мне не хотелось ее огорчать, а главное — отпускать ее.

Несмотря на трудные условия таежной жизни, Лидия Николаевна никогда не унывала. Но приказ начальника экспедиции расстроил ее до слез. Она должна сопровождать Нечаева. И вот Нечаев уже лежит на дне бата, укрытый палаткой. Василий Кялундзюга и Юрий готовят шесты, укладывают вещи. Василий предлагает мне взять собаку.

— Берите. Я подарю. Все равно она к вам привыкла.

Я смотрю на Василия. Я понимаю: это от души, и говорю, что возьму собаку потом.

Лидия Николаевна сидит, низко опустив голову, и старается не глядеть на нас. В руках у нее белый платочек. Но вот бат уже отходит от берега, быстрое течение подхватывает его и бросает меж валунами. Белый платочек долго трепещет над водой.

— Немножко будут купаться, — пророчески заметил Дада, поглядывая в сторону бата, уносимого сильным течением.

18. КАК БЫТЬ ДАЛЬШЕ?

Итак, наша экспедиция, вначале такая многочисленная и разнообразная по составу, теперь состояла из пяти человек, включая проводников-удэгейцев. Еще совсем недавно мы двигались по Хору на шести батах, и по вечерам, когда останавливались на берегу для ночевки, наш лагерь отмечал это краткое новоселье дружным стуком топоров, веселым разговором женщин, громкими голосами охотников, а порой и звуками музыки, если удавалось настроиться на хабаровскую волну. Ничего этого сейчас уже не было и в помине. Теперь нас осталось так мало и наше имущество было так невелико, что мы свободно разместились на двух батах. Днем, пока мы двигались по реке, все шло как обычно, разве

только вместо бойкого на слово Василия непривычно было видеть теперь Семена, молчаливо толкающего бат. Но вот наступила ночь. Я пошла в палатку и впервые за все дни путешествия ощутила одиночество.

О полотно палатки робко стучал дождик. Над ухом противно звенел запоздалый комар. Я натянула одеяло на голову и попыталась уснуть. Но не тут-то было! Перед глазами текла река, пестрели камни, бежали кусты и травы. Потом мелькнул белый платочек Лидии Николаевны, трепеща над водой. Укоризненный и холодный взгляд, которым она одарила меня на прощание, даже не подав руки. Ей не хотелось возвращаться: «Вы ведь можете уговорить Колосовского...» — просила она с тоской и обидой. А на дне бата уже лежал под брезентом больной Нечаев. Куда его одного? Не могли же мы все вернуться из-за него. Нет, милая Лидия Николаевна, вы все это поймете. Это ничего, что вы посмотрели на меня холодно и сердито. Я знаю: вы уже об этом пожалели, когда взмахнули белым платочком...

«Почему Дада сказал, что они обязательно будут купаться? Неужели бат перевернется где-нибудь на заломе? А как же Нечаев? Что с ним будет?..»

Нет, так совершенно невозможно уснуть. За палаткой, у костра, все еще разговаривают удэгейцы. О чем это они? Слышно, как Динзай что-то пылко доказывает, заикаясь, и как Дада умиряет его пыл, словно льет воду на горящую головешку. Говорят о перевале, о ключах, о трудной дороге пешком к перевалу. Потом тихий, четкий голос Колосовского поражает меня настолько, что я отбрасываю в сторону одеяло и встаю.

— Можно снарядить еще один бат.

Это сказал он. Молчание.

— Она не будет согласиться, — возражает Дада.

И опять молчание...

Я надеваю сапоги и выхожу из палатки. Колосовский — у костра, нахмурившись, смотрит на огонь. Не отрываясь от огня, спрашивает:

— Вы еще не спите? А мы вот тут обсуждаем один важный вопрос: сколько дней придется нам шагать до перевала.

Дада подвигается, уступая мне место рядом. Он сидит на берестяной подстилке под тентом и, протянув

босые ноги к костру, пьет чай. За его спиной, в глубине шатра, уже храпит Семен, уставший за день. Динзай с кружкой в руках присел на валежине по другую сторону костра, рядом с Колосовским. Мелкий дождик брызжет сверху, из темноты, но костер не гаснет, горит. Жаркое пламя пляшет на светлых скатах наших палаток, освещает пестрые камни, все в мелких крапинках дождя, усталые озабоченные лица. Я смотрю на Колосовского. За два дня он осунулся, похудел. Резкие складки около губ подчеркнули его впалые, небритые щеки.

Колосовский потянулся к огню, поправил дрова и спросил:

— Может быть, вам не следует рисковать? Пока не поздно, берите бат, спускайтесь вниз. Выбирайте себе любого проводника. Даже двух. Я пойду с Дадой или с Динзаем.

Вначале мне показалось, что Колосовский шутит. Но что это за шутка? Он сидит нахмурившись, ждет ответа. Мелкий дождик сыплется ему на спину. Динзай уже перебрался под тент. Сидит поеживаясь. Дада смотрит то на меня, то на Колосовского. Так вот оно что! Теперь я все понимаю: пока я лежала в палатке, они говорили именно об этом. И Дада заранее высказал предположение, что я не соглашусь.

— А не кажется ли вам, Фауст Владимирович, — сказала я, — что начальнику нашей экспедиции надо хорошенько выспаться и... побриться? Точно так же и вам, Дада, и вам, Динзай Мангулевич. Спокойной ночи...

Я поднялась, чтобы идти к себе в палатку, но Колосовский остановил меня:

— Нет, вы серьезно подумайте: стоит ли вам продолжать путешествие? О чем вы станете писать? О какой экспедиции? У нас ведь никого не осталось. Нет даже ботаника... Есть начальник, его заместитель и три батчика.

— Разве это не экспедиция?

— Но что она вам даст?

Колосовский встал, чувствуя, что я не изменю своего решения. Он продолжал развивать мысль, что наш поход утратил интерес для читателя. Мне показалось, что он испытывал уже не меня, а себя...

— Неужели вы забыли, Фауст Владимирович, что в верховья Хора дважды снаряжались экспедиции и ни одна из них не достигла цели? А вот мы дойдем. Мы уже сейчас идем там, где никто никогда не бывал. Разве это не интересно? А разве не представляет интереса то, что мы установим, откуда берет начало Хор, дадим маршрутную съемку? Нет, подумайте, что вы мне предложили...

— Да, — не отступил Колосовский, — и предлагаю и настаиваю. Имейте в виду, когда мы пойдем пешком, рации у нас не будет. Семьдесят килограммов груза нести на себе — это, знаете ли, не шутка. Что прикажете делать с вашими очерками?

— Вот это уже разговор серьезный.

Дождь перестал. Мы сели на валежину, отодвинув ее от жаркого огня. Удэгейцы опять вскипятили чайник, загремели кружками и уже не слушали нас. Колосовский снял свое головное покрывало, протянул на встречу теплу. Когда заструился горячий пар, он поморщился.

— Надо трезво смотреть на вещи, — продолжал он. — Я понимаю, вас привлекает романтика путешествия. Но где она? Ничего же особенного нет. Уверяю вас, и до самого перевала все будет обыкновенно. И перевал ничего собой не представляет. Зачем вам мучиться? А вдруг аппендицит или что-нибудь другое. Был такой случай в тайге, человек умер от этого самого аппендицита. Все ведь может случиться. Нечаев вон не думал, не гадал — и свалился. Но с ним было проще. Река рядом. Бат на воду — и вниз. А в тайге реки не будет. Решайте. До утра еще есть время подумать.

— Хорошо. Я подумаю...

Я пришла к себе в палатку и, не раздеваясь, не снимая сапог, бросилась на постель.

«А что если весь этот разговор затеян с расчетом на то, чтобы вернуться всем вообще? Вернуться?» На минуту мне представилось: завтра утром бат понесет нас вниз по Хору. Три дня — и мы в Гвасюгах. Еще пять дней — и мы в Хабаровске. Заманчивая перспектива! А дальше что? Что я скажу читателям? Значит, до перевала дойти не смогли? Для чего же было затевать эту историю с печатанием очерков? Вспомнились слова редакторской телеграммы: «Печатаем с продолжением,

читатель следит за вашим походом...» Нет! Завтра бат не понесет меня вниз по Хору.

Колосовский сказал, что радиостанцию мы не возьмем. Ну что же? Пусть так. Я передам информацию в последний раз, объясню все как есть, а когда вернусь с перевала, напишу подробно. Было бы о чем написать. Ведь даже удэгейцы ждут, чем закончится наша экспедиция...

Я зажгла свечу, достала полевой дневник. На первой странице дневника еще в Хабаровске было написано чернилами задание нашей экспедиции. Я перечитала его снова и не нашла серьезных отклонений от намеченного плана. Энтомологи Мелешко и Жданкина собирали клещей; Дима Любушкин подготовил материалы по статистике; Лидия Николаевна привезет интересные экспонаты для музея; Шишкин и Высоцкий в своих этюдах представят ландшафт, портреты жителей хорских лесов; Нечаев, несмотря на то, что ему не удалось добраться до верховий, даст, очевидно, геоботаническое описание средней части долины. Теперь оставалось главное — дойти до истоков Хора.

Утром, проходя к реке мимо костра, я заметила, как брился Дада. Засучив рукава, Семен месил тесто в большой эмалированной чашке. Динзай варил кашу. Теперь у нас не было дежурства по кухне.

Опять на небе собирались тучи. Вода была холодная. Я окунулась в нее и быстро выскочила на берег.

— Ну как? — спросил меня Дада, едва я подошла к костру. — Теперь хорошо? — Он провел рукой по одной щеке, по другой, взглянул в зеркальце и сам остался доволен.

— Очень хорошо, Дада!

— Все побрились, — доложил Динзай, помешивая кашу деревянной лопаточкой.

Попросив разрешения, я вошла в палатку Колосовского. Фауст Владимирович сразу откинул передний край ее и предложил мне сесть. Он что-то писал.

— Итак, я должна сказать о своем решении.

— Да. Я слушаю. — Он отложил в сторону тетрадь.

— Я хочу предложить вам вернуться назад. Берите любого проводника. Даже двух, если хотите. А я пойду на перевал с Дадой и Динзаем.

Я развернула перед ним карту, стала спрашивать, какую отметку поставить на перевале. Он засмеялся тихим, добродушным смехом:

— И долго вы обдумывали это решение?

— Долго. Во всяком случае, достаточно серьезно, прежде чем явиться сюда.

— Ну, хорошо... — Лицо его стало строгим. — Я вижу, мы с вами поняли друг друга. Значит, вы готовы к любым, самым трудным ситуациям в походе?

— Да. Зачем об этом спрашивать?

— Карту вы уберите. Картой займемся потом. Послушайте, что я вам скажу теперь. Нас пятеро. Каждый будет нести свои вещи плюс продукты. Это тяжело. Но другого выхода нет. При таком положении палатку для вас взять мы никак не сможем. Тяжесть большая. Придется спать под открытыми небесами. Как вы на это смотрите? Впрочем, я могу уступить вам свою. Она ведь легкая, маленькая, специально для одного человека, видите? Ситец. А не взять ее с собой я все равно не могу. У меня приборы, инструменты, которые надо беречь.

Я сказала, что не претендую на палатку и вообще прошу совершенно исключить одно обстоятельство: что мне только потому, что я женщина, нужны какие-то особые условия. Но как будут удэгейцы во время дождя? Где мы спрячем муку, продукты? Может быть, следует взять самый маленький тент?

Колосовский удивленно посмотрел мне в глаза.

— Неужели удэгейцы меньше вас знают, как защититься от дождя? Вы вот лучше скажите: что будем делать с вашими очерками?

Я изложила свой план, который понравился Колосовскому. Вначале надо дойти до перевала. Читатель будет знать, что с нами уже нет радиостанции. Можно ограничиться информацией. Рассказала и о том, что ночью я еще раз просмотрела в дневнике задание нашей экспедиции и нахожу, что из всех участников похода мы с ним сейчас самые большие должники. Нам предстоит разгадать тайну рождения Хора и сделать описание нового перевала. Так что незачем нам испытывать друг друга.

— Значит, вы меня испытывали? — спросил Колосовский, прищуриваясь.

— Хватит заседания! — объявил Динзай, подойдя к палатке. — Каша готова, можно завтракать.

Колосовский отбросил один скат палатки, и мы вышли оттуда. Солнце заливало все вокруг, золотило мелкие струи на перекате реки, прямо перед глазами.

— Ну, чего так: все время говорили, говорили? — полюбопытствовал Дада, разливая чай в кружки. Ему хотелось поскорее узнать, что мы решили.

— Да вот она... — Колосовский кивнул на меня, усаживаясь на валежину, там, где сидел вчера, — она хочет домой идти. Говорит: «Возьму Даду, и пойдем вниз».

— Чего? Чего? — изумился Дада, проливая чай мимо кружки.

Семен промычал что-то, подталкивая старика. Дада увидел, как мы с Колосовским переглянулись, и понял:

— Э-э... немножко сулеси, однако.

Он заулыбался, вспомнил о вчерашнем разговоре про аппендицит.

— Теперь болеть не надо.

— Ничего, не страшно, — отозвался Динзай. — Что случится, руками унесем.

— Вот видите, — шепнул мне Колосовский. — А вы беспокоитесь, как они будут без тента. Орлы! — громко сказал он, потянувшись за румяной лепешкой. — Вот это да! Чье это произведение, позвольте вас спросить? Кто стряпал, Динзай?

— Дада жарил, Семен смешивал тесто, — ответил Динзай.

— Смешивал, говоришь? С чем, с песком?

— Да нет, понимаешь, как это говорится, мешал, месил, — поправлялся Динзай.

— Замечательные лепешки! Придется в приказе отметить.

Колосовский шутил, все смеялись, и было так хорошо от сознания, что, связанные одной задачей, люди понимали друг друга.

И вот мы опять в пути. Идем навстречу солнцу. Вся в живом золотом блеске, сверкает, мчится навстречу необузданная река. Там подмоет землю, вырвет с корнем березу и опрокинет ее вниз вершиной, тут обнажит красноватый берег так, что осыпи валунами лягут к воде; то повернет налево от гранитной скалы, то разбе-

жится вправо, ударившись о камень. Птицы с нежными голосами, с тонким свистом, с короткими трелями как будто нарочно убрались от реки подальше, в лес: там перед отлетом заводят свою тайную переключку. Только жадные вороны оглашают громким карканьем долину. Они срываются с голых лиственниц и кричат, встревоженные свистом Дады. Старик держит в зубах свисток из бересты, пробует: хорошо ли передразнивает он кабаргу?

— Хорошо, — говорит Дада и прячет свисток в карман.

Мы только что отдыхали около устья реки Сагды-Биоса, что означает Большая река. Это последний большой приток Хора. Десять минут посидели, положив поперек лодок шесты. Тут Дада и смастерил свисток, забавлялся им вместо трубки.

— Вот когда курить надо было, — заметил Динзай.

— Да-а... — вздохнул Колосовский.

Миновав устье реки Сагды-Биоса, мы прошли вверх еще несколько километров и остановились на левом берегу, чтобы здесь сбросить часть лишнего груза, в том числе и радиостанцию. Берег был возвышенный, незатопляемый, так что в случае высокой воды безопасный. В угрюмой глубине леса было темно и глухо.

— Придется прорубить просеку, — сказал Колосовский, оглядевшись. — Иначе не будет слышимости.

Когда просека была готова, Семен взобрался на дерево и укрепил антенну.

— Идем со мной, — жестом указал ему Фауст Владимирович, после того как развернул станцию.

Все было готово. Они направились в глубь леса. Тем временем Динзай и Дада пошли в разведку: можно ли идти дальше на батах? Темный молчаливый лес окружал наш лагерь со всех сторон. Я развела костер и решила послушать радио. Настроившись на хабаровскую волну, я услышала знакомый голос диктора, передававшего вести с колхозных полей. И странно: тайга уже не казалась такой глухой и сумрачной, оттого что рядом гремело радио: «Вчера на заготовительный пункт Архаринского района колхозники артели «Память Ленина» доставили сотни центнеров хлеба сверх плана...»

Перед глазами возникла тропинка от колхозного

села Отважное к железнодорожной станции, где расположен заготовительный пункт. Горы хлеба. Высокие склады заполнены золотистым зерном. А по дороге движутся и движутся обозы. Идут машины, тарахтят телеги...

Увы! Редкие и крупные капли дождя закапали с высоты. Надо было закрывать этот «умный» ящик, пристроенный на двух пеньках. Я принесла тент, закрыла передатчик и стала писать информацию для газеты. С березы прямо на бумагу упал желтый лист. Осень напоминала о себе все больше и тоскливее.

— Вот мы и дров принесли, — Колосовский бросил с размаху валежину у костра.

Семен приволок обрубок сухой лиственницы, воткнул в нее топор. За рекой прогремели два выстрела. Колосовский прислушался:

— Ишь, орлы! Не успели отойти, уже стреляют. Наверняка Динзай. Я предупредил, чтобы зверя не трогали.

— Почему?

— Сейчас некогда с мясом возиться. Если вечером передадим информацию и узнаем, как добрались наши товарищи, что там с Нечаевым, значит, завтра двинемся снова в путь. Надо торопиться.

Дада и Динзай вернулись не с пустыми руками. Но Колосовский напрасно беспокоился: Динзай подстрелил двух уток. Дада поймал большого ленка и трех хариусов.

— Дело плохо, товарищи, — заговорил Динзай, небрежно кинув к ногам Семена свою добычу. Семен подобрал уток, стал ощипывать. — Там впереди все протоки, кругом, — продолжал Динзай. — Дерево друг на друге сидит. Наверно, дальше большие заломы. Шумит Хор. — Он махнул рукой и плюнул сквозь зубы.

— Что-то я ничего не понял, Динзай, — сказал Фауст Владимирович. — Можно дальше идти на батах или нет?

— Пройти можно, — отозвался Дада. — Бат руками таскать — это дальше, совсем дальше будет.

— Ах, вон оно что! Значит, пока все-таки можно идти на батах. Ну что же? Один бат мы оставим здесь. Как думаете, товарищи?

— Правильно, — согласились проводники.

Наступил вечер. Мы еще не успели поужинать, Фауст Владимирович поглядел на часы, поднялся, отодвигая еду, стал настраивать передатчик. Было восемь часов. Свистнула сиреной и покатила по лесу радиоволна. Собаки насторожились. Эхо раскололо древнюю тишину.

Колосовский надел наушники. На переднюю крышку футляра я поставила свечку.

— Я «Тайга»! Я «Тайга»! — кричал он в эфир. — Слушайте меня! Слушайте меня! Я «Тайга»! Примите информацию!..

Колосовский читал информацию, и в его устах слова оборачивались новым смыслом, как будто речь шла не о нас, как будто это не мы отправлялись пешком к перевалу, а какие-то неизвестные путники. Но путники были здесь, рядом. Они сидели в темном ельнике, на поваленных елях, отодвинув в сторону чашки с лапшой. Слушали. Но вот информация передана, Колосовский получил подтверждение, что Ермаков ее принял. Теперь нас интересует другое.

— Как там наши товарищи? Отвечайте, прибыли или нет наши товарищи? Как здоровье Нечаева?

Динзай подобрался к самому передатчику, стоит на коленях, улыбается. Колосовский хмурится и кричит:

— Что такое? Я вас не слышу! Я вас не слышу!

До него долетают далекие, хриплые, прерывистые звуки:

«Ваши прибыли... Потерпел аварию... заломе... перевернулись... утопили...»

Больше ничего не было слышно. Как ни пытался Фауст Владимирович наладить в этот вечер связь, все было безуспешно.

— Ну вот... — недовольно заметил Колосовский. — Так ничего и не понял. Кто потерпел аварию? Кого утопили? Может быть, Андрей Петрович перевернулся? Но Ермаков говорил не таким тоном. Придется отложить разговор до утра.

— О-е-ей! — покачал головой Динзай.

А Дада засмеялся:

— Ничего. Я говорил, будут купаться. Вася все равно ленок, нырять пошел. Я сразу видел, как весло в руки берет. Всегда торопится, черт...

Дада выругался и сплюнул.

Ужин расстроился. Даже Семен отошел от костра и попросил Динзая объяснить, в чем дело. Динзай жестами дал понять, что произошла авария на заломе.

Подробности мы узнали только утром, когда Колосовский опять связался с Тивяку.

Какое великое дело — радио! Вспоминая теперь наш поход, я невольно думаю о том, как оно выручало нас в тайге. Когда-то Арсеньев, уходя в экспедицию, обещал нашей редакции присылать свои очерки. Но он попал в тяжелые условия и не смог передать их. Он отправлял написанное с оказией. Письма терялись в пути. А вот теперь Дада подошел к передатчику, разговаривает с Василием, и в глухой тайге слышится по радио удэгейская речь.

— Ну, конечно, так было, — хохотал Дада, отходя от передатчика.

Оказывается, наши товарищи потерпели на заломе аварию. Бат перевернулся. Но не разбился. Все продукты утонули, но люди живы.

— Передайте мое распоряжение, слушайте мое распоряжение, — теперь уже говорил Колосовский. — В случае, если Нечаеву станет хуже, немедленно вызвать самолет. Василий Кялундзюга пускай продолжает вести отстрел зверей и птиц. Как меня поняли? — продолжал Колосовский. — Как меня поняли? Я вас плохо слышу. Повторите. Какие радиogramмы? Откуда? Не слышу.

— Вот видите, — говорил он, снимая наушники. — Вам есть радиogramмы, но принять не удалось.

Я с тревогой посмотрела на захлопнувшуюся крышку футляра. Значит, все? Ведь сейчас мы отправимся в путь, и я не знаю, что там. Какие радиogramмы? Может быть, дома что-нибудь случилось?.. Колосовский понял мою тревогу:

— Не волнуйтесь. Я еще раз попытаюсь связаться с ними. А сейчас давайте подумаем, что здесь оставить. Возьмем с собой самое необходимое.

Мы стали отбирать вещи, откладывали в сторону то, что казалось лишним. Спустя некоторое время Фауст Владимирович снова подошел к передатчику. И все так же безуспешно.

— Придется задержаться здесь еще на одну ночь, —

проговорил Колосовский; в голосе его прозвучала досада.

Я сказала, что из-за этого, пожалуй, не стоит терять целые сутки. Он развел руками:

— Ничего не поделаешь. А если там какое-нибудь важное сообщение? Может быть, вам надо будет что-то решать... Еще не поздно бат столкнуть в воду.

Сказав это, он отвернулся, а я подумала, что сейчас, когда осталось совсем немного идти, возвращение в город для меня было бы равносильно бегству. И в то же время тревожило чувство неизвестности — что там, дома?

Слышимости не было. Мы сидели у костра полукругом. Удэгейцы делали новые шести, обстругивали их кривыми ножами. Колосовский нарушил молчание тяжелым вздохом:

— Да... Вот такие дела. Я, конечно, не склонен мрачно смотреть на вещи. Но мы взрослые люди, и я должен сказать вам, что рацию придется оставить здесь в полной готовности. Антенну убирать не будем, — он глянул наверх. — Прошу это помнить. Может быть, кто-нибудь из нас окажется здесь один...

Ночью костер горел так сильно, что освещал большую площадь в ельнике, где мы расположились. За рекой лаяли совы, и по обманчивому впечатлению казалось, что где-то поблизости нас ожидает отдых под крышей дома. Но вокруг, буквально со всех сторон, таилась девственная тишина. Сквозь мохнатые ветки высоких елей едва пробивались звезды. От костра было жарко. Искры летели на одеяло. Я отодвинула свою постель подальше и долго не могла сомкнуть глаз. Напоминание Колосовского о возможных неожиданностях в пути пугало своей реальностью. На всякий случай я оставляю здесь свой дневник, который веду с первого дня путешествия. Можно положить его в берестяную коробку. Ведь теперь «камизи» — уже лишний груз.

Я стала обдумывать письмо домой. Все уже давно спали. Смолистые сучья на огне потрескивали. Небо было темное. Голубые звезды двоились у меня в глазах и, расплываясь, текли по верхушкам елей...

Так вот куда завели нас таежные тропы!

Но письмо я так и не написала. Всю ночь мне снилось, что я переходила через какую-то небольшую реч-

ку. На том берегу стояли мои дети. Я мостила перекладины, перебиралась туда. Жерди висели высоко. Под ними шумела вода, и я шла по ним, как по канату, не боясь, что сорвусь вниз...

Утром в просветы между стволами елей ударили с востока солнечные лучи. Розовый легкий пар закрутился над Хором, окутал береговые кусты и быстро растаял. В холодных каплях росы заиграли алмазы. Над Хором летели стаи уток. Я шла по берегу с полотенцем в руках и чувствовала, как улетучивались мои невеселые ночные размышления. Новый день вставал над тайгой, звал вперед, торопил, не оставляя времени для раздумья. По кустам, расползаясь, плыл дымок нашего костра и тонкой полоской синел над рекой. От холодной воды немели руки и ноги, вода обжигала уши, шею, лицо. Но мы приучили себя не бояться ее даже в такие дни, когда не было солнца.

Поднимаясь бегом к нашему табору, я услышала, как веселый свист прорезал лесную тишину. Колосовский опять настраивал радиопередатчик. Узнать бы хоть что-нибудь, услышать бы хоть одно слово! Я бросила полотенце на пенек и присела к костру, стараясь казаться как можно более спокойной. Дада уже разлил в чашки только что сваренный суп. Динзай делал себе деревянную ложку взамен утерянной. Никто не притрагивался к еде. Все ждали Колосовского.

— Так вот, — заговорил он не сразу, — разговаривал с Черинаем. По поводу радиogramм спрашивал у Вали Медведевой. Я думал, может быть, знает она. Оказывается, не знает толком. Слышала какие-то обрывки разговора. Говорит, что Ермаков принял для меня какое-то распоряжение из Хабаровска и две радиogramмы для вас. — Колосовский помолчал, усаживаясь поудобнее, взял на колени чашку с супом. — Одним словом, я думаю, что ничего страшного нет... Что же вы не завтракали? Суп совсем остыл, — обратился он к удэгейцам.

— Ждали, терпели... — ответил за всех Динзай. — Вот еще какое дело! — Он повертел ложку перед собой, любуясь своим мастерством: — Видите? — и стал рассказывать, как он в прошлом году в экспедиции делал пуговицы из дерева.

Колосовский ел не торопясь и слушал Динзая рас-

сеянно. Мне казалось, что он чего-то не договорил. Конечно, теперь ведь было бесполезно тревожиться. Сейчас мы должны двинуться в путь, что бы там ни было. Радиogramмы подождут нас. Дада, сидевший рядом со мной, заметил, как у меня дрожит ложка. Суп был вкусный, но есть не хотелось. Чтобы никто не слышал, Дада сказал мне тихо по-удэгейски:

— Зачем так слезы в чашку льются? Суп будет со-
леный, наверное, а?

Больше он не проронил ни единого звука. Динзай меж тем продолжал с увлечением рассказывать об исследователях, с которыми бывал в экспедициях. Мне стало неловко перед Дадой за свою минутную слабость. Старик все понял.

— Надо кушать. Надо много кушать, — сказал он так, словно мы все время только на эту тему и говорили с ним. — Силы не будет, как пойдешь?

После завтрака мы погасили костер. Под опрокинутым батом сложили все лишние вещи, там же оставили запас продуктов на всякий случай: немного муки в мешке, сало, консервы, спички и соль. Чтобы на обратном пути можно было без труда опознать это место, Динзай водрузил на берегу два шеста. На один из них он пристроил пустую консервную банку, на другой привязал рваные ботинки.

— Запоминайте, товарищи, — сказал Колосовский, усаживаясь в лодку, — если кому-нибудь из нас придется одному возвращаться, все здесь к вашим услугам.

Все пятеро мы поплыли в одной лодке. Долина Хора стала совсем узкой, в иных местах она достигала двухсот метров. Лес перестал удивлять своим разнообразием: чем выше по Хору, тем сильнее проявляют себя северные формы — ель, пихта, лиственница, береза. Если бы с нами был Нечаев, он записал бы, что в подлеске встречаются клены, жимолость, рябина и что в покрове появились мхи.

Перед вечером мы подошли к высокой скале, которую Дада назвал Омукта-Уо (гора-яйцо), Фауст Владимирович не выдержал и решил пристать к берегу, чтобы осмотреть останец причудливой формы. Мы все сошли на берег и стали осматривать скалу, одиноко стоящую в долине. Она была крутая, почти совсем отвесная, но острые выступы торчали на ее боках, как

шип. Оглядевшись, Динзай ловко вскарабкался на её вершину, а вслед за ним Колосовский, затем Семен и Дада. Мы с Дадой достали рулетку и измерили останец в окружности, потом в высоту. Прижимаясь щекой к холодному телу гранита, Дада сказал мне шепотом:

— Здесь черта живи, — и по-удэгейски прибавил: — Какзаму чжугдэ (жилище черта).

Я засмеялась, а Дада отвернулся и стал торопить нас идти дальше.

— Очень удобное место для ночлега, — сказал Колосовский, спустившись вниз. — Смотрите, сколько дров! Давайте здесь остановимся.

Но Дада запротестовал:

— Нет, здесь не могу ночевать. Надо идти дальше.

— Почему?

— Нельзя. — Он кивнул в сторону гранитной скалы.

Мы переглянулись и не стали ему перечить.

Позже я все-таки спросила Дадю, в чем дело.

— Арсеньев ходил сюда, плохо было...

В сентябре 1927 года Арсеньев совершал свое последнее путешествие по уссурийской тайге. Достигнув водораздела между рекой Хор и реками Мухэнь, Немпту и Пихца, знаменитый писатель и путешественник очутился перед весьма любопытной загадкой, которую представляли его взору скалы на горном отроге между реками Мэка и Нефикцы.

Вдвоем с А. М. Кардаковым они решили добраться до скал и с высоты птичьего полета осмотреть страну, в которую проникли со стороны реки Пихцы.

Когда Арсеньев заявил сопровождавшим их орочам о своем намерении, те заволновались и четверо из них наотрез отказались идти. Они боялись злых духов.

«Я стал подшучивать, — пишет Арсеньев, — над чёртом и иронизировать по его адресу. Тогда ороц П. Хутунка серьезно просил так не выражаться, а то «будет худо».

«Ходи-ходи, — говорил он, — как будет, так и ладно, а ругаться не надо!» Пришлось уступить! Часам к четырем пополудни мы подошли к скалам. Величественное зрелище представилось нашим глазам. Семь гранитных штоков высились кверху. Они действительно имели причудливые формы. Один из них был похож на горбатого человека, опирающегося рукою на голову ка-

кого-то фантастического животного, другой — на старуху, одетую в длинную мантию, третий — на гигантскую жабу, четвертый — на нож, воткнутый черенком в землю, и т. д.

Когда мы приближались к ним, какой-то большой зверь бросился в сторону, а затем мы увидели медведя, который тоже пустился наутек... Какое-то особое напряжение чувствовалось в этих скалах, принявших столь странные очертания. Многие века прошли мимо, а скалы и поныне стоят незыблемо, как бы окарауливая сопки и потому нарочно забравшись так высоко. Я поймал себя на том, что на меня утесы Мэка произвели неприятное впечатление. Не хотел бы я быть здесь в одиночестве...»

Так вот, в числе двух проводников, которые отважились идти к утесам Мэка, был и Дада. Вскоре после того, как они посетили эти скалы, Дада заболел не на шутку и приписывал это исключительно своей вине перед горным духом. Но ведь это было давно. Неужели и сейчас Дада верил, что в этой горе живет чёрт? Когда я спросила его об этом, он замялся.

— Не знаю. Так наши старые люди говорили, такие горы страшно.

— Как-то нескладно получается, Дада, — мягко журил его Колосовский. — Ты лучший работник в колхозе, а держишь в голове такую чепуху. А если мы расскажем твоему сыну о том, как ты горы испугался, будет смеяться, наверное?

— Как хочет. Не знаю. Пускай смеется, — махнул рукой Дада.

Очевидно, сила привычки, боязнь нарушить законы предков еще смущали старика. Желая прекратить расспросы, Дада, месивший тесто для лепешек, попросил меня найти несколько колышков, чтобы вбить их в землю и укрепить палки для тента. Надвигалась большая, темная туча. Динзай разложил огромный костер.

19. ПЕШКОМ ПО ТАЙГЕ

Туча прошла стороной, ветер разметал ее в клочья, и над нашими головами прошелестело лишь несколько крупных капель.

Ночь была лунная, звездная. С непривычки под

открытым небом, без всякого шатра, спать как-то неприятно. Все кажется, что сбоку подкрадывается зверь. Несколько раз я поднималась и подкидывала в огонь сухие палки. Из палатки Колосовского, из-под тента, где спали Дада и Семен, доносился храп. По ту сторону реки лежала большая черная коряга. Вода об нее билась, и от этого стоял ровный шум, как будто где-то работала мельница.

Под утро стало прохладно. На рассвете Дада разбудил меня протяжным зовом из берестяного рожка. Он ходил по берегу и манил изюбра. Только теперь я разглядела, что сплю около небольшого ручья. Ручей шелестит у самых ног, пробираясь по камешкам. Перед глазами — два небольших дерева: ива и ольха. С ветки на ветку прыгает белка. Хитрая, шустрая зверушка за тайлась в ветвях, как только услышала шум. Дада идет и целится в нее камнем. Белка прыгает с одного дерева на другое. Пушистый хвост ее мелькает в ветвях, черные глазки испуганно смотрят вниз. Дада продолжает кидать в нее камни. Я прошу его не делать этого, но охотником уже овладел азарт: он яростно взмахивает рукою, сменяя один камень другим.

— Чёрта есть, однако, — смеясь, говорит Дада, целясь уже в отчаянии. Белка не сдается. — Га! Га! — приговаривает он.

Наконец из палатки выходит Колосовский. Рядом — Динзай. У Динзая в руках карабин. Он вскидывает оружие. Гремит выстрел. Белка падает вниз...

— Вот еще один экспонат для музея. Уссурийская белка, — говорит Колосовский. — Кажется, этот маленький зверек в избытке населяет здешние леса.

И действительно, уходя на охоту, удэгейцы за день перевыполняют сезонные планы. Возвращаясь из тайги, они несут на себе иногда по восемьдесят белок. При взгляде на этого шустрого зверька невольно удивишься, вспомнив, что во время миграции белка способна переплывать большие реки. Я попросила Дадю содрать шкурку и высушить.

Утро выдалось погожее, ясное. После завтрака мы с Дадой пошли пешком по берегу Хора. Колосовский с Динзаем и Семеном плыли по реке. С помощью буссоли Фауст Владимирович вел маршрутную съемку. Вначале мы видели, как, медленно поднимаясь, они

продвигались вперед по реке. Но Дада хотел сократить расстояние, и мы, потеряв их из виду, углубились в сопки.

Дада шел впереди. Он почти бесшумно ступал по валежнику. На нем были охотничьи улы из кабаньей кожи с загнутыми кверху носками, как лыжные пьексы, в сравнении с которыми мои тяжелые кирзовые сапоги выигрывали только тогда, когда мы подходили к ключам. Я шла вброд. Дада искал удобной переправы через ключи, поперек которых, в виде естественных мостов, лежали упавшие деревья. Он так искусно пробегал по самым тонким стволам, что мне приходилось лишь удивляться. Бежавшая вслед за хозяином собака Мушка нередко останавливалась перед очередным препятствием в виде какой-нибудь жиденькой лиственницы, брошенной ветром через ручей, и, не решаясь пройти по ней, скулила. Внизу шумела вода. Мушка с размаху бросалась в воду, но, уносимая быстрым течением, снова оказывалась рядом со мной.

С утра мы брели по тайге, то поднимались на высокие склоны гор, заваленные осыпавшейся горной породой, то спускались в долину и ждали, не покажется ли наш бат. Иногда, отдохнув где-нибудь на заломе и увидев мелькавшие шесты, мы продолжали путь, оставив на берегу пучок травы, привязанный на шесте, в знак того, что мы проследовали вперед.

В полдень, поднявшись на сопку, мы очутились в густом березняке. Здесь было много звериных следов, пахло примятым багульником. Охотничья страсть влекла удэгейца по этим следам все дальше и дальше. Он заставлял меня идти бесшумно, затаиваться, ждать, а сам, оглядевшись по сторонам, манил изюбров уже без рожка, просто так, на весь лес издавая протяжное: «Е-у-у!»

Однако зверя в этот день мы не встретили. Дада объяснил это тем, что утром я перешагнула через карабин, есть такое поверье, по которому охотник должен остерегаться, чтобы женщина не переступила через оружие, иначе не будет удачи. Собравшись все вместе, мы устроили короткую передышку.

— Вот теперь, кажется, мы подходим к Правому Хору, — сказал Колосовский. — Значит, до перевала недалеко.

Но вместо Правого Хора появился обыкновенный приток.

После обеда мы снова шли с Дадой по горам. Спустившись вниз, я запнулась за валежину и едва не лишилась глаза. Пока я, еще не опомнившись от боли, шла вперед, Дада уже перебегал через шумливый и глубокий ключ по валежине. По-видимому, он заметил впереди зверя и так увлекся, что даже не оглянулся на мой зов. Я сразу же оценила обстановку: по этой жиденькой жердочке, висящей над водопадом, я не пройду в сапогах. Мушка скулит рядом, бросается вплавь, но не может преодолеть сопротивление струй и возвращается ко мне вся мокрая.

Меж тем выцветшая пилотка Дады в последний раз мелькнула в кустах и исчезла. Я пытаюсь звать его снова, кричу изо всей силы, но шум воды заглушает мой голос, и я чувствую, что все мои усилия напрасны. Как быть?

Решив искать другой, более удобный путь через ручей, я прошлась по берегу, но тщетно. Опять возвратилась на то же место и уже не на шутку испугалась. Мысль, что Дада увлечется охотой и потеряет меня, а наши товарищи пройдут стороной, избрав другую протоку, показалась мне мрачной. У меня не было с собой ничего, кроме ножа и палки.

Мушка тянет меня вслед за Дадой, скулит, и от ее присутствия не легче. Наконец я решаюсь переплыть этот водопад, начинаю разуваться, и вдруг Мушка почти сваливает меня с ног, хватая зубами за брюки и сама зовет на валежину, по которой только что прошел ее хозяин.

Она сорвала у меня с головы удэгейскую мотулю и несет в зубах. Решись я переплывать этот шумный и быстрый поток, ничего бы хорошего не вышло. Несколько минут спустя, придя в себя, я со страхом смотрела на грозно кипящие волны, стремительно бегущие к большому залому. Звериный след, как видно, увел Даду далеко.

Я села на корневище большого дерева, вырванного бурей, и, успокоившись, стала ждать. Не было никакого основания сомневаться в том, что Дада вернется за мной, как только найдет это необходимым. Не знаю, сколько прошло времени с тех пор, как исчез Дада.

Теперь я уже могла бы сбросить сапоги и с помощью шеста перейти на противоположный берег ключа, но это лишь осложнило бы мое положение. Все равно я не знала, куда пошел мой проводник. У меня уже нарастало чувство обиды, как вдруг в кустах замелькала пилотка Дады, потом ствол карабина, и наконец он сам появился передо мной, виновато улыбаясь:

— Зачем так кричать? Я все равно пришел.

— А где же вы были?

— Э, зверя смотрели.

Вечером на таборе, стараясь загладить свою вину, Дада отстранил меня от кухонных дел и заявил, что сам будет варить ленков и стряпать лепешки. Я выстирала ему гимнастерку и повесила ее у костра.

— Опять будете писать? — заметив, что я достаю свой полевой дневник, спросил Динзай. А Семен, которого в эти дни мучили фурункулы, добродушно улыбался и передразнил меня, показывая, как я, согнувшись, пишу.

На другой день мы шли с Динзаем. Надо сказать, что Дада и Динзай представляли полную противоположность друг другу. Дада был низенький, коренастый старик; Динзай, наоборот, обладал редким для удэгейцев ростом; в отличие от своего старшего собрата, который имел кроткий и молчаливый нрав, Динзай любил говорить. Он взял с собой свою белую собачонку Келу — помесь дворняжки и лайки. Помню, она еще месяц назад вызывала у нас чувство гадливости, когда линяла. Мелешко плевался и говорил, что он бы такую собаку не взял с собой. Динзай сердился: «Зачем смеетесь? Она вырастет, человеком будет». Все от души хохотали. Но вот Кела повзрослела, белоснежная шубка одела ее спину. Динзай баловал собаку чрезмерно. Кела привыкла лежать на дне лодки, она не отличалась большим проворством и сейчас даже не хотела бежать по берегу рядом с нами.

— Лодырит, лодырит! — говорил в таких случаях Дада.

Как только мы перебрались по деревьям через первый залом, Динзай выпустил ее из рук. Собака бежала за нами. Но у следующего препятствия она взвыла и отказалась идти. Мы вспомнили о ней, пройдя порядочное расстояние. Динзай вернулся, передав мне карабин.

По тому, как она отчаянно завизжала, я поняла, что хозяин преподал ей на сей раз хороший урок. Но все-таки через воду он перенес ее на руках.

Теперь мы шли по левому берегу Хора. Высокий кустарник и травы в человеческий рост скрывали моего проводника в трех шагах от меня, и, может быть, потому он все время разговаривал. Колючие ветки шиповника, боярышника немилосердно царапали руки, лицо. Взобравшись на крутой склон и спускаясь вниз, мы решили обойти старицу. Справа от нас бросился с шумом зверь, тяжело раздвигая кусты ивняка. Шевельнулись ветки. В ту же минуту, гордо вскинув рога, изюбр метнулся в глубину леса. Динзай быстро снял с плеча карабин. Но я удержала его, доказывая, что это бессмысленно. Он согласился, хотя долго еще от волнения весь дрожал.

— Конечно, — говорил он минуту спустя, — сейчас охотить не будем. Надо вперед идти. Это правильно. Будем немножко женшень смотреть.

Чтобы не отставать от Динзая в пути, я решила пользоваться ножом: обрубала колючие ветви или отводила их в сторону. Запутавшись сапогами в вейнике, разрезала траву. В одном месте нам попались заросли элеутерококка. Это очень колючее растение из семейства аралиевых. Недаром его называют «чертовым деревом». Я остановила Динзая и сказала ему, что в этих местах напрасно искать женшень, — он ведь растет в кедрово-широколиственных лесах. Но Динзай бредил драгоценным корнем. Позавчера, например, он отказался от обеда и бродил с одной лепешкой вокруг нашего табора, подозрительно присматриваясь к растениям. Дада измерил его ироническим взглядом: «Его не могу женшень искать...» По-видимому, старик верил в то, что корень жизни может найти только непорочный человек, что не каждому простому смертному он дается в руки. Но дело было не в этом.

— Почему так думаете, что здесь нет женшеня? — спросил меня Динзай, разглядывая листья элеутерококка.

Найти что-нибудь из ряда вон выходящее и удивить находкой было страстью Динзая. Может быть, этим отчасти и объяснялась быстрота, с какой он менял свои занятия, перекочевывая с Хора на Бикин и обратно.

— Я хочу спросить один вопрос, — начал он заикаясь, — как, можно или нет устраиваться в золотой прииск?

— Отчего же нельзя? Можно, конечно, если серьезно работать. Вы хотите уехать?

— Да. Я так думаю.

— А почему бы не работать в колхозе?

— Потому что дело такое: я, конечно, не против. Но есть люди, которые, наверно, против будут. Когда организовали колхоз, понимаешь, меня не было. Так? Теперь на готовое дело идти неудобно.

Динзай был последним из хорских удэгёйцев, не вступившим в колхоз. Почти каждый год он по несколько месяцев бывал в экспедициях. Остальное время проводил на охоте, большей частью в бикинской тайге. Но одиночество его уже тяготило. Он приходил на Хор. Здесь, в Гвасюгах, работал бригадиром его младший брат Пимка. Удэгёйцы, занятые коллективным трудом, косо посматривали на Динзая, который старался подчеркнуть свою независимость. Однажды, когда он собрался на охоту и уже столкнул на воду оморочку, его пригласили в сельсовет.

«Я должен предупредить вас, — сказал Джанси Кимонко, обращаясь к нему на «вы», — в наших лесах можно охотиться, если есть разрешение. От устья Матая до верховий Хора, по всем его притокам идет граница охотоугодий колхоза «Ударный охотник». Государство навечно закрепило за нами эту землю, и все, что есть на ней, принадлежит колхозу. Посторонние люди не должны охотиться в наших лесах. Может получиться большая неприятность... — Джанси посмотрел на него пристально: — В колхоз надо вступать».

Динзай вышел тогда из сельсовета озадаченный. Он отправился на Бикин и долго не появлялся в Гвасюгах. Но вот случай снова привел его сюда — он проводник у нас в экспедиции. По-видимому, разговор о золотых приисках возник неспроста.

— Как ваше мнение? — снова переспросил он.

— Что же, на золотых приисках придется осваивать новое дело. Вас, разумеется, примут там на работу. Но вы хороший охотник, рыболов. Вы можете замечательно работать в колхозе. Значит, будете приносить пользу государству. Надо еще посмотреть, где больше поль-

зы от вас. По-моему, в колхозе. Напрасно думаете, что вас не примут. А вы попробуйте, делом докажете, трудом. Тогда вас уважать будут.

— Это, конечно, правильно, так, но придется немножко думать... — Он шагнул вперед и остановился. — Почему, интересно, женьшень так мало растет? Все-таки не понимаю, почему так, — не успокаивался Динзай.

Он легко прополз между кустами шиповника, а я изрядно поцарапала руки и лицо. Чтобы удобней было отводить от лица колючий кустарник, я прибегла к помощи ножа. Вечером, на биваке, когда я забинтовывала руку, Динзай пожаловался Колосовскому:

— Так нехорошо. Зачем женщина с ножом ходит? Представьте случай: она упала и зарезалась. Мне придется ответить. Верно? Пожалуйста, скажите ей, пускай бросит ножик.

Мужчины посмеялись над его опасениями, однако с тех пор я уже не доставала ножа. В этот вечер я отказалась от ужина и, постелив себе постель неподалеку от костра, в первый раз за все время не стала записывать в полевой дневник событий дня. Завтра чуть свет надо было снова идти. Каждая минута отдыха возвращала часы бодрости. Вечером, едва добравшись до табора, чувствуешь, как от усталости гудят ноги. Кажется, больше ты не в состоянии сделать и трех шагов, но утром, умывшись холодной водой, снова идешь как ни в чем не бывало и вдыхаешь бодрящие запахи леса. Иной раз мы обгоняли бат настолько, что часами сидели где-нибудь на заломе, поджидая его, но бывало и так, что отставали от него и в сумерках узнавали свой лагерь по свету костра.

Хор становился все уже и уже. Река разветвлялась на бесчисленные рукава и протоки. После того как наши лодочники во главе с Колосовским протащили бат на руках около трехсот метров, все были охвачены настроением бросить этот последний транспорт и двинуться пешком.

Оставляя бат на берегу, мы опять должны были пересмотреть вещи: нет ли чего лишнего? Удэгейцы сделали себе деревянные рогульки, мы с Колосовским готовили рюкзаки, укладывая в них самое важное. Будучи человеком требовательным, Фауст Владимирович опять предупреждал нас:

— Ни одного лишнего килограмма груза. Слышите? Потом будете мне благодарны.

Он сидел верхом на валежине и, подставив к корневищу зеркальце, брился. На очереди был Дада, беспечно насвистывавший песенку, похожую на птичий клекот.

Когда я отложила в сторону градусник и раздумывала, что с ним сделать — взять или оставить, Дада покосился на меня:

— Это надо в речку бросить. Зачем его таскай? Все равно помогай нету.

Итак, погасив костер и нагрузившись поклажей, мы отправились в путь. У всех были тяжелые ноши. Колосовский нес в рюкзаке свою палатку, личные вещи, тетради и приборы, а на плече — карабин. Дада, Семен и Динзай сгибались под тяжестью рогулек, нагруженных мукой и консервами. В довершение всего у каждого из нас были небольшие подстилки из медвежьей или кабаньей шкуры. Без них было просто немыслимо заночевать в такую пору в лесу.

Если бы кто-нибудь попытался взглянуть на нас со стороны, он не увидел бы сразу всех, хотя шли мы гуськом, на близком расстоянии друг от друга. В густых зарослях люди терялись. Иногда надо было свистнуть или аукнуть, чтобы не уклониться в сторону. Шли быстро, несмотря на то, что никакой тропы под ногами не было. Перелезали через толстые лесины, лежавшие на земле, прыгали с одной на другую, продирались сквозь кустарник.

Рюкзак за плечами с каждым часом становился все тяжелее. Я сняла с головы мотулю — стало жарко. Хорошо бы отдохнуть хоть немножко. Но никто не подавал голоса. Наконец, чуть не падая от усталости, я наткнулась на Даду и Колосовского. Они отдыхали, ожидая нас на берегу, сбросив поклажу.

— Надо, наверно, шесты сделать. Так тяжело идти, — предложил Динзай.

Сколько дней мы будем идти до перевала, никто не знал. Но Динзай уверял, что дня через три мы будем «вершиться»...

— Как это вершиться? — спросил Фауст Владимирович.

— Ну так... вот на вершину перевала пойдем.

— Что ты, Динзай! — возразил ему Колосовский. — Едва ли...

Дада в подтверждение кивал головой.

— Хор все равно рука, — рассуждал он, задрав по локоть рукав своей куртки. — Сперва его толстый, большой есть. Потом пальцы так, разные стороны ключами пойдут. Тогда его совсем кончай.

До перевала было еще далеко...

20. НОВЫЙ ПЕРЕВАЛ

Древний лес открывал нам свои тайны нехотя, как богатый и скупой старик. Никогда не знавший пожаров и наводнений, темный, беззвучный еловый лес тянулся далеко на восток. Здесь ни одна ель, дожившая до глубокой старости, не видела своего отражения в воде. Шустрые ключи слишком малы и торопливы, чтобы вместить в своем зеркале их огромные тени. Над шатром старого ельника часто сверкали молнии. Иной раз они и зажигали какое-нибудь дерево, но ливни гасили его, прежде чем огонь успевал добраться до соседних стволов.

Сотни лет под зеленой крышей ельника идет, шумя и волнуясь, жизнь. Где-то притаились дуплогнездники, заслышав странные шорохи; где-то вылез из-под земли в розовой шляпке гриб. Меж стволами деревьев нет-нет да и промелькнет яркий кленовый лист. А внизу такая изумрудная зелень! В глазах рябит от красных ягод корнуса. Какие огромные ковры из него сотканы в наших лесах! У каждого растения своя история. Вот маленькая травинка под ногами. Это хвощ — далекий потомок гигантской растительности каменноугольной формации. Сколько тысячелетий понадобилось, чтобы он превратился в былинку? Лес молчит. О жизни его рассказывают перестоявшие ели, мхи, даже голубоватое перышко птицы. Тишина... И вот мы нарушили ее стуком своих шагов, хрустом ломающегося валежника, гулким, дразнящимся эхом.

Осень была в разгаре. Сверху, в просветы между хвойной зеленью, глядело хмурое небо. Следуя друг за другом, мы старались не терять из виду проводника. Плотная, густая хвоя смыкалась за его спиной, едва он

делал три шага. Неловкий в ходьбе человек рискует очень скоро отстать. Надо было перелезать через валежины, раздвигать руками колючие заросли. Так день за днем, выбиваясь из сил, мы шли на восток, к перевалу.

— Э-ге-ге-ей! — звучало на весь лес.

Иногда, поджидая друг друга, люди давали о себе знать то криком, то свистом, а однажды мы с Колосовским собирали всех троекратным выстрелом. Лес отозвался раскатистым эхом. Потом грянул далекий ответный зов. Больше не слышно было никаких звуков, даже птицы умолкли, притаившись в ветвях. Достаточно было выйти на первую звериную тропу, чтобы убедиться в том, как обманчива таежная тишина. После бурелома и колючих кустов тропа нам показалась спасением. Шириною в полметра, выбитая копытами сохатых, утопанная медведями, она была давнишней дорогой зверей к водопою, к тихим озерам, через перевал, на Анюй.

Звериные тропы заманчивы. Но разве можно им доверяться? Случалось, что каких-нибудь два километра наше направление совпадало с тропинкой, и снова перед глазами вставала лесная чаща, бурелом, коряги, затянутые зеленым мхом, лесные великаны, лежащие на земле, с сухими ветвями, торчащими как пики, толстые, поверженные на землю стволы, из-под которых ровным строем выбивались молоденькие елочки. Одно поколение сменяло другое веками, по древним законам природы. Какие огромные богатства еще никем не тронуты! Ведь все эти ели могли бы с успехом превратиться в чудесные ткани.

Когда я сказала о том, что из древесины делают шелк, бумагу, что ель в этом отношении превосходит другие породы деревьев, Динзай изумился, а Дада не поверил и долго смеялся, как ребенок:

— Хаяси, ниманку нимасия! (Еще расскажи сказку!)

Динзай теперь шел впереди с компасом в руках, вслед за ним — Колосовский. Его высокая фигура служила мне ориентиром, хотя ступал он легко и расстояние между нами увеличивалось с каждой минутой. Сзади меня шагал глухонемой удэгеец Семен, замыкающим был Дада. Он уставал под тяжестью ноши и ворчал, недовольный прытью Динзая. А тут еще стали

попадаться на пути звериные тропы. В глубоких ямках от копыт сохатого поблескивала вода. Кабаньи лежки в густой грязи около ключей еще хранили отпечатки щетины, а рядом медвежьи следы, при виде которых Дада восклицал: «Мафа, мафа!» — и старался определить, жирный ли был медведь, в зависимости от того, насколько глубокий отпечаток.

— Ого, звери табунами ходили! Здесь гораздо много находится сохатый, медведя, кабан. Тут, однако, никогда охотники не были, — заметил Динзай, когда мы присели отдохнуть.

— Вот вам и ответ на первый вопрос охотинспекции: как опромышляются охотоуголья в верховьях Хора? Никак. А зверя тьма, — сказал Фауст Владимирович.

Мы остановились на левом берегу ключа. Шел пятый час. До ночевки оставалось немного, поэтому было решено не тратить время для обеда и ограничиться чаем с лепешками. Через десять минут уже трещал костер.

— Вы заметили, что происходит с Правым Хором? — спросил меня Колосовский, развернув карту. — Смотрите, на всех картах Правый Хор изображается так, будто он является главным притоком реки. А мне кажется, что это ошибочно.

— Почему?

— Да потому, что иначе Хор не был бы горной рекой. Ведь Правый Хор мы прошли, помните? Это, по моему, просто приток. Я убежден, что ключ, по которому мы сейчас идем, приведет нас к перевалу. Это и есть собственно Хор. Впрочем, на обратном пути я еще проверю.

Тем временем чай вскипел. Дада усердно разливал его в кружки. Сахару у нас не было уже давно. В качестве аварийного запаса я хранила в рюкзаке полкилограмма песку. Его не трогали. За едой люди обычно разговаривали о картофеле, о красных помидорах, о молоке, словно от этого пресные лепешки с чаем были вкуснее.

Стук топора заставил нас обернуться. Только сейчас я заметила, что Динзай слишком долго задержался в лесу, и пошла посмотреть, чем он занят. Оказывается, он сделал на дереве срез изрядной величины и стара-

тельно выводил ножом наши имена. Вверху уже стоял год и месяц экспедиции.

— Вы испортили дерево, Динзай Маңгулевич.

— Дерево много в тайге, нас всего пять человек, — нашелся быстро Динзай. — Историческую заметку нужно оставить. Верно?

Через полчаса мы снова были в пути. Шли, вооружившись шестами, с помощью которых легче было взбираться на валежины и спрыгивать вниз. По просьбе Андрея Петровича Нечаева я должна была вести ботанический дневник, делая хотя бы беглые, элементарные записи.

— Вы обратили внимание, что здесь березы уже совсем желтые? — спросил меня Колосовский. — Кстати, я опять забыл, как называется вот этот мох. — Он разжал руку, протягивая на ладони нежную зелень.

— Кукушкин лен.

— Странно.

Весь этот разговор произошел в течение одной минуты, пока Колосовский, намереваясь меня обогнать, ловко взобрался на большой выворотень, спрыгнул вниз и быстро зашагал, догоняя Даду. На сей раз Дада шел впереди. Между прочим, я заметила, что Колосовский не любил ходить по следам другого. Ведь он провел много лет один в походах. Я вижу, как легко шагает он вперед, расчищая себе дорогу. Мелкие сухостойные деревца отводит руками направо, налево. Они трещат, иногда падают. Зеленые елочки поднимаются снова.

Ельники, ельники! Мшистый ковер под ногами пружинит.

Ни с востока, ни с запада — ниоткуда не видно ни единого просвета. Лишь над головой, где смыкаются вершины деревьев, светлеет кусочек неба. То чередуясь между собой, то в соседстве друг с дружкой теснятся ели и пихты. Вы узнаете хозяйку темнохвойного леса по корявой, темной коре и опущенным книзу ветвям. У пихты светлый и гладкий ствол и ветви слегка приподняты, как гусарские усы. Кое-где белеют стволы березы. Это оживляет лес. Кленовые листья, как яркие бабочки, кружатся на ветру.

Но вот деревья редеют, высокоствольная роща, пересеченная звериными тропами, постепенно светлеет. Ели

стоят в длиннополых шубах, глядя друг на друга изда- лека. В покрове прозрачно зеленеет мелкий папоротник, линея северная, плауны и какая-то легкая, почти воз- душная травка.

Нет, лес этот не беззвучный. За ключом, в сопках, свистит серый ястреб. Он протяжно выводит трель. В ельнике у тропы куча перьев — следы недавней битвы. Должно быть, сова попалась в лапы харзы. Так гово- рят удэгейцы. Я никогда не видела харзу и спросила, что это за зверь. Оказывается, это хищник, родич куни- цы, но гораздо больше ее.

Для охотника в тайге все загадки разгаданы. Еще утром, когда мы переходили ключ, заваленный колод- ником, Дада остановился, заметив на бревне следы соболя. Этот маленький дорогой зверь, из-за которого раньше удэгейцы терпели столько обид от алчных куп- цов, сейчас привлекал внимание охотников не случайно. Должно быть, здесь много водится соболя, так как удэ- гейцы то и дело останавливались, распутывая его за- мысловатый след среди валежин.

— Вот смотри, — сказал мне Дада, срывая с куста побуревший удлиненный плод актинидии, — такую яго- ду соболя любит.

Ночевать нам пришлось в густом ельнике. Едва отыскав между стволами свободный участок, мы все расположились вокруг костра. На этот раз Колосовско- му негде было поставить свою палатку. В лесу было сы- ро, дрова плохо горели. Дым поварачивался то в одну, то в другую сторону. Трудно было выбрать хорошее место и спокойно работать.

— Соболя давай! — крикнул мне Дада, как только я перебралась на другое место, спасаясь от дыма.

Стоя на коленях, он месил тесто. В эти дни наше питание состояло из пресных лепешек (сило) и супа с мясными консервами. Сило пекли на вертелах, как шашлык.

— Соболя давай! — повторил Дада вызывающе. У него было хорошее настроение.

— Что это значит? — спросила я.

Динзай ответил:

— Богатый и бедный в лесу ночевали, понимаете? Огонь развели. Вот так, сидели один тут, другой там. Дым идет на богатого. Богатый замерз, плачет, ничего

глазами не видит. Дым большой. Бедный говорит: «А мне хорошо, тепло, дым не кусает». Тогда богатый стал просить: «Уступи мне место». Бедный засмеялся и говорит: «Соболя давай...» Перешел богатый на то место, соболя отдал. Опять дым на него идет. Опять богатый стал просить бедняка уступить место. «Соболя давай», — говорит ему бедняк. Пришлось опять соболя отдавать. Перешел на другую сторону богатый. Так всю ночь ходил с места на место, пока всех соболей не отдал.

— А как вы, Дада, — громко спросил Колосовский, — как вы сейчас охотитесь на соболя? Есть у вас план?

Колосовский все-таки умудрился поставить свою палатку и сидел у входа в нее, протянув к огню босые ноги.

— Есть план, — ответил Дада, тряхнув пышным чубом. — Соболя мало убиваем. Совсем мало. Прошлый год ловили живого соболя. Нынче не знаю как...

И Дада стал рассказывать о том, как удэгейские охотники ходили за соболями в верховья притоков Хора, чтобы поймать их живыми для питомника. Я обратила внимание, с каким интересом Фауст Владимирович вступил в беседу, обнаруживая осведомленность в сложных делах охотничьего хозяйства. Когда Дада выразил удивление по поводу того, что отстрел соболя сейчас сокращается с каждым годом, Колосовский заметил:

— Это правильно. Охотничье хозяйство надо вести так, чтобы не истощались запасы зверя в тайге. Иначе что же получается? Смотрите: раньше никто не контролировал охотников. В долину Хора приходили нанайцы — били соболя. Удэгейцы тоже охотились. Верно? А кто отвечал за охотничьи угодья? Теперь есть хозяин — ваш колхоз. Правильно? Значит, надо следить за своим хозяйством. Мало соболя в лесах? Подумайте, как его скорее размножить. Вот есть, например, такой баргузинский соболь. Слыхали? Можно забросить его сюда. Он быстро приживается. Через несколько лет, знаете, сколько здесь будет соболей. Я думаю, что вам нужно именно так сейчас ставить вопрос.

Дада утвердительно кивал головой:

— Конечно, правильно.

Динзай не принимал участия в беседе, но слушал, увлеченный рассуждениями Колосовского. Когда стал накрапывать мелкий дождик, он набросил тент на четыре шеста, вбитые в землю Семеном. Колосовский заявил, что готов уступить мне свою палатку. Но я отказалась. У костра было гораздо теплее. К тому же дождь прекратился.

Ночь опрокинула над нами черную шапку без звезд. Искры от костра гасли под мохнатыми лапами елей. Из глубины леса тянуло сыростью. Утром я проснулась от холода. Догорали последние головешки. Пришлось подбрасывать ветки. Меж тем удэгейцы спали без рубах, укрываясь тонкими одеялами, босые ноги их едва не касались травы, обильно усыпанной росой. Когда я сказала, что мне нездоровится, Дада покачал головой:

— Манга! (Плохо!) Зачем в сапогах спишь? Так нельзя. Давай сюда улы.

У меня были с собой запасные охотничьи улы из кабаньей кожи. Дада постелил в них травы хайкты и подал мне, говоря:

— Надевай!

Однако в улах идти было неудобно, так как уже начинал накрапывать дождь. Пришлось переобуться. Вскоре я почувствовала преимущество сапог перед этой легко промокающей обувью. В сапогах можно было идти вброд через ключи.

Дождь моросил весь день. Все в лесу пропиталось водой. Достаточно было прикоснуться к кустам, чтобы намокнуть. Ельник стал угрюмым. Хвоя поседела от обилия влаги. Опавшая листва прилипала к подошвам, сапоги скользили, так что опасно было проходить по стволам через ключи.

Но вот дождь перестал — и сразу посветлело. Динзай взобрался на самую высокую ель, чтобы оттуда осмотреть долину. За ним последовал Колосовский. Он также ловко поднимался вверх по сучкам и, достигнув вершины, пристроился на одном из них напротив Динзая. Я не заметила, как Динзай перемахнул оттуда на стоявшую рядом ель и спустился вниз, опередив Колосовского.

— До перевала осталось немного, — сказал Колосовский, снова надевая на плечи рюкзак.

В этот день вместо темных ельников перед нами неожиданно открылись чистые, ровные поляны. Как будто кто-то нарочно приготовил здесь посадочные площадки для самолетов. Это были естественные площади в виде прямоугольников, окруженных березовым лесом попеременно с хвойным. По-видимому, когда-то здесь было дно озера. Об этом свидетельствуют каменистая почва, окатанные галечники. Теперь почва покрылась густым багульником, пятнами ягеля и сфагнума, разнотравьем. По берегу ключа серой полосой зашелестел высокий вейник. Кое-где стали появляться кусты черной смородины.

Широкое, неохватное небо сияло над головой. Казалось, что вот сейчас где-то за желтеющим перелеском развернется проселочная дорога, затахтят телеги... Но увы! Так мы прошли шесть площадок и снова углубились в чащу. При этом дважды пересекали ключ. Во второй раз я уже не смогла идти вброд, так как ключ оказался глубоким. Остановилась в раздумье: как быть? В эти дни температура воды опустилась до шести градусов.

— Зачем разуваться? Вода холодная. Идем. Я вас проведу.

Динзай быстро пробежал по берегу, но не нашел более удобной перекладины. Оценивая обстановку, он рассудил: вдвоем идти по этой жиденькой березе мы не сможем одновременно — дерево не выдержит; есть другой выход. Несмотря на мои возражения, Динзай предоставил мне возможность идти по валежине, а сам пошел по воде рядом, держа меня за руку. Разбухшие от воды сапоги скользили, и это не прошло даром. На самой середине ключа, когда вода поднялась Динзаю выше пояса, я хотела сказать, что нужно вернуться и найти другое место, но в тот же момент свалилась в воду, увлекая за собой и Динзая.

— Другой медведь гораздо легко ходит, — сердился удэгеец, видя, что я смеюсь.

Мы стояли на берегу, оба мокрые, озябшие.

— Я прямо не знаю, теперь что делать. Надо костер.

Но так как до вечера оставалось немного, к тому же опять зарядил дождь, мы решили идти и в ходьбе разогрелись. В этот день мы совершенно не разводили костра, только два раза присаживались отдохнуть, по-

жевать лепешек, и до самого вечера никто из нас не заговаривал о еде. Зато с какой радостью Динзай вечером устраивал костер! Он натащил больших валежин и развел костер такой высоты, что самый ловкий спортсмен не смог бы перепрыгнуть его не задевая. Тем временем Колосовский снова подвесил психрометр на ближней ели.

В сумерках дождь перестал. Костер горел ярко. Огненные блики прыгали по белым скатам палатки нашего занге, освещали шалаш Дады, поверх которого старик уже набросил тент; быстрые руки Семена, месившего сало; согнутую фигуру Динзая, искавшего иголку; мой дневник, уже раскрытый на последних страницах. Писать было жарко. Пришлось отодвигаться все дальше и дальше от огня.

— Нашел! Представьте, нашел иголку! — кричал обрадованный Динзай.

В этот вечер он рассказывал мне сказку. Сидел подогнув под себя ноги, выстругивал шест и говорил торопливо, не так, как обычно удэгейцы рассказывают.

— Два брата жили. Старший Егдыга, младшего звали Удзя, глуповатый значит. Так жили-были, охотились, рыбу ловили немножко, плохо, бедно жили. Понимаете? Одежды не было. Из сухой травы сплели себе одежду, халаты сделали. Другие люди смеялись.

Одним разом Егдыга говорит: «Как дальше жить будем, где невесту искать будем? Надо жениться». Удзя отвечает: «Я придумал, что делать. Пойдем в другое стойбище. Там живет Канда-Мафа. У него две дочки есть, будем сватать». Егдыга рассердился, говорит брату: «Глупый ты, Удзя, ничего не понимаешь. Как мы пойдем к нему? Он богатый, большой калым просить будет. У нас ничего нет». Тогда Удзя, хохотавши, сказал: «Этот раз послушаешь меня, хорошо будет. Идем!»

Вот они пошли в то стойбище. Там жил Канда-Мафа. Пришли к нему в юрту, стоят у порога. Старшая дочь стала смеяться над ними: «Кто вам такие халаты шил?» Сама выдергивает солому у них из халатов, в огонь бросает. Младшая сестра говорит ей: «Зачем так делаешь, нехорошо смеяться». Старшая отвечает: «Они

все равно ничего не понимают, хауңдали гатубэдэ (сумасшедшие)».

Канда-Мафа долго смотрел на них, потом спрашивает: «Зачем пришли?» Братья рассказали ему, какое дело, как свататься пришли, чего надо, и так дальше. Канда-Мафа засмеялся и говорит: «Я не знаю вашего богатства. Если у вас больше богатства, тогда возьмите моих дочерей в жены». Егдыга испугался, слушавши старика. А старик еще одно дело сказал: «Если ваше богатство меньше моего, тогда придите ко мне всякую работу делать, служить мне будете...»

Тогда младший брат Удзя говорит: «Ладно, Канда-Мафа, ты правильно рассудил, мы соглашаемся. Давайте посмотрим, у кого больше богатства».

Когда они вышли из юрты, Егдыга стал ругать брата. Дома тоже все время ругался. Так говорил: «Зачем головой не думаешь? Теперь будем всю жизнь страдать. Канда-Мафа палками бить будет». В этом роде все...

«Замолчи, — говорит Удзя, — ты не знаешь, какой сон мне приснился. Я должен сходить на сопку».

Сказавши так, вышел из юрты. Пошел в сопки. Там на самой вершине черепаху увидел. Спрашивает: «Зачем так высоко залезла?» Черепаха говорит: «Разве не знаешь, что большая вода идет, наводнение будет...» Удзя побежал домой, всех людей собрал, всем про это дело рассказывает. Люди слушают, не знают, что делать. Одна самая старая старуха говорит: «Надо хороший кэй (холм) найти, на этом холме спасемся». Вот люди нашли высокий холм, стали кочевать на это место. Все шкуры из амбаров выгрузили, туда на лодках везут, все разноцветные халаты на рогульках развесили, железные котлы на землю поставили. Удзя говорит брату: «Егдыга, идем скорее, Канда-Мафа нас ожидает». Пришли туда. Канда-Мафа стал показывать свое богатство. Много показал соболиных шкур, много халатов разных, материи всякой. Так думал: «Вот нашлись два дурака, хотят со мной богатством померяться». Удзя, недолго думавши, говорит: «Много всего у тебя, Канда-Мафа, но у нас больше, пойдем посмотрим».

Пришел Канда-Мафа на холм, увидел, сколько железных котлов, сколько мехов разных, сколько халатов

всяких. Старик от зависти чуть не лопнул, рассердился. «Ладно, берите моих дочерей, вижу, что вы богаче», — говорит он. Егдыга взял старшую дочь, Удзя — младшую забрал. Так женились, так невест себе нашли. Вот и все...

Когда Динзай закончил обстригивать шест, я взяла ножницы и попросила, чтобы он обрезал мне косы. В эти дни, просыпаясь по утрам, я не всегда успевала расчесывать волосы. Да это было и нелегко, так как во время ходьбы по лесу в них набивались смолистые иглы хвои, застревали мелкие листья, косы цеплялись за сучья. Дада всякий раз смеялся и советовал:

— Надо кончай! — Он заносил к своему затылку руку и двигал указательным пальцем так, словно орудовал ножницами.

Динзай отстранился:

— Зачем такое дело? Это совсем зря, понимаешь. Наоборот, длинные косы хорошо. Гораздо красиво русская мода. Верно? Давайте сюда ножницы. Я буду прятать их. Больше не получите.

Он сказал это так убежденно, что я не стала настаивать. Динзай положил ножницы в свою котомку и отправился спать. По ту сторону костра, рядом с палаткой Колосовского, он устроил себе высокую постель из лапника и спал не укрываясь. Тепло от костра широко разливалось вокруг, охватывая весь наш табор. Большие валежины жарко пылали на огне, хотя сверху, из темноты, почти не переставая, сыпался мелкий дождик. От палатки, от развешанной на рогульках одежды струился легкий, едва заметный пар.

Я сидела у костра, приводила в порядок дневниковые записи. Фауст Владимирович после ужина сразу скрылся под своей полотняной кровлей, объявив неожиданно, что сегодня он очень устал. В самом деле, в этот день мы промокли до нитки, шли не отдыхая и долго уже в сумерках искали удобное место для ночлега. Место оказалось действительно удобным. Небольшая и сравнительно чистая площадка, окруженная елями, всем понравилась, словно мы собирались пробыть здесь долго. Все равно ведь завтра чуть свет надо было вставать и двигаться дальше, погасив огонь, который объединил нас, согрел и теперь так весело рвался в мокрое и темное небо.

Позади меня шагах в десяти под тентом все время ворочался Дада. Он что-то бормотал во сне, потом застонал так жалобно и протяжно, что я не могла усидеть на месте и подошла к нему:

— Что с вами, отец, вы заболели?

Лоб старика был горячим, пульс бился неровно и быстро. Съежившись под ватной тужуркой, Дада тянул ее на себя, закрывал лицо. Мушка, лежавшая в ногах у хозяина, поскуливала, уткнувшись мордой вниз.

— Дыли уни, багдыни уни, — объяснил мне Дада и потрогал голову, потом ноги, показывая, что болит.

Вот так новость. Теперь, когда мы были так близко у цели, недоставало, чтобы кто-нибудь из нас свалился. Я вспомнила, что в нагрудном кармане моей кожаной куртки должны быть два порошка дисульфана. И действительно они оказались там. Зная, как удэгейцы верят в силу лекарства, я решила прибегнуть к помощи порошков.

— Это чего такое? Где взяла? — спросил меня старик. Он приподнялся на локте и смотрел то на развернутый порошок, то на кружку, в которой я специально для него приготовила чай.

— Давайте будем лечиться, Дада. Это — окто, очень хорошее лекарство. Мы берегли его на всякий случай. Завтра вы будете здоровым. Пейте.

Долго уговаривать его не пришлось. Дада покорно принял «окто», отхлебнул чая из кружки и улыбнулся обрадованный, как ребенок.

— Ая! Хорошо!

Чай был сладкий. Он пил его жадно, облизывал губы, причмокивал, а когда опустошил кружку, опустился на кабанью шкуру и задремал. Я укрыла его теплее, закутала ноги и отошла к костру, но не стала больше ничего записывать, так как сон буквально сковывал руки и ноги. На минуту мелькнуло перед глазами черное небо. Дождевые капли щекотали лицо. Пришлось растянуть над собою большой платок. Сквозь серую ткань его мягко просвечивал огонь, за которым тоже надо было следить кому-то, но все спали...

Среди ночи меня разбудил отчаянный крик Дады: — Горили! Горили!

Искра, упавшая от костра, зажгла мое одеяло. Я отбросила его в сторону, стала гасить. Хорошо, что Да-

да вовремя заметил. На одеяле светилась дыра, в которую свободно могла пролезть моя голова.

— Так вот некоторые люди горят в тайге совсем, — говорил утром Динзай. — Уснул — и все...

Колосовский вылез из палатки, недовольно поморщился: опять моросил дождик.

— Есть предложение устроить дневку. Как вы думаете?

«Занге», как теперь называли его удэгейцы, имел грустный вид. За время похода он так изорвал на себе одежду, что она свисала с него клочьями. Давно не бритое лицо его казалось еще более похudevшим.

— Конечно, так нельзя дальше, — отозвался Динзай, — надо немножко починиться.

Мне хотелось поддержать Динзая, но я промолчала, предоставив решить это начальнику экспедиции. Правда, ночью, когда меня так встревожил Дада, казалось, что остановка станет неизбежной, однако утром старик поднялся как ни в чем не бывало и вот уже опять гремит чашками, стряпает сило.

— Так, что же, товарищи? — сказал Колосовский. Он держал мой платок, во многих местах прогоревший за ночь и говорил медленно, как будто ждал чего-то. — Решено дневку все-таки устроить. Будем здесь ночевать еще одну ночь.

И шагнул ко мне, нахмурившись:

— Вы что, сегодня горели ночью?

— Немножко не рассчитала...

Днем я сидела под тентом у костра, починая одеяло, пришивала пуговицы к ватным курткам. Пуговицы были деревянные. Динзай их сделал еще несколько дней назад из тальника. Но вот беда: не хватало материи для заплат, приходилось собирать их у всех помаленьку, отрывая от постельных принадлежностей, от запасного белья. Получилось пестро. Дада смеялся, сравнивая свою рубаху, покрытую зелеными и голубыми заплатами, с географической картой.

— Ты говорила, товар можно делай. — Он задорно пнул ногой лежавший поблизости обрубок ели. — Давай починаяй шелком!

Когда мы привели в порядок свою одежду, Фауст Владимирович повеселел. Он вышел из палатки побритым, шагнул к костру, оглядывая свои брюки, распра-

вил на коленях заплата и неожиданно для всех хлопнул себя по колену:

— Вот это другое дело, друзья мои! Теперь можно чувствовать себя человеком. Одежда, если хотите знать, — великое дело. Да, да! В тайге ведь очень легко опуститься. Сначала изорвешь одежду. — не захочешь ее чинить: все равно, мол, тайга! Кто здесь увидит? Потом спрячешься от дождика в палатку. Тоже никто не увидит. Дождь идет, а человек лежит себе в палатке, кто об этом знает? Нет, такое дело не годится. Верно, Дада?

Колосовский сел рядом с Дадой на хвойную подстилку. Старик подвинулся, захохотал:

— Это который лодырь, так делай всегда, — и махнул рукой.

— А надо так, — продолжал Фауст Владимирович, — попал в тайгу — не сдавайся. Дождь идет, и ты иди. Утром из-под теплого одеяла не хочется выползть на свет божий, холодно, а ты окунись в речку, потом пробежись по берегу. Устал — отдохни немножко, но дело не забывай. Тайга не любит тех, кто ее боится.

На другой день в восемь часов утра мы были уже в пути. Шли по долине прямо на восток. Сквозь деревья светило солнце, заливая серебром росистые папоротники. Умытый дождями лес торжественно расступился перед нами, разбуженный птичьим гомоном, ярким светом, стеклянным звоном ключа.

— Вот он, Хор, смотрите...

Колосовский кивнул направо. Отсюда река начинала свой далекий бег. Мы остановились около ключа, шумно бежавшего по камням. Так вот каков Хор! Было странно видеть этого младенца. Еще недавно он пугал нас бешеным нравом. И вдруг... Семен перепрыгнул его с размаху. И еще раз перепрыгнул. Удэгейцы радовались: скоро будем у цели!

В полдень, когда стали близко видны очертания Сихотэ-Алиня, мы решили подкрепиться, сбросив с плеч походные мешки. Здесь мы и оставили их, чтобы легче было подниматься на перевал. Фауст Владимирович взял с собой anerоид. Динзай перекинул через плечо карабин. Спустя два часа мы были у подножия горы.

— Э-э! — воскликнул Дада. — Перевал, однако, хороший, низкий. Смотри, звери на Анюй ходили...

У подножия горы лес заметно поредел. Когда мы стали подниматься вверх, я увидела, как впереди, между стволами елей, мелькнула спина Колосовского. Мы с Семеном шли сзади всех. Динзай взбирался чуть повыше нас, то и дело подгоняя свою ленивую Келу. Та отчаянно скулила, не желая идти. С каждым шагом подыматься становилось труднее. Под ногами, сверкая круглыми, лоснящимися листьями, краснел бадан — предвестник гольцовой растительности. Я вспомнила просьбу Нечаева и взяла для гербария несколько растений.

— «Эй-эй!» — катилось эхо в горах.

И вот мы наверху, в центре небольшой седловины, к которой примыкают с обеих сторон крутые вершины. Пройдясь по гребню хребта, Фауст Владимирович сбегал чуть пониже, открыл ящик с приборами и стал проводить съемку. Сквозь покрасневшие листья кленов и рябины, сквозь золотистый наряд берез просвечивал синий воздух над долиной Анюя. Перед нами открывалась живописная панорама гольцов, над которыми быстро неслись облака. Я решила сфотографировать ландшафт. Чтобы лучше было видно, удэгейцы срубили несколько деревьев, заслонявших своими ветвями вид впереди. Потом я пожалела об этих деревьях, потому что снимки погибли.

— Ну как? Дальше пойдем? — спросил меня Динзай.

Внизу шумел ключ Иоко. Он скатывался с восточной стороны хребта и торопился в Анюй. Достаточно было сойти с перевала вниз и довериться течению ключа, чтобы достигнуть Анюя. Это было заманчиво. Колосовский задумался.

— Как жаль, что у нас слишком мало времени. Уже сентябрь на исходе. Мы не сумеем выбраться отсюда, если выпадет снег...

Да... Наше путешествие явно затянулось. Пришлось изменить первоначальные планы. Вместо того чтобы перевалить на Анюй, а затем на Вторую Самаргу, теперь надо было возвращаться. Никто не предполагал, что мы достигнем перевала только на восемьдесят четвертые сутки. Выходит, что ради этого дня мы все лето мокли под дождем, страдали от гнуса, терпели невзго-

ды. Достигнуть перевала оказалось нелегко. Не случись этого, можно было бы нести с собой рацию и сейчас передать в редакцию телеграмму. Как бы то ни было, мы дошли до истоков Хора, отыскиали перевал на Анюй. И вот перед нами узел Сихотэ-Алиня, этой древней горной страны. Здесь сложная система горных складок, между которыми текут быстрые реки. Так как Анюй, по словам Арсеньева, огибает своими верховьями течение Хора, нетрудно было представить, что мы находились сейчас в такой точке ландшафта, откуда открывается вид на Анюй и слева и справа, только в тылу у нас были истоки Хора. Когда я напомнила об этом Колосовскому, он возразил:

— Это не совсем так. Справа от нас Третий Заур, который раньше ошибочно принимали за Анюй. Прямо перед нами — Второй Заур. Точка слияния их, собственно, и есть начало Анюя. Вот мы с вами и находимся теперь как раз напротив этой точки.

Одним словом, мы были в голубой подкове, образованной Анюем и Зауром. Вдали тянулись горные цепи. Солнце золотило их вершины, покрытые голым камнем. Над гольцами курчавились облака. Вблизи долина была заполнена волнистыми складками. Вся она дышала туманами, и они сглаживали ее неровные очертания.

— Анюй совсем близко. Идем! — поддразнивал Дада.

Он стоял, прислонившись к дереву. В раскосых узеньких глазах Дады теплился радостный свет. Мушка сидела у ног хозяина. Я только что сфотографировала Даду. Никто не сомневался, что он пошел бы и дальше, если бы это потребовалось. Но старик знал, что это сейчас невозможно, и мысль о возвращении домой его веселила. Динзай тем временем делал заметки на деревьях. Надо же было оставить здесь свой знак! Когда-нибудь сюда придут люди. Может быть, будут прокладывать дорогу. Пусть увидят наши скромные вехи на перевале, который мы назвали «Тихоокеанской звездой». Колосовский достал карту, красным карандашом отметил на ней перевал.

— Вот и все, — сказал он, усаживаясь со мною рядом на срубленный ствол березы. — Я же говорил вам, все будет обыкновенно. Видите? — Он окинул взглядом долину Анюя. Она разверзлась внизу перед нами ог-

ромным котлованом с белеющими от снега краями. — Впрочем, я вас понимаю, — нараспев протянул он, заметив, что я улыбаюсь. — Вам, наверное, это кажется необыкновенным? Вы — литераторы, журналисты — привыкли находить романтику в простых вещах. Это хорошо...

Колосовский сидел, обхватив руками колени. На коленях чернели большие заплаты. Как он похудел за эти дни! Лицо потемнело еще больше и стало смуглым, почти таким же, как у наших спутников. На локтях куртки, сквозь дыры, которые уже нечем было починить, торчали клочки белой ваты. Носки сапог наклюнулись, как семечки, разбухшие от воды. Я вспомнила городской, щеголеватый костюм Колосовского, в котором он приходит в управление на работу, возвращаясь из командировок. Всегда подтянутый, аккуратный, он своим видом не вызывает и мысли о том, какие трудные дороги остались у него за плечами.

— А я вот хожу по тайге уже двенадцать лет, — продолжал Фауст Владимирович, как бы угадывая мои мысли. — И все мне кажется обычным. В коротком отчете или в докладной записке разве можно передать то, что пережил, пока добирался до цели?

— Вам ведь, я знаю, нравится ваша работа, — сказала я Колосовскому. — Говорят, вы отказались от предложения посидеть в управлении хотя бы с годик? Скажите, что вас привлекает в этих походах. Ведь они же, в конце концов, опасны. Помните, как вы с Динзаем разбили бат около скалы? А болезни? Энцефалит, аппендицит...

Мы засмеялись оба. Колосовский понял намек на свою излишнюю осторожность и заговорил мягко, неторопливо:

— Нет, знаете ли, на здоровье не жалуюсь. А дело свое люблю. И ходить буду до тех пор, пока ноги держат. Вот представьте себе, когда-то, лет десять назад, я с большим трудом пробирался в верховья одной реки. Ни дорог, ни тропинок. Тайга... Зато теперь там огромный поселок. Люди пришли, раскорчевали тайгу, поселились, и жизнь закипела. Никто, конечно, не знает, кто первый искал туда дорогу. Да и не в этом дело. Я не тщеславен. А все-таки радостно сознавать, что и я что-то сделал. Или вот сейчас: мы сидим с вами здесь

на березе, можно сказать, у черта на куличках. Пройдут годы. И кто знает, может быть, на этом месте будет построено великолепное здание. Появится железная дорога, загремят поезда. Разве не интересно? Ничего, что сейчас пока двое русских и три удэгейца впервые отыскали этот перевал, сбросили у его подножия тяжелые котомки, сидят и мечтают...

Колосовский умолк, потом посмотрел на часы, вынул их из кармана, и, поднимаясь, громко сказал:

— Ну что же, друзья мои, можно подумать, что там, внизу, нас ожидает поезд. Идемте.

— Га! — живо подхватил Дада, направляясь следом за Колосовским.

Собаки, весело помахивая хвостами, пустились с горы под громкий свист Динзая.

Спускаться вниз было нелегко. Сапоги скользили по лоснящимся листьям бадана, багульника. Хорошо, что на пути было много деревьев: разбежишься и обхватишь ствол, чтобы не упасть.

У подножия горы я еще раз оглянулась. Перевал остался позади. Но как долго мы шли к нему, чтобы поставить маленькую точку на карте!

От перевала мы двинулись в обратный путь вдоль ключа. Шли, минуя места наших стоянок. Узнать их было нетрудно по затескам на деревьях, по черным кострищам, залитым дождями. Днем над головой смыкался все тот же лес и ночью высокие ели выступали из темноты, тянули к костру свои лапы. Искры под ними гасли потрескивая. По утрам, просыпаясь раньше всех, Дада отряхивал пепел со своей кудлатой шевелюры и, приложив ко рту ладони трубочкой, на весь лес звал изюбра:

— Е-у-у!

В этот день еще с утра поднялся ветер. Сначала он невинно затронул листву на деревьях, пробежался по вершинам елей, шевельнул густую шапку хвойного леса, затем просквозил подлесок, кое-где повалил сухостойные жиденькие деревца, для которых было достаточно малейшего толчка, потом стал раскачивать стволы больших деревьев, наполняя лес тревожным свистом, гудением, глухими ударами.

— Надо осторожно быть, — предупредил меня Динзай. — Нельзя так задевать дерево плечом. Сухое дере-

во может падать, понимаешь. Тогда дело плохо получается.

Динзай пропустил меня вперед. Он все время возмущался тем, что я сбиваюсь с курса, отхожу в сторону и мы останавливаемся перед стеной непроходимого леса.

— Вы почему так, не смотрите, куда идем? Думаете, наверное, что ли? Надо смотреть вперед.

Мы шли с ним по левому берегу ключа, пробираясь сквозь заросли молодых елей. Вверху над нами шумел ветер. Я не помню, как это случилось, но вдруг меня ударило по голове так сильно, что я присела. Все заволокло туманом. Зеленые искры посыпались из глаз. Динзай подбежал с криком и, отбросив в сторону упавшую лиственницу, помог мне подняться. Лиственница была сухая, совершенно гладкая, как хлыст, сантиметров десяти в толщину. Она повалилась неожиданно, как падает свеча. Я не успела отстраниться. Хорошо, что дерево стояло близко и удар смягчился тем, что я попала под нижнюю часть ствола. Прибежавшие с той стороны ключа Колосовский, Дада и Семен испугались:

— Что случилось?

— Ничего, — сказал Дада, опустившись на корточки. — Голова крепче такого дерева.

Он отвязал от моего рюкзака медвежью шкуру и пристроил ее к своим рогулькам. Динзай взял мою голубую фляжку с водой.

— Эта фламажка тоже тяжелая, однако.

Незадолго до того как достигнуть места, где лежал наш последний бат, который мы оставили в лесу несколько дней назад, пришлось разделить на две группы.

— Мы с Динзаем пойдем сейчас в долину Правого Хора, а вы идите туда, где мы оставили последний бат. Будьте осторожны, — предупредил Колосовский.

И вот опять мы пошли без тропы, с сопки на сопку, по каменным осыпям, по кустам, сквозь дремучие заросли. Я сбросила с головы мотулю и надела косынку. Дада, вначале звавший изюбра своим протяжным зовом «е-у-у», теперь умолк. Было не до того. Мы очень устали. Но старик шел легко, я едва успевала следить за его пилоткой, мелькавшей в кустах. Иногда он останавливался, поджидал нас с Семеном, сидел где-нибудь

на валежине и громко зевал. Потом, когда ему надоело смотреть, как мы падаем, запутавшись в траве или споткнувшись о камни, он расхохотался и сказал:

— Торопиться не надо. Так все время берегом иди. Я тебе собаку оставляю. Сам вперед пойду. Надо немножко обед варить. Муськэ!..

Дада приказал собаке остаться с нами. Я поманила ее. Мушка села у моих ног, задышала прерывисто, часто. Дада исчез. Но Мушка недолго была нашим путеводителем. Она бежала по следу хозяина гораздо быстрее, чем шагали мы. Черный хвост ее иногда мелькал далеко впереди, я звала собаку, она возвращалась к нам и опять уходила. Наконец мы потеряли ее из вида. Берег Хора стал высоким, обрывистым. Хор бежал справа от нас, где-то внизу. Мы поднялись на сопку еле дыша.

— М-м-м, — промычал глухонемой Семен, схватив меня за рукав. — М-м-м...

Я посмотрела вниз направо. Большой медведь плыл через Хор прямо на нас. Он был уже на середине реки. Не помня себя от страха, я пустилась бежать под гору с такой силой, что не заметила, как ободрала до крови руки, как шипы боярышника располосовали правый рукав моей куртки и где-то на ветках повисла моя косынка. Семен, бежавший за мной, подхватил ее на лету. Я ни разу не оглянулась. Но оттого, что Семен, напуганный зверем, тоже мчался так, что с треском ломал кусты, мне казалось — медведь догоняет нас. Оружия с нами не было. Между тем зверь остался уже далеко позади, он нас просто не заметил. Когда я, запнувшись за какую-то валежину, упала, Семен, подавая мне руку, сам поскользнулся, присел, и мы оба захотали.

— М-м-м... — Он потянул носом воздух, учуяв запах дыма.

Дада уже развел костер, дым расползлся далеко по ветру. Теперь нам осталось уже немного идти. Но, странное дело, ноги совсем не слушались. Перешагивая через толстые лесины, лежавшие на пути, хотелось сесть на них и не подниматься. Когда мы подошли к костру, где сидел Дада, я с размаху бросилась в траву и почувствовала, как земля подо мной закружилась.

— Чего такое? — испугался старик.

Семен мычал, объяснял ему по-своему и показывал мою косынку. Дада хохотал.

— Вставай. Смотри, какой ветер большой. Деревом задавит.

Вскоре пришли Колосовский с Динзаем. Узнав о происшествии, посмеялись. Пока мы готовили сило, кипятили чай, Динзай бродил по берегу, ловил рыбу. На удочку он подцепил двух хариусов.

— Вот хорошо! Сейчас самое время талу кушать, — приговаривали удэгейцы.

По случаю дня рождения Колосовского я приготовила сладкий чай. Обед прошел второпях. Ветер усиливался, а нам ведь нужно было добраться сегодня до второй лодки. За обедом Колосовский сказал, что его предположения относительно Правого Хора подтвердились.

— Это самостоятельный приток. Его можно было бы назвать как угодно, только не Правым Хором. Вы видите, что на всем этом участке долина Хора имеет явно выраженное направление. По своему геоморфологическому характеру это так называемая долина размыва. А вот у Правого Хора долина широкая, заболоченная. Там другой ландшафт. Кроме того, запас воды в нем гораздо беднее в сравнении с Хором. Можно было бы сделать химический анализ воды. Но ясно и так, что Правым Хором этот приток назван по какому-то недоразумению.

— Значит, Правого Хора не существует?

— Выходит так. Во всяком случае, роль у него не та, которая изображена на географической карте.

Через несколько минут, гремя посудой, мы стали укладывать вещи на бат. Все это делалось необычайно оживленно, со смехом, с шутками, несмотря на то, что ветер, казалось, грозил обрушить на нас весь береговой лес.

— Э, теперь быстро ходи! — радовался Дада, стоя на корме бата с веслом в руках.

Мы устроились в лодке все пятеро и стали спускаться вниз по реке. Хор был маленький, но прыткий. Мы едва успевали отводить от себя ветки деревьев, чтобы не хлестали по лицу. Навстречу бежали взлохмаченные ветром березы, покрасневшие кусты кизильника, стелю-

щийся волною вейник. В сумерках мы пристали к правому берегу, безуспешно стараясь отыскать для ночлега хотя бы маленькую косу. Вопреки таежным правилам, пришлось располагаться в лесу.

— О, здесь немножко страшно будет, — говорил Динзай, оглядывая высокие ели, возле которых мы кое-как развели костер.

Из темной глубины леса с грохотом катилась буря. Как будто где-то работала артиллерия. Раскатистые залпы один за другим сотрясали воздух. Шел ветровал. Под его порывами теперь уже не только сухостойные стволы ложились на землю; гибли лесные великаны, живые деревья и, падая, издавали оглушительный треск. Почти всю ночь мы не спали. Удэгейцы говорили, что после этой бури увеличатся заломы, появятся новые препятствия на пути. Однако все были настроены бодро. Едва забрезжил рассвет, мы двинулись в путь.

— Хорошо бы успеть добраться до рации, — говорил Колосовский, поглядывая на часы. — Скоро ведь наше время.

На этот раз мы не успели воспользоваться радио, так как задержались в пути. Неподалеку от ельника, где под опрокинутым батом безмолствовала «Тайга», мы два раза разбирали залом, образовавшийся после бури.

Едва добрались до рации, Колосовский попробовал наладить связь, но никто не отозвался, так как наше время давно вышло. После бури в ельнике было тихо. Ветер уронил шесты, на которых Динзай оставлял ботинки. Но лес стоял все такой же величественный, гордый, каким мы его видели в первый раз. Спешно собрав вещи, мы погрузили их на два бата. На одном расположились Колосовский с Динзаем, на другом мы с Дадой и Семеном.

Незадолго перед отправлением, Фауст Колосовский попросил Динзая обстругать один шест и с помощью рулетки разметил на нем деления: красным и синим карандашом.

— Вам небольшая нагрузочка в пути, — сказал он, подходя ко мне с листом бумаги, разграфленным на четыре графы. — Будете вести промер реки. Не возражаете?

— Но я не знаю, как это делается. Объясните.

— Хорошо. Только заготовьте себе еще несколько таких листов, чтобы хватило до вечера.

Я сшила листы в тетрадь, расчертила их карандашом и, уяснив свои новые обязанности, села в лодку. День был холодный, с дождем, к тому же от быстрого движения по реке лицо обдавало ветром. Не прошло и часа, как я почувствовала, что замерзла. Через каждые пятнадцать метров надо было опускать в воду трехметровый шест с делениями и записывать глубину реки, ширину ее (хотя бы на глаз), особые примечания. Шест был мокрый. Холодная вода стекала с него на брюки, они прилипали к коленям. Без перчаток руки озябли, пальцы не слушались. Дада направлял бат поперек волны. Это замедляло наше движение, не говоря уже о том, что требовалась большая сноровка батчиков: я просила вести бат как можно прямее. Вода относила его в сторону. Дада сердился:

— Чего тебе мерить, мерить? Кончай работу, хватит, домой идем!

На нас были теплые ватники, но мы замерзли так, что решили развести костер на берегу, чтобы погреться. В лесу все промокло от дождя, негде было найти даже куска бересты. Дада раздумывал: стоит ли тратить время? А когда увидел, что Колосовский с Динзаем прошли мимо нас, не останавливаясь, махнул рукой на свою затею. Река становилась теперь широкой. Бесчисленные ключи, сбегаящие с гор, воды Сагды-Биосы, Кадади и других рек уже текли вместе с хорской водой, увеличив ее силу. Пересекать Хор становилось труднее.

Дада торопился в Гвасюги. Еще бы! Наступило время хода кеты. Надо было успеть наловить рыбы и подготовиться к зимней охоте. Теперь старик только об этом и говорил. У Дады было три сына. Старший, Сандали, служил в армии, Дада ожидал его домой в эту осень. Средний сын, Гага, учился в седьмом классе. Младший, Павел, нынче должен был пойти во второй класс. Матери у них не было. С тех пор как она умерла, Дада не женился.

— Смотри, какое место наш Васей купался...

Дада указал на огромный выворотень, торчавший посреди реки. Около него вода бурлила и заворачива-

лась в круг. Да, здесь надо проходить очень осторожно, чтобы не перевернуться, как это случилось с нашими товарищами. Где они сейчас? Хотя по распоряжению Колосовского Нечаев, Мисюра и Василий должны были ждать нас в Тивяку, мало ли что могло произойти за это время?.. Ведь Андрей Петрович был болен.

Налегая изо всей силы на весла, Дада и Семен стали грести к противоположному берегу. Я опускала шест в воду, едва доставая им дно. У берега торчали голые ветки лиственниц, опрокинутых вершинами вниз. Дада хотел обойти их, чтобы не задеть. Бат уносило в сторону. Старик боялся нарушить точность измерения и в то же время понимал, что здесь опасно поворачивать. Семен не понял его, подрулил к берегу. Бат стукнулся о деревья. Ветки ударили меня с такой силой, что я выронила шест и закрыла лицо руками.

— О-ё-й! — крикнул Дада, видя, как кровь, хлынувшая у меня изо рта, из носа, полилась на дно лодки и окрасила скопившуюся там воду. Мне показалось, что у меня вылетели зубы. Но, к счастью, ничего серьезного не случилось. Я попросила Даду пристать к берегу, вынула из рюкзака марлевый бинт и перевязала правую сторону лица с подбитым глазом и оцарапанной щекой. Дада смотрел на меня жалостливыми глазами и сердито ворчал на Семена:

— Как не понял, черт возьми! Куда глядел — сам не знает. С ним ходить совсем не могу. Чего думает?

Семен стоял, опустив голову. Он понимал, что его ругают. Я остановила Даду:

— Ладно, отец, не волнуйся, ничего страшного не случилось. Идемте дальше. Теперь долго будем догонять наших. Смотри, как они далеко.

Впереди, на большом расстоянии, темнела бегущая по волнам лодка. Колосовский и Динзай ничего не слышали, удалившись от нас. Вечером, когда мы причалили к какой-то отмели, заваленной корягами, они уже разводили костер.

— Чё, опять авария? — со смехом спросил Динзай, увидев мою повязку. — Что такое, понимаешь, как не везет... а? Товарищ начальник, — обратился он к Колосовскому, — посмотри, она совсем разбилась...

Колосовский сидел у костра спиной к воде и, обернувшись, покачал головой.

— Ну что это такое... друзья? Просто досада берет, честное слово! — Он поднялся, шагнул ко мне навстречу. — Где это вас так угораздило?

Дада объяснил ему, все как было, а когда Колосовский сказал, что завтра мне придется пересест к ним в лодку, старик обиделся.

— Такой случай больше не будет. Зачем сердиться? Не надо сердиться. Надо так ходить до конца одним батом. Верно? — спросил он меня и, получив подтверждение, взялся месить тесто для лепешек.

Ужинать я не стала, во рту все распухло, болела щека, трудно было разжать губы. Динзай притащил откуда-то целый ворох травы и устроил мне постель у костра. Дождь пощадил нас в эту ночь, и я записала в дневник все, что накопилось за последние три дня. Несколько раз из-под тента, где спали удэгейцы, слышался голос Дады:

— Хватит писать, э-э... Спать когда будешь?

Взъерошенная голова его приподнималась над подушкой и снова падала. Я приготовила себе еще одну тетрадь для промера реки, так как завтра днем мне предстояло опять записывать цифры.

— Сапоги не будут гореть?

Дада все еще не спал. У костра на двух кольях сушились мои сапоги. Он заметил, что от них струился пар, и сам отнес их подальше, надев на нижние сучья рогатой ели.

— Завтра будем залом большой проходить. Отдыхай хорошо, — сказал он, проходя мимо меня на свое место.

Утром я долго спала. Не слышала, как пошел дождик, как все встали и как, отправляясь с Динзаем на разведку, Колосовский попросил Даду и Семена перенести его палатку и поставить надо мной. Я проснулась от тишины, от тяжести четырех одеял, сброшенных на меня, от того, что кто-то говорил шепотом. Или, может быть, это дождевые капли стучали так о полотняную крышу.

— Пускай спит. Пускай спит.

Я отвернула край палатки и увидела — все сидят под тентом, греются у костра, ждут, когда я проснусь. Этого никогда не бывало.

— Ну, как самочувствие? — спросил Колосовский, видя, что я выхожу из палатки. — А мы побывали в разведке. Вы знаете, нам повезло. Здесь прошли большие дожди. Под водой не видно ни карчей, ни камня. Давайте скорее завтракать — и в поход! — скомандовал он.

Несмотря на сильный дождь, мы отправились в путь. За день ватная куртка на мне промокла. По пилотке Дады бежала потоками дождевая вода. Семен посинел от ветра. Но мы утешали себя тем, что скоро будем в Тивяку.

Около устья реки Сооли Дада решил нарвать мягкой травы хайкты для подстилки в улы. Мы с Семеном встали под дерево, чтобы не мокнуть. Как хотелось развести хотя бы небольшой костер и согреть руки! Но поблизости не оказалось ни одной сухой палки, ни куска бересты, ничего. Семена трясло от холода, он все время подскакивал, тянул в себя воздух со свистом и сердито поглядывал: не идет ли Дада? Я сняла с головы свой платок и отдала ему. Платок был большой и укрыл Семена до пояса. Подплывая к берегу, Колосовский с Динзаем захохотали.

— Фауст Владимирович, — окликнула я Колосовского, — посмотрите, какой здесь красный кизильник...

— Нет, вы лучше посмотрите, какой нос у Семена, краснее вашего кизильника! — насмешливо отозвался Фауст Владимирович, видя Семена, закутанного платком. — Почему остановка? — спросил он уже серьезно. — Дада! Да-да-а! — крикнул он изо всей силы. — Хватит вам чепухой заниматься. Поехали! Между прочим, знаете, — продолжал он, обратившись ко мне, — вот здесь прекрасное место для ондатры. Она ведь любит низкие места в низовьях притоков, где есть болота, озера, тихие заводи. Вообще, ондатру можно выпускать в низовья всех крупных притоков Хора.

Я слушала Колосовского и молчала, видя, как он посинел и с трудом выговаривает слова.

— Ехаем! — громко крикнул Дада. Он вышел из кустов, неся в руках целый сноп травы.

— Ехаем... — передразнил его Динзай и сплюнул, — чепухами занимается, понимаешь... На черта такое дело?

Дада не обратил ни малейшего внимания на эту

вспышку Динзая. Насвистывая, он отвязал бат и вслед за нами уселся, подымая в воздух весло.

Хор был глубокий, вода кипела, плескалась под веслами, бат наш покачивало из стороны в сторону, и казалось, не будет конца этим всплескам, дождю и ветру. Промерный шест мой разбух от воды, стал тяжелым, иногда он уже не доставал дна. Два метра, два с половиной, три... Цифры лепились в мокрой тетради столбиками, пальцы плохо слушались, мы все озябли, и все-таки самое тяжелое осталось позади...

21. ОБРАТНЫЙ ПУТЬ

Трудно передать волнение, с каким мы готовились встретить знакомый домик Ермаковых. Тот, кто бродил по тайге, надолго отрываясь от родных мест, знает, как дорого бывает видеть дымок над трубой, изгородь, а порою даже простую затеску на дереве — след человека. Еще до Тивяку оставалось километров двадцать, а мы уже заговорили о том, как выгрузим бат, какие вещи оставим на берегу.

Быстро-быстро скользят по волнам наши длинные, узкие лодки. Над рекой у берегов склоняются сизые от дождя кусты.

— Опять мерить? — испуганно спрашивал Дада в ответ на мою просьбу повернуть бат поперек реки.

Вот и Тивяку. Один-единственный дом на взгорье, но он обрадовал нас так, как будто мы входили в село. Едва наши лодки стукнулись о берег, ермаковские собаки залаяли, с визгом бросились нам навстречу.

— Иди скорее... — Дада еще сидел в лодке. — Зови помогать нам.

Я выпрыгнула на берег. По крутой тропе поднялась наверх, не взяв с собой ничего, даже рюкзак оставила в лодке. Дзябула чуть не сшибла меня с ног прыжками, завертелась волчком, заскулила.

— Багдыфи! — воскликнул Сидя.

Он первый услышал лай собак и выскочил из дому. Следом за ним на тропе показался Василий.

— Приветствуем! Приветствуем! — говорил он, подавая руку, и захохотал, притронувшись пальцем к моей повязке. — Ранение есть? Да?

Я попросила Василия помочь батчикам. Сидя уже был там. С берега доносился его громкий голос. Василий побежал, присвистывая.

— Наконец-то! — воскликнул Нечаев, медленно сойдя с крыльца.

Его трудно было узнать. Пока мы ходили, он отрастил бороду, побледнел. Значит, все они здесь? Вот и Лидия Николаевна. Близким, родным теплом повеяло на меня. Мы обнялись и вместе вошли в дом.

— Това-арищи! — нараспев заговорил Ермаков. — Ну, наконец-то...

Я сняла у порога куртку, сбросила с ног сапоги, и было такое ощущение, словно перевал мне просто приснился.

В один миг все наши вещи с берега были перенесены в дом. Мария Ивановна встретила нас так, как будто уже давно готовилась к этой встрече. На железной печке в большой сковороде жарилось мясо с картофелем, на столе в тарелках горой лежали горячие пирожки. Тепло домашнего очага разливалось повсюду: гремело радио, люди без умолку говорили. Русская речь переплеталась с удэгейской. В первые минуты трудно было слушать кого-нибудь одного.

— Ребята! Топите баню! — распорядилась Мария Ивановна после того, как все собрались.

С непривычки, вместо того чтобы воспользоваться табуретками, люди сидели на пороге, на полу, сбросив с себя мокрые сапоги и куртки. Где-то на чердаке Юрий нашел несколько стеблей табака. Мелко порезав их ножиком, предложил гостям. Удэгейцы жадно затягивались дымом, смеялись. Ермаков ходил по комнате, потирая руки. Иногда он поглядывал на дверь, за которой скрылся Колосовский, разбиравший нашу почту. Федор Иванович радовался за него, за всех нас.

— Вот видите, все больные выздоровели и всем здоровым стало легче.

— Ну вот вам, пожалуйста! — повеселев, сказал Колосовский, выходя из-за двери. Он протянул мне радиogramмы, которые не сумел принять в тайге. — А вы волновались... Эх, женщины, женщины!..

Я взяла радиogramмы. Это были вести из дому. Действительно, чего только не передумаешь о детях в разлуке с ними! Матери всегда кажется, что без нее

опасность подстерегает их на каждом шагу: то река обернется к ним жестоко, то ветер подует на них неласково, то болезнь подкрадется именно к ним. Да и можно ли матери не думать об этом!

Я с волнением перечитываю краткие строки, за которыми вижу все: дома ждут меня не дождутся. Юра следит за нашим походом по карте. Уходя, я оставила дома карту, отметив на ней свой маршрут. Я вижу: мальчик стоит перед картой нахмурившись. С тех пор как газета напечатала информацию о том, что экспедиция двинулась к перевалу пешком, никаких известий о нас не было. Мальчик спрашивает у отца: «Почему экспедиция осталась без радиосвязи?» И отец, догадываясь, объясняет ему, что наш передатчик нести было тяжело. В классе учительница, может быть, ласковее, чем всегда, поглядывает на Юру. Светловолосая голова его склонилась над раскрытой книгой. Я все вижу. Не могу только представить себе, как наша маленькая Ольга по утрам складывает в сумку книжки и тетради. Ведь она впервые пошла в школу! Бабушка провожает ее и встречает. Дедушка, умиляясь, смотрит на ее караули. Вот сейчас в Хабаровск полетит радиограмма. Надо сообщить, что мы благополучно достигли перевала и возвращаемся домой... Как они обрадуются!

— А еще есть вот такое распоряжение. Читайте.

Колосовский усмехнулся. Он сидел за столом, пока я перечитывала домашнюю корреспонденцию, ждал, поглядывая в окно.

— Опоздали, — сказал он, вставая из-за стола.

Распоряжение крайисполкома действительно запоздало. Нам предлагалось вернуться назад. Ввиду того, что лето выдалось дождливое и экспедиция медленно продвигалась по маршруту, в крайисполкоме решили, что у нас не хватит ни времени, ни сил, ни продуктов, чтобы дойти до перевала. Теперь этот документ уже утратил смысл. А тогда? Что было бы тогда, если бы мы услышали его по радио? Вернулись бы?.. Нет! Бывают такие распоряжения, которые выполнить невозможно...

Мы задержались в Тивяку на два дня. Привели в порядок все экспедиционное имущество, просушили вещи, упаковали их снова. Груз наш увеличился. В лесных трофеях прибавились шкуры лося, изюбра, чучела

птиц и мелких зверушек. Пока мы с Колосовским добивались до перевала, наши товарищи вели здесь научную охоту, собирая экспонаты для музея, пополняли гербарий.

Несколько дней Нечаев лежал в постели не поднимаясь. Но мысль о возвращении домой без нас казалась ему невероятной. Ермаков предложил свой бат, чтобы отправить Нечаева в Бичевую. Андрей Петрович отказался.

— Все пройдет. Я знаю: все пройдет, оставьте меня в покое, — просил он Ермакова, и тот, будучи покладистым человеком, чуждым всякой паники, верил, что все обойдется по-хорошему, только надо истопить баню и прогреть его как следует.

Лидия Николаевна и недовольна была ролью сиделки и тревожилась за состояние больного. Упорство Нечаева она приняла сначала с тревогой, потом с благодарностью. Когда Андрей Петрович впервые вышел к столу, бледный, осунувшийся, Ермаков подскочил к нему, поставил табуретку, заговорил весело, сверкнув очками:

— Вот и великолепно! Вы же просто герой. Через два-три дня мы с вами на уток пойдем.

Мария Ивановна переглядывалась с Лидией Николаевной, украдкой звала ее к себе в комнату, говорила:

— Вы посмотрите на Федю. Он же мертвого плясать заставит.

— А все-таки Андрей Петрович уже встает! Ему стало легче, — радовалась Лидия Николаевна.

Через два дня, и верно, Нечаев пошел в лес. Только не за утками. Он принес какой-то новый вид бересклета и вечером с увлечением рассказывал о замечательных свойствах этого растения, в коре корней которого содержится гуттаперча. Теперь бересклет был заложен в гербарную папку, и Лидия Николаевна, укладывая вещи, преподносила мне всю историю с Нечаевым, с его счастливым выздоровлением, как какую-то необыкновенную случайность.

— Вы подумайте, — говорила она, — ведь когда наш бат перевернулся на заломе, Нечаев упал в воду. Он просто вывалился за борт. Хорошо, что там было неглубоко. Но вода-то холодная. Юрий на руках поднял

его и положил в бат. Как он стонал, если бы вы знали! По-моему, у него было воспаление легких. Я ставила ему компрессы, сидела возле него. Настроение было ужасное. А тут еще от вас нет никаких вестей. Меня все время мучила совесть: ведь я же не простилась с вами, когда мы расставались. Так себя ругала, вы не представляете...

Накануне нашего отъезда Федор Иванович весь вечер рассказывал смешные истории. Сидя опять исполнил шаманский танец. В руках Ермакова тем временем быстро мелькали ножницы. Он резал бумагу на мелкие кусочки. Никто не знал, что он затевает. Утром, когда мы уже сидели в лодке, а с горы нам кричали: «До свиданья», — Ермаков выбежал на крайний утес и выстрелил оттуда. Белый вихрь бумажек, как снег, посыпался на воду. Мы замахали платками в ответ на ермаковский салют. А Федор Иванович уже бежал по берегу и размахивал в воздухе шляпой:

— До свиданья, друзья!

Еще минута — и за поворотом исчез высокий берег, где стояли Ермаковы. Рядом с ними был Колосовский. Он собирался выехать вслед за нами на другой день, предварительно побывав на Черинае, чтобы взять оттуда Шишкина.

Итак, мы плыли в Гвасюги. Сидя сопровождал нас в оморочке до каменного залома. В пути он доставил немало веселых минут. Изображая охоту на изюбра, он то пригибался и затаивался в лодке, то вскидывал вверх ружье, ища предполагаемую цель. За каменным заломом мы с ним расстались. Промер реки вели теперь уже вместе с Лидией Николаевной; Василий, сидя в носовой части бата с веслом в руках, жестами и мимикой говорил Семену о том, что скоро будем в Гвасюгах. Тот улыбался, как дитя, или, скорчив жалобную физиономию, показывал на фурункулы, которые в последние дни его одолели.

— С генетической и морфологической точки зрения, — говорил между тем Нечаев, — я бы разделил долину Хора на три отрезка.

И он стал пространно излагать свою точку зрения на историю образования этой долины. Я спросила, хватит ли у него материала для отчета, и увидела, как он сразу оживился:

— Безусловно. Я хочу дать полное описание растительного мира долины. Мы собрали очень интересный гербарий. Лесные богатства здесь удивительны...

Он говорил, а нас быстро уносило по широкой реке. Расстояние, на которое мы тратили недели, поднимаясь вверх по Хору, теперь проходили за один час. День был солнечный. Окутанные легкой синей дымкой, вдали быстро менялись пейзажи. Чем ниже мы спускались по реке, тем живописнее становилась тайга. В кратком торжестве осени природа проявила свою неистощимую фантазию.

— Посмотрите, какая пестрота! Сколько здесь красок! — воскликнула Лидия Николаевна, указывая на сопку.

В самом деле, сопка была разноцветной. Осень-художница прошлась по ней своей невидимой кистью. Вот среди зелени кедров вверху — красный веер. Это кусты рябины. К вееру тянется рука. Огромная фигура в пестром сарафане занимает полсопки. Островки пожелтевших берез среди хвойного леса образовали ее округлые линии. Всю сказочную пестроту наряда составляют различные деревья и кустарники. Их нетрудно узнать по цвету листвы. Клены выделяются багряными пятнами, между ними вкраплены нежно-сиреневая листва бархатного дерева, розовая пена бересклета, внизу, под темно-бордовым кизильником, по самому подолу платья идет увядшая, с коричневыми султанами, сорбария.

— Я опять возвращаюсь к той же теме, — говорит Андрей Петрович. — Вы видите, какое разнообразие растительных форм в этой долине? Сколько здесь декоративного материала! Ведь если бы наши города озеленить этими деревьями и кустами, как было бы хорошо! Я уверен, что когда-нибудь мы начнем переселять из тайги в городские парки и скверы всю эту роскошную зелень.

— Скажите, Андрей Петрович, а как будет чувствовать себя на городских улицах такое растение, как аралия? — спросила Лидия Николаевна.

— Превосходно. Только нужно учитывать индивидуальные особенности каждого вида. Ель, например, на солнцепеке нельзя высаживать. Вообще, я должен сказать, что, к сожалению, многие судят о нашей природе

по тем тополям и вязам, которые растут в городах, как будто здесь больше нет ничего. А ведь отсюда в центральные города страны, даже на Украину вывозят ясень, бархат, маньчжурский орех...

Он помолчал и опять заговорил, все более воодушевляясь:

— В самом деле, о богатствах дальневосточной природы написано много книг, но пока эти богатства еще не используются как следует. Из бересклета можно получить гуттаперчу. У нас на сотни лет хватило бы сырья для целлюлозной промышленности. В ботанических садах Ленинграда, Киева, Харькова уже растут эти чудесные переселенцы с Дальнего Востока. Вот сейчас, когда осуществляется план преобразования природы и для борьбы со стихией, с ее опустошительными ветрами, советские люди берут к себе в помощники лес, вы подумайте, какую пользу могут принести природные богатства нашего края! Это огромный фонд страны.

Да, богатства тайги поистине удивительны. Но, глядя на расцвеченные яркими пятнами сопки, на речные террасы, хотелось, чтобы в этой лесной глуши скорее заблестели крыши домов, и веселые дымки из труб оживили дремлющую долину...

— Е-у-у!.. — донесся по реке знакомый голос Дады.

Я оглянулась. Сзади нас шел еще один бат. Мокрые весла сверкали под солнцем при каждом взмахе. Дада и Динзай догоняли нас, изо всей силы налегая на весла.

Они вышли из Тивяку еще вчера, погрузив на бат вещи Колосовского. Фауст Владимирович должен спуститься до Сукпая один в оморочке. Потом все вместе они пойдут на Черинай за Шишкиным. Дада и Динзай провели эту ночь в тайге на охоте и сейчас вышли на Хор по притоку Дзюгдэ.

— Ну, теперь, Лидия Николаевна, можете обрадоваться, — сказал Василий, — будет вам еще один трофей для музея.

Не сговариваясь, Василий и Семен положили весла поперек бата, поджидая наших друзей. Они уже были близко.

— Е-у! — выдохнул Дада, хватаясь за борт нашего

бата. — Багдыфиеу! — воскликнули они разом — он и Динзай. — Давай привязывай...

Баты поплыли рядом, касаясь бортами друг друга. Так делают удэгейцы часто, когда спускаются вниз по Хору, связывают вместе по два бата и плывут.

— Вот, возьмите, — Дада бросил прямо на колени Лидии Николаевны убитую выдру.

— Где нашли? — Василий потянулся за ней, разглядывая добычу.

— Под корягой нашел он, — Динзай кивнул на Даду.

Тот, едва отдышавшись, пил с весла воду. Ватная куртка стесняла его движения. Старик сбросил ее. Вчера я отдала ему свою гимнастерку, которую оставляла в Тивяку про запас. Дада был теперь в ней и уверял меня, что не мерзнет. Но через несколько минут снова надел куртку. Без весел баты шли медленно.

— Ого! Посмотрите, кто это! — воскликнул Василий.

Неподалеку от устья Чуи, на широкой открытой косе, стоял шатер. Еще издали мы узнали Маяку. Рядом с ним сидела его супруга. Они направлялись в Тивяку.

— Пристанем? — спросил меня Василий.

— Конечно.

Маяка обернулся на свист Василия, встал и замахал руками. Мы сошли на берег, шумно здороваясь. Супруга Маяки вынесла из шатра два свертка. Один протянула Даде, другой — Василию. Василий быстро расшил свой сверток, извлек оттуда несколько пачек папирос, конфеты и шапку. Все это ему прислала Даша. Не скрывая радости, он прочитал письмо, потом надел шапку и засмеялся.

— Вот шапка историческая. Все фронты в ней прошел. Теперь опять пригодилась. Ну что, закурим? — Василий роздал всем курящим по пачке папирос. — Давай, Динзай Мангулевич, закуривай, — подмигнул он Динзаю. — Теперь не будем прятать... Отец! — окликнул Василий Даду.

Но тот уже набил табаком трубку и сидел у самой воды на камнях, чего-то ожидая. Перед ним лежали теплые рукавицы, шапка-ушанка, два белых узелка, стянутые нитками. Я подошла к нему. В руках он вертел конверт.

— Читай мне, — сказал Дада, видя, что я оказалась с ним рядом. — Идем туда, — он указал на свой бат.

Я прочитала ему письмо. Оно было написано по-русски:

«Здравствуй, дорогой отец!

Шлет тебе привет твой сын Сандали Дадович Кялундзюга. Я давно приехал домой. Меня демобилизовали из армии, так что я теперь работаю в колхозе. Кета пошла хорошо. Наловили триста штук. Ловили вдвоем с братом Гагой. Картошку на своем огороде копать не кончили, а колхозную всю собрали. Получилось много. Люди не знают, куда девать. В этом году такая крупная картошка. Все удивляются: почему такая?

Ты как себя чувствуешь, отец? Как твое здоровье? Ждем тебя домой, прямо не знаю, когда дождемся. Я тебя уже два года не видел, как тот раз приезжал на побывку, так и все.

Посылаем тебе шапку, рукавицы, табак, сахар и конфеты. Желаем самых лучших пожеланий и передаем привет всей экспедиции. До свидания. Писал Сандали Кялундзюга и еще двое твоих сыновей, Гага и Павел...»

Я перевела письмо на язык Дады, и когда мы снова отправились в путь, он попросил меня пересказать письмо еще раз. Старик соскучился о своих сыновьях. Глаза его увлажнились.

— Сандали дома, это хорошо! — вздохнул он с облегчением.

Баты пришлось отвязывать. Теперь нам предстояло идти поперек реки. Дада предложил мне рукавицы, хлопнув ими друг о дружку.

— Бери!

И сам засмеялся, зная, что не смогу записывать в рукавицах.

— Почему Динзай такой сердитый, как будто на медведя идет? — заметил Василий.

Динзай молча сидел в носовой части бата. В эти дни он мало разговаривал. Может быть, человек этот задумался над своей судьбой? Ведь не случайно он спросил вчера: «Когда поступают в колхоз, пишут заявление?»

Все удэгейцы торопились домой, всех ждали семьи и, главное, ждали большие, общие дела, от которых

люди становятся как бы сильнее друг перед другом. Но кто ждет Динзая? Детей у него нет. Жена сейчас живет у каких-то дальних родственников, и если ждет его, то разве только для того, чтобы сказать, что ей уже надоело кочевать с Хора на Бикин и обратно. Что у них есть с женой? Старый бат, берестяные подстилки, две кабаньих шкуры, имогда (коробка с нитками для шитья), облезлый чемодан, где лежит вышитая рубаха Динзая, халат жены и полотенце — вот и все. Зато младший брат его Пимка — бригадир в колхозе. У него свой дом. В доме стоят железные кровати, под кроватями чемоданы с бельем, на окнах — цветы. Пимкина жена варит кашу на молоке, рыбу жарит на сливочном масле, из стеклянной вазы конфеты подает. Пимка не ищет себе работы. Она сама его находит. Работы много: летом на полях, зимой в тайге, на охоте. Пимка хороший охотник. Зверя видит далеко. А Динзай разве хуже стреляет? Но когда стрелять? Где охотиться? В хорской тайге он — гость.

Вот о чем мог думать сейчас Динзай. Я спросила его: почему он молчит, может быть, нездоровится? Динзай подогнал свой бат к нашему и сказал:

— Здоровится, ничего. Думаю немножко.

Перед вечером мы расстались с Дадой и Динзаем. Они свернули куда-то в протоку. Ночь застигла нас недалеко от Сукпая. Как ни спешил Василий домой, пришлось опять ставить на берегу палатку, разводить костер. Дрова плохо горели. Моросил дождь. Сыростью веяло от камня. В палатке было холодно, как в ущелье. Я сняла сапоги, надела их на колья. В улах было теплее.

Всю ночь Василий и Семен не спали, сидели у костра, варили уток, стряпали, гремели посудой. На рассвете Василий ударил ложкой о железную тарелку:

— Вставайте кушать полтавские галушки!

Он был весел. Еще бы! Таежные испытания подходили к концу. Скоро Гвасюги... Мы столкнули на воду бат, когда в небе еще догорали последние звезды. Над рекой висел густой туман. Около устья Сукпая я попросила остановиться. Было уже светло.

— Эх-ма! Здесь кто-то ночевал!.. — Василий пнул ногой черные головешки забытого костра.

Неподалеку от костра стоял шест с выцветшей

красной лентой. Это был таежный знак Джанси Кимонко. Значит, Джанси ходил на Сукпай и слово свое исполнил. Интересно, что он успел написать за лето, какие главы! Мне захотелось поскорее попасть в Гвасюги.

— Наверное, у нас дома кинокартины хорошие были, — говорил Василий, погружаясь в приятное раздумье. Он уже сидел в лодке.

Только теперь, шагая по камням в мягких охотничьих улах, я вспомнила, что оставила свои сапоги на кольях, там, где мы ночевали. Василий успокоил меня:

— Это ничего. Сапоги найдутся.

Улы мои очень скоро намокли, размякли. На дне бата плескалась вода, а плыть нам было еще далеко... Лидия Николаевна опускала в воду шест, я записывала цифры. Нечаев сидел посередине бата задумавшись. Мне казалось, что он дремал. И вдруг...

— Т-с-с... — Нечаев взмахнул рукой. — Сохатый...

И верно, слева, у протоки, заросшей тальником, прошел большой лось. Он даже не повернул головы в нашу сторону. Так и скрылся в кустах. Василий схватился за ружье, выстрелил, несмотря на то, что я просила его не стрелять. У нас было разрешение только на тех лосей, которых мы убили. Этот доставил бы немало хлопот. Охотничья инспекция зорко охраняла леса. Гулкое эхо прокатилось в горах и смолкло. А лось бежал, и под его копытами ломались кусты.

— Э-э-э-й! — изо всей силы закричал Василий, поднимая в воздух весло, потом ударил веслом по воде. — Вот, черт возьми, обидно! — Узкие, острые буравчики-глаза его поблескивали. Он ведь был сыном Дзолодо! Джанси Кимонко говорил, что Дзолодо реки и леса насквозь видел.

— Ничего, Вася, — подбадривал молодого удэгейца Нечаев, — не расстраивайся. Надо скорее вперед идти. Мы сейчас остановимся вон там, за поворотом. Я хочу осмотреть пойму.

Через несколько минут мы остановились за поворотом реки, где пойма отодвинула сопки невесть как далеко. Все вышли на землю, только Семен, кутаясь в ватник, сидел на корме. По краю берега шелестел сухой вейник. Мы утонули в нем по самые плечи. Впере-

ди, за кустами, темнели высокоствольные ивы, тополя. Нечаев пошел прямо, шагнув по валежине через какую-то мелкую заводь. Василий — за ним.

— Ма-ма-ма! — поманил он собаку.

— Идемте сюда...

Я повернула влево. Здесь берег был круче и реже лес. Это было место, где когда-то стояли удэгейские юрты.

— Как здесь страшно, — полушепотом сказала Лидия Николаевна, оглядываясь по сторонам. Она шла за мной, руками отводила от себя высокую траву. — Неужели здесь жили люди?.. Смотрите, вот какой-то столб, что ли...

Лидия Николаевна двинула ногой обрубок дерева. Да, здесь жили когда-то лесные люди. Тяжелая история этого стойбища казалась теперь жуткой небылицей. Стойбище вымерло в течение нескольких суток от черной оспы. Черную оспу занесли сюда купцы и контрабандисты. Она косила удэгейцев с такой быстротой, что они не успевали опомниться. Люди умирали, сидя у костра, в юртах, валялись замертво возле нарт, которые не успевали сдвинуть с места. Дети, привязанные в люльках, чернели, как обуглившиеся чурбаки. Из всего стойбища остались в живых только двое: Илья Кялундзюга и его маленькая дочка. Они спаслись чудом, убежав в низовья реки. «Большая болезнь» — так называли удэгейцы черную оспу. Они срывались со своих гнезд, как птицы во время пожара, и прятались друг от друга.

— Так, значит, дочка Ильи — это Зоя, та самая, которая теперь заведует детскими яслями? — спросила Лидия Николаевна.

— Да. Вы представляете себе, что здесь было? Люди умерли. А собаки остались. Они отпугивали ворон и сами растаскивали кости. Джанси Кимонко говорил, что Яту как раз в это время бежала мимо стойбища и все видела.

— Нет, я дальше не хочу идти, — Лидия Николаевна поежилась. — А кто такая Яту?

Я напомнила историю «мангмукей» — женщины с Амура, о которой Джанси собирается рассказать в своей повести. Летом он не зря ходил по старым кочевьям. Смотрел, вспоминал, с болью в сердце бродил по де-

довским могилам, заросшим высокой травой. И Яту — эта маленькая женщина, похожая на птичку, — не даром прилетела сюда с Анюя. Джанси позвал ее. Собирая материал для повести, он беседовал со стариками, записывал их рассказы, обдумывал...

Лидия Николаевна подошла к берегу, оглядела наш бат.

— Давайте будем вычерпывать воду. Семен! — крикнула она удэгейцу, сидевшему на корме. Глухонемой остался недвижим.

Я взяла его за руку и объяснила жестами, что надо сойти на землю. Семен заулыбался, вышел из лодки, отряхнулся и стал показывать, как мы с ним в тайге испугались медведя. По тому, как он обхватил свою ногу ниже колена обеими руками и, приподняв, сделал вид, что перешагивает через валежину, я поняла: Семен передразнивал меня, но беззлобно.

— М-м-м, — промычал он, прикладывая палец к губам, и указал им по направлению к Гвасюгам, погрозив мне.

Мы засмеялись.

— Что он хочет? — спросила Лидия Николаевна.

— Он просит не говорить об этом дома.

За кустами слышались мужские голоса. Потом белохвостая Дзябула выбежала из травы, повертелась около меня и прыгнула в бат. Нечаев и Василий, возбужденно размахивая руками, шли быстро, как будто за ними гнался медведь. Василий протянул нам шапку, доверху наполненную гроздьями синего винограда.

— Куты-мафа есть, — сказал Василий, оглянувшись назад. — Верно, верно, там тигр. Следы видели вот такие. Кости кабана видели. Не верите?

— Да, — подтвердил Андрей Петрович, — где-то здесь бродит тигр. Следы совершенно свежие. По-видимому, тигр охотится здесь за кабанами.

— Ну что? Поехали? — Василий взмахнул веслом. — Все, товарищи, поехали. Больше не будем останавливаться. Экскурсии надо кончать.

Опять широкая река понесла нас мимо сопок, поросших лесами, мимо угрюмых скал с темными неровными боками. Волна разбивалась о них и глухо шипела. Но вот скалы отступили назад, и перед глазами открылась долина. Как здесь было просторно взгляду! И опять ши-

рокие эти дали хотелось видеть, как фон, на котором поднимутся большие и красивые села, рудники, а может быть, города. Справа от нас засверкали протоки. К заливику с тихой водой, окаймленной еще живой зеленью, вышло счастливое семейство. Заломив крутые рога, изюбр стоял, подавшись грудью вперед. Он нюхал воздух и не видел опасности. За его спиной доверчивая мать с детенышем лакомились водными растениями. Как легко было свалить выстрелом этого красавца, беззаботно повернувшего длинную шею направо! У Василия задрожали руки, он уже потянулся за ружьем.

— Не стрелять! — крикнула я так громко, что и сама испугалась своего голоса.

Изюбр метнулся в лес, обгоняя подругу. Все трое они исчезли так же быстро, как и появились. Василий рассердился:

— Наверно, жалко стало, да?

Он прищурился, умолк и до самых Гвасюгов не разговаривал со мной. Но когда мы стали подходить к селу, он обратился с просьбой, в которой невозможно было отказать.

— Салют разрешите дать? Так полагается. Три рара в небо. Хорошо? — И опять прищурился, но уже весело.

Бат трижды качнуло. Эхо трижды отозвалось в горах, Василий радовался. Он положил ружье, взял весло в руки. Вот и первые избы. Можно себе представить, какое волнение мы испытывали, подходя к Гвасюгам, если единственный дом в Тивяку несколько дней назад показался нам селом.

Мы еще не успели пристать к берегу, но у моста и на мосту уже столпился народ.

— Эй, здравствуйте!

— Багдыфи!

— С приездом!

— Чего так долго ходили?

Удэгейцы помогли нам разгрузить лодки. По протоке с противоположного берега плыли на оморочках, на батах подростки. Среди них я узнала Гагу — сына Дады. Он поздоровался со мной и спросил про отца.

— А мы все время ожидаем, — разочарованно вздохнул Гага. — Где ваши вещи? Давайте, помогу.

— Васей! — кричала бабушка Василия. Она бежа-

ла по мосту, на ходу завязывая платок. — Ила бе си? (Где ты?)

— Мамэй! — отозвался Василий.

Он уже стоял на берегу с ружьем через плечо и с котомкой в руке. Я подала ему чайник. Белохвостая Дзябула вертелась под ногами. Василий крикнул на нее:

— Та! — и посмотрел на меня. — Возьмете?

— Нет, Василий, не возьму. Ты с ней будешь ходить на охоту. Смотри, какая она большая стала.

— Ну, ладно, — обрадовался Василий. — Я вам потом, на будущий год, другую собаку подарю. Соглашаетесь? До свиданья!

Из переулка, обгоняя друг друга, мчались к нам сыновья Батули — Пашка и Яшка.

— Вот еще участники нашей экспедиции, — сказала Лидия Николаевна, подхватив на руки малыша. — Здравствуй, Яша!

Удэгейцы засмеялись. Усатый плотник Иван Кялундзюга, прихрамывая, шел по мосту, держась за перила.

— Ну, как? Зачернили белое пятно? — спрашивал он еще издали, а когда приблизился, подал руку. — Здорово! — и замолчал, дымя трубкой. Он не верил, что мы дойдем до самой вершины Хора, и теперь, оглядывая нас с головы до ног, добродушно улыбался. — Я думал, совсем худые придете, вот такие, думал... — он сдвинул свои щеки двумя пальцами. — Наверно, мясо много кушали?

— Чего там видели? — тоненьким голосом проговорил Дасамбу, сухощавый, с подслеповатыми глазами старик. — Зверь есть много? Кабана видали?

В шумной беседе я и не заметила, когда исчез Андрей Петрович.

Широколицая Амула положила мне на плечо руку, ласково заглянула в глаза:

— Ты так сильно загорела... Теперь скоро домой пойдешь? Как пойдешь с подбитым лицом? Смеяться будут.

Старик Чауна заставил меня присесть на мосту рядом с собой:

— Как там, тигра не видели? — заговорил он так, что я не сразу поняла, шутит он или всерьез интере-

суется, но сказала, что сегодня видели свежий след тигра. Чауна хлопнул себя по колену. — О-ё-й! Ходит куты-мафа, кругом ходит. Совсем близко здесь был. Прямо корову не могу пускать в лес. Сидит в сарае. Ты как, наверно, умеешь корову доить? — Чауна засмеялся и, вставая, заговорил уже на другую тему: — Соя в колхозе хорошая получилась. Прямо не знаем, что такое.

Я разговаривала с удэгейцами, а все наши вещи тем временем уже унесли в дом. Но разве можно здесь выходить на берег равнодушным пассажиром? Столько новостей, столько вопросов! Пока мы ходили на перевал, здесь жизнь шла своим чередом: кому-то достроили избу, у кого-то родился сын или дочь, кто-то купил себе корову... Все это интересно. Но главная беседа с удэгейцами была впереди. Уходя, я сказала им об этом.

Знакомая девушка, радистка Таня, выбежала навстречу с непокрытой головой. Она по очереди трясла за плечи то меня, то Лидию Николаевну и приговаривала:

— Ой, какие вы смешные!

Иван Михайлович, одетый уже по-осеннему, шел в сопровождении своих маленьких сыновей.

— А вас уже разыскивают. Тут столько радиogramм для вас из Хабаровска! Ну, рассказывайте!

На другой день для нас истопили баню. Выходя оттуда, я увидела около предбанника знакомую фигуру Чауны.

— В чем дело, отец?

— Я тебя ожидаю. Пойдем корову доить.

Старик виновато улыбнулся и объяснил мне, что невестка Исюнда, жена Мирона, уехала на колхозные огороды. Корову доить некому.

— Идем, там оморочка есть, — торопил он, показывая на реку.

Мы переправились на тот берег и по тропинке дошли до Мироновой избы. Хромоногая бабушка обрадовалась:

— Ая! (Хорошо!)

Прыгая на одной ноге и опираясь на клюшку, она подала мне чистый подойник, полотенце и даже баночку с вазелином. Пока я доила корову, Чауна все время

прохаживался около сарая. Я спросила его: зачем он здесь ходит?

— Не знаю, — ответил он. — Если не боишься, я уйду.

Корова была недавним приобретением в семье Чауны. Кроме невестки, к ней никто не подходил.

— Завтра утром придешь? — спросил Чауна, когда я собралась уходить.

— Конечно.

Через два дня явились Колосовский и Шишкин. Алексей Васильевич привез новые этюды. Среди них были великолепные пейзажи долины Сукпая, вид на гольцы, хорские ландшафты, портрет Вали Медведёвой.

— А вы знаете, — говорил он вечером, сидя за столом, — я доволен тем, что побывал здесь. Все мои этюды — это, конечно, только заготовки для большого полотна, которое я задумал написать на материалах нашей экспедиции.

Алексей Васильевич выглядел усталым, он похудел и казался еще выше ростом.

Я разбирала свои дневниковые записи, когда Колосовский, приоткрыв дверь, объявил мне новость:

— Совсем забыл вам сказать, что ваши сапоги у Дады. Он привез.

— Как же он их заметил?

— А вот уж это вы у него спросите.

Колосовский шагнул в комнату, закрыл за собой дверь, сел на табуретку.

— Меня беспокоит вот что, — сказал он, мягко стукнув ладонью о край стола, — как мы отсюда выберемся? Нам нужно три бата до Бичевой, если учесть, что Андрей Петрович завтра отправляется один.

— Почему завтра? И почему один?

— Потому что завтра уходит почтовая лодка. Надо использовать такую возможность. А человек все-таки после болезни чувствует себя неважно. Вы представляете, что значит для него заночевать теперь в лесу? Пусть он едет. Но когда уедем отсюда мы? Три бата — это значит шесть батчиков. Где они? Все колхозники сейчас заняты. Может быть, вы поговорите с Джанси Батовичем? Хорошо бы денька через два отбыть отсюда. Как вы думаете?

В эти дни, пока колхозники заканчивали уборку овощей на полях, пока они рыбачили, трудно было рассчитывать на их помощь. Но я знала, что и Мирон Кялундзюга и Джанси Кимонко пойдут нам навстречу при первой же возможности. Оба они были теперь на полях, и я сказала Колосовскому, что утром сама к ним поеду.

Утром на берегу протоки я увидела Джанси Кимонко. Он только что выпрыгнул из своей оморочки и шел по берегу легкой, плавной, охотничьей походкой, несмотря на то, что оделся в ватную куртку, обулся в сапоги. Теплая серая шапка, сдвинутая на затылок, была еще не по сезону. Он поправлял ее на ходу, быстрым шагом сокращая расстояние между нами.

— А я к вам иду! — весело сказал он, здороваясь. — Ну, как путешествие? Понравилось? — Симпатичное, открытое скуластое лицо его озарилось такой радостью, а в твердом пожатии руки было столько дружеского участия, что я, не задумываясь, стала рассказывать ему обо всех наших неудачах и злоключениях.

Джанси слушал, улыбался, щурил правый глаз от дымившей в зубах папиросы. Ему бывалому следопыту, сыну хорских лесов, кое-что, может быть, показалось смешным, но многое — интересным. Он ни в чем и никогда не выдавал своего превосходства над другими.

— А все-таки вы дошли до перевала? Это хорошо! — искренне сказал он, когда мы незаметно очутились перед домом сельсовета. — Жалею, что меня не было. Я ведь побывал на Сукпае. Потом в Хабаровск ездил.

— Когда?

— Да вот в том месяце. Меня в крайисполком вызывали. Решали вопрос насчет границ охотоугодий нашего колхоза.

— Ну и как?

— Границы большие. Потом покажу на карте. — Джанси помолчал, затягиваясь дымом папиросы. — Соскучились о Хабаровске, наверно? Не беспокойтесь. Дома у вас все в порядке, — сказал он, бросив папиросу, и вдруг звонко рассмеялся. — С Юрой долго беседовали. Интересуется, понимаете? Спрашивал: можно

ли убить стрелой сохатого? Я ему лук сделал. — Джанси умолк, и лицо его стало серьезным. — Не знаю, как у вас дома узнали, что с вами случилось там, около Чуи. Наверно, кто-то из наших женщин поспешил рассказать. А знак мой на Сукпае видели? — спросил он, доставая из кармана ватника ключ. Сельсовет был еще на замке. По утрам Джанси приходил сюда раньше всех, чтобы в тишине поработать.

Я вспомнила погасшее кострище около Сукпая, шест с красной ленточкой и сказала, что ленточка полиняла от дождя и солнца. Джанси стал рассказывать, как он поднимался вверх по Сукпаю, потом спускался вниз и уже в пути, по ночам, на привалах, писал у костра, а когда вернулся домой и прочитал, все зачеркнул и стал писать снова.

— Вы когда собираетесь домой? — спросил он, шагнув на нижнюю ступеньку крыльца. — Когда экспедиция собирается? Мне сегодня надо подготовиться к партийному собранию. На днях думаем собрание провести.

Мне предстояло задержаться здесь так или иначе. Я еще не знала, какие главы повести Джанси Батович написал за лето. Надо было прочесть их вместе, прежде чем работать над переводом. Но Фауст Владимирович торопился. Я сказала Джанси Батовичу о шести батчиках для нашей экспедиции. Он покачал головой:

— Нет, такое дело не пойдет. Вы понимаете, уборку в колхозе мы сегодня заканчиваем. Но неужели нельзя подождать три дня? В воскресенье у нас будет праздник урожая. Мы просим вашу экспедицию принять участие. Приглашаем. Понимаете? Я сейчас сам пойду к Колосовскому.

Не заходя в сельсовет, Джанси Кимонко направился по тропе к Колосовскому. Я повернула обратно к берегу, сказав, что хочу взять у Дады свои сапоги, которые забыла на стоянке около Сукпая.

Джанси посмотрел на мои улы, покоробленные от неправильной сушки, и засмеялся:

— Пойдите! Вот какое дело, — серьезно сказал он. — Дада у нас такой человек интересный. Никогда в клуб не ходит. Поговорите с ним. Пусть обязательно придет на праздник. Как он у вас в экспедиции работал?

— Дада? Замечательно...

Старик словно чувствовал, что я иду к нему. Он уже переправлялся через протоку в оморочке. Дом его стоял на той стороне. Вытаскивая на берег свою легкую лодочку, Дада подал мне сапоги.

— Бери. Зачем так забываешь?

Я спросила, как он увидел их.

— Так увидел. Спускались по Хору. Слышим, кто-то плачет, все время так: «ы-ы-ы...» Я поглядел, вижу — сапоги плачут: «Бери нас». Я взял. Чего, не веришь?

Я сказала, что не верю, и спросила старика, что у него дома, как дела. Русские слова, смешиваясь с удэгейскими, текли от самого сердца Дады.

— Сандали что делает? — спросила я.

— Огород копает. Картошку достает, — ответил Дада.

— Он в клуб ходит?

— Имса бе (Не знаю). А что?

— В воскресенье в клубе праздник будет.

— Чего там такое? Гунэ ми... (Говори...)

— Праздник урожая. Придете вместе с Сандали?

— Он придет. Я — не знаю.

— Почему?

— Никогда не люблю ходить ночью. Спать хочу. Утром рано-рано вставать надо, картошку чистить, рыбу, мясо варить. Хозяйки нет. Манг-э! (Плохо!)

— А может быть, в этот раз придете?

— Зачем?

— Так. Посидим. Поговорим. Послушаем, что про нас скажут. Колосовский приказ написал: кто как работал в экспедиции. Разве не интересно?

— Собрание будет, что ли?

— Сначала собрание. Потом песни, музыка.

— На собрание всегда хожу. Ладно. Приду! — сказал он решительно. — Рыбы свежей хочешь? Я поймал.

— Нет, отец, спасибо! Лучше перевези меня на тот берег. Я пойду в поле.

Дада перевез меня на левый берег Гвасюгинки, и я пошла по тропе через лес туда, где удэгейцы заканчивали уборку урожая.

Мне хотелось посмотреть, как они работают на полях. Это были не те поля, какие обычно возникают в

представлении, когда заходит речь о колхозных землях. Вместо открытых, нескончаемо широких, неохватных далей, по которым с гулом плывут степные корабли, здесь — квадраты чистой земли, отгороженные живыми стволами, высоким дремучим лесом. Тайгу эту еще очень мало потревожили. Не прошло и двух десятилетий с тех пор, как удэгейцы впервые прикоснулись к земле. Это здесь русский учитель Масленников учил их сажать картофель и овощи. «Лесные люди» стали заниматься сельским хозяйством. И хотя оно несет в их жизни подсобную роль, уступая главное место охоте и рыбной ловле, но коллективный труд на полях объединил их в одну дружную семью.

Я прошла мимо участков, с которых уже давно убрали картофель. На пустой, взрыхленной земле чернели головешки от костров. Это колхозники во время работы спасались от мошки дымокуром. Сквозь заросли впереди я и сейчас увидела синий дымок. Но это ребятишки грелись у костра, пекли на огне орехи. Рядом с ними сидела бабушка Сигданка. Я подошла к ним.

— Багдыфи!

Старуха протянула мне руку, приподымаясь. Это была знаменитая сказочница Сигданка. Память ее не утратила и до сих пор тягучих, нескончаемо длинных сказок и песен, рассчитанных на долгие зимние ночи в юрте. Сигданка умела складывать песни. Голос у нее был звонкий, грубоватый. Джанси Кимонко часто ходил слушать ее сказки. Он знал Сигданку с детства. Единственная из всех хорских удэгеек Сигданка носила серебряную серьгу в носу. Эту серьгу отец надел на счастье дочери, когда ей исполнилось двенадцать лет и она стала невестой. С тех пор Сигданка не расставалась с ней, хотя счастье пришло к ней очень не скоро и серьга тут была ни при чем.

Я спросила Сигданку, что она здесь делает, зачем пришла.

— Сын работает, — она кивнула в сторону полей, — невестка тоже работает. Все люди работают. Как я буду сидеть дома? Нехорошо! Пришла поглядела, какие хорошие бобы выросли. Никогда не видала. Внуки вот тут...

Старуха щелкнула шутя востроглазого мальчонку по шапке и тут же приласкала его, говоря:

— Хватит кушать орехи! Жадный живот человека набок валит. Вставай!

Ребятишки лакомились орехами. От золы зубы у них почернели. Плоды маньчжурского ореха по величине и форме напоминают грецкий орех, только скорлупа у них темнее и крепче. На жарком огне плод сам раскрывает по шву свой корявый футляр. И это нравится ребятишкам.

Расставшись с Сигданкой, я пошла по широкой дороге, укатанной колесами телег. Над дорогой, переплетаясь ветвями, шелестели деревья. Разноцветные листья покрыли желтыми, красными, коричневыми пятнами дорогу, держались на кустах, на папоротниках. По лесу катилось эхо. Кто-то аукал, звал, откликался. Лаяли собаки. Где-то стучал топор. Я свернула налево по тропе, к соевому полю, и вдруг услышала знакомый голос:

...Бешкозырка,
Ты подруга моя боевая...

Ну, конечно, это был Шуркей. Он ехал с возом по дороге. Услышав, что его зовут, оглянулся, снял фуражку, помахал:

— Привет! Привет! — Смуглое, щекастое лицо его расплылось в улыбке от радости: вот, мол, смотрите, не каждому доверят править лошадью. — Н-но! — кричит он, натягивая вожжи. — Но ты, медведь белый, иди, что ли!

Участок, на котором удэгейцы впервые в тот год посеяли сою, занимал всего лишь восемь гектаров. Сеяли для опыта, не знали, что получится. Полеводческий бригадир Пимка Пиянка — брат Динзая, только еще осваивал агротехнику, но старался делать как учили в районе: проводил рыхление и прополку два раза. Соя уродилась хорошая. Теперь колхозники дожинали последний гектар.

Пимка шагал по краю поля с записной книжкой в руках. Я догнала его и вижу: за ухом у Пимки торчит карандаш. Понятно, бригадиру надо вести учет, он все записывает, кто сколько сделал, это уж как водится, по именам. Фамилий мало, раз-два и обчелся... Насчет урожая он может сказать только приблизительно. Пимка подхватил сноп, лежавший у тропы:

— Так считаем, центнеров восемнадцать с гектара будет. — Он выдернул из снопа несколько стеблей, густо облепленных коричневыми стручками. — Видите, спелые совсем... Соя хорошая. Вот такая вся. В других-то колхозах, может, больше возьмут, как думаете?

— Не знаю... Там, где мы были сейчас, никто не пахал и не сеял...

Глаза у Пимки округлились, понял шутку и захохотал.

— А-а... Ну, да! Верно, верно...

Потом я сказала, что соя не везде растет одинаково, урожаи разные бывают: и по десять центнеров, и по двенадцать. А восемнадцать — это совсем хорошо для начала. Тайга ведь... Со всех сторон к полям подступают деревья, на такой земле трудно бороться с сорняками... Ветер рассеивает семена диких трав.

Пока мы разговаривали, я думала, что Пимка спросит про своего брата. Но он не спросил. Такой же высокий ростом, как Динзай, и такой же легкий в движениях, Пимка был другим человеком. Жизнь у него сложилась иначе; будучи взрослым парнем, он окончил гвасюгинскую школу-семилетку и не раздумывал: быть ему в колхозе или не быть? Вступил сразу и в артельных делах никогда не считался отстающим. Началась война, его призвали в армию, потом он демобилизовался и теперь вот уже второй год бригадирствует. Каждую зиму Пимка на охоте, а летом — на полях.

— Пимка! — кричала женщина, приближаясь к нам по тропе. — Тебя председатель звал. Иди скорее.

Я узнала ее по голосу, прежде чем она вышла из-за кустов и отбросила назад длинные косы.

— Здравствуй, Намике! Ну, как ты?

— Да ничего, работаем. Капусту срубили. Теперь солить будем. Ой, смотри, какие руки стали нехорошие, — жаловалась женщина, шагая рядом с нами. — Когда в экспедиции была, мозоли прямо вот какие сидели на руках. Потом все прошло. И вот опять... Ой, знаешь, мы тогда тот раз-то ушли от вас, помнишь? Надя Жданкина так плакала, всю дорогу ревела. Знаешь, чего говорила? «Их, наверное, звери утащат». Ой, прям так смешно было! Ну, ладно, я побегу... — сказала Намике, исчезая за кустами.

Мы подошли к большой избе. Это была летняя

контора колхоза, полевой стан. Рядом аккуратный домик, детские ясли, а в стороне между стволами деревьев два берестяных балагана. Приезжая на полевые работы, люди прячутся в них от дождя и гнуса.

— Где же Мирон Чаунович? — Пимка огляделся по сторонам и пошел прямо по тропе.

Откуда-то выскочила рыжая Дзябула, замахала белым хвостом, кинулась к моим ногам. Значит, хозяин тоже здесь? Конечно, Василий уже прибежал сюда, вон он стоит под навесом рядом с женой Дашей, весело разводит руками, что-то доказывает ей. Она — у весов. На весах зеленой горой лежат вилки капусты. Даша записывает. Она вместо Василия оставалась завхозом-кладовщиком, пока он ходил с экспедицией.

В конторе сидел Хохولي, выпускал очередной номер стенной газеты. Когда я отворила дверь, он поднял голову.

— О-о-х! Вы уже здесь? Вот хорошо. Проходите, пожалуйста. У меня тут вопросы есть... — И заговорил, медленно подбирая слова: — Как думаете, ничего, если один заголовок таким шрифтом, другой будет таким? Прочитайте заметки, правильно или нет?

Хохولي делал все с большим старанием. Заголовки, написанные крупно, призывали: «Сохраним богатый урожай!», «Взять пример с лучших!», «Работайте так, как Пимка Пиянка».

— Послушайте, Хохولي... Вот в этой заметке «Сану проспал» вы пишете о факте, который произошел десять дней назад. Ну, а теперь Сану как работает?

— Теперь ничего, хорошо стал работать. Знаете, как Мирон Чаунович с ним крепко разговаривал? Можно сказать, очень даже крепко.

— Значит, Сану исправился, а газета сейчас стукнет его по голове. Как же так?

— Ладно. Сниму эту заметку, — подумав, сказал редактор. — А что поставлю?

— Не знаю. Может, надо побеседовать с колхозниками, пройтись по полям? Все равно сегодня вы уже не успеете вывесить газету. Идемте.

Мы вышли с ним из конторы, и тут я увидела Мирона Чауновича. Председатель колхоза стоял у соседнего дома, где помещались детские ясли. Он был не в духе. По тому, как горячо он разговаривал с заведую-

щей яслями Зоей и как она отвечала ему, указывая то на балаган в стороне, то на ясли, нетрудно было догадаться, что дело касалось именно этого учреждения.

— Живем при Советской власти столько лет, кругом людей грамотных полно. И такой факт? стыдно кому-нибудь рассказывать, — горячился Мирон. Звонкий голос его прерывался на высоких нотах. — Куда такое дело годится?

— А что я могу? — оправдывалась Зоя. — Человек сказал, что идет домой. Я не буду бегать проверять. Верно?

Я подошла к ним. Мирон, еще не остывший от гнева, не без усилия понизил голос:

— Будем обсуждать это дело. Так нельзя...

Зоя поднялась на крыльцо.

— Подумайте, — заговорил снова Мирон, когда мы уже пошли с ним к овощехранилищу, — разве так детей воспитаем?

Я спросила, в чем дело. Оказалось, что Даленка — пожилая женщина — взяла своего ребенка из яслей и заявила, что идет домой. На самом деле осталась здесь собирать кукурузу, которую для себя сажала. Ну, в этом беды нет. Пусть бы собирала. Так ведь она ребенка своего привязала к люльке и оставила одного в балагане. А люлька? Если бы это была люлька! Это же стульчик без ножек. Ребенок сидит в ней, спеленутый, привязанный поясами, скованный по рукам и ногам. И это еще не все! Люлька легко может перевернуться. Вот и перевернулась. Хорошо, что Мирон проходил мимо и услышал, как ребенок плачет. Мирон поднял его вместе с люлькой и понес в ясли. Отдал ребенка няне, а люльку забросил в кусты. Но это не выход! Надо воспитывать людей, чтобы они сами боролись с пережитками старины.

Хохочи подвернулся как раз вовремя. Он шел прихрамывая походкой и улыбался чему-то, как всегда... Можно было подумать, что он возвращается с богатым «уловом».

— Ну как? Есть заметка?

Хохочи безнадежно развел руками:

— Ничего нету. Все заняты. Кто напишет?

Мы с Мироном переглянулись,

— Зоя! Вот кто! У Зои есть интересный материал для заметки. Поговорите с ней. Пусть сама напишет, она сумеет.

— Верно, верно! — поддержал Мирон. — Так хорошенько пишите, с перцем. Другие будут знать.

Хохоли, ободренный, заспешил в детские ясли, а мы с Мироном повернули к овощехранилищу. Раньше удэгейцы не знали, что такое картошка, шаман говорил: «Это чертовы орехи»... Боялись есть. А теперь без нее ни одна семья не обходится. Отсеки овощехранилища заполнены крупным, отборным картофелем. Но помещение устарело, да и тесно в нем, надо строить новое. Строить... не так просто это. В колхозе лишнего гвоздя не найдешь.

Мирона одолевали заботы, можно было его понять: о чем только не болит душа у председателя колхоза? Людей надо устраивать с жильем, редкая изба не нуждается в ремонте, — и кирпич нужен, и стекло... Пока мы осматривали с ним соевый участок, потом шли на берег, где женщины солили помидоры, он жаловался: того не хватает, другого. Сельхозинвентарь? «Ну, что-о это! — протянул он нараспев: — Два плуга, две бороны»... — и, махнув рукой, засмеялся. — Вот бочек тоже мало. Где взять? В сельпо у Исаева, говорите? Там уже все. Нету!»

Конечно, Мирону теперь не до нас. Как подступиться к нему с просьбой? Колосовский поручил мне узнать насчет транспорта... Надо же выбираться отсюда.

Слушаю председателя, стараюсь понять главное, о чем он тревожится, и сочувствую ему, а в уши мне вливаются голоса ребятишек, резвящихся на берегу и за кустами у костров, и я ловлю себя на том, что думаю о своих детях. Хочется поскорее попасть домой... Только что завмаг отправился в Бичевую. Бат совсем пустой, с ним можно было бы уехать, если бы... Но зачем распалять себя мыслью о доме? У нас дела еще не закончены. Сегодня вечером Джанси Кимонко будет ждать меня, договорились с ним, надо послушать новые главы его повести. Успею ли сделать подстрочник? Времени мало.

— Вот что, Мирон Чаунович, дело такое... Нам три бата нужно. Бакпэй — ину? (Понимаете?)

Мирон вдруг вспомнил о своей погасшей трубке.

Чиркнул спичкой, и пока раскуривал трубку, спрашивал отрывисто:

— Чего, уезжаете? Скоро, что ли? Когда думаете ехать?

— Да ведь как удастся. Вообще-то послезавтра надо бы...

Мирон сердито сдвинул брови:

— Чего-чего такое делается, а? Неужели не останетесь на колхозный праздник? Это неправильно будет. Надо остаться! Колосовскому скажите: мы все просим. Вот так! Раньше все равно баты не дадим! На чем поедете? — И захохотал, довольный тем, что смог найти убедительный довод. — Отправим! Чего беспокоитесь?

Возвращалась я по той же лесной дороге, но уже не слышала песен Шуркея. Он еще не выехал с возом.

В лесу было тихо, все изменилось от листопада. Сквозь оголенный кустарник теперь просматривались стволы больших деревьев, меж ними виноградные лианы с красными листьями на весу, они еще не опали. И было тут светлее, чем летом бывает, но лес пригорюнился. Скоро зима.

На повороте еще издали я увидела знакомую фигуру Динзая. Поравнявшись со мной, он вежливо раскланялся, до смешного смиренно вытянув руки по швам.

— Куда это вы?

— Давно не видел брата. Иду посмотреть, — сказал Динзай и потупил взгляд. Что-то с приездом в Гвасюги он стал задумчивым, как этот лес перед снегом. Работа в экспедиции закончилась, завтра он получит расчет, а дальше что?

— Какие планы?

Динзай, заикаясь, выдохнул:

— Н-не знаю... — Но, подумав, заговорил другим тоном. — А чё такое? Разве Динзай с-себе работы не найдет? Сколько хочешь найду. Везде можно работать. З-золотой приска людей требуется...

Мне вспомнилось, как Мирон Кялундзюга отозвался о нем, когда я спросила: что если Динзай подаст заявление в колхоз, примете? «Он любит бегать туда-сюда, — сказал Мирон, — сегодня Хор, завтра Бикин, еще

есть другие речки... Дисциплину не признает. Посмотрим, как правление колхоза решит, общее собрание»...

— А может, все-таки лучше остаться в Гвасюгах? Можно ведь охотиться и от сельпо... — сказала я, видя, что Динзаю ненадолго хватило пыла, с которым он заговорил о своих планах.

— Конечно, могу! — согласился он быстро. — В общем, это... я вам скажу так: надо немножко обдуматься. Верно?

Он опять раскланялся и зашагал по дороге. Как сложится его дальнейшая судьба, кто знает? Он привык сопровождать экспедиции. Дисциплину не признает? А так ли это? Пока мы ходили в верховья, не было случая, чтобы Динзай увильнул от тяжелой ноши, отступил или струсил. Колосовский взял его в проводники не зря. Нет, как видно, походы увлекали Динзая тем, что всякий раз были новыми, в них он находил радость. Это была его стихия...

Вернувшись на метеостанцию, я сказала Колосовскому, что Мирон просит нас задержаться.

— У них ведь будет колхозный праздник, Фауст Владимирович!

Колосовский сидел в комнате у рации за рабочим столом, похожим на верстак, и не сразу оторвался от своих графленых тетрадей.

— Ну, так что? — спросил он с легкой усмешкой. — Как быть? Остаемся? Я, вообще-то, знаю, видел Джанси недавно, разговаривал с ним.

— Остаться надо.

— Конечно! — Он потянулся за листом бумаги, взял карандаш. — Не возражаю... Нам еще придется свое собрание проводить. Я вот набросал тут приказ. Давайте-ка подумаем вместе, как лучше сделать. Люди разбрелись кто куда. Не соберешь их...

Об этом приказе еще с утра договаривались. Дело в том, что наша экспедиция подошла к концу, по крайней мере, для удэгейцев она закончилась. Деньги, отпущенные нам, полностью не израсходованы, не на что их было тратить и негде. Решили премировать наших проводников, батчиков.

— А если так? Будет колхозный праздник, и все это совместить?

— Да, пожалуй... только вот что. Приказ будете чи-

тать вы. Вам ведь все равно придется выступать... — просительно сказал Колосовский.

22. У ИСТОКОВ ПЕРВОЙ УДЭГЕЙСКОЙ ПОВЕСТИ

Перед закатом солнца я несколько минут простояла на берегу в ожидании хоть какого-нибудь плохонького бата или оморочки. Надо было переправиться через протоку Гвасюгинку. Изба Джанси Кимонко на той стороне, самая крайняя в глубине узенького проулка, за ней — береговой лес, кустарники, там дальше уже течет Хор, но его не видать, впереди сплошные заросли. Во дворе у Кимонко дым вьется, наверное, топят печку на летней кухне. Крикнуть, позвать кого-нибудь? Отсюда не услышат.

Как нарочно, поблизости ни души. Баты и оморочки в разгоне: с утра люди уплыли на колхозные огороды и еще не вернулись. На той стороне у переправы пусто: чей-то бат, никто к нему не подходит. Редко бывает так.

Но вот на обрыве показалась женская фигурка. Смотрю, по откосу быстро спускается к воде. Наконец-то! Я помахала рукой, хотя и так вижу: какая-то девушка сдвинула на воду бат и плывет прямо ко мне, стоя, отталкивается шестом то с левой стороны, то с правой. Она тоненькая и стройная, в темном жакете поверх цветастого платья, черные косы уложены венцом вокруг головы.

Поздоровалась со мной, называя меня сразу по имени и по фамилии.

— Вам туда? Садитесь, перевезу...

Я прошла на середину пустой и шаткой посудыны, присела, держась за борта, и разглядываю свою перевозчицу. Она уже повернула бат, молчит, кротость такая на лице или строгость — губы плотно сжаты. Не могу вспомнить, кто она, чья дочь? Спрашиваю, как ее зовут.

— Да мы же знакомы... Не узнали разве? Огня! Помните, зимой, когда вы первый раз к нам пришли, Байдалов-то фотографировал нас вон там... Я отца своего на охоту провожала. Помните?

Да, конечно! Байдалов еще говорил, что она похожа

на японку и удивлялся, что удэгейки могут быть светлолицыми.

Уже на берегу я спросила, где же она летом была, странно, что мы не виделись до сих пор.

— А мы с отцом на Бикине были. Недавно только приехали оттуда.

— Всей семьей?

— Ну да. Мама сейчас болеет. Братишка — тоже. Иду вот за лекарством. — Огня уже снова взялась за шест.

Я сказала ей, что она выросла, совсем взрослая стала, прямо не узнать...

Огня улыбнулась.

— Двадцать один год уже. Конечно, взрослая.

— Замуж еще не вышла?

— Не-ет, — сказала она почему-то испуганным голосом и рассмеялась вдруг. — За кого выходить? Нет, нет! — повторила Огня и оттолкнулась от берега.

Встреча с ней вызвала в памяти зимнюю дорогу и первые впечатления о Гвасюгах, захватившие нас своей экзотичностью. Многое здесь казалось тогда удивительным: и высокие амбарчики на сваях, и старухи-вышивальщицы с длинными трубками в зубах, и легкие, яркие одежды женщин, везущих на нартах сено для лошадей, и чужой непонятный говор... А ведь той командировки могло не быть... И, возможно, я бы не пошла с экспедицией, как знать? Просто мне повезло, думала я, шагая вдоль узкого переулочка к дому Джанси Кимонко.

Интересно, какие главы он написал, пока мы ходили в верховья?

Надежда Ивановна, по-старушечьи повязанная клетчатым платком, встретила меня у крыльца с большой кастрюлей в руках и, приветливо кивнув, сказала: «Проходи, я сейчас!», а сама заспешила на летнюю кухню.

В избе, как всегда, порядок, но странно, что нет никого. Я уже хотела повернуть обратно, как скрипнула боковая дверь и в комнату из другой половины избы вошла старенькая бабушка Яроба — мать Джанси Батовича.

— Багдыфи, багдыфи! — заговорила она радостно. Я поздоровалась с ней за руку, спрашиваю о Джанси,

оказывается, нет его дома (анчи!). Где он? Бабушка не знает (имисабе)...

Переступив через порог, Надежда Ивановна услышала мой вопрос и первым делом пододвинула мне стул, потом сказала спокойно, с достоинством:

— Придет скоро. Торопишься куда, что ли? Он на колхозные огороды поехал. Мирён его просил. Сидись...

Вот как! Выходит, мы разминулись: я возвращалась оттуда по лесной дороге, а Джанси плыл туда на оморочке.

— Ну, интересно получается... Мы же с ним договаривались...

Надежда Ивановна принесла себе табуретку.

— Да чего так беспокоиться? Время-то есть. Ну, посмотрела тайгу? Намике рассказывала нам, как ты на Чуи-то чуть не утонула... Мы прямо удивлялись, говорим: почему взялась шестом работать? Это же самое-самое тяжелое носа стояти, когда вода большая идет кругом.

— Было такое дело. Сейчас-то что уж говорить об этом? Тебе вот, Надя, спасибо за медвежью шкуру. Сагды асаса! Честное слово, без нее даже не знаю, как бы я обошлась... А помнишь, ты не разрешила мне тогда, зимой-то, спать на медвежьей шкуре вот здесь? Ты сказала, что женщинам нельзя...

— А-а! — она захохотала. — Ну, это ведь старые люди так раньше считали у нас. Теперь-то молодые никто не признает...

Сидим, разговариваем, а бабушка покуривает свою длинную трубку, слушает. Вскоре пришел Джанси. Когда он подходил к дому, Надежда Ивановна раньше всех увидела его в окно и поднялась.

— Идет... Я же говорила!

Он и в самом деле был на огородах и теперь быстро шагал от берега протоки, стуча сапогами.

— О, вот хорошо, вы уже здесь! — сказал он, едва переступив через порог и сняв кепку. — Пришлось немножко задержаться, извиняюсь, конечно... Я сейчас.

Пока он приводил себя в порядок, наливал воду и гремел умывальником за дверью, потом переодевался в своей комнате, Надежда Ивановна собирала на стол, а свекровь, сидевшая на маленькой скамеечке, следила

за каждым его движением. Иногда они переговаривались между собой. Дом сына и он сам, и его жена были счастьем Яробы, для которой судьба уже до конца определила тихое место за спиной сильных, как она думала.

— Ну, все... у меня готово! — объявила хозяйка, приглашая нас к столу. — Садитесь.

Я отказалась от ужина, попросила только стакан молока. Надежда Ивановна удивленно пожала плечами и поставила передо мной полную кружку:

— Чего такое? Почему не хочешь? Может, просто-кваша дать?

— Нет, спасибо, что-нибудь одно...

— Зачем спрашивать? Давай то и другое. Она без молока долго в тайге была, соскучилась, — громко сказал Джанси, выходя из своей комнаты. — Ну, а вы, энигэ? — Он помог матери подняться, она оперлась на его руку и с тихим бормотанием села за стол.

При взгляде на ее сморщенное, изборожденное глубокими складками лицо, на худенькие, как у подростка, плечи, трудно было представить, что Яроба когда-то была сильной женщиной, что она легко бежала за нартами, плавала в лодке, стоя с шестом в руках, носила тяжести, мяла звериные шкуры, готовила, шила...

— Совсем слабенькая стала, кушает мало совсем, — говорила о ней Надежда Ивановна и с мягкой укоризной поглядывала на свекровь. — Трубку бросать не хочет... Вот и плохо.

После ужина, при свете керосиновой лампы Джанси развернул на столе свою большую канцелярскую книгу — тетрадь с картонными корками, в которой у него была начата повесть. Яроба села у двери на скамеечку и закурила трубку. Ей тоже интересно было послушать, о чем это сын рассказывает?

Ох, какое далекое время вспомнил! Тогда его еще и на свете не было. Она посмотрела на Джанси, вздохнула и опустила голову низко. Старые лесные законы... Кто этому поверит, но ведь было так, от них больше всего страдали женщины. И она — тоже. Всякий раз, когда ей предстояло рожать, Яроба покидала юрту, даже зимой, уходила в родильный шалаш. После родов она еще в течение десяти дней оставалась там одна. Потом приносила домой новорожденного, завернув его

в халат и тряпье. Сидит теперь Яроба, трясет головой, словно подтверждает: верно, было так, было... Тяжело ей достался вот этот ее любимый сын. Он ведь родился в месяц белки, когда от мороза деревья лопались. И было так, что бабушка-свекровь, развернув младенца, заплакала над ним, удивляясь, как он уцелел, не замерз! «Бедняк ты!» — сказала она. И эти два слова стали его именем.

Да... Видит она, как сейчас, горелые леса по берегам Сукпая, помнит молодость свою, все места былых кочевий помнит. Сколько ей пришлось страдать, пока они с мужем Батой и детьми кочевали по рекам! В наводнение спасались на сопках, во время лесных пожаров прятались у воды, потом убегали от купцов, от «большой болезни», голодали всей семьей.

Были у Яробы еще и свои сердечные муки, но это уже много лет позднее, когда Бата ушел от нее с молодой женой, соорудил себе какой-то барак, что ли... Но Яроба, рассердившись на мужа, собственными руками разворотила этот барак. Откуда и силы у нее взялись? Вот какая она была...

Теперь Баты давно уже нет в живых и соперницы нет, а Яроба сидит в просторном, чистом доме сына, слушает, как он пересказывает старую жизнь...

Джанси писал на родном языке, нужен был подстрочный перевод, и я решила делать его сразу же, чтобы лучше видеть потом, как будет выстраиваться повествование, то и дело переспрашивала непонятные слова, поэтому работа шла медленно. Это были пока еще первые главы, точнее, наброски глав, в которых Джанси вспоминал детство, пытаюсь осмыслить по-новому то, что его окружало в суровом мире кочевников...

— Не знаю, получится что-нибудь или нет... — сказал Джанси, перелистывая страницы. — Мало сделал, вообще-то. Если все написать, что задумал, может, интересно выйдет? Но кто его знает. — Он с сомнением пожал плечами, взял из пачки папиросу и закурил, поглядывая на меня вопросительно.

Я тоже не знала. И никто этого не мог бы сказать. Творческий замысел, исполнение и результат бывают неравноценными, счастливое их совпадение — мечта, которая окрыляет, должно быть, каждого, кто берется за перо. Но если бы даже опытный и признанный ма-

стер оповестил всех заранее, что он создает выдающееся произведение, его сочли бы, по меньшей мере, нескромным. Поэтому надо просто работать — и все. Говорю ему об этом, он кивает согласно и улыбается:

— Да, конечно... У нас есть пословица: хочешь сделать бат, выбирай прямой тополь и руби его, а мозоли на руках сосчитаешь потом.

— Ну, положим, до мозолей еще далеко, если дерево только срублено, — сказала я, имея в виду начало повести. — Самое трудное — впереди. Насколько мне известно, чтобы выдолбить лодку из тополя, надо отсечь и убрать все лишнее, так ведь? Когда знаешь, что это будет, для чего — смелее действуешь, отсюда возникает форма...

Кому-кому, а Джанси-то не надо было рассказывать про долбленки; он за свою жизнь насмотрелся, как его сородичи мастерят их, да и сам не раз делал баты, уж он-то знает, сколько под топором и под кривыми ножами отлетит щепок и стружек, пока из целого ствола возникнет восьмиметровая, плоскодонная, устойчивая лодка с тонкими, прямо-таки звенящими бортами, с широким, легким гребнем впереди для прикрытия встречных волн... Тут тоже требуется умение, как во всяком деле. Но речь шла о другом...

— Получится! И ничего не нужно выдумывать, а показать все, как было. Это же документальное произведение. Теперь уже нельзя отступать. Дальше будет еще интереснее, когда появятся новые лица. Ведь не одна ваша семья нашла пристанище в хорских лесах. События покажут, что объединяло кочевников и почему, из-за чего между ними возникали конфликты. Но это еще начало. Оно, как река у истоков. Я видела, какой там Хор узенький, его можно перепрыгнуть. Потом на пути он вбирает в себя притоки, становится большой рекой. У повести тоже должно быть широкое русло...

— Бакпэй, бакпэй (понимаю), — дважды повторил Джанси. — Времени мало совсем, никак не хватает. В тайге хорошо было, там никто не мешал. Когда идет дождик, сидишь в палатке, пишешь.

Он стал рассказывать о своем походе на Сукпай. Летом ему все-таки дали отпуск, кое-как добился, оставил вместо себя в сельсовете Матвея Кимонко и вдвоем с Надеждой Ивановной путешествовал. Надо

было оживить в памяти прошлое, давно ведь не был он в сукпайской долине, хотелось увидеть знакомые места. Попутно Джанси еще осматривал охотничьи угодья колхоза. Иногда он целыми днями ходил вдоль ключей. Один раз так далеко забрел, в такую глушь, что выбрался оттуда лишь поздно вечером.

— Ой, я тогда испугалась, знаешь как! — перебила его Надежда Ивановна. — После обеда он как ушел и нет, и нет его. Думаю, что такое? Солнышко уже село, я приготовила ужин, что думать? Не знаю... Медведей боюсь... — Она приложила к щекам ладони, как бы вновь переживая испуг. — Не могу прямо, честное слово, боюсь — и все! Может, беда какая с ним? Я стала кричать. Потом вижу: он плывет в оморочке. Ругал меня! Стыдил еще... Вот, говорит, ты трусиха какая...

Теперь она рассказывала об этом весело, и Джанси тоже, глядя на жену, посмеивался, но в тайге бывает жутко, я знаю.

На обратном пути они останавливались в Джанго, три дня жили там, поставив рядом с юртой Гольду свою палатку. Джанси записывал его рассказы о прошлом и удивлялся: какая память у старика! Гольду все помнил — какие слова говорили его сородичи, когда узнали о том, что не стало царя, называл по именам всех охотников, которые помогли красным партизанам задержать и уничтожить японцев, пробиравшихся на морское побережье...

Об этом Джанси Кимонко напишет в повести. Правда, он еще не решил, как будет называться его повесть. И не мог предвидеть, что книга выйдет уже без него...

Время подвигалось к полуночи. Я собрала свои бумаги в папку — пора уходить. Джанси и Надя пошли меня провожать.

За дверью нас охватило резким холодным воздухом; от реки сквозь поредевший кустарник дул ветер, легкие звезды покачивались наверху меж ветвями огромных деревьев, еще не сбросивших листья.

— Чего-чего ходить, а? Лучше оставалась бы... — сказала Надежда Ивановна, зябко поеживаясь.

— Нельзя мне. Я не предупредила своих, они будут беспокоиться.

— Завтра-то придешь?

— Конечно, приду.

На той стороне, где-то у конного двора, лаяла собака. Постепенно из темноты стали вырисовываться черные пни в конце проулка, потом — светлая полоса воды, а за ней силуэт кривой, покосившейся ивы, где обычно пристают лодочки. В избе у завмага мигнул свет и погас.

— Я подожду тебя здесь, — сказала Надежда Ивановна мужу, вместе с нами спустившись с откоса.

— Ладно. Га!

Джанси столкнул на воду чей-то бат, и мы с ним поплыли через Гвасюгинку, а Надя осталась на берегу. Переправляться-то пустячное дело, всего каких-нибудь пятьдесят метров. Но вброд протоку не переходят, она глубокая.

Холодом веяло от воды, у меня даже руки озябли. А ведь совсем недавно я коротала ночи у костров, под открытым небом. Эти же звезды мерцали и там, хотя мир вокруг был иной. Долго, наверное, не забудется экспедиция. Мне еще предстоит написать книгу о нашем походе. Газетные очерки с их предельной краткостью были только заявкой.

Джанси молча правил к покосившейся иве, он думал о своем...

— Надо беседовать со стариками, — заговорил он, едва лишь лодка шаркнула днищем о песок. — Поговорю с Тунсяной, некоторые события Чауна помнит, бабушка Сигданка тоже интересно рассказывает. Придется вечерами работать. Может, справлюсь?

— Да... Времени всегда будет не хватать. Это такое дело. Тут многое зависит от нас самих. Ну, все. Спасибо. Асаса!

Я уже стояла на берегу.

— Ая битудзэ! — крикнул Джанси, поворачивая лодку.

В полночь так бывает, наверное, только в Гвасюгах: нигде не видать огней. Из переулка я почти бегом выскочила на тропу и пошла вдоль речки Булинки, слыша лишь собственные шаги. Это была тишина особенная, в ней ничего не таилось, кроме снов и надежного покоя, который охраняли здесь горы, леса и реки.

Утром село наполнилось звуками привычной жизни: кто-то поблизости колот дрова, у протоки переклика-

лись лодочники, в соседнем дворе звенела пила, слышны были голоса ребятишек, игравших на улице, потом раздался школьный звонок.

Между тем колхозники готовились к празднику. И вот он наступил.

23. КОЛХОЗНЫЙ ПРАЗДНИК

Отправляясь в клуб, мы шагали, как обычно, друг за другом: Колосовский, Шишкин, Лидия Николаевна. Иначе по тропе не пройдешь, только — гуськом. Уже темнело, но редко в какой избе виден был свет, разве лишь там, где с малыми детьми оставались немощные старики да старухи.

Около клуба нас встретил Динзай. Он прохаживался взад и вперед, словно ждал кого-то, волновался и курил, но сразу бросил окурок, как только мы подошли.

— М-мне-то можно туда или нет? — спросил он, заикаясь.

— Вот чудак! Конечно! — воскликнул Колосовский и отворил дверь, пропуская его впереди себя.

В клубе было полно народу, скамеек всем не хватало, поэтому из ближних домов хозяева принесли сюда свои табуретки. От стены до стены рядами стояли столы, сколоченные из досок и покрытые белой бумагой. На них уже были расставлены кушанья: в глубоких тарелках мясо тушеное, солянка, на блюдах — жареная рыба, огурцы...

А гостей-то, гостей! За столами сидели женщины в ярких национальных одеждах, девушки нарядились в модные платья, мужчины надели вышитое мокчо, а иные были в костюмах.

Я не сразу отыскала среди них Даду, но старик следил за нами с того момента, как мы вошли.

— Вон Дада, видите? Машет нам рукой, — сказала Лидия Николаевна.

Дада был в голубой сатиновой рубаше, гладко выбритый и помолодевший. По правую сторону от него сидел широкоплечий, такой же кудрявый, как он сам, парень в белой рубашке с распахнутым воротом. Можно было и не спрашивать, кто это, — так много было сходства между ними, только сын по росту обогнал

отца головы на две. Слегка откинувшись к стенке и скрестив на груди смуглые, большие руки, он молча наблюдал за музыкантами.

— Сандали это! Сын мой, — объяснил нам Дада.

Услышав свое имя, парень сразу подскочил, готовясь уступить место, но Колосовский подал ему знак, чтобы не беспокоился, и мы прошли туда, где было по-свободнее.

А Зоя все-таки написала заметку «Против старого быта!», и теперь у стенной газеты, висевшей на свету, толпились читатели. Сама она в составе трио аккомпанировала на гитаре; она, учитель Вадим Григорьевич и Степан — балалаечник все трое сидели рядом. Лучше учителя здесь никто не играл на мандолине. Зато игру на балалайке освоили многие удэгейцы. За вечер балалайка успела побывать в руках Степана, Семена, Кимонко, Батули...

Занавес был распахнут, на сцене прохаживались Джанси Кимонко и Мирон Кялундзюга, одинаково одетые, в защитного цвета гимнастерках, с медалями оба. Внезапно музыка смолкла, секретарь партийной организации Семен Кимонко вышел на сцену и после краткого вступления предоставил слово председателю колхоза.

Мирон Кялундзюга не выносил шума, и потому ждал, пока водворится тишина. Говорил он по-русски, с трудом подбирая слова:

— Попрошу вас внимательно быть, товарищи! — И опять помолчал, одернул гимнастерку, поправил распадавшиеся на два клина черные волосы. — Сегодня отмечаем радостное событие, товарищи. Вот! Первым делом, конечно, надо поздравить всех наших колхозников. Дружно, хорошо поработали, урожай получили неплохой, уборку закончили... Вот так! — Кто-то хлопнул в ладоши первый и вызвал шум рукоплесканий, сам оратор тоже хлопал, потом, продолжая речь, стал называть имена лучших передовых колхозников, не преминул сказать и о том, какие были трудности, а затем, неожиданно повернувшись в нашу сторону, сказал отрывисто: — Здесь у нас сегодня гости. Экспедиция. Прошу приветствовать! Прошу поздравить экспедицию с благополучным окончанием работы. Вот так, дорогие товарищи... — Мирон стал аплодировать, удаляясь со

сцены под веселый говор и хлопки сидящих за столами людей.

— Посмотрите-ка на Василия, — шепнула мне Лидия Николаевна, — какой у него бравый вид! Гвардейский значок на груди.

Василий сидел со своей женой, что-то рассказывал ей, наверное, о нашем походе. Опустив ресницы, Даша слушала, кивала ему и улыбалась, а Васей, не скупясь на жесты, продолжал говорить...

Откуда-то из дальнего угла донесся звонкий смех Шуркея. Над рядами голов у двери поднялась шапка усатого Ивана, опоздавшего на торжество. Он прошел между крайними скамейками, сбросив шапку рывком, прицекнул на подростков и сел.

— Хватит, хватит шуметь...

На сцену вышел Джанси Кимонко. Посмотрел в притихшие ряды с улыбкой, помолчал, раскладывая на столе, покрытом красной скатертью, аккуратные коробки. Было так тихо, что на кашель старого Маяды многие обернулись с досадой.

— Дорогие товарищи! — Джанси говорил сначала по-русски, затем шагнул к переднему краю сцены и, чтобы его поняли все сидящие перед ним люди, стал перемежать русскую речь с удэгейской. Сказал, что к этому празднику приурочено еще одно радостное событие: вручение орденов «Материнская слава» многодетным матерям-удэгейкам.

Он напомнил о тяжелом прошлом своего народа, о несчастных роженицах, которых выгоняли из юрты даже зимой. По старым законам, мать, дающая жизнь человеку, должна была сама защитить от гибели его и себя. Далеко не каждой это удавалось, многие погибали.

— О старой жизни можно вспомнить немало, но это будут страшные воспоминания. Прошлое осталось позади. Какие же слова надо найти, чтобы выразить нашу благодарность Советской власти за то, что она возродила малые народности! Удэгейская женщина стала равноправной...

Опять ряды всколыхнулись; в этот вечер много было аплодисментов.

Потом Джанси Батович стал читать Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении многодет-

ных матерей. Он вызывал по очереди награжденных и вручал женщинам ордена. Они протягивали ему руку и на своем языке, и на русском благодарили:

— Асаса, сагды асаса! (Большое спасибо!)

Вот на сцену выходит пожилая, высокая ростом удэгейка Киди Кимонко. Старший сын ее — пограничник, второй был на фронте, воевал и с войсками Советской Армии дошел до Берлина, дочь — студентка Хабаровского педагогического института, остальные дети учатся в школе. Киди берет из рук председателя сельсовета орден и чуть слышно повторяет:

— Сагды асаса...

Я вижу, как старательно хлопают в ладоши Коловский и Шишкин. Лидия Николаевна просит меня обернуться на зов Джанси. Он делает знак в мою сторону. Понятно. Воспользовавшись оживлением, иду на сцену, поднимаюсь, чтобы рассказать об итогах нашей экспедиции, поблагодарить колхоз и зачитать приказ о премировании лучших лодочников, проводников, помогавших нам в походе.

Мне уже не раз приходилось выступать перед удэгейцами. Почти всех сидящих в клубе охотников я знала по имени. Многие из них бывали у меня дома. И все-таки я волнуюсь. Ожидаю, пока смолкнет шум, и слышу нетерпеливые возгласы:

— Ая! Хорошо, хорошо... Говори!

— Рассказывай, как ходили на перевал!

Не знаю, кто это выкрикивал. Наверное, охотники. Может быть, даже усатый Иван Кялундзюга, который больше всех пугал нас тем, что мы не дойдем до истоков Хора. Это он говорил: «Плакать будешь, продуктов мало, паек плохой, берданки старые». А теперь интересуется... Да и не один Иван. Им, побывавшим в походах с геологами, топографами, наша комплексная географическая экспедиция, разнообразная по составу и необычная по своим задачам, показалась вначале несерьезной. До сих пор никто еще не ходил дальше Сагды-Биасы. Охотники давно уже ограничивают свои маршруты средним течением Хора. В верховьях — лесные завалы, каменные осыпи, много речных перекатов. Зачем туда идти? Разве пройдешь? Пусть попробуют... Удэгейцы дали нам опытных проводников, пожелали удачи, хотя многие из них откровенно выражали свое

недоумение: «Это что, в тайге будете рисовать картины, да?» Или: «Поглядите-ка, они берут с собой книги, стекляшки разные, зонты...» Все это их смешило. И потому, когда к концу лета в Гвасюгах появились энтомологи, потом с Чериня вернулся Высоцкий, а вслед за ним Батули, Шуркей, Галака, охотники решили, что добраться до истоков Хора мы не сможем. Но оказалось не так! И вот теперь их занимало множество вопросов:

— Зачем так далеко ходили?

— Чего искали?

— Что нашли?

Действительно, что же мы с собой принесли из похода? Вот об этом и надо было сказать.

...Охотник не может вернуться из тайги с пустыми руками. Он должен выполнить план. Поэтому всегда приносит добычу. Каждый год из экспедиций возвращаются геологи, у них в рюкзаках лежат образцы горных пород. Камни — это свидетельство открытия полезных ископаемых.

Но вот наша экспедиция. Что она дала? Зачем мы ходили так далеко? Ведь не только для того, чтобы добыть для музея шкуры сохатого, изюбра, выдры, барсука? Скажите любому из сидящих здесь, и он добудет это в одну неделю. Так вот... Мы нашли перевал из долины Хора в долину Анюя. Мы узнали, где и как рождается Хор. Мы измерили сердитый и неподатливый Хор. Мы измерили сердитый и неподатливый Хор в длину, в глубину и вширь; увидели, какими сопками огородил он себя, какими лесами окутал и что в этих лесах! Есть такие богатства, которые нельзя положить на весы, как самородок золота, нельзя унести в мешке, но они представляют ценность. Это — знания. Наука. Она помогает нашему народу строить новую жизнь. Ради этого надо преодолевать любые расстояния. Ведь хорскую долину со временем будут осваивать! И кто знает, может быть, через несколько лет на Чукен, на Сукпай мы поедem по железной дороге? Или в автобусе?

— Э-э, ниманку, однако, а? — прорвался сквозь гул чей-то голос. — Сказка, что ли!

— Нет, это не сказка. Когда-нибудь в хорской долине появятся рудники, села, города... Ну, а теперь боль-

шое вам спасибо, друзья, за то, что вы помогли нам добраться до истоков реки.

Как только я стала называть имена проводников, отличившихся в нашем походе, батчиков, и первым для получения премии вышел на сцену Батули, началось оживление. Чьи-то редкие всплески ладоней повлекли за собой целую бурю, она утихала на минуту и снова гремела.

— Э-э! Давай, давай, иди!

— Ая! Повезло тебе... — подбадривали Динзая гвасюгинцы.

Вот и Дада идет. Он едва протолкался сквозь тесные ряды и, очутившись у стола, покрытого красной материей, оперся ладонью на него и неожиданно для всех заговорил бойко:

— Раньше я тоже экспедиции ходили. Миону был, другие люди тоже... До революции дело было. В то время к нам не спрашивалось: зачем? куда? Просто говорили это: «Тебе груз таскай, дорогу показывай...» Теперь мы знаем, где какой хороший камень есть, железо... Это все искать надо! Мы до самой вершинки Хора дошли. Тайга большая. Конечно, зверь есть, кое-чего много: сохатый, изюбря, медведи... Есть хорошие места, где можно охотить. Надо правильно делать, тогда порядок будет... Элэ! Все, хватит.

Дада возвратился на свое место под одобрительный шум. Женщины стали разливать медовую брагу в стаканы и кружки. Вина никакого не было.

Перед тем как началось веселье, Джанси еще раз поздравил всех с праздником и завершил свою речь стихами. Он читал их по-удэгейски:

Мы долго поклонялись седой старине,
Терпели нужду и страдали много,
Но старая жизнь в глухой стороне
Ушла, как уходит со льдом по весне
Тяжелая нартовая дорога.

Мы раньше не знали счастливой судьбы
И даже сказок о ней не слышали.
Одинокие юрты, как поздние грибы,
Хранили нашу горькую быль
Под своими темными крышами.

А ныне мы слушаем голос Кремля!
Над Гвасюгами — красное знамя!
Теперь и в тайге расцветают поля,

Куда ни посмотришь — родная земля!
И счастье не в сказке живет, а с нами!

Потом из переднего ряда поднялась бабушка Сигданка и по праву старшей пожелала всем здоровья. На ее грубоватый, низкого тембра голос многие обернулись. Она говорила по-своему, быстро, и серебряная серьга покачивалась у нее над верхней губой, но сородичи уже давно перестали замечать это нелепое «украшение» Сигданки, еще в детстве доставшееся ей от отца.

И опять — веселый говор по рядам, мелькание знакомых лиц, улыбки, ободряющие возгласы...

— Интересная старушка... Честное слово, если бы я была художницей, я бы нарисовала Сигданку, — говорила Мисюра, со значением взглядывая на Шишкина.

— М-мда... Я вас понимаю, — сдержанно отозвался Алексей Васильевич. — Здесь так много интересных лиц... И в каждом что-то свое, характерное. Это только новичку может показаться, что все они похожи друг на друга.

— Да, но все-таки Сигданка особенная...

Подошла Надежда Ивановна и поставила перед Колосовским тарелку с мелко нарезанной сырой рыбой, обильно посыпанной сверху зеленым луком, черным перцем.

— Может, хотите? Попробуйте. Наверно, знаете, что это такое?

— Тала? Еще бы... — произнес Колосовский с подчеркнутой осведомленностью и нацелился взглядом на излюбленное охотничье кушанье, но помедлил, подождал, когда Надежда Ивановна отошла к другому столу и потихоньку сказал, что этого ему нельзя. — Я — пас! Не любитель...

— Нет, товарищи, надо попробовать, как же! — Алексей Васильевич подцепил на вилку один пластик, а мы с Лидией Николаевной отказались.

Шумное было застолье.

Колосовский вскоре покинул нас, сославшись на то, что через полчаса у него разговор по рации с Бичевой.

После ужина столы были убраны, часть их вынесли на улицу, а скамейки поставили вдоль стен. Начались танцы. Для вальса не потребовалось много места, кру-

жилося всего лишь несколько пар. Но вот музыканты заиграли «Краковяк», и сразу почти половина зала, разделившись на пары, двинулась в круг. Смешались пестрые платья девушек, нарядные тэги женщин, светлые рубахи черноволосых мужчин. Оказывается, здесь любят этот простой и веселый танец...

Мне захотелось узнать, отчего это Огня такая грустная, и я подошла к ней. Девушка стояла в сторонке, смотрела на танцующих. В руках у нее был атласный платок, который она легонько встряхивала перед тем, как набросить на голову.

— Вот это зря.

— Что?

— Платок. Зачем он? Без него лучше. У тебя такие косы...

— А я ухожу. Мама болеет, надо идти домой...

— Лекарства не помогли?

— Немножко легче стало, но фельдшер советует в больницу.

Она повязала голову платком и, уходя, кивнула мне с улыбкой через силу.

— Откуда взялась эта красавица? Первый раз ее вижу. Кто она такая? — спросил Шишкин, как только Огня скрылась за дверью.

— Это Огня...

— Имя такое? Ударение на последнем слоге, да? Огня... Скажите, пожалуйста, имя какое...

— Вы хотите сказать, поэтичное?

— Во всяком случае... оригинальное. А что оно означает в переводе, интересно?

— Вот как раз неинтересно. По-русски это значит «худая», «тощая»...

Шишкин с сожалением покачал головой и рассмеялся добродушно:

— Ну это, знаете ли, уже из области грубой, житейской прозы.

Постепенно старики один за другим стали покидать клуб. Но молодежь наседала на музыкантов:

— Еще сыграйте вальс!

— Нет, лучше полечку!

Вытирая платком вспотевший лоб, Вадим Григорьевич отложил в сторону мандолину:

— Хватит, товарищи! Устал. Давайте споем песню. Где у нас Сандали?

Он отыскал глазами в толпе знакомую высокую фигуру юноши в белой рубахе. Сандали обернулся на зов учителя:

— Что такое?

— Запевай, Сандали!

Стоило только сыну Дады начать песню — сразу множество голосов ее подхватило:

...Широка страна моя родная...

На другой день мы расставались с Гвасюгами. Правление колхоза выделило нам три бата. И вот по берегу один за другим идут удэгейцы — кто с веслом, кто с котомкой. Тут и женщины, и детвора.

Пока суть да дело, я решила пересхать на ту сторону, надо было проститься с семейством Джанси Кимонко, сам он занимался делами в сельсовете, обещал прийти на берег нас проводить. Дома я застала лишь одну мать — Яробу, она сидела на крыльце одетая в теплую тэгу и курила свою трубку.

— Никого нет? А гости ваши где? Миону и Яту — «мангмукэй», ила бе?

— Они там... Чауна тыги.

Вон что... Вчера Надежда Ивановна сказала мне, что из Джанго вернулись их гости — Миону и Яту. Они почти целое лето прожили в Гвасюгах, но теперь уезжают к себе на Анюй и перед отъездом еще навести Гольду, а сейчас — у Чауны. Сидят небось за столом.

— Ну что ж, мамэй... До свиданья!

— Ая битудзэ! Ты теперь когда к нам приедешь? — Она долго не отпускала мою руку, держа в своих сухих ладонях. — Хорошо живи! Пусть тебя до старости ноги носят... Ая!

Тунсяна, высокий сухощавый старик с косо поставленными глазами, перевез меня в оморочке на тот берег. Он был стар, но легко работал шестом.

— Сколько килограмм будет? Не утонем? — спросил он шутя, когда я садилась в его маленькую лодчонку.

— Ничего не случится, только быстрее. Там уже ждут...

Как только я ступила на берег, ко мне подошла Надежда Ивановна:

— О! Вот она где. А мы думаем, где ты?

Джанси вручил мне пакет и сказал, что посылает письмо в райисполком по поводу закрепления охотугодий за колхозом «Ударный охотник». У него, как всегда, было много забот, он думал и о том, что в Гвасюгах нужен опытный фельдшер, и о том, что охотникам пора обзавестись новым оружием, но как это все непросто было «пробивать» — ему тоже было известно.

— И вот еще какое дело, это уже моя личная просьба... — Джанси кивнул на своих гостей: — Надо помочь Яту и Миону. Они едут с вами. Возьмите их на свое попечение. Из Хабаровска им придется на пароходе плыть до Троицкого. Пока не закончилась навигация, нужно успеть. Очень прошу и надеюсь, поможете?

— Да! Какие могут быть разговоры?

Миону в своем бордовом мокчо, подпоясанный кушаком, в черной фетровой шляпе с широкими полями, уже стоял в носовой части бата и раскуривал трубку. Яту, повязанная белым платком, устраивалась на корме. Села и заулыбалась, такая довольная.

— Иди сюда! — позвала она меня. — Будешь с нами...

«С вами так с вами», — подумала я.

Лидия Николаевна тем временем укладывала на лодку «лесные трофеи» и Шишкин, давным-давно погрузивший туда же свое походное имущество и теперь помогавший ей, заметил с усмешкой, что для полного комплекта недостает лишь тигровой шкуры.

Шуточки... Где же мой рюкзак, постель и чемоданчик с книгами? Спрашиваю Лидию Николаевну, она пожимает плечами, а Яту говорит, что старик унес...

— Тут ваша корзина... Берите.

— Какой старик?

Ах, вот оно что! Дада подошел ко мне, взял у меня из рук корзину, в которой сидел живой еж, и жестом дал понять, где мои вещи. По молчаливому и сосредоточенному лицу старика видно было, что он сердился.

— Садись! — повелительно сказал Дада, указывая на свой бат. — Надо вместе до конца ходи. Бакпэй?

Ну, молодец старик! Я посмотрела, как он аккуратно разместил на днище бата мои вещички, приставил к ним еще корзину с ежиком и все это укрыл брезентом, и шагнула через борт.

— Бакпэй, бакпэй, Дада... Асаса!

Он весело хмыкнул, покосившись на меня, и вся напускная строгость его улетучилась.

Опять тот же бат, черная собака Мушка лежит у моих ног, свернувшись калачиком. Наверное, боялась, что ее не возьмут. А теперь спокойно дремлет в предчувствии долгого пути.

Мы уже простились со всеми, но на берегу еще суета. Кто-то кричит: «Подождите!» Оказывается, это мать Мирона, бабушка Гуня, у которой я доила корову. Она приплыла из дому на лодке и спешит к нам, идет, прихрамывая и опираясь на клюшку, бормочет что-то...

Мужчины смеются:

— Молока вам принесла бабушка!

Ну, что тут делать? Не возьмешь — обидится. Улыбчивая и румяная Амула натолкала в карманы наших ватников еще горячей, только что сваренной кукурузы. Бабушка Василия тоже пришла с гостинцами: у нее в руках полная чашка соленых огурцов. Летом они нам только снились. Попробуйте отказаться! Василий с нами уже не идет, ему нездоровится. Вместо него — Митыга.

Пришлось опять перешагивать через борт. Расставание — это рукопожатия, добрые слова, напутствия и улыбки.

— Ну, товарищи, так мы до вечера не выберемся отсюда, — сказал Шишкин. — Пора, пора закругляться.

Он устроился в лодке, которой будет править Миону, сидел посредине бата, основательно загрузив кормовую часть своими картинами. Оберегал их, хотя под тентом ничто им не угрожало. Это был летний «улов» Алексея Васильевича, стоивший ему больших трудов и волнений. Но мытарства не кончены, впереди еще путь по реке, он не близкий. Между тем погода менялась.

Тускло поблескивала вода, солнца не было, и оттого, что по обеим сторонам протоки между избами чернели стволы и ветви оголенных деревьев, а в небе кру-

жились вороны, оглашая воздух над Гвасюгами своим карканьем, берег казался унылым.

Наконец Колосовский подал команду к отплытию и все мы заняли свои места. Миону первым оттолкнулся от берега.

Прощайте, Гвасюги! А может, до свидания?

Дада сидел впереди с веслом в руках. Быстрая река понесла нас, покачивая на холодных серых волнах. Митыга, одинокая и беспечная женщина, сидевшая на корме, всю дорогу пела песни. Высокий, дрожащий голос ее перекликался с осенней природой, и когда мы проходили мимо скал, звонкое эхо возвращало нам каждый звук. День был холодный, в воздухе пахло снегом. Горы уже надели серебряные шапки, хотя по берегам еще зеленела трава. Осень догорала в лесу разноцветным пожаром.

— О-е-е... гунэми, гунэми... — пела Митыга.

Весь день мы плыли по реке, нигде не отдыхая. Иногда, чтобы согреться, я брала в руки весло. Баты шли на большом расстоянии друг от друга, поэтому место для ночлега пришлось выбирать идущим впереди. Остановились в лесу где-то перед Антунью; на галечниковых косах в такую пору не заночуешь — холодно. Последним вышел на берег Колосовский.

— А ведь я рассчитывал сегодня быть в Бичевой, — сказал он, потирая озябшие руки.

— Тымана, — отозвался Дада. — Завтра утром Бичевая...

Смешно прямо-таки. Сказал так, как будто речь шла о поезде, который приходит по расписанию.

Дада уже срубил тальник для рогатины. Вскоре в лесу запылал костер. Дров натаскали много. Варили в ведре картошку, жарили рыбу. После ужина мы с Лидией Николаевной приготовили себе постель. У ствола большой сучковатой ели растянули медвежью шкуру, но под легкими одеялами спать было холодно даже в ватниках и в сапогах. Рядом трещал огонь.

Неподалеку от нас, шагах в двадцати, удэгейцы поставили палатку, как обычно, двускатную, перед открытой ее стороной развели тихий, но жаркий костер из сухого ильма. Оттуда долго слышались их возбуж-

денные голоса. Кажется, они проговорили всю ночь. В беседе, которая текла между ними, выделялся звучный бас Миону. Он что-то рассказывал, а Дада заразительно смеялся.

— Вы заметили, Динзай стал молчаливым? Просто удивительно, что с ним... — сказала Лидия Николаевна.

— Думает, наверное. Он же недавно говорил, что будет немножко думать.

— Сколько же лет Миону? Он в самом деле похож на индейца. Верно?

— Ну если Арсеньев, описывая встречу с ним, назвал Миону пожилым человеком, а это было давно, значит, ему уже много лет. Сам он годы свои не считает, но Джанси говорил, что около восьмидесяти...

На рассвете мы проснулись от визга и лая собак. Оказывается, еж, которого я везла домой, совершил побег. Еще с вечера я подвесила его в корзине на еловый сук. Но колючий этот путешественник каким-то образом выбрался оттуда, плюх на землю! И побежал... Тут его заметили собаки, погнались за ним, окружили. Но увы! Схватить его не могут. Иголки-то колючие. Собаки злятся, визжат. И все-таки не отпускают ежика. Так они гоняли его до тех пор, пока я не вернула беглеца на место.

Утром мы были в Бичевой. Здесь нам пришлось ожидать машину, чтобы ехать в Хабаровск. Как-то странно было сознавать, что еще недавно мы, находясь отсюда почти в полутысяче километров, с таким волнением ловили в эфире каждое слово «Венеры». И вот эта «Венера» в образе Джиудичи.

Он все такой же приветливый, начальник метеостанции, и так же гостеприимно встретил нас, как в июне, когда мы ввалились в этот дом всем составом нашей экспедиции и надолго заполнили его.

— Значит, вы рацию не брали на перевал? А я в эти дни искал вас в эфире. Хотел передать одно распоряжение.

— Какое? — спросил Колосовский, не отрываясь от телеграмм, которые только что вручил ему Джиудичи.

— А вот смотрите. Распоряжение о том, чтобы вы по ночам выставляли караул. Говорят, в тайге опять появились тигры. Вы там не встречались с ними?

Шутит, что ли, Джиудичи? — думала я, глядя на него. Потом мне вдруг вспомнилось, как во время нашего передвижения вверх по Хору мы остановились около старого, заброшенного стойбища удэгейцев и пошли его осматривать, и как Василий Кялундзюга, убежавший из густого высокого вейника с ножом в руках, уверял нас, что видел следы тигра...

— Нет, медведей видели много. То они от нас убежали, то мы от них...

— Трудно было бы выполнить такое распоряжение, — Колосовский улыбнулся, — к тому же наши костры горели достаточно ярко.

В тот же день я почувствовала головную боль и в жарком бреду свалилась. Четверо суток пролежать с гриппом! И где? В восьми часах езды от Хабаровска. Из соседней комнаты доносились знакомые голоса. Там были члены нашей экспедиции. По-видимому, обсуждался вопрос о том, когда мы выберемся отсюда. Дожди основательно испортили дорогу. Мне хотелось видеть Даду, и я позвала его. Старик жалостливо поглядел на меня, но заговорил весело:

— Э, ничего, ничего! Вставай!

Через минуту явился Динзай.

— Вот, понимаешь, плохое дело получилось, — участливо заметил он, как только закрыл за собою дверь. — Мы, понимаешь, домой едем. Пришли немного прощаться.

Они присели на скамейку. Динзай вертел в руках шапку. Дада с любопытством оглядывал стены комнаты. В узких глазах его светились добрые искорки. Так прошла минута-другая. Динзай первым нарушил молчание:

— Наш занге (начальник экспедиции) подарил свою палатку ему, — он кивнул на соседа. — А у меня, понимаешь, такое дело. Решил в колхоз идти, — заявил Динзай скороговоркой. — Буду, наверное, заявление подавать, что ли. Не знаю, может, не примут...

Дада прищурился, как бы говоря: «Что же ты молчал все время? А мы и не догадывались...» Но тут же по лицу старика пробежала тень. Он спросил по-удэгейски:

— А на Бикин не пойдешь?

— Нет. Сейчас не думаю кочевать туда-сюда. Надо работать. И я покажу всем, что именно Динзай умеет работать.

Он надел шапку. Дада поднялся, подавая на прощание руку. Ему было нелегко расставаться с нами.

— До свиданья! Приезжайте к нам. Я твоим ребятишкам медвежонка поймаю. — Глаза его стали влажными. — Будем ленков жарить. Ты зачем плачешь? У-у-у! Зачем такое дело? Э-э... Хагза! (Стыдно!) — Он махнул рукой и скрылся за дверью.

Я представила себе, как Дада подойдет сейчас к берегу, столкнет на воду наш длинный бат, как возьмется за шест и пойдет вверх по реке, преодолевая сердитый напор осенней воды.

Через несколько дней мы покинули Бичевую. Перед отъездом кто-то сообщил, что в сельпо привезли шкуру тигра, убитого удэгейцами. Лидия Николаевна подошла к Колосовскому с просьбой:

— А что если взять эту шкуру для музея?

— Попробуйте. Договоритесь, — отозвался Фауст Владимирович.

И вот в широком кузове автомобиля мы разместились, уложив свои вещи, музейные экспонаты, среди которых неожиданным приобретением была шкура полосатого зверя.

Встречный ветер хлестнул в лицо. Миону заботливо укрыл шалью свою супругу. Яту повеселела и что-то защебетала ему на ухо. Шишкин закутался в плащ.

Хмурый осенний лес побежал нам навстречу, а знакомые сопки уходили все дальше и дальше.

— Ну, вот и все, — сказал Колосовский, посматривая вперед. — Недельки через две у меня уже будет другой маршрут. Пойду, наверное, на Хинган или в долину Кура. Давно я там не бывал.

Что значит привычка к таежным странствиям. Он уже думал о новых дорогах.

Глубокой ночью мы въезжали в город. Огни, огни... Сколько их! Никогда еще город наш не казался мне таким огромным...

Да, возвращаться домой из походов — это счастье! Ничего, что дома уже все спят. Сейчас я постучусь в дверь и увижу детей...

Здравствуйте, мои дорогие!

Через два месяца я уезжала в Ленинград, на Всесоюзный съезд географов делегатом от нашей экспедиции.

Хорская долина с ее дремучими лесами и синими сопками осталась где-то далеко позади. Но теперь она уже не казалась такой недоступной. Ведь мы проложили туда тропинку. Там горели наши костры. А из тропинок всегда вырастают дороги. А огни всегда манят...

РАССКАЗЫ

ВЫСОКАЯ ТРОПА

Когда Ирина, несмотря на усталость после ночного дежурства, решила пойти на огород и, переодевшись в легкое с открытым воротом платье, вышла из дому, было уже двенадцать часов. Она повязала белым платком голову, чтобы солнце не так пекло, и пока шла по гребню горы, усеянному обломками базальта, пока спускалась вниз, осторожно переступая с камня на камень, думала, что хорошо бы теперь искупаться в реке и что, если бы она искупалась, ей стало бы легче.

Но там, куда она шла, не было реки...

С наблюдательной площадки Косте было видно вначале, как на фоне белесого неба и серых глыб мелькает ее красное платье; стоя перед раскрытой будкой на лесенке, он изредка поглядывал в ту сторону, куда она уходила, и, не выдержав, по-мальчишески свистнул ей вслед, как бы напоминая, что она не должна задерживаться долго.

От этого свиста, который так хорошо был знаком ей и который теперь ее раздражал, Ирина невольно за-

медлила шаг, она оглянулась, но только для того, чтобы успокоить Костю, махнула ему рукой, сделав над собой усилие, и пошла еще быстрее.

«Знаю, знаю... — мысленно говорила она, глядя себе под ноги. — Одному скучно. Мне тоже бывает не очень весело, когда ты уходишь. Ничего, привыкай...»

Она спустилась в неглубокую седловину, преодолевая сильный порыв ветра, прыгнула вниз, дивясь ловкости, с какой она еще может делать это сегодня, неожиданной свободе и еще чему-то такому, что вызывало в ней чувство сопротивления, мешало ей и теперь отошло вместе с горой.

Должно быть, это был ветер...

Теплый муссон, летящий с океана, едва касался лесов, толпившихся внизу, по распадкам, он только слегка задевал их листья, потом, припадая к озерам, плавно летел над ними, отчего вода в них дрожала мелкой рябью, зато на горных высотах ветер расправлял свои крылья и уж там-то он буйствовал... Груды камня, лежавшие наверху, как развалины древних замков, всегда поражали Ирину тем, что это был след безумной и длительной работы ветров. Там, на горе, не росло ничего, кроме бледно-зеленого мха.

Здесь же был совсем другой мир. Ирина радостно оглядывалась по сторонам. Как тут было хорошо, зелено, тихо.

«Лето, уже настоящее лето», — с удивлением думала она, жадно вдыхая запах листвы.

Знакомая береза, от которой начиналась тропа на огород, принарядилась с тех пор, как в последний раз Ирина проходила мимо нее, да и тропа стала узкой, оттого что к ней подступили кусты шиновника, подползли дикие травы.

Чтобы попасть на горное плато, где работники метеостанции посадили свой огород, Ирине пришлось пройти тропой по южному склону. Когда-то весь этот склон покрывали густые смешанные леса, но еще во время войны, как только была построена станция, их стали пилить на дрова. Отсюда, с юго-западной стороны, тайга была доступнее новоселам, и они каждую осень заготавливали тут на зиму топливо, ухитряясь за-таскивать наверх тяжелые хлысты с помощью веревок. Как ни тяжел был этот труд, множество пней торчало

повсюду, и лес на склоне основательно поредел. А там, где вилась тропа, рос только мелкий кустарник.

Если бы кто-нибудь вслед за Ириной подошел теперь к самому спуску с горы, он бы увидел, как среди кустов движется, все время удаляясь, маленькая фигурка в красном платье. Но никто не мог этого видеть. Здесь вообще никого не было. На сотни километров вокруг простиралась безлюдная тайга. Невысокие сопки, оттого что они лежали внизу, мягко сливаясь с темными ельниками, с кедровыми и широколиственными лесами, были как сплошное зеленое море, посередине которого тянулся небольшой и светлый мыс. Он тоже обрывался где-то вдали, и над ним до самого горизонта синели вершины сопок.

Жаркий день выдался. Ирина разулась и несла в руках свои сандалии. Уходя из дому, она почти никогда не чувствовала себя свободной настолько, чтобы не думать о времени, вся жизнь ее в тайге была рассчитана по часам. И теперь ей тоже надо было торопиться. Несмотря на то, что она дежурила всю ночь, спать ей не хотелось, к тому же лесной воздух действовал на нее освежающе. Она щурилась от солнца и шла.

Слева в кустах лещины звенела какая-то птичка. Должно быть, это пела зеленушка. Ирина не умела различать птиц по голосам, только знала от Кости, что в это время в лесу звонко поют зеленушки, перекликаются на разные голоса иволги, дрозды.

Вскоре под босыми ногами ее была уже не тропа с травой и колючками, а теплая земля огорода.

Ирина бросила сандалии под куст орешника, где лежала спрятанная ею тляпка, поставила термос с водой в прохладную тень у пенька и весело оглядела картофельное поле, все в белых и розоватых цветках. «Давно бы надо было прийти сюда. Огород посадили, а работать некому».

Она взяла тляпку и стала срубать в междурядьях траву, рыхлить вокруг каждого куста землю, подгребать ее, как всегда это делала дома в Загорье, когда помогала матери. Земля была сухая и черствая. Ирина старалась делать высокие гребни, так что от картофельной ботвы на поверхности зеленели только вершинки, кое-где оживленные пучками соцветий. Стебли еще поднимутся, думала она, зато и влага так сохра-

нится дольше. Передвигаясь по полю из конца в конец, она видела, как бодро стоят окученные ею кусты картофеля. Постепенно таких рядков становилось все больше. От равномерного и однообразного стука и от того, что ей приходилось работать в наклон, у нее сначала звенело в ушах, но потом она увлеклась работой и не замечала этого. Лишь по временам женщина останавливалась, ходила пить воду из термоса, поглядывала из-под руки на солнце. Было так жарко, что ей пришлось раздеться. Озираясь вокруг, она бросила под куст свое красное платье.

Над горным плато стороной пролетал орлан, распахнув широко крылья. В минутной передышке Ирина проследила за его полетом, без всякого интереса, равнодушная к тому, что совершалось в природе.

Душно было от земных испарений. Хотелось пить. Мысли однообразные, как движения мотыги, донимали сознание. Она думала, что если картошка хорошо уродится, ее хватит почти на всю зиму, а весной когда вскроются реки, можно будет послать Захара в Келами, к удэгейцам. Думала о самом Захаре, который был рабочим на метеостанции и вот уже третью неделю отсутствовал. Ей казалось, что Захар отбилсь от рук и что если бы Костя не подавал ему дурного примера, он не осмелился бы так долго рубить бат.

«Гоняется, наверное, за ленками по протокам, колет их острогой, а Дуня сидит в палатке, вышивает ему рубашку и поет свои заунывные песни».

Ох, уж эти таежные бродяги... Сколько раз она предупреждала Захара, чтобы он не отлучался надолго. И вот, поди ты, опять тайга взяла его в плен. Как это непросто, думала Ирина, удержать заядлого охотника около дома да еще на такой горе, где только ветер по камням рыщет. А ведь Захар знает, что дрова у них на исходе и воду приходится беречь, как в пустыне. Но попробуй сказать ему, что он уклоняется от своих обязанностей, он так и взъерошится, узкие глаза его сделаются круглыми, и каких только причин у него не найдется в оправдание! Еще бы... тайга... На каждом шагу человека подстерегают случайности. Это же любит повторять и Костя. Ему тоже ничего не надо, лишь бы бродить с ружьем по тайге.

«Понадеялась на свои силы. Выходит, я слабенькая.

И незачем было лезть на Медвежью гору, — Ирина выдернула из-под тяпки ломкие елочки лесного хвоща и отбросила их в сторону с усмешкой. — Сама напросилась...»

Под горой жалобно кричит какая-то птичка «пи-ить, пи-ить!» Солнце печет. По временам Ирина взглядывает на свои запыленные ноги, гладкий черенок тяпки жжет ей ладони. Она уже заметила, что когда смотрит на ближние кусты, на деревья, перед глазами возникает цветной круг. Это от бессонницы. Куда ни взглянешь, всюду тянется следом и на все наплывает зыбкое радужное кольцо.

«Пройду еще вот эти два рядка и тогда отдохну».

Ирина стала торопиться, шла вдоль поля, не поднимая головы, откидывала в борозду мелкие камушки, но после намеченных двух рядков принималась за новые; она и сама не знала, откуда у нее берутся силы, ей хотелось поскорее управиться с огородом, она не замечала, как светлые капельки пота иногда срываются у нее со лба и падают на землю, и долго еще переходила от одного куста к другому, пока в изнеможении не бросила тяпку.

А над распахнутыми лесами, где человеку, может быть, так же просторно, как и тесно, плавилось солнце. Смотреть на него было больно глазам. Ирина выпила последнюю воду из термоса, ту, что утром принес ей Костя, но сейчас уже не казалось, что вода отдает ржавым железом.

«Спуститься бы вниз... Там есть ключ, — размышляла она, испытывая слабость и чувствуя, что все тело у нее покрыто горячей испариной. В детстве ей часто приходилось работать на огороде, она любила огребать картошку, огород был у реки, за день они с сестренкой Катькой успевали не один раз окунуться в речку. Перемахнут через изгородь, пробегут по тропинке и за густым тальником — вода... Ирина даже вздохнула: так это было давно. Она сняла с куста свое платье, которое сама шила на руках простой иголкой еще в первый год, как только приехала в тайгу. — Тут все гораздо сложнее. Озеро далеко. К нему нет никаких троп, сплошные заросли вейника. Ближе есть только ключ Биасани, но вода в нем такая, что зубы ломит...»

Она опустилась на траву и несколько минут сидела

без движения, положив на колени руки вместе с платьем. Приятный холодок обдувал ее плечи, она слушала, как мягко над самым ухом шелестят листья орешника и как за кустами и еще дальше, должно быть, внизу, под горой, где растет березовый лес, пересвистываются вольные птицы. У нее было такое состояние, точно кусты и поле, вся земля и она вместе с ней — все куда-то плывет, раскачивается, кружится.

«В лесу, наверное, ландыши цветут, кукушкины сапожки». Она расстилает платье и ложится на траву; сомкнув под головой руки. Ощущение внезапного покоя и тишины поглощает все ее думы. Глубокое, чистое небо напоминает ей воду, но там, в вышине, опять дрожит, переливается радужное кольцо. Усталые веки сами собой смыкаются, Ирина закрывает глаза, но ненадолго, иначе ведь можно уснуть, а спать ей нельзя, и она снова смотрит сквозь зеленый узор листьев на небо.

«Пи-ить, пи-ить!» — настойчиво повторяет птица под горой. Тихо перешептываются листья орешника.

«А что, если я усну? Хоть немножко, совсем немножко поспать бы», — думает Ирина, поддаваясь мягкому шепоту. Она уже не в силах бороться с дремотой, к тому же небо дразнит ее своей синью, разгоряченное воображение рисует ей то быструю речку, то кадушку с водой. Против воли глаза у нее смыкаются, она знает, что сейчас уснет, но продолжает твердить себе, что она не спит, не спит... и засыпает...

Здоровая физическая усталость часто приносит людям крепкий сон без сновидений. Ирина редко видела сны. Обычно, когда она по утрам сдавала дежурство и уходила к себе в комнату, ей только в первые минуты трудно было сосредоточиться на одной какой-нибудь мысли, которая обязательно уносила ее от писклявых звуков настройки, от Костиного смеха или топота Захара, уносила куда-то в небытие, и потом она уже ничего не слышала, словно кто-то ставил глухую, темную стенку между нею и обитателями дома. И сейчас она уснула так, легко отделавшись от неба и от земли с ее хлопотливой жизнью, с этим сладким, как музыка, шелестом листьев над головой и далеким, рассеянным по лесам птичьим гомоном.

Но потом ей приснилось, будто она летит над горами. Это было так странно. В глубоком и темном ущелье

сверкал водопад. Она летела и сама удивлялась, что, оказывается, может подняться так высоко, и мучительно искала, где бы ей встать, чтобы напиться. Но каменная глыба, на которую она опустилась, вдруг с грохотом рухнула вниз...

Ирина проснулась. Грохот повторился еще раз, теперь уже в живом, телесном мире, залитом лучами жаркого солнца. Где-то близко стреляли...

Ирина испуганно вскочила на ноги и еще не в состоянии сообразить: что происходит с ней, где она, долго ли спала? — стала быстро одеваться, испытывая легкую боль на спине от прикосновения платья, и мысленно укоряя себя за то, что не выдержала, уснула. Тень от куста, под которым она только что спала, переместилась вправо, дул слабый ветерок, поле показалось Ирине каким-то неестественно лиловым, и воздух был пропитан запахом вялой травы.

«Кто это стрелял? Кто может тут быть?»

Она медленно прошла вдоль южного склона и несколько минут постояла там, почти у самого обрыва, тревожно оглядываясь по сторонам. С обрыва ей была видна сверкающая вдалеке полоска озера Сагды-ули, на склонах сопки — лес, который ей только что снился в неверном сне, он весь сиял и над вечной и не вечной зеленью разных оттенков бродили все также белые облака. Ни одной живой души не было видно.

«Захар стрелял. Больше никому... — решила она, возвращаясь к своему полю. — Опять небось будет рассказывать, как спасался от тигра или тонул. — Ирина была уверена, что это он, и невольно усмехнулась. — Кажется, настало время серьезно предупредить его. Но зачем он стрелял? И почему оказался в этой стороне, у ключа? Впрочем, может быть, эхо... или мне так показалось».

Постепенно приходя в себя, Ирина сообразила, что времени прошло не так много. Она снова взялась за тляпку, взглянув на небо. У летнего солнца длинный путь. Сон освежил ее, хотя и не избавил от жажды, пить хотелось по-прежнему. Но теперь ей уже оставалось совсем немного работы. Довольным взглядом хозяйки она осмотрела свой огород, еще не замечая, что сзади, со стороны ключа к ней на горную террасу поднимается человек.

Бывают встречи в тайге неожиданные, как гром, они пугают или радуют, но ведь и гром гремит после того, как блеснула молния. Сколько раз Ирине приходилось встречать людей, когда она не ждала их и не думала встретить. Приходили географы со своей экспедицией, были московские туристы, чаще всего наведывались охотники-удэгейцы. Они приходили всегда одной дорогой. О приближении незнакомого человека громким лаем оповещали собаки. Удэгейские лайки обычно взбегали на гору задолго до того, как появится сам хозяин. Охотники никогда не приходили с юго-западной стороны, оттуда, где сверкало озеро. Поэтому Ирина удивилась, даже растерялась, увидев незнакомого гостя с ружьем за плечами. Впрочем, сначала она услышала его голос, не слишком сильный, вкрадчивый, как ей показалось, и таким он был неожиданным, что она вздрогнула...

— Вот э-это я пони-имаю... — нараспев сказал человек, охватывая единым взглядом небо, кусты, уютно зеленеющее поле, посередине которого стояла, опершись на тяпку, маленькая женщина в красном платье. — Здравствуйте! — крикнул он затем и снял перед ней кепку.

Ирина кивнула ему, отвечая на приветствие издали, но не двинулась с места, продолжая смотреть на него, и если бы незнакомец подошел к ней ближе, он бы заметил, что черные глаза ее были широко раскрыты и в них попеременно жили страх, любопытство и готовность защищаться. Но он этого не видел, не мог видеть. Он остановился на расстоянии, которое не позволяло ему разглядеть ее лицо, и, судя по всему, теперь искал место, где бы сбросить поклажу.

— Позвольте приземлиться на вашей чудесной плантации. Никогда не знаешь, что тебя ждет в тайге. Но мне сегодня, кажется, повезло, ей-богу!

Одновременно и он, и она посмотрели на тень под кустами, где совсем недавно отдыхала Ирина. Не дожидаясь ответа, он шагнул туда — высокий, головастый и неуклюжий, стал деловито пристраивать около пня свой карабин, сбросил заплечный мешок. Ирина видела это и ей было слышно, как что-то брякнуло о землю.

«Так вот это кто стрелял... — подумала она, следя

за каждым его движением. — Откуда он? Что за человек? Почему я не заметила, когда он появился?» Все эти вопросы мигом пронеслись у нее в голове, и она, преодолевая испуг, медленно пошла к нему. Ей было ясно, что это не просто заблудившийся путешественник, который хочет узнать дорогу (спросит и уйдет), что это не геолог и не охотник, которые чувствуют себя хозяевами в тайге и обычно не спрашивают разрешения: можно ли «приземлиться»... И все же у него было что-то общее с ними, хотя для геолога он был стар, а для охотника непрост, и она терялась в догадках...

«Турист, что ли, какой-то».

Ирина подошла к нему близко, не выпуская таяпки из рук.

— Это вы стреляли? — тихо спросила она, прищурившись против солнца и наблюдая, с какой тщательностью он вытирает белым платком шею, красивый высокий лоб, чуть тронутый загаром. Светлорусая борода его на свету казалась рыжей.

— Значит, вы слышали мой выстрел? — отозвался он не сразу и так, словно перед ним была не женщина, а ребенок, покачал головой. — Скажите, пожа-алуйста... М-да... Вы, как светлое привидение в этих лесах... — Он сел на пень, широко расставив ноги, обутые в улы из кабаньей кожи. — Вы что, одна здесь?

— По-моему, было два выстрела... — строго сказала Ирина, поглядывая на карабин.

— Совершенно верно... Сейчас около ключа Биасани я нарушил свидание двух влюбленных. Вы знаете, когда медведь влюблен, он ломится сквозь чащу как ошалелый. Мне пришлось огнем и мечом прокладывать дорогу сюда. А вы не бойтесь, что вас когда-нибудь медведь утащит? — спросил он, глядя на нее исподлобья.

Лицо его сделалось вдруг серьезным, он пристально посмотрел на Ирину, слегка прищурив свои близко поставленные, как у филина, глаза, и она, только что слушавшая его с доверием, которое он внушил ей тем, что знал название ключа, не отмеченного ни на каких картах, нахмурилась... Ей показалось странным, что человек этот обут в удэгейские улы, точно такие же, в каких обычно ходит Захар.

— Нет, не боюсь, — сказала она, приподнимая таяп-

ку. — Зачем медведь пойдет сюда? Ягоды нет. Жарко... Звери сюда не ходят. — И стала разбивать комки земли.

— А люди?

— Людям мы всегда рады.

— Кто это мы? Я вижу, вы одна...

— Ошибаетесь. У нас полный дом следопытов.

— Понимаю. М-да... — Он сидел на лавке, как на детском стуле, серьезность Ирины забавляла его, и он, не отводя глаз от ее милого лица, скованного каменной строгостью, хмыкнул в бороду. — Вы, как Диана... Вдохновляете их. Только у вас вместо стрел я вижу мотыгу, а ваши храбрые охотники — на расстоянии довольно почтительном от опасности. Не так ли? Вот я возьму и украду вас. Что вы на это скажете?

Ирина отступила на шаг, ее покорила эта дерзкая шутка, и она сказала, что люди вооружаются для более достойных подвигов и что рисковать ему не имеет смысла, тем более что здесь нет асфальта и нет аллей и вообще с такой длинной бородой, как у него, можно запутаться где-нибудь в кустах...

Он захохотал и смех этот словно поднял его с пенки.

— А ведь я напугал вас... Сознайтесь. — Подходя к ней, он приложил к груди руку и заговорил виновато: — Не обижайтесь, это шутка. И давайте познакомимся. Я Алешин... Ну, полно, не сердитесь. Конечно, я пошутил с вами грубо и неуклюже... Но, право же, здесь небезопасно быть одной. И потом, вы меня поймете, если я скажу, что за три недели скитаний по тайге слова человеческого не слышал. А тут еще встреча у ключа. Я шел, продирался сквозь кусты, как зверь. Думал, нет кругом ни души. И вдруг вижу чудо на горе: огород и женщина!

Он стал ей рассказывать, как вначале хотел крикнуть издали, но потом раздумал и решил напугать ее, проучить... В конце концов, это же тайга... И люди приходят разные... Он говорил, все еще не отнимая от груди своей большой загорелой руки, это был жест, рассчитанный на прощение. Ирина слушала его, постепенно освобождаясь от испуга, она старалась вспомнить, кто же такой Алешин... Фамилия была ей знакома, но сейчас в обстановке этой необычной и ошеломившей ее

встречи никак не могла вспомнить, и только после того как он сказал, что недоволен беспорядками в этих охотоугодьях, она поняла все и улыбнулась... Так вот это кто? Нет, она не таким представляла себе начальника охотуправления...

— Это вы давали нам шифровку насчет соболей? — спросила Ирина, усаживаясь на пенек, где минуту назад сидел Алешин. Внезапно ее охватила тревога, она подумала о Захаре: мало ли что может быть? Ведь никто не знает, чем он занимается в тайге.

— Да, — сказал Алешин. — И должен заметить, что получил довольно толковый ответ. «Следопыты» у вас действительно неплохие...

Он приподнял свою котомку, под которой была у него фляжка с водой, отвинтил колпачок фляжки, хотел напиться, но спохватился и предложил Ирине:

— Хотите?

— Да, очень. Если можно, хотя бы один глоток...

— Ну, почему же? Вода бесплатная, пейте, сколько хотите.

Когда Алешин поднялся с колена, она близко увидела его лицо и подумала, что он кажется головастым потому, что у него пышные, как копна, волосы, борода спускается ему на грудь и закрывает шею, но он не старик и, судя по всему, добрый человек...

«А я-то, как я нехорошо ему сказала».

Вода была холодная, из ключа, Алешин набирал ее уже после того как повстречался с медведем, она еще не успела согреться. Ирина пила большими глотками, у нее ломило зубы, но она пила и видела, что Алешин отошел в сторону, чтобы не смущать ее.

Потом он тоже напился из фляги и стал осматривать огород, ходил по меже, перешагивал через кусты картофеля, осторожно и легко приподнимая ноги.

«Он был в Келами, — думала Ирина, — иначе где бы он взял эти улы...»

— Что значит человек! — воскликнул Алешин, дотрагиваясь рукой до картофельного цветка, словно это была какая-то диковина. — Вы знаете, — сказал он, обернувшись к Ирине, которая все еще сидела на пне, погруженная в свои думы, — я очень люблю тайгу. Бродить по лесам люблю. Но вот когда после долгих странствий по тайге вдруг увидишь что-нибудь этакое...

простую затеску на дереве, шалаш какой-нибудь, дымок костра... Вы не представляете, как это дорого бывает... увидеть след человеческих рук... — Он обвел широким жестом все Иринино поле: — Это очень приятно. И вы молодец! Только почему вы избрали такое место для огорода?

Ирина все время внимательно слушала его несколько приподнятую речь, дивясь артистическим ноткам в голосе «начальника всех зверей», как его называли шутя удэгейцы, и этой склонности его говорить возвышенно о простых вещах; в ее представлении Алешин был иным, судя по тому, с каким почтением и страхом отзывались о нем охотники. Поднявшись с пенька, она подошла к нему и увидела, как он бережно снял со своего плеча пеструю бабочку и с улыбкой проследил за ее полетом. Ирина подумала, что настоящее призвание этого человека, наверное, не в том, чтобы подписывать грозные приказы, ставить свою подпись на бумажке, от которой зависела участь браконьера или оплошавшего случайно зверолова. И все же, подходя к нему и отвечая на вопрос, она все время помнила о Захаре, с которым, быть может, связан был приход Алешина.

— В другом месте был у нас огород, но там вредителей много. — Ирина махнула рукой в сторону станции. — Мы весной, когда сажали картошку, в каждую лунку набросали тухлой рыбы. Думали, урожай будет хороший. А через две недели я пришла туда и вижу: все наше поле перепахано медвежьими лапами...

— Ска-ажите, пожалуйста... Любопытно. — Алешин улыбнулся, как бы выходя из забытья, он тоже думал о своем: он не ожидал встретить в этой маленькой женщине столько смелости и откровенно сказал ей об этом. — Ну, а как же ваши следопыты? — спросил он, помолчав. — Они разве не могут справиться с медведями? Вы же бьете зверей. Убиваете, наверное, и медведей, и сохатых?

— Я никого не убиваю... — ответила она шутливым тоном и подумала: «Он что-то знает, чего я не знаю»... Слегка склонив набок голову, Ирина с улыбкой посмотрела на Алешина. У него были свои тайны в тайге, хитрить перед ним она не собиралась, и все-таки поскольку ей была неизвестна цель его прихода, а спрашивать об этом было неудобно, она сказала то, о чем

думала не раз: конечно, медведи причиняют им немало беспокойства, но если каждого зверя встречать выстрелом, не хватит ни оружия, ни времени...

— Да, зверя много, это верно. И жить тут нелегко вам, — проговорил Алешин.

— Весной бывает особенно трудно. Мы несколько дней нынче сидели без хлеба. Пришлось сохатого убить. Так сложились обстоятельства.

— Ну, ну, ну... — мягко прервал ее Алешин и, как бы отстраняясь от дальнейших объяснений, взмахнул ладонью: — Я вас не допрашиваю. Я же не инспектор, а вы — женщина, у вас свои дела... И, пожалуйста, не обижайтесь, но это ведь мужской разговор.

Ирина молча опустила глаза и вспыхнула, но он этого не заметил. Его занимали другие мысли. Он сказал, что непременно придет на станцию, только не сегодня. Ему надо было пройти по ключу до самого устья, осмотреть береговой ельник, он еще не знал, где его застанет ночь, и хотя ему не хотелось уходить, он стал собираться.

— Вот вы давеча говорили насчет асфальта, — сказал Алешин, подымая на плечи котомку. — А ведь неплохая штука асфальт, ей-богу! Сейчас вот куда ни ткнусь — везде будет валежник, бурелом. Вот она матушка-природа... О ней только в стихах гладко. — Он опять присел на пенек и поставил к ногам свой карабин. — Сознайтесь, скучно бывает тут?

— Да, бывает. Но я не одна, — сказала Ирина.

— То ли дело в городе. А? Молодость ищет веселую, шумную жизнь.

Он пытливо смотрел на нее.

— Я мало знаю город.

— Там по вечерам музыка в парках гремит. Танцы... Юноши в брючках-макаронах, девушки с челочками. А вы? Что у вас? Тяпка в руках. Солнце над головой и каждый день перед глазами — горы, камень...

Лицо его становилось озорным, он смотрел на босые Иринины ноги, щурился и снова не мог оторвать взгляда от ее лица, удивительно милого в своей строгости.

— Каждый выбирает то, что ему нравится, — сказала Ирина. — Кому асфальт, кому таежная тропинка.

— Значит, вам здесь нравится?

— Конечно.

— И вы не жалеете, что сидите на Медвежьей горе, что большая жизнь обходит вас стороной?

— Нет, — сказала Ирина, чувствуя, что она и в самом деле думает так, — не жалею.

Алешин вдруг поднялся, вскинул на плечо карабин...

— И не жалейте! — сказал он совсем другим, серьезным тоном. — Город, конечно, хорош по-своему. Чего уж там. Среди тех, кто ходит в узеньких брючках, тоже есть стоящие ребята. Дело не в том. Но жить так, как вы живете, не всякий захочет и не всякий сможет. Не всякий! Понимаете? Для этого нужно быть сильным.

— Вы так думаете? — спросила Ирина, задумчиво глядя перед собой. Ей казалось, что Алешин преувеличивает самые простые и обыкновенные вещи.

— Да, разумеется, это так, — убежденно сказал Алешин. — Вы знаете, когда я увидел вас издали, я не поверил глазам своим. Мне захотелось взглянуть на вас близко. Тайгу я люблю, давно мечтал вырваться из города и побродить вот так. Но тайга бывает страшной. Особенно, когда ты один. Человек в ней теряется, как песчинка. Я шел к вам, смотрел на вас издалека и думал: что это? Кто это? Чья это душа, как огонек, осветила мне в глуши лесов?

Ирина смотрела на него с удивлением. Только сейчас она заметила, что глаза у него маленькие, и они прячутся под густыми бровями словно для того, чтобы лучше видеть вдаль. Он говорил без жестов, но так, как он, уже давно с ней никто не разговаривал. Она жадно ловила каждое слово, зная, что сейчас он уйдет, и все это может показаться ей сном...

И странное дело, то, о чем говорил Алешин, переключалось с ее собственными мыслями, будило у нее чувства, которым никто не давал названия, но которые сами собой жили в ее душе. Да, молодость может пройти легкой поступью по широким бульварам, прикрывшись от жгучего солнца модной шляпкой, газовым шарфиком, может пролететь в беспечных забавах, в мелких радостях, уклониться от испытаний, не взять на плечи никакой тяжести, ни разу не выйти навстречу горным ветрам. Есть такая благополучная молодость. Только чем же она ответит потом, когда время осудит ее чи-

стенские ладони, какие слова найдет для того, чтобы оправдать легкую свою дорогу?

— Я доволен, что поднялся к вам на гору. Но, кажется, я наговорил вам столько, что вы, наверное, думаете: вот чудак-человек явился, как гром среди ясного неба, и гремит, отводит душу. — Он засмеялся, но глаза его по-прежнему смотрели серьезно. — Вы молодец, — сказал Алешин и с чувством пожал маленькую Ирину руку. — Я непременно зайду к вам. Мне нужен ваш начальник станции.

Ирина хотела сказать, что она и есть начальник станции, но Алешин уже раскланялся с ней, он торопился, и она решила, что, пожалуй, незачем теперь поправляться и уточнять, тем более что они скоро увидятся и главный разговор у них — впереди...

ЖИВОЙ ТИГР

1

Вот уже чего не ожидал Леону Канчуга, так это повестки в суд. Его будут судить. И за что? За то, что он убил тигра...

Леону прохаживается по комнате — от двери к столу и обратно. За столом сидит председатель сельсовета Ефим Кимонко, человек степенный и строгий, от законов он ни на шаг не отступит, хотя бы перед ним родной отец очутился. Уж это все знают. Обижаться на него никак нельзя. Председатель делает правильно. И все-таки Леону искоса поглядывает на него. «Зять, а небось не заступится», — думает он, продолжая ходить взад и вперед. Небольшие, но крепкие руки его, почерневшие от загара, сомкнуты за спиной. В руках болтается шапка-ушанка, которую он снял, едва переступил порог сельсовета. Сам он чуть пониже среднего роста. На нем темно-синяя ватная куртка, стянутая сзади по талии хлястиком с пряжкой, из-под куртки на правом боку выглядывает охотничий нож в чехле из лосиной кожи. На ногах — новенькие унты, расшитые сверху, под самыми коленями, ярким узором. Од-

ним словом, вид у него живописный и довольно воинственный для пятидесятилетнего человека.

— Я почему убил тигра, ты слушай... — Леону хлопнул шапку на стул. — Куты-мафа у меня корову съел? Съел. У меня теперь нет коровы? Нету. Кто виноват? Тигр, понимаешь...

— Ну, это не совсем так, — возразил председатель, сдерживая улыбку, и попросил Леону сесть. Он вспомнил, что прошлой осенью у Леону действительно пропала корова. Но ведь она одна ходила по тайге, хозяин не пустил ее в стадо. А почему не пустил? Об этом только ему одному известно. Сколько было разговоров в селе по этому поводу! Колхозницы посмеивались над женой Леону, говорили, что Инака, наверно, сразу хочет целую бочку молока надоить. Корова-то по неделе в тайге шаталась...

— Надо было слушать, когда люди советовали, — сказал Ефим, перебирая на столе какие-то бумажки.

— Слушать, слушать... — подхватил Леону. — Люди ничего не понимают. Утром, в обед, вечером тянут молоко из коровы. Какой зверь так может терпеть? Зверю надо корм в тайге искать, а Илья домой гонит. Разве правильно? Моя жена не ленилась, сама с ведром ходила в лес, там доила. Все было хорошо. Куты-мафа пришел, съел корову. Теперь, конечно, доить-то некого...

Он говорил с такой обидой, как будто Ефим Кимонко был виноват в том, что случилось. Между тем Ефим, понимая его состояние, спокойно заметил:

— Ты слушай, отец, не волнуйся. Я должен сказать: нам такое дело очень неприятно переживать. Ты на весь колхоз пятно посадил. Сколько раз тебе говорили: надо уважать советские порядки! Почему не делал выводы? В позапрошлом году мы тебя всем колхозом выручали, когда ты сохатого без разрешения убил. Ты разве один уплатил бы десять тысяч рублей? Люди тебя пожалели. Деньги собрали, кто сколько мог, за тебя отдали. Я считаю, зря старались. Надо было тогда еще проучить...

— Давно дело было. Старые вороны в тайге позабыли, ты вспоминаешь, — Леону отвернулся. Тонкие губы его искривила усмешка. — Если будем все подсчитывать, я тоже старался. Сколько белок стрелял,

сколько соболя ловил! На колхозный план работаю. Теперь, конечно, можно судить, — заключил он и сел, склонив голову.

Ефим с сочувствием посмотрел на его темные вихры, тронутые сединой, но не изменил своего тона и продолжал:

— Это мы знаем, Леону. Знаем, что ты хороший охотник. Но зверя добывать надо по правилам. Я вот когда в город ездил, — повысил голос Ефим, — заходил в охотуправление, и там мне Самсонов выговор делал, говорит, что мы за своими охотниками плохо следим, мало разъясняем законы. Но неужели ты не знал, что тигра нельзя убивать?

— Это, конечно, знал немножко: ну, так получилось, понимаешь, надо было стрелять.

— Вот видишь, — укоризненно покачал головой председатель, — а тигр-то больших денег стоит.

— Сколько? — живо спросил Леону, а сам смотрел на разутюженный белый в полоску воротник зятевой рубашки, острыми уголками спадавший на пиджак, и думал: «Кто это ему без Еленки стирает?»

— Точно тебе не скажу сколько, но, думаю, много. Надо понимать, на кого охотишься. В прошлом году мы так и не нашли виноватого, когда на Люхэне тоже кто-то из наших охотников тигрицу убил. За ней следили люхэнские тигроловы, хотели ее живьем поймать. Ничего не получилось.

— Да, да... — пробормотал Леону, вставая, — все по-немножку убивали, а меня одного судить будут. Нехорошо!

Он схватился за шапку, собираясь идти, но с минуты еще топтался на месте, пока надевал ее, затем шагнул к двери, не оглянувшись, сердито бросил:

— Живьем-то тигра кто поймает? Это все сказки, наверно... — и толкнул дверь коленом.

Из сельсовета Леону вышел мрачный. Мысль, что он предстанет перед судом и все увидят его поникшую голову, подействовала на Леону оглушающе, как удар. Село показалось ему чужим. Так бы и махнул за перевал, к сыну...

Чтобы не идти по улице, он свернул на тропинку, ведущую мимо колхозной фермы. Ему казалось, что люди смотрят в окна и смеются над ним. Мартовское

солнце, растопившее снег, блестело в лужах около амбара и тоже как-то странно подмигивало. В хвойных зарослях, у протоки, пролетела сойка и передразнила его.

— Пошла вон! Та! — крикнул Леону на собаку, лежавшую у крыльца.

Войдя в избу, он не стал раздеваться, а только сбросил шапку, достал из шкафчика недопитое вино в бутылке и залпом опрокинул стакан.

Из окна через двор открывался вид на протоку, по которой прямо в тайгу вели, перекрещиваясь в разных местах, охотничьи тропы. На заборе висели медвежьи шкуры, вынесенные для просушки, — в эту зиму Леону славно поохотился. Доставая из кармана кисет с табаком, он досадливо крикнул и сел на ящик. Сознание, что его могут осудить, лишит оружия, сильно беспокоило Леону. И зачем только он убил тигра?

Леону был хорошим охотником. Больше всех убивал белок, сколько раз будил медведя в берлоге, каждый год добывал дорогие панты, и, когда возвращался с охоты, в магазине сельпо не хватало для него товара. Выбирали они с Инакой самые лучшие ткани для дочки Еленки, самые дорогие костюмы для парня Максима. Продавец приносил со склада то одно, то другое. Семья Канчуги ни в чем не нуждалась. Одного только не доставало жене Леону — коровы. Давно уже соседки обзавелись коровами, а она каждый вечер ходила в колхозную кладовую с кастрюлькой за молоком. «Давай и мы заведем хозяйство», — приставала к мужу Инака.

И, вот в позапрошлом году во дворе Леону появилась корова. И надо же было выбрать такую — светлой, мышастой масти, как лосиха, только с рогами. Инака совсем ее не боялась. А Леону поглядывал на корову с опаской и — чего греха таить, теперь уже дело прошлое, — в первые дни, когда жена бралась за подойник и уходила в сарай, Леону прохаживался на карауле с берданкой. Мало ли что могло случиться? Раньше ведь удэгейцы не занимались животноводством. Леону, как и другие его сородичи, прежде и коров-то не видал. Кочуя по тайге, он встречался с четвероногими ее обитателями, как ловкий и опасный их враг.

Каких только зверей не настигала его меткая пуля! Единственным, кого охраняли лесные законы, был тигр. Еще бы! Старики говорили, что самой первой матерью удэгейцев была тигрица. Попробуй поднять оружие на сородича! Леону помнит, как удэгейцы боялись обидеть тигра. Недаром в народе ходила поговорка: «Изюбра убил — мясо нашел, тигра обидел — все потерял». Того, кто пытался поспорить с лесным обычаем, ожидало вечное проклятие. Теперь-то, конечно, смешно подумать об этом. Но тигра все-таки убивать нельзя. Только совсем другая причина. Леону это объясняли. Хотя до сих пор он не понимает: зачем людям такой большой и опасный зверь? Какая от него польза? Когда у Леону пропала корова, было ясно, чья это работа. В распадке у ключа Якпа, там, где лежали коровьи рога и копыта, он сразу увидел след куты-мафа. Тогда-то и поклялся, что убьет тигра. И вот что получилось...

Так размышлял Леону Канчуга, сидя у окна и жадно затягиваясь табачным дымом.

Вошла жена, поставила у порога ведра с водой, загремела кастрюлями, собираясь готовить ужин.

— Ты чего не раздеваешься, одетый сидишь? — тихо спросила она, угадывая состояние мужа. Инака уже знала, что над ним нависла беда, но помочь ему ничем не могла, разве только своим участием. Обычно крикливая и несогласная с мужем, она вдруг как-то сразу переменилась, притихла, стала покорной. Широкое, скуластое лицо ее без морщин, с неярким румянцем на выпуклых смуглых щеках, перестала озарять улыбка, всегда так молодившая женщину.

Она прошла вдоль избы и села напротив мужа, облокотилась о стол рукой, равнодушно поглядывая на пустую бутылку.

Леону виновато заморгал глазами, хотел сказать ей, чтобы не ссорилась, но тут же опомнился: беда бедой, а все-таки пусть гордится таким мужем, не каждый охотник убивал тигра...

— Тебе корову надо было, черт возьми! Теперь коровы нет и меня не будет, — сказал он и поднялся, чтобы сбросить куртку. — Чего молчишь?

Инака вздохнула:

— Самсонов приехал. И с ним еще какой-то человек незнакомый. Я видела. Сейчас они к Ефиму пошли.

— Самсонов? — переспросил Леону, опускаясь на ящик. Он понял, что приезд начальника охотоправления связан с делом о тигре, но не стал говорить об этом жене, действуя по старой таежной пословице: «Не пускай снег за ворот рубашки, воду — к ногам, а женщину — к серьезному делу». Только через несколько минут, когда Инака уже возилась у печки, он позвал ее: — Собери мне котомку. Положи туда все, что надо. Табаку, сахару, мяса сушеного. И не спрашивай, зачем это. Я сам знаю...

2

В феврале начальнику краевого управления охотничьего хозяйства Виталию Петровичу Самсонову сообщили о том, что келаминский охотник Леону Канчуга убил тигра. Известие это не показалось бы ему столь тревожным, если бы он не знал, что за последние годы в наших лесах все реже и реже попадает дикая полосатая кошка. Может, в другое время история с тигром прошла бы незамеченной, но сейчас, когда редкий зверь этот охраняется строгим законом, надо было принимать меры.

Самсонов запросил Келаминский сельсовет об обстоятельствах дела и потребовал, чтобы Леону Канчуга представил письменное объяснение. Но это было еще не все. Он вспомнил: в краеведческом музее давно бы пора обновить чучело тигра — стоит оно там, с заплатами, даже неудобно. И еще вспомнил Самсонов: доцент медицинского института Анатолий Степанович Бибилов сколько раз жаловался ему на то, что кафедра сравнительной анатомии не имеет почти никаких интересных препаратов, которые можно было бы демонстрировать студентам во время лекций, нет ни одного скелета животного, особенно из тех, которые составляют гордость дальневосточной фауны. И вот, утешаясь мыслью, что можно извлечь для науки пользу, Самсонов просил удэгейцев любыми путями доставить убитого тигра в город...

Через несколько дней из Келами пришло большое письмо. Собственно говоря, это был акт, составленный по всем правилам, пространный и ясный в своем стремлении объяснить преступление исключительными обстоятельствами. Старший инспектор охотоправления

Козырев, человек немолодой и резкий в суждениях, считавший, что начальник часто потворствует удэгейцам, вошел в кабинет Самсонова и положил ему на стол полученную бумагу:

— Вот полюбуйте, Виталий Петрович, что они пишут тут. Я ж так и знал! Ни шкуры, ни мяса, как говорится...

Козырев присел к столу, дымя папиросой. На увядшем, стареющем лице его появилось выражение явного неудовольствия. Козырев был «законником». Всякое нарушение он считал опасным для дела и не любил разбираться в психологических тонкостях там, где требовалось наказать виновного, вот так же, как сейчас.

Но Виталий Петрович почему-то медлил с решением, и это было непонятно. Читая акт, Самсонов то хмурил русые брови, так что высокий и красивый лоб его бороздила глубокая складка, то покачивал головой, словно журил кого-то, и на полных губах его под пышными, слегка поникшими усами надолго застывала добродушная улыбка.

В акте сообщалось, что во время соборевки в январе на реке Канда у охотника Леону Канчуга произошла опасная встреча с хищником. Тигр внезапно напал на него, когда Леону приближался к табору, и, если бы Канчуга растерялся, он угодил бы зверю прямо в пасть. Что касается доставки убитого зверя, то сделать это не удалось. Нартовые дороги по рекам основательно испортились, тащить же такую тяжесть за двести километров просто было невозможно. К тому же распоряжение Самсонова запоздало: охотники уже возвратились домой, когда им было приказано снова пойти в тайгу за убитым тигром.

— Вот как?.. — проговорил Самсонов и стал читать уже вслух вопросительным тоном: — «При внимательном изучении намерений хищника обнаружилось, что для снятия шкуры зверь не пойдет? Тигр оказался в голом виде? Частично поклевали вороны, частично звери покушали»? Интересно...

Он отложил в сторону письмо и задумался.

— Как это понимать, Виталий Петрович, что тигр-то оказался в голом виде? — спросил Козырев, опуская окурок в фарфоровый зев пепельницы. — Может быть, Канчуга сам его раздел или кто-нибудь из его друзей?

Все-таки тигровая шкура — ковер и все прочее. Есть же такие любители.

— Ну, нет, удэгейцы не трогали, я в этом уверен, — возразил Самсонов. — Очевидно, самец был старый, облезлый, ну и никто его не раздевал, конечно. Шкуру просто испортили звери, птицы, как это бывает в таких случаях, сами знаете. Да... Жаль, что так получилось. Ничего они не поняли.

С минуту он глядел перед собой куда-то в одну точку, задумавшись, и во взгляде его внимательных серых глаз промелькнула досада.

— Трудный случай, одним словом, — ничего не объясняя, заключил Самсонов.

— Учтите, Виталий Петрович, — поспешил ему на помощь Козырев. — Канчуга охотился в бригаде Киргу — значит, был не один.

— Ну да. Был он не один, но стрелял-то один. Киргу на такое дело не пойдет, я знаю.

Многих келаминских охотников Виталий Петрович действительно знал хорошо. Он бывал у них на собраниях, выяснял там нужды колхозников, сам ходил с удэгейцами в тайгу, когда надо было определить границы охотничьих угодий колхоза «Таежный ударник». Но вот имя Леону Канчуга не вызывало у него в представлении никакого определенного образа, как он ни пытался припомнить: каков же собой этот смельчак, убивший тигра?

— Вот что, Федор Михайлович, загляните-ка в наши талмуды: нет ли у нас дела на этого товарища. Что-то мне припоминается один факт, связанный с Канчугой.

— А чего заглядывать? — оживился Козырев. — Я и так помню. В позапрошлом году весной мы его отдавали под суд за браконьерство. Он сохатого убил. Канчуга у меня на примете. Так что можете не сомневаться. Вообще, скажу я вам, Виталий Петрович, — Козырев встал, словно сидя не смог бы сказать того, что хотел, — вообще, — продолжал он, поглаживая ладонью впалые щеки, — канитель большую разводим мы с этим тигром. По-моему, так: если человек провинился, пусть отвечает. А у вас, Виталий Петрович, мягкость большая.

— Мягкость говорите? — улыбнулся Самсонов. Широкоплечий, немного грузный, в вышитой украинской

рубашке под синим пиджаком, он откинулся на спинку стула, как будто за столом ему было тесно, и стал смотреть в окно. — Видите ли, Федор Михайлович, — сказал он, обернувшись, — мы, разумеется, должны стоять на страже закона, и мы это делаем, но не надо забывать, что удэгейцы — это во многом еще очень наивные люди. Они же еще недавно вели первобытный образ жизни. Вот вы представьте себе одну простую вещь. Раньше они боялись трогать тигра. Боялись потому, что думали: за это накажут злые духи. Мне рассказывали случай, когда один удэгеец убил тигра и вынужден был утопиться в реке, чтобы снять грех с души. Вот видите? А потом, когда жизнь у них пошла по-новому и стало ясно, что за убийство тигра люди так страдать не должны, всякий, кто убивал его, оказывался героем. В самом деле, тигр — такой зверь, что не каждый пойдет на него с оружием. Верно? А может быть, Канчуга не понимает, что он совершил преступление? Вот тут-то и надо подумать, прежде чем что-нибудь решить...

— Ну да, не понимает, — усмехнулся Козырев. — Это уж вы не говорите, Виталий Петрович, что он не понимает. Конечно, темноту ихнюю там и все прочее надо брать во внимание. Но, с другой стороны, государство несет убытки. За три года мы потеряли двух, нет, пожалуй, не двух, а четырех тигров, если не считать тигрят. И все в одном месте. Многовато. — Он помолчал, видимо, что-то обдумывая. — Вы же сами хлопотали, чтобы вышел запрет на тигра. И вот теперь что же? Дело прекратить надо?

— Я этого не сказал. Почему прекратить? Мы будем наказывать всякого, кто пойдет на преступление. Но легче всего осудить человека. Кое-что нам придется взять и на себя.

— Смотрите, Виталий Петрович. — Козырев пожал плечами. — Только боюсь, не получилось бы так, как с теми соболями. В прошлом году вы взяли на себя соболей, хотели доброе дело сделать, а министр, видите как, выговор вам объявил, и все...

— Ну что же, министр ведь не может знать всех тонкостей. Я действительно на свой риск разрешил удэгейцам убить семьдесят пять соболей. Так ведь это же было необходимо. Люди пострадали от наводнения. На-

до было помочь им как-то. Я уже написал министру. Все ему объяснил.

Самсонову было неприятно это напоминание о выговоре, но сейчас, когда надо было решить дело с тигром, он меньше всего заботился о своем задетом самолюбии.

— Я вас попрошу, Федор Михайлович, вот о чем, — заговорил он, протягивая Козыреву вчетверо сложенный листок. — Берите машину, поезжайте сейчас к Дятлову вот с этой запиской, и пусть он даст мне ответ. Вы знаете, что он живет сейчас у брата за городом? Ну вот, поезжайте. Когда вернетесь, будем оформлять дело.

Оставшись в кабинете один, Самсонов позвонил председателю крайисполкома, долго советовался с ним относительно трудного случая в удэгейском селении, затем повесил трубку и, когда наконец утвердился в своем намерении, стал разбирать телеграммы. Угрюмая секретарша в очках положила ему на стол несколько таких телеграмм, за веселой путаницей которых скрывался серьезный смысл. С Камчатки сообщали, что «Васильев благополучно дотянул до Елены». И это означало: соболи доставлены в самый дальний район. Из нанайского села просили срочно забросить грузы для экспедиции по расселению норки. Виталий Петрович переносился мысленно то в долину ключей, согретых вулканами, то в предгорья Сихотэ-Алиня, то на Анюй. Там, под пологом древнего леса, шло невиданное новоселье. Оно обещало богатство, и в нем была романтика нашей жизни, мечта, без которой немислимо двигаться вдаль.

Виталий Петрович любил тайгу. Он знал все ее заповедные места. Читая книги о Дальнем Востоке, он ревниво подчеркивал в них описания природы и досадовал, если пейзаж не затрагивал душу. «Разве можно сравнить леса Подмосковья или Урала с нашей тайгой? Мало сказать, что она богатая, она просто необыкновенная. И незачем отпугивать словом «суровая», которое так полюбилось газетчикам. Не суровая, а удивительно разноликая и щедрая», — думал он часто, и в его воображении вставали буйные папоротники в человеческий рост, столетние ильмы, опутанные лианами, тополя в четыре обхвата, пышные заросли дикого винограда, сквозь которые пробирается тигр...

Мало-помалу мысли опять привели его к убитому зверю. Виталий Петрович продиктовал машинистке две телеграммы, написал отношение в крайпотребсоюз, позвонил на склад и, пока занимался текущими делами, думал о тигре.

Самсонов не считал тигра опасным. Он не видел в нем такого страшного зверя, чтобы при встрече с ним надо было немедленно хвататься за оружие. Наоборот, все его долголетние наблюдения, весь коллективный опыт охотников подсказывали, что тигра бояться не надо. Сколько раз, встречаясь с тигром в тайге, Виталий Петрович провожал его взглядом: пусть себе гуляет! Зверь уходил, не делая никакой попытки напасть. И это понятно: ведь его не трогали. «Не трогать тигра!» — вот в чем таился особый смысл.

Еще несколько лет назад Самсонов доказывал, что тигра надо сохранить как редкое богатство, как украшение нашей тайги, и, прежде чем появился закон, запрещающий его убивать, пришлось потревожить немалые авторитеты в ученом мире... Нет, в том, что Леону Канчуга стрелял просто из озорства, не было никакого сомнения. Важно было теперь наказать его так, чтобы на этом учились другие...

Размышления Самсонова оборвал Козырев, вернувшийся гораздо раньше, чем можно было предполагать.

— Дятлова я разыскал, Виталий Петрович. Записку ему вручил. Все в порядке. Он просил на словах передать вам, что согласен. Приедет в Келами. Я уже вот о чем думал: может быть, мне с ним поехать? Нам же договор надо проверить там по заготовкам. Или ему поручим? Как вы считаете?

Самсонов уважал инспектора за его прямоту, он ценил в нем редкую страсть следопыта, но в последний год Козырев частенько прихварывал, и начальнику управления приходилось щадить не только его больные ноги, но и самолюбие.

— Нет, видите ли, я сам поеду туда. Леону будем судить там, на месте...

— Значит, дело оформлять не будем? — спросил Козырев.

— Будем непременно. Только знаете как? — И Виталий Петрович стал подробно излагать ему свой план.

В сельском клубе, где слушалось дело об убийстве тигра, собралось столько народу, что многие стояли у дверей, не найдя свободных скамеек. Леону Канчуга сидел в первом ряду, низко склонив голову. Никогда он не думал, что придется так тяжело пострадать из-за тигра. И вот пришлось...

За спиной у него были сородичи: молодые и старые охотники, женщины, девчата, друзья и соседи — одним словом, все свои люди, которых он хорошо знал, многих любил, иных осуждал сам когда-то или просто они ему не нравились.

Люди шептались, подталкивали друг друга, вздыхали, ловили каждое слово председателя и уж, конечно, не сводили глаз с Леону. От этих взглядов голова его клонилась все ниже, спине было жарко, как будто шел он с тяжелой ношей на перевал. Нет, это было похуже! Если бы на перевал, а то летит он куда-то вниз и неизвестно, где остановится. В зале нет ни одного милиционера. Суд товарищеский. Но Леону никогда не бывал даже на таком вот суде, и ему кажется, что милиция притаилась где-то в засаде и ждет, когда его можно схватить.

Леону несмело поднимает голову, смотрит на сцену. Там, за столом, покрытым красной скатертью, — судьи. Председательствует Макар Кялундзюга — самый лучший охотник в колхозе. Рядом с ним по одну сторону — Ульяна, бригадир охотничьей женской бригады, по другую — пчеловод Гамали. Общественный обвинитель, Иван Геонка, устроился за отдельным столиком справа и что-то записывает. Сегодня он в новом костюме. Леону, привыкший видеть колхозного счетовода в зеленой гимнастерке, с неприязнью поглядывает на него: «Ишь нарядился, праздник, что ли, ему?»

В клубе стоит тишина, как в горах, где рокошет только один холодный ключ, от которого немеют ноги. Вода в нем резкая, прозрачная и мчится прямо на него — Леону. Не знал он, что Макар может говорить таким холодным голосом:

— Канчуга пошел против закона. Он совершил преступление, и мы его судим как нарушителя советских порядков и нашей колхозной дисциплины...

«И зачем я так поддался, — ругал себя Леону. — Надо было бросить все и уйти в тайгу на метеостанцию, к сыну Максиму. Там посидел бы, пока люди забудут... Но разве уйдешь? От грозы можно спрятаться, переждать. Полынью на реке обойти можно. А куда уйдешь от закона? Раньше убивший тигра сам уходил в «буни» — подземный мир и там просил пощады, так говорили деды». Но Леону не дурак, чтобы броситься в реку. Что будет с ним потом, когда он умрет, — неважно. А сейчас, на земле, его судят. Вот уже Макар требует ответа...

Леону поднялся, стал рассказывать, и многим сидящим в зале показалось ясно, что, если такой страшный зверь, как куты-мафа, идет прямо на тебя, надо стрелять. Вот Леону и выстрелил... Ответчик стоял спиной к залу. Его попросили повернуться, и, когда он повернулся, все увидели, что он волнуется.

А как все получилось-то? Леону возвращался с охоты на свой табор: Киргу и Василий в это время находились в верховьях ключа Биаса, в стороне от речки Канда, где стояла охотничья палатка бригады. Леону ушел один и должен был приготовить ужин. Три собаки, запряженные в нарты, весело бежали по следу. Вдруг передняя собака залаяла и рванулась в сторону. Леону насторожился. Впереди, совсем близко, замелькало что-то желтое. Это был тот самый тигр. Испуганный собаками, он остановился. Леону вспомнил, что ружье у него крепко привязано к нарте веревкой. Развязывать было некогда. Быстро вынул нож из чехла, перерезал веревку, а в следующую минуту он уже выстрелил тигру прямо в голову.

— Тигр был старый, понимаешь, совсем лысый, что ли... — сказал Леону, поглядывая на Самсонова, которому давно уже все стало ясно. Он хотел лишь задать вопрос Леону для того, чтобы все поняли, в чем дело, но его опередили.

— Значит, тигр не нападал на вас все-таки? — спросила Ульяна, член суда — не сиделось ей на месте!

Эту Ульку он когда-то учил ловить соболей, а теперь она сама учит других охотиться и вот еще какой чести добилась — судит его!

— Этого не могу сказать точно. Не знаю... Может, не нападал. Заметить не пришлось.

— А если бы вы не стреляли в него, — слышался голос учительницы Веры Сергеевны, — он бы ушел от вас, наверно?

— Наверно, так, — осмелев, ответил Леону. — Я все равно стрелял бы... Я сильно рассердился, когда увидел его.

И тут Леону заговорил о своей загубленной корове и о том, что давно собирался отомстить зверю.

— Только вот беда, понимаешь, зря стрелял. Который тигр корову съел, был молодой. Этот совсем старик... — и добавил тихо по-удэгейски, что за такого куты-мафа в подземном царстве — буні — тигры сказали бы только спасибо.

Все, кто услышал его, засмеялись.

Леону широко размахивал руками, как сова машет крыльями, когда ищет место, где бы присесть. И вот он сел, успокоенный сознанием, что сказал все. Однако садиться ему было рано. Из зала летели вопросы. Теперь спрашивал Самсонов:

— Меня интересует вот что: знает ли Канчуга хотя бы один случай, когда тигр задавил человека?

— Нет. Такого случая не знаю. Медведи давили, сколько хочешь случаев.

— И еще один вопрос, — продолжал Самсонов. — Приходилось ли вам наблюдать, что там, где ходит тигр, обычно водятся много других зверей: кабаны, изюбры, сохатые? Но волка там не бывает. Верно?

— Это правильно, — подтвердил Канчуга, вздыхая. — Когда следы куты-мафа есть, всегда хорошая охота бывает. Это приходилось заметить.

Вопросов было задано много. И про тигра, и про охоту, и о корове спрашивали, а старая Марфа — депутат сельсовета — даже про жену спросила: почему она не выходит на работу, все больше дома сидит, когда столько дела кругом?

Леону отвечал и чувствовал, что ему не уйти отсюда так просто...

Потом выступали свидетели Киргу и Василий. Но что они могли сказать, кроме того, что сам Леону уже рассказал? Они только подтвердили его слова. Действительно, тигр был старый, а как Леону убил его, никто не видел. Зато другие люди, вроде Сиды, много наговорили. Все старое вспомнили и даже не постыди-

лись сказать, что Леону последнее время водку пьет. Нехорошо получилось... А тут еще старик поднялся, попросил слова. Это был знаменитый охотник с Люхэна — Терентий Дятлов. Удэгейцы недоумевали: как он здесь очутился? Пожалуй, только Самсонов мог бы сказать об этом, потому что мысль пригласить тигролова на суд принадлежала ему.

Дятлов сидел в первом ряду вместе с Самсоновым. Собираясь говорить, он шагнул на середину прохода, и все увидели, какой он высокий и какая у него белая пышная борода. Могучий, как кедр, Дятлов неожиданно для всех заговорил таким тоненьким голосом, что все замерли.

— Я такой же охотник, как и вы. И меня тигр очень даже интересуется. Только совсем по-другому. Я за свою жизнь ни одной пули не потратил на тигра. А поймал их двадцать шесть штук. Поймал вот этими руками... — Он поднял кверху свои большие узловатые руки, как будто просил убедиться в том, что они — самые обыкновенные, эти руки. — Поймал и передал их по назначению, поскольку живой тигр на вес золота ценится. Вы же знаете, что у нас в больших городах есть зверинцы и зоопарки, где содержатся разные звери. Они собраны там для научного, так сказать, обозрения природы. Так вот, за нашего тигра можно получить любого зверя — и льва и слона. Больше я вам скажу: наш уссурийский тигр дороже, ценнее бенгальского, потому как он не боится холода. Так что убивать тигра — недопустимое дело, товарищи...

Дятлов хотел продолжить свою мысль, но в это время из глубины зала, откуда-то из-за печки, раздался нетерпеливый, срывающийся на крик голос:

— Как ловишь тигра пустыми руками? Расскажи давай!

В клубе стало шумно. Люди неодобрительно оглядывались на старого Чутая, успокаивали друг друга, смеялись. Председатель суда постучал карандашом по графину с водой и встал:

— Чутай, ты, наверно, забыл, где находишься. Призываю к порядку. Продолжайте, товарищ Дятлов.

— Так вот, я бы мог, конечно, рассказать вам о том, как ловим тигров. Если кто интересуется, я потом поясню это в разговоре. А сейчас у меня есть обида на

вас, дорогие друзья. В прошлом году мы на Люхэне выследили тигрицу. Ходила она в распадке около ключика Кедрового. Мы хотели от нее котят отбить. Но котята еще малые были. Так что мы решили их не трогать, пускай, мол, подрастут. И ушли, можно сказать, ни с чем. Думку с собой унесли такую, что богатство, значит, в тайге оставили. И что же получилось? Не успели мы уйти с того ключика, хват, тигрицы уже не стало. Убил ведь кто-то из вас тигрицу-то! На другой же день ухлопали. А котята без матери что малые дети: пищу они себе добыть не смогли, ну и погибли, ясное дело. Сказать вам откровенно, я уж потом пожалел: надо было выследить, кто стрелял. Человек-то ушел от наказания. Тайга глухая... А зверей погубили ни к чему. Я же вам говорю, что сам ни одной пули не потратил на тигра. Бывало, что и верхом на нем сидел, и вязали мы его, и всякое было... И мне, право, чудно слышать тут про нападение тигра. Зверь-то сильный, конечно, большой. Но человека, скажу вам, всякий зверь боится. И это понятно: самый-то главный царь над природой кто? Человек! Вы посмотрите, какой у нас в стране сейчас переворот происходит в этой самой природе. И не к тому он идет, чтобы зверя вывести, а для большей красоты жизни все это делается. Вот и надо с умом жить. Если, скажем, какого зверя нельзя убивать, наблюдайте его, берегите. Дай-ка нам волю сейчас, так ведь мы же перестреляем всех лосей и кабанов в один момент. Нель-зя...

Он произнес последнее слово без всякой угрозы, но так, как делают старшие, когда хотят предостеречь детей от ошибок. Леону понимал, что это «нельзя» относилось к нему больше, чем к другим, и что ради него, собственно говоря, собралось так много народу. «Вот только неизвестно, чем все это кончится», — думал он, поглядывая на свои унты. Совсем недавно Инака шила их и не знала, что мужу придется идти на суд в этих унтах. Теперь она сидит где-то около печки, держит на коленях котомку. Так велел он. Мало ли что случится? Общественный обвинитель Иван Геонка вон куда поворачивает дело. И сохатого вспомнил, и про корову рассказал так, что, выходит, Леону один во всем виноват. И теперь еще выясняется, что живой тигр стоит очень дорого... Это сказал Самсонов.

Леону поднял изумленный взгляд на Самсонова. Неужели так много?

— Я считаю, что Леону Канчуга совершил преступление вдвойне. То, что он убил тигра без всякой нужды, это, разумеется, очень плохо. Но то, что он оставил его в тайге, еще хуже. Почему я просил привезти убитого тигра в город?

Самсонов старался говорить как можно проще, хотя нелегко было объяснить удэгейцам, особенно старым, что значит тигр для науки. На протяжении нескольких столетий этот зверь был предметом весьма оживленного экспорта в Китай, причем торговцы меньше всего интересовались живым тигром. По древним религиозным представлениям народов Азии человек для безопасности должен был носить амулет. Считалось, что амулет из костей тигра дает храбрость, амулет с тигровым усом — неотразимость, кусочек сердца тигра сообщал человеку будто бы особую смелость. Сколько тигров было убито в уссурийской тайге ради такой вот торговли, рассчитанной на духовную отсталость людей! И не удивительно, что тигр стал редкостью в наших лесах.

— А для нас живой тигр представляет огромную ценность. Мы его охраняем как редкое богатство. наших ученых интересует множество вопросов, связанных с ним. Почему, например, тигр проявляет страшную силу только на мгновение? Он способен пронести изюбра в зубах на двести метров. Но пахать на тигре нельзя. Значит, есть какие-то особенности в устройстве мышц этого зверя? Ученые хотели бы иметь в своих лабораториях сердце тигра, его желудок, наконец, скелет для сравнения с другими животными. Вот почему надо было доставить убитого тигра в город. Я, откровенно говоря, — продолжал Виталий Петрович, — очень расстроился, когда узнал, что вы не смогли привезти его из тайги. Выходит, что у Леону Канчуги хватило смелости только на то, чтобы уничтожить зверя. Потом он растерялся. А я считаю, смелость нужна охотнику не только для того, чтобы убивать. И уж если мы с вами живем в крае, где природа располагает такими богатствами, давайте будем настоящими хозяевами тайги!..

От последнего слова подсудимый отказался. Когда председатель суда обратился к нему с вопросом: не желает ли он сказать свое последнее слово, Леону пожал плечами:

— Чего говорить? Все сказал. Больше не знаю...

И тогда Макар Кялундзюга объявил, что суд удаляется на совещание.

В зале зашумели. Несмотря на то, что многие мужчины покинули свои места и вышли курить на улицу, Леону остался сидеть неподвижно. Он только огляделся по сторонам, но никто не выразил желания поговорить с ним, никто не подошел, пока он ждал приговора.

«Как собо́ль в сетку попал — вот беда! И почему не попросил, чтобы пожалели? — упрекнул он себя. — Надо было сказать, что больше никогда не стану нарушать законы. Конечно, трудно удержать руки и не выстрелить, если видишь, как из кустов выходит сохатый... Но дорого стоит тайный выстрел. Ох, как дорого... наверно, придется сидеть за решеткой... Интересно, сколько Инака табаку положила в котомку?»

Леону хотелось курить, но как тут сдвинешься с места? Неловко.

Два раза Ефим Кимонко прошел мимо. Леону покосился на зятя: «Отправил Еленку в район на какие-то курсы и не заходит. Сам хозяйничает в доме. Ишь, гордый какой, орел, все в вышину метит».

Леону стало жалко себя. Почему-то в голову лезли всякие мелочи. Вспомнил такое, о чем никогда не думал бы раньше: как зимой давал больной девчонке Макара целую бутылку медвежьего сала, чтобыправлялась; как старой Марфе помогал картошку носить с огорода. И кому только не делал добра Леону!

«Добра... Ну и что же? — рассердился на себя Канчуга. Мысли назойливые, как мошка, так и лезли в голову. — Зачем об этом вспоминать сейчас? Раз провинился перед народом, должен терпеть...» Но слово «терпеть» вызвало протест в душе Леону. «Нет, — не соглашался он сам с собой, — как же терпеть, если не дадут охотиться? Да он сейчас готов сделать все, что скажут, даже пойти на то место, где, может быть, еще уцелели остатки тигра. Откуда он знал, что кости куты-

мафа тоже могут кому-то понадобиться? Выходит, теперь за каждую тигриную косточку расплачивайся, Леону?»

У Леону пробежала дрожь по всему телу, когда на сцене опять появились судьи. И вдруг он услышал такие слова, от которых чуть не подпрыгнул на месте. Неужели Макар так и сказал?

— Суд выносит Леону Канчуге общественное порицание...

В зале стояла тишина, пока говорил Макар. Но вот дружные хлопки теплой волной покатались по залу, эта волна подступила к самому сердцу Леону и подхватила его с места. Он встал перед народом, маленький, взъерошенный, посмотрел на всех повеселевшим взглядом и сказал легко все, что накопилось у него на душе за эти тяжелые часы испытания:

— Спасибо, товарищи. Хорошо научили меня. Я думал так: пропал теперь Леону Канчуга. Считал: вы худое дело задумали. Спасибо. Если какого зверя раньше стрелял по ошибке, теперь кончаю это дело.

Он бы еще говорил. Вот когда ему захотелось рассказать людям обо всем, что он знал и о чем промолчал сегодня. Почему не спросили прямо про убитую тигрицу? Он бы ответил, кто убил...

Но Макар уже объявил заседание закрытым. В клубные двери, растворенные настежь, стали выходить, дымя трубками, охотники, заторопились домой женщины, переговариваясь меж собой, подталкивая друга друга, хлынули молодые парни. Леону видел, как старый Чутай, пробираясь сквозь толпу, подошел к Дятлову и попросил его сесть рядом с собой на скамейку. Чутаю все-таки не терпелось узнать, как же ловят тигра без всякого оружия? А Ульяна уже торопила Самсонова с каким-то собранием, и Самсонов велел ей писать объявление.

— Идем, отец. Ты чего стоишь?

Леону обернулся. Рядом был Ефим Кимонко. Он улыбался:

— От Еленки письмо получил. Скоро приедет.

Ефим старался ободрить растерявшегося тестя, взял его под руку и опять отступил. У двери Леону ожидала жена.

— Чего это у тебя? — спросил Леону как ни в чем

не бывало и потрогал рукой котомку. — Зачем принесла?

— Ты же сам велел взять! — бойко отозвалась Инака, со смехом бросая ему под ноги тяжелую ношу. — Бери.

Леону сначала нахохлился: он ведь хотел курить, а тут жена с этой котомкой... Пришлось подчиниться. Он молча поднял котомку, перекинул через плечо и пошел, радуясь, что идет домой и ночью никто не видит, какая у него за плечами ноша.

«Надо было раньше подумать немножко — человек-то дороже тигра».

Звезды весело подмигнули ему с высоты.

ТРУДНОЕ СЧАСТЬЕ

День отъезда Ольга назначила сама, не раздумывая над тем, что ей предстоит длинный и, кто знает, не опасный ли путь? Она давно ждала случая, когда можно будет столкнуть на воду оморочку и отправиться вниз по реке. Этот дом под тесовой крышей, единственный дом метеорологической станции, затерянный в глухих лесах, оставлять было не жаль.

Утро выдалось туманное, серое. Где-то совсем близко около станции каркала ворона; однообразный крик ее был отчетливо слышен в доме, хотя окна и двери теперь уже не оставляли открытыми — по утрам стало холодать. Лето кончалось.

Ольга сидела за столом в передней, завтракала одна, ела без всякого аппетита надоевшие лепешки, запивала чаем с голубичным вареньем. Чай был горячий, железная кружка обжигала ей губы, Ольга морщилась, но все-таки пила, изредка поглядывая в окно.

«Интересно, будет он провожать меня или ему все равно? Может быть, скажет что-нибудь на прощание? Нет, едва ли...»

Ольге казалось, будто никто уже не думает о ней и никому нет до нее никакого дела, раз она уезжает; Андрей, отправляясь на водомерный пост, мог бы предупредить, что скоро вернется, но он не промолвил ни слова. Дица тоже скрылся куда-то; должно быть, бродит по берегу или ушел на протоку рыбачить. Они как будто сговорились против нее. Хмурое небо, и это карканье вороны в тишине, и сама тишина — все таило какой-то недобрый смысл, как казалось девушке. Она хотела послушать радио, но в соседней комнате спал после ночного дежурства Яков. Чтобы не разбудить его, Ольга с утра ходила по дому разутая, старалась бесшумно собирать свои вещи, а теперь сидит, поджав под табуреткой босые ноги, пьет чай и поглядывает в окно: не покажется ли кто-нибудь на тропе?

Но никого не было видно. Из-за переборки доносилось сонное бормотание Якова. Вспомнив его вчерашние грубые шутки за ужином, девушка подумала о нем с неприязнью:

«Он сам, наверное, ищет, где легче прожить, и обо всех по себе судит...»

Но вот на берегу залаяла собака, потом слышались мужские голоса. Ольга быстро поднялась из-за стола, отодвинула кружку с недопитым чаем и тихо прошла в свою комнату. Она сознавала, что ее отъезд вызван не совсем разумными доводами и может поставить Андрея в неловкое положение перед начальством. Но теперь уже ничего нельзя было изменить. Тем более что приехал новый радист Яков Лопатин. Так будет лучше...

Она в последний раз оглядела пустые стены, все было снято с них и только над дверью еще красовались огромные крылья орлана, прибитые в полный размах.

«Оставляю. Куда мне с ними. Пусть висят».

Почти все имущество девушки уместилось в рюкзак, но ей еще надо было упаковать сверток, состоявший из легкого одеяла, подушки, плаща и отрезка медвежьей шкуры, без которой в тайге немыслимо было заночевать.

Ольга прошла в переднюю и там достала из-под кровати Дицы узкий сыромятный ремень, высохший и покоробленный так, что сладить с ним было ей нелегко.

— Собираешься? — неожиданно раздался у нее за спиной голос Андрея. Она не слыхала, как он вошел в дом, но теперь оглянулась и увидела его на пороге комнаты — коренастого, загорелого, в выцветшей от солнца рубашке. В руках у него была рулетка и очень хорошо знакомая Ольге синяя тетрадь, в которую они заносили гидрологические наблюдения.

— Собираюсь, конечно... — Она не сразу ответила. — Теперь у вас будет спокойно. Не с кем ругаться, спорить...

Андрей улыбнулся, видя, как она рывками свертывает непокорную шкуру медведя.

— Давай помогу. Надо затянуть как следует. Подожди. — Он прошел в барометрическую комнату, положил тетрадь и рулетку на стол и тут же вернулся. — Может, ты раздумаешь и не сегодня, а завтра поедешь?

— Ну, вот еще... Какое это имеет значение? Сегодня или завтра — все равно плыть...

Они разговаривали вполголоса, зная, что за стеной отдыхает Яков.

— А это ты кому оставляешь? — спросил Андрей, уже заметивший, что крылья лесной птицы, прибитые над дверью, она не берет. — Неужели нам? — Он стал изо всей силы стягивать сверток, но ремень треснул у него под рукой.

— Крылья? Тебе оставляю.

— Да ну? Не ожидал. Спасибо. Только ведь это — подарок. Если узнает Заливайкин... или как его? Заливкин, что ли? Он же рассердится.

— Заливин... — поправила Ольга, рассмеявшись. — Ну, и что? В оморочке они все равно не поместятся.

— И ежика не возьмешь?

— Ежа? Не знаю... — задумчиво проговорила Ольга. — Да зачем он мне?

— Вот, вот... Приручила ежа к нашему дому, а сама бежишь, — сказал Андрей, связывая концы ремня крепким узлом. — Нехорошо.

— Да ведь я давно просилась отсюда. Все знают... — оправдывалась Ольга. — Ты только без воды его не замори. А если надоест, отнесешь вон туда. — Она кивнула на старую, обомшелую ель за окном, под которой еще летом поймала ежика. Он был совсем маленький,

она несла его домой на ладони, хотела обрадовать Андрея, но получила выговор и рассердилась. Конечно, зря... Не надо было сердиться. Она же иногда часами бродила в тайге одна, уклонялась от занятий по метеорологии, и вообще многое делала ему наперекор. — А помнишь, как мы с тобой поссорились первый раз? Из-за ежа... Ты помнишь? — опять заговорила Ольга, наблюдая за Андреем, за выражением его лица, которое всегда казалось ей слишком спокойным.

— Ещё бы... такой исторический факт, — с доброй усмешкой ответил он и подумал, что причина была совсем другая... Не мог же он ходить за ней по пятам, когда Ольга исчезала из дому без всякого предупреждения, и, конечно, не волноваться за нее тоже не мог, хотя она выросла в тайге, не боится ни воды, ни огня, и даже удэгейцы говорят о ней: «Оля — все равно парень...» — так ловко она плавает в оморочке. Но ведь девушка... Мало ли что может случиться? — Что ж теперь об этом вспоминать... — сказал Андрей, в чем-то сознавая себя побежденным. Он присел на табуретку и закурил. А она, похвалив его за то, что он так хорошо упаковал ей вещи, потрогала сверток рукой и опустилась перед ним на корточки. — Еж будет здесь. Никуда не понесу, — продолжал Андрей. — Он так забавно топает по ночам. Пусть мышей ловит. Потом прилетит твой геолог, отправлю с ним в музей для всеобщего обозрения.

Ольга засмеялась и присела на сверток.

— Скажешь, тоже... Я знаю Заливина столько же, сколько и ты. Очень надо. «Тво-ой», подумаешь... — и она передразнила Андрея.

— Ты вот что, как приедешь, сразу же сообщи по рации. Чтобы мы не волновались. А то придется посылать в розыски...

Андрей пытался шутить, но лицо его было озабоченным: сумеет ли Ольга благополучно добраться? Он ведь знал этот путь по реке в двести километров. Река была порожистая, с большими заломами. Он отлично помнил все ее капризные повороты, но знал и упрямство девушки, которое так и не смог переломить. Несмотря на его предложение снарядить бат и спуститься до Келами вместе с Дицой, Ольга решила плыть одна в оморочке.

Оморочка уже стояла у берега, и Дица — старый удэгеец, рабочий метеостанции, придирчиво, со всех сторон оглядевший лодку, не боялся теперь за Олю. Он приготовил ей новое весло и шест на всякий случай. Весло было легкое и красивое. Несколько дней старик сушил его над костром.

— Поздно едешь! — крикнул Дица, когда Ольга в сопровождении Андрея, несшего вещи, подходила к берегу. — Чего так долго собирала? Смотри, куда-куда солнце пришло...

— Да и солнца-то нет никакого. Где ты его увидел, Дица? Сплошная облачность, — сказала беспечно девушка и взглянула сбоку на Андрея. Он шел рядом по траве, одной тропинки им не хватало.

— А что... Старик прав, он умеет предвидеть. Сегодня будет ясный день. Облака уйдут, — возразил Андрей, снимая с плеча нетяжелую ношу.

Дица взял у него туго набитый рюкзак и сверток с медвежьей шкурой, разместил все это поудобнее в носовой части лодочки, которую делал собственными руками. Теперь это была Ольгина оморочка, он дарил ее девушке, дарил без слов... Она это понимала и считала себя в долгу перед ним.

— Ох, а весло-то какое! Спасибо тебе, Дица...

На берегу пахло дымом; собаки, лежавшие поблизости, вскочили на ноги, отряхиваясь от комаров и от пепла. Костер еще догорал, напоминая Ольге о других, более веселых кострах, которые она разводила вместе с Андреем, пока они не поссорились. Ольга знает, что она права, — девушка должна быть строгой...

— Ну, как? Все в порядке? — спросил Андрей, пробуя руками тонкие борта оморочки. — Выдержит? — И подумал, что скоро у них на станции будет своя моторная лодка. Тогда оморочки, баты — весь этот древний удэгейский транспорт окажется ненужным, а пока именно он выручает на горных реках.

— Ничего... Ты сядешь, Андрей Иванович, тоже ломай нету, — ответил Дица, придерживая шестом уже колыхавшуюся на воде лодку. — Садись, пробуй. — И засмеялся: — Оля! Берешь Андрея Ивановича? Пускай провожает тебя.

Ольга стояла в сторонке, у костра и молча скалывала шпильками свои светлые косы. Она знала, что

Дица шутит. Ни о каком провожании не могло быть и речи — вода быстрая, за один час оморочку унесет так далеко, что надо будет целый день потом добираться обратно. Да и зачем? Андрею скоро выходить в эфир, он дежурит. Ольга и так довольна: он проводил ее на берег. И вообще, кажется, они помирились...

— Меня провожать не надо... — сказала она весело.

— Ну как, Оля, теперь видишь, огде солнце! — воскликнул Дица.

Из-за туч действительно выглянуло солнышко. Сразу берег посветлел и река, до этого тусклая, залилась блеском, Ольга прищурилась и, что-то говоря Дице поудэгейски, стала прощаться с ним.

Потом подошла к Андрею.

— Не сердись на меня, ладно?

Андрей посмотрел ей в глаза: они были синие и неспокойные. Точно такими же глазами она глядела на него, и таким же ласковым голосом просила извинения, когда они перевернулись вместе с оморочкой вон там, у водомерного поста. Она ведь нарочно его опрокинула... Да мало ли было каких чудачеств? Ольга еще не рассталась с детством, он это понял давно, хотя ей уже восемнадцать лет. Андрей взял ее за руки. Ему хотелось поцеловать Ольгу, как тогда, в день ее рождения, когда они вдвоем сидели у протоки, и пусть бы она опять наговорила ему дерзостей, как тогда... Он бы целовал ее в полураскрытые губы, в эти милые, чуть испуганные глаза... Но он не сделал ни одного лишнего движения и только крепко сжимал ее руки.

— Ты в самом деле будешь учиться? Или это — повод?

— Почему ты так думаешь? Конечно, буду... — твердо сказала Ольга, не отнимая рук.

— Смотри... я ведь проверю.

— А ты приедешь в Келами?

— Только зимой. Когда из института вызовут на сессию... Мимо не проеду...

— На собаках примчишься, да?

— Нет, почему? Ты же мне оставила крылья, — сказал Андрей, улыбнувшись невесело. — Привяжу их и взовьюсь под облака, знаешь, как древний Икар...

Они разговаривали, а Дица, наблюдая за ними, ка-

чал головой и удивлялся: все время сердились друг на друга, а теперь так долго прощаются.

— Оля! Ты чайник взяла? — спросил он громко.

— Ой, нет... я забыла.

— Э-э... — старик развел руками. — Как без чайника будешь? Подожди, я принесу...

Но Ольга уже вступила по колено в воду, взялась за край оморочки и сказала, что ничего ей не надо.

— Как только доберешься, немедленно сообщи по рации, — напоминал Андрей и подал ей весло. В этой глуши, куда не ходит почта, думал он, даже письмо — недоступная радость.

— Товарищ начальник! — прервал его мысли Дица. — Зачем Олю одну отпускаем? Иди с ней...

Ольга засмеялась. Она уже села в лодку, взяла из рук Андрея весло.

— С ним опасно, Дица. У него характер тяжелый.

— Правильно. Вот, вот... — подтвердил Андрей, хотя думал совсем о другом. — Слышишь, Дица? У меня тяжелый характер. Нам с ней вместе нельзя плыть, потому...

Когда, оттолкнувшись от берега, Ольга взмахнула веслом, Дица закричал ей вслед:

— Хорошо ходи!

— Ладно... — не оглядываясь, ответила девушка.

Она уже смотрела вперед, на широкую воду, на правый гористый берег Айвана, выплывающий из-за кустов. Волна подхватила оморочку и понесла ее далеко, мимо сопков, через опасные пороги... И пока Ольга не скрылась из виду, Андрей все стоял на берегу и смотрел ей вслед.

Быстрая река уносила ее все дальше и дальше вниз по течению. Ольга правила оморочкой легко. Иногда она сидела, положив весло поперек лодки, отдыхала и поглядывала по сторонам. А то вдруг снова принималась грести, да так, что струи воды вскипали при каждом ее взмахе.

Мысль, что Андрей будет скучать о ней, и что, наверное, он ее любит, была самой острой из всех мыслей, которые владели ею в первые минуты. Потом она стала думать о том, что завтра будет уже в Келами, а там, быть может, ей удастся уговорить Будрина, что-

бы он отпустил ее хотя бы дня на три домой, повидаться с матерью... Все, что заставляло ее волноваться в последние дни, разрешилось так неожиданно и счастливо. Ольга даже запела, щурясь от солнца, от блеска воды, урчащей под веслом.

«Вот где красота! Березки-то какие желтые, — отмечала она про себя. — Как быстро все пожелтело. И клены... Один уже совсем красный. Вот здесь хорошо бы построить дом. И вон там. Когда-нибудь в этом ельнике будут жить люди, — думала она. — Ох, как быстро мелькают камни на дне!» Ольга наклонилась вниз. Вода была прозрачная, сквозь синюю глубину ее видны были пестрые камни. От этого мелькания камней у нее закружилась голова, но, вовремя спохватившись, она стала подгребать ближе к берегу.

Вот и опасный порог, которого все так боятся. Крупные валуны торчат над водой, как спины морских животных. В этом месте удэгейцы всегда настораживаются, берут шесты в руки, придерживают шестами свои длинные, выдолбленные из тополя баты. А порой бегут по берегу, тащат их на веревках. Ольга тоже насторожилась. Можно ведь так стукнуться о камни, что лодка разлетится вдребезги. Поток бурлящей воды уже близок. Ух, какая быстрина! Вода шумит и пенится, заглушая все своим шумом.

«Надо упереться шестом о камень и направить оморочку между берегом и валунами, — сообразила Ольга. Она ловко проскользнула в узенький коридорчик, где вода текла сравнительно спокойнее, и вздохнула с облегчением: — Вот и все...»

Перед ней опять распахнулся широкий плес, повеяло простором. Так хорошо было кругом, так сказочно вплетала осень свои цветистые узоры в древние, вечно зеленые ельники, что видеть это одной и молчать было невозможно. Поэтому Ольга пела. Руки ее не уставали грести. Она даже не заметила, как прошла первые пятьдесят километров. Но потом ей стало тоскливо. И чем дальше она плыла, тем сильнее ощущала какое-то смутное беспокойство.

Она еще не понимала, что с ней происходит, откуда взялось это тревожное чувство и почему оно растет в ней с каждым часом. Однако не желая поддаваться этому чувству, которое было связано с мыслью об Анд-

рее, она успокаивала себя тем, что все это так и должно быть: люди всегда грустят, когда расстаются...

«Андрей не хотел, чтобы я уезжала. Это ясно. А почему он вчера был такой сердитый? Может, он думает, что я на него пожалуюсь? Ни за что!»

Размышляя так, Ольга повернула оморочку в протоку. Она хотела сократить путь — так часто делают удэгейцы. Протока была узкая и неизвестно, где она кончалась. Зеленый полумрак от деревьев, глухо сомкнутых сверху, чем-то неприятно поразил Ольгу. Тут было так тихо, что каждый всплеск отзывался под сводами ветвей гулко, даже капли, падавшие с весла звенели.

«А вдруг это слепая протока? Может, я не туда плыву? Неужели придется поворачивать назад? — Ольга уже досадовала на себя за то, что свернула с главного русла. Слишком спокойно текла здесь вода; на поверхности ее зеленела ряска, плавали желтые листья, слетевшие с кленов. — Нет, этого быть не может, — упрямо твердила себе она, рассекая веслом остекленевшую воду. — Нет, нет... У этой протоки должен быть выход...» — решила она, словно иначе и быть не могло. И верно. Впереди стало светлеть, деревья словно раздвинулись. И как же Ольга обрадовалась, когда перед ней опять открылась широкая река, вся в солнечных бликах, шумная, быстрая!

Ольга достала из сумки лепешку, взяла кусок сахара, обмакнула в воду, стала есть, запивая горстями прямо из реки. Вода была холодная, чистая и пахла дудками водных растений с широкими круглыми листьями; они задевали о левый борт оморочки, шуршали, ломаясь, пока она выходила на плес, слегка держась одной рукой за камышины. Но теперь все это осталось позади. Плавать в оморочке было ей не в новинку. Правда, на такое далекое расстояние она еще ни разу не решалась плыть одна.

«Чего доброго, еще заблужусь», — подумала Ольга и решила больше никуда не сворачивать.

Солнце уже спустилось к вершине ближней горы, похожей на высотное здание. Красноватые лучи его пронзили воздух над долиной, и запылала вся широкая пойма, густо населенная лесом. Зажглись верхушки топей, округлые, куполообразные, среди темного строя

зубчатых елей они стояли, как богатыри в медных латах. Береговые кусты, вода впереди, даже воздух — все было охвачено дрожащим огнистым светом, и весло в руках девушки тоже отливало красноватой медью.

Справа под сопкой ухнула выпь. Ольга невольно перестала грести и подняла голову. Но крик этот повторился уже сзади, там, где осталась угрюмая птица, никогда не радующая человека своим голосом. Навстречу быстро бежали кусты. За ними, как бы нехотя, поворачивались большие, разлапистые деревья, потом мелькнул распадок. Из распадка с грохотом вырывался ключ, обдавая холодом, сыростью. Но тут же волна теплого воздуха, смешанного с туманом, снова охватила Ольгины плечи, руки. Она почувствовала, как запахло тальником, вечерней свежестью трав, бегущих у берега.

Постепенно веселые краски неба стали меркнуть. Синеватый пар, сгущаясь, косяками пополз над рекой. Пора уже было останавливаться на ночлег. Но девушка все медлила, все плыла. Наконец, она словно опомнилась, стала смотреть: нет ли поблизости удобной косы, куда можно пристать для ночлега. Зорко вглядываясь в светлые отмели с тальниками, она еще надеялась увидеть чей-нибудь костер, хотя сознавала, что встретить тут охотников, увидеть их табор именно здесь, сейчас так же легко, как и трудно.

«А что если вон за тем поворотом покажется огонь?» — спрашивала себя Ольга. Она даже свистнула изо всей силы. Но никто ей не ответил, только эхо разнеслось по тайге и передразнило ее. Ни огня, ни следа человеческого, никаких признаков жизни... «Какая глушь», — подумала Ольга и вдруг поняла, что она боится, что ей будет страшно ночевать в этом диком лесу, на который уже ползут, надвигаются густые тени.

Она сжала крепче весло, поглядела вдаль и по знакомым очертаниям сопок определила, что приближается к устью Гремучей. В нескольких километрах от устья Гремучей где-то там, за лесами тоже была метеорологическая станция, откуда три месяца назад Андрей Рыбаков, такой же радист, как и Ольга, был переведен на Айван начальником станции.

Слева впереди открылась широкая галечниковая коса.

«Вот здесь заночую. Кто меня тронет?»

Быстро стало темнеть. По шуршащей гальке она вытащила свою оморочку на берег и, после того как выбросила из нее весь груз, опрокинула кверху днищем.

«Нет у меня с собой ни котелка, ни чайника. Выходит, и костер незачем разводить, — она с трудом распаковала сверток и надела на плечи теплую курточку. — Сейчас растяну полог-накомарник, заберусь под одеяло и усну. А завтра уже немного останется плыть».

Чтобы поставить полог, надо было найти длинную, как шест, палку. Один шест у нее был, другой она надеялась отыскать здесь. На этой косе часто ночевали охотники, жгли костры, потом отправлялись дальше, сюда постоянно река приносила валежник и повсюду много было хороших дров. Но шест... Пока Ольга искала его, стало темно. Под босыми ее ногами проваливался давно остывший песок.

«Вот чудaki... — Ольга подняла шест, но он был переломлен надвое. — Ну зачем они так делают? — Девушка вспомнила старый обычай удэгейцев: перед тем как покинуть табор, они всегда ломают шесты. — Наверное, охотник какой-нибудь ночевал тут недавно».

В тальниковых зарослях, окаймляющих косу, что-то хрустнуло. Ольга вздрогнула и прислушалась.

«Какая-то зверушка...» — подумала она, возвращаясь к тому месту, где собиралась ставить полог. Усыпанное звездами небо, черные заросли и вода — темная, зловещая... Ни о чем этом она и не подумала, когда, простившись с Андреем и Дицой, лихо оттолкнула от берега свою оморочку и поплыла.

«Чем же я буду вбивать шесты? — Ольга вспомнила, что под оморочкой есть камень, и вытащила его оттуда. Противно звенели комары, лезли в глаза и уши. Она отмахивалась от них, пока вбивала шесты, не переставая прислушиваться. Была минута, когда ей показалось, что за спиной у нее кто-то остановился. Но, отгоняя страх, девушка огляделась и упрекнула себя: кого тут бояться? Просто река шумит. И все...»

Спустя некоторое время Ольга все-таки решила развести костер. Ей стало холодно, к тому же одолевали комары. Да и с огнем лучше было коротать ночь. Она знала, что звери боятся огня, и подумала об этом теперь. А если огонь увидят охотники, пусть придут... Она

притащила из кустов небольшую коряжину, набрала посуше дров и развела костер. Вот сейчас-то можно было сесть и спокойно поужинать.

Огонь освещал широкий круг на косе, захватив своим щедрым пламенем и Ольгин полог, и опрокинутую на берегу оморочку, и первые ряды тальниковых зарослей. Желтая пяденица прилетела на огонь, за ней другая. Ольга смотрела на бабочек и радовалась так, как будто их только и не доставало для того, чтобы развеять ее одиночество.

В алюминиевой кружке быстро вскипела вода. Ольга дала ей немного остыть и ножом, который ей подарил Дица, выстругала тоненькую палочку, потом размешала сахар. Кусок холодного вареного мяса показался ей необыкновенно вкусным. Она съела его и уже потянулась к кружке, размышляя о том, с каким удовольствием завтра она будет есть в Келами настоящий хлеб, а не лепешки, как вдруг до слуха ее донеслись чьи-то далекие шаги в кустах и легкий треск ломаемых сучьев. Она пригнулась, забыв о кружке с чаем и обо всем на свете. Потом вскочила на ноги:

— Эй, кто там? Выходи! — крикнула Ольга изо всей силы. Но из темноты откуда-то сбоку ей ответило эхо: — ...О-там... оди!

Чувствуя, как замерло все ее существо, Ольга выплеснула чай и бросила к ногам пустую кружку. Кружка звякнула о камни. Сообразив, что если в кустах ходит зверь, то его можно отпугнуть шумом, Ольга подняла ее и стала бренчать о кружку ножом. Она опять крикнула в темноту:

— Эй! Эй! Кто там?

Но кругом было тихо, лишь потрескивал костер, обдавая теплом босые ноги девушки, да река, равнодушная ко всему, шумела за ее спиной.

«А вдруг это — Яков? Может, Андрей послал его за мной следом, и теперь он наблюдает из-за кустов? — подумала Ольга. Но эта мысль показалась ей настолько невероятной, что она тут же отвергла ее: — Ну, что за бред? Какие глупости. Никого нет...»

И все-таки ей все время казалось, что кто-то ее пугает нарочно, что вот сейчас выйдет из кустов человек и начнет хохотать.

«Ну и пусть хохочет. Тоже дурак какой-то, вздумал

пугать. Вот возьму сейчас и запою», — неожиданно решила она. И она действительно запела, громко, так, что удивилась силе своего голоса:

Я на реченьку гляжу
В голубую даль.
Никому не расскажу
Про свою печаль.
У раскрытого окна
Я сижу совсем одна...

Дальше Ольга не знала слов и опять повторила все сначала, но уже не так громко и с меньшей охотой. Ей опять почудилось, что кто-то бросил камень в реку. Но она снова себя успокоила, решив, что это плеснула крупная рыба.

«Надо бы ночевать на дереве. Залезть на дерево и сидеть до утра... — Ольга вздохнула. Ей вспомнилась комната, которую она оставила. — Небось Яков уже расположился там? Что они делают сейчас? Наверное, ужинают за столом в передней... Им весело...» Размышляя о доме, покинутом ею, Ольга неизбежно возвращалась к мысли об Андрее, и так как она дорожила его мнением, ночевка на дереве представлялась ей делом, не достойным ее.

«Кто это может быть? Зверь? Человек? — Она опять огляделась. — Неужели я такая трусиха? Да ведь никого нет. Это мне показалось... Если бы тут были охотники, они бы еще издали подали голос. Значит, зверь?» — размышляла Ольга, подсаживаясь к костру. Он, конечно, ее выследит, если это действительно зверь. Потом, когда погаснет костер, будет страшно, если она уснет. Сколько она слышала историй о том, как люди погибали в тайге... Тигр это, медведь или отбившийся от стада клыкастый кабан — Ольга не знала, страх владел ею безотчетно.

От усталости у нее слипались глаза, и все же она боялась открыть свой полог и лечь. Уже костер стал догорать, низкое пламя суживало круг видимости. «Залезть бы под одеяло, укрыться с головой, чтобы ничего не слышать», — думала Ольга. Наконец, не в силах больше бороться с собой, она отвернула край полога и залезла в свой ситцевый накомарник, прихватив на всякий случай охотничий нож. Не раздеваясь, она легла в медвежью шкуру, укрылась одеялом и сквозь ситец по-

смотрела на слабый огонь. Потом закрыла глаза. Мгновенно перед ней замелькали кусты, деревья, мелкие камни на дне реки — все, что она видела днем и от чего ей захотелось поскорее забыться.

Но едва она стала засыпать, как снова слышались шаги, словно кто-то бежал и спотыкался. С силой отбросила Ольга край полога, рванулась из своего укрытия. Плохо укрепленный шест у изголовья упал на нее, она вскрикнула, не сразу сообразив, что происходит, и запуталась в пологе. Сердитая, она подхватилась с места и, еще не зная, от кого ей защищаться, подняла зажатый в руке нож:

— Кто здесь? Кто?

И тут она увидела, что из-за леса выплыла огромная рыжая луна, небо стало глубоким и на нем четко вырисовывались силуэты деревьев.

«Неужели приснилось?» — она отвела со лба вспотевшие волосы, затем подошла к своей оморочке, перевернула ее с отчаянной мыслью, что в крайнем случае быстро сдвинет лодку на воду и уплывет на тот берег.

Между тем костер еще дымился, бледно-розовые головешки, покрытые пеплом, догорали. Ольга набрала большую охапку хвороста и раздула огонь.

«Не буду спать до утра. Как-нибудь потерплю...»

Она присела на ворох одежды, сбитой в кучу, и, уже равнодушная к тому, что все ее нехитрое сооружение рухнуло, стала смотреть, как постепенно светлеет восточная сторона неба. И опять задремала...

Ольга очнулась, когда стало почти светло. За рекой крикнула птица, сначала пустила короткую трель, потом мяукнула по-кошачьи резко и противно.

«Иволга...» — подумала Ольга и с радостью оглядела пеструю от камней косу, прибрежные кусты, тальниковые заросли... Все, что ночью внушало ей страх, теперь было озарено близким к восходу солнцем и, казалось, говорило ей: «Вот видишь, какие мы тихие, добрые, а ты нас боялась».

И действительно, все вокруг теперь приобрело совершенно иной, радостный смысл, хотя Ольга и без того знала, что утро вернет ей трезвое зрение. Так бывало с ней во время дежурства, когда она ходила по ночам на площадку проводить наблюдения и думала, что за

каждым кустом ее подстерегает опасность, а потом корила себя за ночные страхи.

Когда стало совсем светло, Ольга решила выяснить, кто же ходил тут и нет ли каких следов? Она прошла вдоль косы, а затем, осторожно раздвигая тальниковые заросли, с умилением стала разглядывать следы. Сколько их было тут! Вот они, свежие отпечатки маленьких копыт... Теперь она знала, кто ее напугал. Ну конечно, это был изюбр. Молодой изюбренок! Должно быть, он отбился от матери, потерял ее и вот ходил тут всю ночь...

«А я-то... Кого испугалась... — Ей стало смешно. — Где же этот зверь? Куда он пошел? Ага, вон что... Он был голодный, бедняжка. Покружился тут и пошел в лес. Ну как же я не могла догадаться? Вот если бы Андрей об этом узнал. Выходит, я и не храбрая вовсе, а самая настоящая трусиха...»

Ольга вернулась к угасшему костру, пошатываясь от усталости. Коса, где она провела бессонную ночь, теперь ей стала казаться даже уютной. Вот сейчас-то и надо немножко поспать, чтобы потом со свежими силами преодолеть остаток пути. Ольга чувствовала, как у нее ноют плечи, словно она ушиблась. Не поправляя полога, она легла прямо на ворох одежды и крепко уснула...

Утро было на редкость ясное. Над тайгой разгоралось солнце. Туман уже растворился, оседая на кустах, на высоких папоротниках. Опять запорхали белые мотыльки над водой, ожил лес. Где-то протяжно кричал ястреб и стрижи, не склонные к пению, хватали на лету мошкар.

Все было тихо. Но вот из-за поворота, где бежит Гремучая, с криком пронеслась стая молодых крохалей — так низко летели они, что задевали крыльями воду и разбрызгивали веером. За рекой каркнула ворона. И тотчас из кустов, где совсем недавно Ольга рассматривала следы, вывалился огромный медведь, черный, как обугленная коряга...

Медведь подошел к берегу, он был тут хозяин и все ему было подвластно тут, но все давно наскучило. Он зевнул, проглотил стрекозу, танцевавшую перед самым его носом, и вразвалку лениво двинулся вдоль косы, отшвыривая на ходу передней лапой крупные камни.

После ночной охоты косолапый был сыт. Ему не нравилось яркое солнце. И что-то еще... Что же? Косолапый остановился в нескольких шагах от кострища, повел носом — запах гари ударил ему в ноздри. Он опять зевнул и побрел к воде.

Берег тут низко спадал к приплеску. Вода ослепительно сверкала на солнце. Медведь постоял у реки, словно раздумывая: стоит ему или не стоит переплыть на ту сторону? Потом плюхнулся в воду и поплыл...

И только белка, сидевшая на суку старой ели, видела, как тряслась над водой косматая, черная голова лесного страшилища, как из разинутой пасти зверя вырывался пар и волны от его могучих гребков расходились в разные стороны...

Медведь был уже в кустах, ел ягоды и отряхивался, когда Ольга проснулась. Ничего она не заметила. Собрала свои вещи, столкнула на воду оморочку и опять поплыла вниз по реке, рассекая веслом глубокую воду.

Было радостно смотреть, как бредут навстречу и расступаются знакомые сопки. Она уже с волнением готовилась увидеть келаминские домики, как будто это был город, а не таежное село с удэгейским колхозом и метеостанцией, где ей предстояло жить и работать.

Но, странное дело, почему-то жаль было вчерашнего дня, и зима, которая наступит еще не скоро, представлялась Ольге чем-то вроде подарка.

ВЫСТРЕЛ В ГОРАХ

Ранним сентябрьским утром в лесной глуши у тихой протоки Иван Толмачев караулил изюбра.

Зверь пришел из-за сопок. Гулкий выстрел оборвал его трубный голос, прежде чем родственное сердце подруги откликнулось на протяжный, гибельный зов. Не успел лесной трубач поднять от воды к облакам свою песню, дрогнула под копытами земля, закружилась и полетела в синюю бездну...

«Эк его угораздило выбежать куда, — подумал с досадой охотник, перед глазами которого тускло поблескивала и курилась от выстрела и тумана глубокая протока. Изюбр упал на той стороне. Надо было пройти метров двести по берегу, там над сонной водой лежала большая, старая лесина.—Вон он, мостик-то»... — смекнул Толмачев и живо пошел туда, раздвигая тальниковые заросли.

Тропы здесь не было. Да и по всей-то долине не было ни дорог, ни тропинок. Вся она, изрезанная ключами, нежилая, но чуткая к живым звукам, была зажата сопками — где лесистыми, где безлесными. Глушь.

Звериный след теряется в буреломе, исчезает среди каменных осыпей так же незаметно, как на току в ворохе зерна след какой-нибудь дикой птицы.

«А ну, как не выдержит, чего доброго, грохнусь еще, — Толмачев попробовал ногами крепость лесины, — по таким-то мостикам хаживал он не раз, чего уж там, — думалось ему. И все-таки с опаской поглядел на воду: — Не молод, без шеста нечего и корячиться, шест надобно вырубить».

Он вырубил шест. И вот уже в протоке, колыхавшей зеленоватые тени деревьев, горелые пни, коряги, замелькало его отражение, изломанное колебанием струй.

Осторожно шагая по валежине, он перешел на противоположный берег и тут, пораженный внезапным шумом, замер.

Из-за сопки, откуда недавно выбежал изюбр, кто-то ломился сквозь чащу, тяжело, с хрустом подминая палые сучья. Толмачев отступил за широкий ствол тополя, росшего у самого берега, притаился в ожидании зверя. Шаги становились все явственнее, наконец шевельнулись ближние кусты.

— Куда это вы целитесь? Так ведь и убить можно... — слышался насмешливый голос. И тотчас маленький человечек, похожий на парнишку, с котомкой за плечами, вынырнул из кустов.

— Ух ты, язви тебя... — опуская карабин, по привычке выругался Толмачев. — Ей-богу, думал, зверь какой ошалелый прибег. Чуток бы — и стрелил, ей-богу! — Он стал оглядывать незнакомца, быстро идущего прямо на него. — Ищете кого, что ли? Кого ищете? — спросил настораживаясь.

— Да вот вас хотя бы... Если вы стреляли, значит — вас, — простодушно сказал незнакомец, потряхивая чубчиком и не думая о том, какое впечатление производят его слова на охотника, подошел к нему совсем близко.

Толмачев попятился.

— А чего меня вам-то искать? Я сам, ежели придется, найду кого хошь. Меня искать нечего. Я весь тут.

— Ну вот и прекрасно.

— Пре-е-красно... — сердито повторил Толмачев, уже догадываясь, с кем он имеет дело. — А вот кабы я выстрелил, было бы прекрасно или как? Надо же хоть го-

лос подавать, когда идете. Свистели бы хоть, что ли. Чего смеетесь?

Он и сам не выдержал, усмехнулся, глядя на таежного гостя. Тот стоял перед ним, как бродяга из песни, в распахнутой куртке с порванным рукавом, в штанах, засученных до колен неровно, так, что одна штанина, по-видимому мокрая, была ниже другой. Он топтался на одном месте, пытаясь освободиться от своей ноши на ремнях, и было слышно, как у него в ботинках пищала и хлюпала вода.

Толмачев покачал головой.

«Ишь ты, собой невидный, а туда же. Шуму сколько наделал, беда. Шел, как медведь, язви его, ломился...»

— Я сейчас вон там, за сопкой, ключ переходил по такой же вот лесине, засмотрелся на воду и уже у самого берега сорвался вниз. Но мне везет, честное слово.

— Что и говорить...

— Могло быть хуже, — сказал незнакомец, высвобождая руку из ременной петли. — Там такой водоворот! Я весь мокрый. Ваш выстрел просто обрадовал меня. Как назло, спички отсырели. Ужасно противно, когда в ботинках вода.

— Что же вы так, в ботиночках по тайге, — участливо заговорил Толмачев. — Давай помогу котомку-то скинуть. Небось камнями набита?

— Ничего, спасибо, я сам. Вы не ошиблись: камнями, действительно. Мы ведь тоже охотники своего рода, только у нас другое оружие, — скороговоркой сыпал гость. — Вот, видите? — и бросил под ноги молоток с длинной рукояткой.

— Вижу, — понимающе кивнул Толмачев, он с любопытством рассматривал молодое, симпатичное лицо геолога, пока тот снимал рюкзак и отыскивал глазами поудобнее место, где бы присесть. — Ты, парень, напрасно тут располагаешься. Идем со мной. Костер запалим. Я стану быка обделывать, а ты... небось штаны-то подсушить надо?

— Ну, что же, идемте. Это близко?

— Эвон, за елками камень большущий видишь? Сейчас мигом там будем. Не снимай ботинки, тут шипы до черта, наколешься.

— Пожалуй, верно, — согласился геолог и уже на ходу, окидывая взглядом широкую спину охотника, его кряжистую, основательную фигуру, спросил: — Вы что сохатого убили?

— Изюбра, — не оборачиваясь, ответил Толмачев.

Через несколько минут синеватый дымок от костра пополз сквозь щетинистый ельник, повис над протокой, не оседая. Веселый огонь сразу сделал уютным небольшое, чистое полукружье, свободное от деревьев. Геолог стоял у костра в одних трусах, обтесывал топориком колья, чтобы развесить на них одежду. Он уже успел натаскать хворосту, сбегал на ключ за водой. В котелке, закопченном до блеска, вскипал густой чай.

Пока Толмачев свеживал тушу зверя, геолог хозяйничал у костра. С юношеской живостью хлопотал он над огнем, насвистывал какую-то песню.

— Чай пить, папаша! Имейте в виду, у меня уже все готово! — крикнул он Толмачеву. Тот сидел неподалеку от костра у самой воды.

— Эк ты, брат, ловкий какой, — тебе всего и делов-то — чай сварить...

Меж тем геолог опустошил рюкзак, стал разглядывать камни, завернутые в бумажные конверты под ножами, и, после того как привел в порядок свои записи, подошел к охотнику.

— Давно охотитесь? Вы, наверно, здешний житель? — заговорил он, наблюдая, как ловко Толмачев снимает шкуру с убитого зверя. Изюбр был молодой. Семь отростков на рогах говорили о том, что он дожил до седьмой своей осени, и она оказалась последней. Меткая пуля пробила его длинную шею. Кровь растеклась по траве, брызнула на камни...

— Да, с юных лет, можно сказать, охотимся. Дело это такое, брат, чистая зараза. Как повадишься на охоту ходить да как повезет, ну и все... Только вот... — он посмотрел на геолога виновато, — старость, видно, пришла, если человека с медведем спутал. Давеча-то чуть ведь не стрелил, ей-богу! Ты уж не сердись, брат.

— Ну, что вы! Разве можно сердиться? — воскликнул геолог. — Вот если бы вы убили меня, тогда, конечно, я бы рассердился.

— Шутка шуткой, а ты небось думаешь про меня: вот, мол, старик тихое место нашел, ходит по тайге да

из ружьишка постреливает. Может, еще за браконьера посчитал? А?

— Нет, почему же? Я об этом совсем не думал. У вас ведь, надо полагать, есть разрешение, — отозвался геолог, продолжая наблюдать, как Толмачев уверенно орудовал ножом.

— Вот и главное, что есть. Нынче без разрешения нельзя. Потому как зверь этот на учете состоит. — Толмачев поднялся на одно колено, чтобы занять удобное положение. — Мне вот задание дали, я и выполняю. А кабы так-то, по самовольству, без закона, развелось бы тут баловство. Зверя много. И сколько другой наш брат на своем веку перебил его, сам того не стоит. Ей-богу! Давай-ка печенку сварим. Бери вот это.

— Я, видите ли, мало смыслю в таких вещах, — отступая, сказал геолог. — Как солить, сколько минут варить — не знаю. Обычно печенку ведь жарят?..

— Ну это кто как. Мы сварим. Это тоже неплохо. Держи-ка, парень, как тебя зовут, не знаю. И еще прошу тебя: вон там в мешке у меня котелок есть. Достань, будь добрый.

Спустя полчаса они сидели вдвоем у костра, не зная, кто из них гость, кто хозяин. Ели из одного котла, угощали друг друга. К чаю геолог достал конфеты в баночке, положил на бумагу городское печенье. За разговором время шло незаметно.

Между тем поднимался ветер, он уже шумел по верхам, раскачивал деревья. С березки слетел желтый лист, упал прямо в котелок на горячую воду и зашевелился.

— Вкуснее будет, — кивнул, усмехаясь, старик.

Но геолог смотрел на небо, на быстро бегущие темные облака.

— Неужели гроза начнется? — Он выплеснул недопитый чай. — Эх, погода-изменница...

— Так куда же ты путь держишь? — спросил у него Толмачев. Ему хотелось продолжить беседу. Он налил себе чая в железную кружку, но пить не стал, видя, что собеседник его потянулся за одеждой.

— Ходим мы по маршрутам. Сегодня вот надо на Каменку успеть. Знаете такую речку? Слышали?

— Как же! Я даже прямой путь на эту Каменку проведаль. Если хочешь, покажу. Через перевал тут вот

прямехонький ход есть. Ты бы хоть чаю вдоволь напился. Эх, и чаек!

— Я чаев не любитель. Пью по необходимости, так сказать, чтобы к холодной воде не тянуло.

— А я люблю, — Толмачев отхлебнул чай из кружки, обжигаясь, крикнул. — Хочу спросить тебя об одном деле... — Загорелое, обветренное докрасна лицо его, без бороды, с седыми подстриженными усами, привлекало выражением какой-то особенной уверенности в себе, нередко свойственной старикам, неразлучным с природой. В голубых ясных глазах Толмачева таилось столько живой неистраченной силы, что геолог невольно загляделся на него, когда тот подсел к нему поближе со словами: — Хочу тебя спросить, верно ли, что у нас на Кайларе олово нашли? Я слышал, будто разработки большие начнутся. Даже говорят, чуть ли не город тут строить будут?

— Верно. А что в этом удивительного? Места богатые.

— Так ведь в этих горах и в двадцать восьмом году была экспедиция, и, я помню, перед войной приходили сюда геологи. Тут, пожалуй, каждая сопка молоточками вашими обстукана. И вот видишь, говорят, какой-то Ильин напал на жилу.

— Как вы сказали? Напал на жилу?

— Да. Или как это у вас называется... Выходит дивное дело, парень. Никто — ничего. А как пришел этот Ильин с экспедицией, так уж сразу и дознался. Чего же другие-то смотрели? Куда смотрели? Вот ты мне что растолкуй.

— Вы так говорите, как будто Ильин вам здорово насолил. Впрочем, охотники не любят, когда рядом с ними ходит кто-то другой.

— Ну нет. Я Ильина не видел и не знаю, — решительно возразил Толмачев. Возвращаясь к прежней мысли, он заговорил так тихо, как будто боялся, что его могут подслушать. — Вот ты мне скажи, мил человек, какой такой секрет есть в вашем деле?

— Секрет? — геолог улыбнулся, снимая с кольев высохшие ботинки. — Есть такое изречение: «Скажи мне, кто твой друг, и я узнаю, кто ты». Люди часто подбирают друзей по себе. Замечали? Бывают, конечно, исключения. Так вот в природе мы тоже наблюдаем нечто

похожее. Вот вы — охотник. И для того чтобы убить изюбра, вы пришли именно сюда, потому что знаете, где его найти. Белку вы не станете искать в березовом лесу. Вы пойдете в кедровник, в еловый лес. Так ведь? Белка там, где орешки.

— Ну да, — подтвердил Толмачев и подумал: «Ишь, как он ловко обводит...»

— Вот так и в геологии. У каждого полезного ископаемого есть свои спутники, свои друзья. Вы думаете, что рудные месторождения рассеяны в земной коре как попало? Нет. Существуют определенные закономерности. Чтобы сказать, есть ли золото в такой-то долине, может ли быть железо в таких-то горах, надо знать строение земли. Это немножко сложнее, чем охотоведу определить, живет ли здесь соболь, и даже подсчитать, сколько его. Надеюсь, вы меня понимаете? Геолог должен видеть не только то, что лежит на поверхности, но и там, под землей. А под землей... — он вытряхнул из ботинка мелкие камешки и договорил со значением: — Под землей, папаша, огромное хозяйство. Так вот я вернусь к своей прежней мысли: «Скажи мне, кто твой друг...» Это в нашем деле не всегда подходит...

— Ага, значит, бывает так, что дружба дружбой, а дороги-то врозь?

— Вот именно, — подхватил геолог и опять посмотрел на Толмачева, любознательность которого показалась ему вполне оправданной: кого не занимала мысль о рудных богатствах земли. — Бывает так, что двое, трое, пятеро пройдут мимо находки, а шестой ее поднимет. В чем дело? Фарт? Ничего подобного. Дело в том, что мы часто ищем не там, где надо. Клад лежал под ногами, но его просто не сумели оценить. Природа хитрит с нашим братом. Вот есть такая горная порода — базальт. Обычно о ней говорили, как о породе пустой. Понимаете? Вот эти сопки тоже сложены из базальтов. Угрюмые, невеселые сопки. Правда? Ну вот, проходили мимо геологи, видели здесь базальты и, я вам скажу, олово находили, но отнеслись к нему так: «Ах, это в базальтах? Значит, нечего тут задерживаться, это просто случайные россыпи». А Ильин? Что ж, Ильин решил проверить: так ли это? И вышло, что в базальтовых сопках лежит этот самый клад. Друзья-то оказались не те. Вот в чем разгадка.

— Так, так... — задумался охотник. — Жалко, что торопишься. Порасспросить бы тебя. Черт ее, мудреная штука какая! И что за нужда бродить в такую непогоду? Оставайся, заночуем вместе. У меня шалаш за протокой есть.

Но геолог ответил, что ни дождь, ни гроза не помеха людям, когда все у них рассчитано и надо торопиться. Что такое гроза? Пусть себе гремит. Дождь поможет — не беда. Камни от этого не испортятся.

Он застегнул на все пуговицы свою порыжевшую от солнца куртку и снова собрался идти.

— Говорят, что Ильину вашему один охотник помог, — продолжал Толмачев. — Охотник этот раньше в Забайкалье на оловянных рудниках старался. Ну и самоучком дошел до этой вашей геологии. Так что если бы мне, к примеру сказать, раньше это в голову стукнуло, я бы, черт ее знает, тоже землю наскрозь глазами буравил бы, ей-богу! А незнающий человек и мимо золота пройдет. Верно?

— Да, конечно.

— Так вот «конечно»... Ты мне записку бы такую составил: где, чего и как лежит в земле этой. Я вот слышал про молибден, а в натуре видеть не приходилось. Может, я мимо него тыщу раз проходил. Но я же слепой человек без науки. Пробовал книжку читать, трудновато показалось. Бросил. Мне бы вот простое пояснение... — Он нетерпеливо стукнул кулаком о ладонь и опять пожалел, что геолог торопится.

— Запиской, папаша, тут не отделаешься, — уклончиво заметил геолог. — Вы знаете, в детстве я мечтал о велосипеде. Своего велосипеда у меня не было. И вот мы с товарищем достали спицы, настоящие колесные спицы. Но ведь на одних спицах не поедешь. А нам тогда казалось, что мы уже владеем чуть ли не всем велосипедом... Вы понимаете, что геология держится не на отрывочных сведениях, а все берет в совокупности, как бы это сказать, во взаимных связях. Нужна система знаний.

Он помолчал, потянулся за палочкой, лежавшей поблизости, и стал подталкивать в самое пекло костра дымящиеся головешки.

— И почему вы заговорили именно о молибдене? Нам нужно искать и железо, и олово, и очень многие

другие полезные вещи... Мне вообще нравится, что вы такой любознательный, папаша. — Он поднял быстрый взгляд на охотника. — Вы где живете — на разъезде или в Белогорье?

— Мы в Белогорье живем, — не сразу ответил охотник. Ему стало ясно, что у геологов могут быть свои, особые соображения, которые не позволяют им говорить обо всем так, как хотелось бы Толмачеву. Он это понял и как-то по-новому взглянул на геолога. — Если будешь в Белогорье, заходи. Я живу на самом краю, за ключом, под сопкой. Дом с белыми ставнями. Крыша зеленая. Он один там такой. Найдешь...

— На обратном пути, может быть. Вот тогда я покажу вам небольшую коллекцию минералов. Разные камни покажу, если хотите...

— Ну да, — оживился Толмачев, — только ведь... Эх, молодежь. Ты опять будешь издаля примеряться: «Скажи мне, кто твой друг...» Я знаю, кто мой друг. — Старик не мог усидеть на месте и поднялся. — Мне бы встретить такого геолога, как Ильин. Я бы от него так просто не отступился. Не-е-ет... Он бы мне рассказал все по порядку!

Геолог подтянул потуже ремни рюкзака, надетого на спину поверх ватной куртки, и в этой одежде стал будто еще ниже ростом.

Толмачев погасил костер.

— Ну что ж, — сказал старик, набрасывая на плечи тужурку, — придется показать тебе, где лучше пройти, а то будешь петлять, как заяц.

— Вы что? Хотите со мной идти до сопки? Не надо! — решительно запротестовал геолог. — Я сам найду этот ход.

— Да ты не гордись, парень. Тут постарше тебя есть люди, они тайгу эту наскрозь знают, и то бывает так, что с курса собьешься. А тебе свою науку от нашего брата-охотника отрывать никак не положено. Настоящие люди, ученые, всегда с народом. Понял?

Толмачев посмотрел на геолога не то с укором, не то с сожалением. Тот был без фуражки. В светло-русых волосах незаметно пряталась седина. Но когда он смеялся, показывая свои белые зубы со щербинкой в верхнем ряду, худощавое, покрытое крепким загаром лицо его казалось совсем юным.

— Вы опять смотрите на мои ботинки? — заметил геолог. — Из всех видов обуви в тайге я предпочитаю летом ботинки. В них удобно и легко. Привычка, к тому же. — Он улыбнулся. — Что вы так жалобно смотрите?

— Гляжу я на тебя и, знаешь, о чем думаю? Видал я геологов, вашего брата. Это все народ отменный. Плечища — во! Сами ребята здоровущие. По тайге ходить — нешуточное дело. А ты... чудно́, ей-богу! — И, не зная, как завершить свою мысль, он беспомощно развел руками: — Ну где, ну где твоя фуражка? Ты видишь, гроза надвигается?

В ответ на эти слова геолог громко расхохотался. Они пошли рядом. Потом Толмачев опередил его, с беспокойством поглядывая, как под порывами ветра гнулись сучковатые, разлапистые деревья. Идти в гору было трудно. То и дело на пути попадались крупные глыбы камня, валежник, колючие кустарники. Огибая горелый выворотень, геолог взял курс левее, где-то скрылся в зарослях и на вершину горы пришел первым.

Толмачев подошел к нему, оправившись от легкой одышки, тот встретил его шуткой:

— Так, говорите, видали геологов вот таких, да? Огромного роста? А я видал охотников маленьких, да ловких. По-моему, комплекция тут ни при чем. Как думаете, папаша?

— Да кто его знает, — махнул рукой Толмачев, — может, и так... Староват я стал, вот оно что. Ты теперь ступай в низину — и по ключу, по ключу до самой Каменки. Только влево не кидайся. Там будет топко...

— Я знаю.

— Неужели бывал там? — удивился Толмачев. — Ишь ты!

— Бывал.

Геолог стал прощаться. Толмачев крепко сжал его руку в своей широкой ладони. Его представление о геологах, как о людях необычайной физической силы, так странно нарушил этот маленький, беспокойный человек, проникший в такую глушь, где проще столкнуться с медведем, чем услышать живую речь.

— Спички-то возьми, как тебя зовут, не знаю. Так и не сказались мы друг дружке, — заговорил Толмачев, доставая из кармана коробку спичек. — Меня-то зовут

Иваном Васильевичем. Толмачев я. Может, слышал? А тебя?

— А меня зовут Леонидом Николаевичем. Спички я, пожалуй, возьму, хотя они вряд ли понадобятся теперь. На Каменке у меня друг есть. А я тут в разведке по старой памяти. Спасибо.

— Леонидом Николаичем, значит... — повторил Толмачев, поглядывая на вершину багряного клена, взлохмаченного ветром. — Ну, а фамилия? — Он понизил голос и продолжал уже тише: — Может, когда случай выпадет встретиться. Дело такое.

Геолог мягко прищурился, огляделся кругом с видом человека, открывающего тайну, и, смеясь, полупрошепотом сказал:

— А фамилия... Ильин.

Не ожидавший такого ответа охотник смутился.

— Так это, значит, ты... извиняюсь вы и есть тот самый Ильин, про которого я тут... — и, стараясь припомнить, не сказал ли он за все это время чего-нибудь обидного, покачал головой. — Вот как я просчитался!

— Да полно вам, папаша... Что тут особенного? Все очень хорошо получилось. Это даже как-то интересно, честное слово! Встретились два человека в тайге и так славно поговорили. До свиданья!

Толмачев стоял на ветру без шапки и все еще не мог успокоиться. Как дорого дал бы он за то, чтобы вся эта встреча — от первой минуты и до последней — произошла по-другому.

— Эх, язви ты! Такого человека чуть я не грохнул.

Он долго смотрел геологу вслед. Ильин шел не оглядываясь, шел с непокрытой головой, прыгал по валежинам, через бурелом и камни.

А над лесом катилась гроза, и Толмачеву хотелось, чтобы она прошла стороной...

ЗОЛОТЫЕ ВОРОТА

Нас было трое, совершенно случайно мы оказались вместе и теперь шли через осенний лес, неприветливый, хмурый, каким он редко бывает в рассказах и очерках.

Всем нам предстояло пройти на рудник, точнее, на будущий рудник, куда не вели пока никакие дороги. Заметили ли вы, что сокровища почти всегда таятся вдали от больших дорог? Но если бы это смущало людей, не было бы многих открытий...

Где-то в стороне, позади нас, вслед за трактором, пробивавшим временку, тянулись тяжелые ЗИСы. Они везли оборудование и продовольствие для строителей, еще разгружавших на станции свой эшелон. Машины шли по кустам, разбрызгивали воду в каменистых ключах, иной раз упирались в завалы деревьев, и тогда водителям оставалось лишь одно — брать в руки пилу и топор, пилить, рубить, оттаскивать в сторону лесины. Они так и делали, заглушив моторы. Потом снова пробивались через тайгу.

Быть пассажиром там, сидеть в открытом кузове на мешках и ящиках, слушать, как надрывно режут буксу-

ющие колеса, греться у костров или бежать, обгоняя машину, пока не блеснет под сапогами холодный ключ? А не лучше ли идти пешком?

— Пойдемте! — сказал мне Ивашин, пытливый, мечтательно настроенный юноша, корреспондент областной газеты. Мы познакомились с ним в конторе управления рудника, вместе дождались этого рейса и, в пути основательно продрогнув и нетерпеливо поглядывая на тропу, по которой шел, удаляясь в сопки какой-то человек, решили догнать его. Может быть, попутчик?

— Что ж, вместе веселей будет... — Он повернул к нам тощее с рыжеватой бородкой и такими же усами лицо. — Идемте, если охота. Попрыгаем по пенькам...

С минуту мы постояли на тропе, он разглядывал нас, мы — его. Мужичок был бодрый, уверял, что дойдем гораздо быстрее, чем машины, только надо перевалить через сопку и спуститься в долину реки. Мы не спрашивали, зачем он идет на рудник, довольные тем, что нашли проводника.

Проворный, легкий в ходьбе, низкорослый, он держался молодцевато, как это у многих таежников бывает в том возрасте, когда старость не уживается с мыслью о ней. Серый пиджак из грубого сукна сидел на нем плотно, как влитой. В таком пиджаке безопасно заночевать у костра, — если упадет искра, сукно заtleет и погаснет. Это отлично знают охотники.

А вот Ивашин был одет в городское пальто. Длинные полы хлопали по голенищам сапог. Кепка не закрывала ушей, порозовевших от ветра. Ивашин должен был написать для газеты очерк. Как все молодые газетчики, когда им впервые поручают сотворить очерк, он был озабочен важным заданием и в пути уже составлял план: вот он приедет на рудник, разыщет геолога Несветаева, побеседует с ним, соберет материал, познакомится с планом строительства, сходит в разрезы и штольни и напишет о том, как в глухой тайге рождается новый рудник. Дальше все перед ним расплывалось, и он не мог еще видеть в деталях, как это сложится.

Газетчики издавека нередко представляют себе факт в виде гриба: пришел, сорвал, положил в лукошко и унес. Но гриб будет зажарен, о нем забудут, а то, что нас окружало, пока мы его искали, — и свежее дыхание неба, и тонкий, порой неуловимый аромат осенних

трав, — останется надолго в памяти, уж это точно, и, может быть, именно это будет манить нас снова в лесную чащу... Так думалось мне, пока Ивашин выкладывал свой план, в котором еще не было жизни.

— Ну, достанется ребятам... — Проводник наш обернулся на звук моторов. — Хоть бы трактор не усадили в ключ. Вот будет номер! — Он приподымался на цыпочки, морщился, сокрушался и, наконец, объяснил, что на тракторе его сын Павел... — Он вроде как за старшего у них там. Курчавый такой. Может, заметили?

Нет, мы не обратили внимания на кудри тракториста. С машины было видно, как под гусеницами трактора ложились кусты, разлетались камни. Рейс был трудный, и загадочным представлялось, как весь этот грохочущий металлом караван на колесах проникнет в долину через горы. Ивашин высказал предположение, что машины пойдут в обход. Далеко ли? Никто ему не ответил.

Когда мы поднялись на сопку, из-за деревьев уже не видно стало машин, но отдаленная, прерывистая дробь моторов долетала до нас, пока мы не спустились в долину.

Долина оказалась неширокой. Стесненная каменными боками, она протянулась, как длинный узкий желоб, на дне которого с грохотом билась волна. После пожара здесь долго не было леса. Камень и вода, переговариваясь, наскучили друг другу, пока вырастали тут первые новоселы, заполняя гари своим белоствольным семейством. Теперь по склонам прозрачно сквозили березы, березы... Осень оголила их раньше времени, они постоянно боролись с ветром, и видно было издали, как покосились в южную сторону целые рощи.

— Унылые места. — Ивашин разочарованно оглядывал вершины одиноко стоящих лиственниц. — Здесь, пожалуй, и строевого леса не сыщешь. Как думаете, папаша?

— Лесу хватит, — слышалось в ответ. — За рудником и елки, и кедры, все, что хочешь. Тут-то, конечно, скукота. Пнями да выворотнями все ощерилось.

Летом зелень, наверное, скрывала таежный беспорядок. По берегу на бывших пожарищах розовеют кисти кипрея, цветут голубые дикие астры, в кустах торчат

пушистые мутовки лесного хмеля. Птицы звенят вразноголосицу. А теперь на высоких обугленных пнях, притаившись, сидели одни вороны. Они обнаруживали себя, как только, расправив крылья, с криком перемахивали на живые деревья.

— Не люблю ворон! — со злостью сказал наш проводник, останавливаясь. — Горлохваты несчастные! Вот сотворит же природа такое чучело. — Он стукнул о землю палкой, которую срезал еще на сопке, чтобы удобнее было спускаться вниз. — Отдохнем малость. Присядем тут, а то скажете после кому-нибудь, что Богатырев вас заморил.

Богатырев... Мы с Ивашиным переглянулись: фамилия явно не подходила к этому человеку, маленькому, узкоплечему, с лицом, которое трудно было назвать мужественным. Но причем тут фамилия? Мы сели, пригнув до самой земли толстую, лежавшую на весу березу, и тотчас же Ивашин, не любивший молчания, поддержал разговор о птицах:

— А вы знаете, сколько в Москве галок? Такое множество галок — просто удивительно. Я в прошлом году был там зимой и наблюдал, как они стаями летали над Красной площадью. И вот что любопытно: кричат они по-другому, не так, как наши галки, даурские.

— Над Красной площадью, говорите? — переспросил Богатырев и замолчал, что-то обдумывая. — Да она ведь, галка-то, пользу приносит. Букашек разных, насекомую живность ловит. А эта... — он проводил взглядом ворону, летевшую над рекой, и под рыжими усами унылой скобочкой сложил губы, — падло! Говорят, триста лет живет. И для чего? Неизвестно. Человеку бы такую длинную жизнь. А то летает черт те что...

— Нет, вы путаете, — с улыбкой поправил его Ивашин. — Долговечная птица ворон. А это просто ворона.

— Какая разница? — Богатырев вызывающе на него покосился. — Не все равно, что вóрон, что ворона?

Ивашин не стал спорить, видимо, считая, что истина не нуждалась в том, чтобы ее отстаивать. Да в сущности это и не меняло дела. Он снял перчатки, сложил их вместе одна к одной и опять сказал:

— Вообще-то абсолютно вредных птиц для человека не существует. Кстати, галка и ворона — птицы од-

ного семейства. Ученые причисляют галку к семейству вороньих, к отряду воробьиных...

— Что еще за отряд? — спросил Богатырев, сдвигая лохматые брови. — Вот вы-то и путаете, ученые. Воробей есть воробей и звание ему свое назначено, воробьиное. Опять же, если возьмем ворону, то никак ее не подведешь под одну статью с воробьем. Галка еще туда-сюда. А это... Я не понимаю, как получается, что ворону записали к воробьям? Вот если я, скажем, есть русский человек, Василий Богатырев, так уж меня никто не запишет в другую нацию. Придумают же, черт те что...

— Вы тоже хватили, сравниваете. Это далекий пример...

Ивашину было и смешно, и в то же время неловко. Тяжеловесный, крепкий здоровьем, он весь подался вперед так, что береза качнулась под ним. Сам он этого не заметил. Он увлекся доказательством того, что есть такая наука — орнитология, которая подразделяет все царство пернатых на семейства и отряды. Но Богатырев прервал его, объявив, что пора идти.

— Мне ведь еще дело провернуть надо. Скоро дойдем до ключа. Там на крутик взойдем, на сопку Заметную. Может, машины уже на подходе... — сказал он тоном хозяина, которому все здесь было подвластно — и река, и птицы, и мы с Ивашиним, доверчиво шагающие за ним следом. — А насчет ворон я почему серчаю... Да потому, что сам вот старею, а жизнь моя вроде как еще только взошла в самый цвет. Не согласен стариком быть! Вот ведь что...

— Ну, какой же вы старик? — пробовал возражать Ивашин. — Разве это старость? Так быстро идете, что за вами едва успеваем.

— Не говорите, — вздохнул Богатырев. — Сбросить бы лет тридцать сейчас. А то я в свои молодые годы у чужих ворот настоялся, ждал, пока в работники наймут, торопился спину подставить... Теперь бы прежнюю-то силу! — Он помолчал и сам себя успокоил: — Ладно... Чего уж тут, дорожить надо тем, что бегаю вот на своих-двоих...

Он заметно подтягивался на ходу, бодрился, как-то лихо перешагивал через валежины и все нет-нет да что-нибудь вспоминал. Потом мы подошли к реке так близ-

ко, что она оглушила нас. Разговаривать стало бесполезно. На перекате, ударяясь о камни, вода со свистом, с шипением и грохотом рвалась вперед и в шуме собственный голос делался мягким как вата. День был неяркий. Солнце едва пробивалось сквозь серые, неподвижные облака. Издали река поблескивала тусклым свинцовым блеском.

Обозревая крупноглыбовые россыпи у подножья безлесной сопки, Ивашин хмурился:

— Попробуй напиши про такие места, как они есть, отпугнешь людей, никого сюда не заманишь...

Теперь мы вступили в жиденькую березовую рощу, а речка отошла вправо. Конечно, тайга тут была неприятная, дикая, но куда только ни пойдут люди, если земля откроет им свои богатства!

— Крра-а! Крра! — передразнил Богатырев ворону, встревоженную нашими шагами. Та взлетела, скрючившись в полете, жалкая и смешная...

— Вот и люди есть, как вороны. Тьфу! Сосед у меня Храпов, так это же истинный горлохват, ей-богу! Один дом постановит — продаст, и под другой уж, смотришь, венцы подводит. Об его рожу можно спички зажигать, а он сидит на базаре, мясом торгует. Кабанов развел. Не могу мимо него проходить спокойно, верите — нет? На мясе — печати. Как же! Смотрите, мол, все честь по чести, как полагается... Тьфу ты! Вот он небось не пойдет в эдакую-то глушь. Не-ет! Ему тут нечего делать...

Богатырев задержал шаг только на минуту и опять пошел быстро, шаркая ичигами о кусты, нарочно задевая их палкой. Теперь мы знали, что сын его Павел взялся на свой собственный риск провести караван до рудника. И не как-нибудь, а прямым путем через сопки. Если ему не подать знак, он пойдет в обход. А это, братцы, длинная песня. Километров на восемнадцать растянется. Все дело в ключе. Ключ недавно разливался, но если вода ушла, значит, можно сигналить... По словам Богатырева, этот Пашка, сын его — парень горячий. Он и жену себе взял такую, что неизвестно, из какого огня ее выхватил. Там старуха едва с хозяйством управляется, а невестка заладила одно: хочу на производстве работать и точка. Она, вишь ты, специалистка по штукатурному делу. Специальность, прямо сказать, обыкновенная, ничего в ней нет такого, особенного. Ну,

а ведь в каждом деле — своя красота... Вот Лидья-то спит и видит, как растворы растворяет да мастерком стенки выглаживает. Дома ей скучно, говорит. Так неужели же сам Богатырев будет в домашнем хозяйстве крутиться? При его ответственном положении? Даже стыдно в такие разговоры пускаться. У него тоже в голове не какие-нибудь пустяки. Говорить-то с нами говорит, а всю дорогу об экспедиции думает. Там сейчас буровые вышки переносят, ящики с образцами, с кернами упаковывают. Он заведует хозяйством и душа у него за все болит. Должность такая...

— Вот она, Заметная. Видите? Крутик вон тот, видите?

Богатырев взмахнул рукой направо, где высились края разомкнутых сопок. Все стало ясно. В этом месте горная цепь была прорвана. В глубоком проеме сверкал небольшой ключик. Он был так мал и так невинно журчал, перебираясь по камешкам, что трудно было представить, как этот малютка мог бушевать в осеннем разливе. А ведь бушевал! Богатырев говорит, что еще неделю назад здесь были залиты водой кусты до самых сопок. Он боялся, что вода еще не ушла. Но ключик выплеснул в речку всю свою силу и готовился зимовать без особого сопротивления.

— Может, сейчас вы и сами дойдете до рудника? — спросил наш проводник, поглядывая на Ивашина. — Если что, прямо к нам идите. Там найдете Несветаева. Скажете, что шли, мол, вместе со мной. А я задержусь тут немножко. Надо Пашке знак-то подать! Я сейчас взойду наверх и костер запалю.

— Зачем костер? — удивился Ивашин.

— А как же! Пусть видят снизу, что тут можно проехать.

— Так идемте все. Вы знаете, товарищ Богатырев, я корреспондент из газеты, у меня есть задание, и мне надо с вами побеседовать. Вы не возражаете? — заговорил Ивашин оживляясь, но не услышал ответа. Богатырев только хмыкнул что-то себе под нос.

Все трое мы стали подниматься на сопку, с трудом преодолевая высоту. На вершине сопки сквозь небольшие елочки просвечивал синий дымок.

— Вот тебе раз! — воскликнул Богатырев. — Это ты, Лидья? Где же ты шла, что мы тебя не видали?

Молодая женщина сидела на камне спиной к нам и доедала калач. Она обернулась на голос Богатырева.

— Я шла по той стороне, а вы по этой, — сказала она, вставая и смахивая хлебные крошки со своей телогрейки.

— Что же это тебя Пашка послал или как? По уговору с ним, что ли? — спросил свекор, недовольный тем, что его опередили.

— По уговору...

— Так ведь я же сказал Пашке сегодня утром, что сам разведу насчет ключа и костер, сказал, разведу. Ты же слыхала?

— Слышала.

— Ну и что? Зачем пришла?

— А я тоже на рудник иду. Вот. Мы с Павликом оба там будем работать. Мне уже надоело дом караулить. Вот. Я не за корову замуж выходила, и вы, пожалуйста, не говорите мне, что там у нас дома корова да куры. Я уже дала согласие насчет работы. Мы с Павликом будем жить пока в палатке. А потом построят новые дома и все...

Лидья, как называл ее свекор, говорила запальчиво, быстро. Она была совсем молоденькая. Белая шаль, завязанная узлом на затылке, туго стягивала ее румяные полные щеки и мешала ей хлопотать у костра. Тогда она развязала шаль и стала собирать хворост поблизости.

— Давайте, папаша, вон те елочки сломаем. Пусть горят, — сказала она Богатыреву. Но Ивашин остановил ее:

— Не надо. Они такие славные. Зачем их портить? Я сейчас принесу дров.

Но сопка была почти голой, и поблизости дров не оказалось. Ивашин притащил охапку веток, потом — сухую валежину, бросил в огонь.

— Насколько я понимаю, — заговорил он, обращаясь к Лидии, — вы хотите быть первой новоселкой на руднике?

— Ну, первой... или не первой, я не знаю, — смущенно ответила она. — Я иду на стройку потому, что у меня специальность такая: штукатур. Окончила школу. Работала; а потом вышла замуж и вот сижу дома. Сижу и скучаю без работы. У нас в поселке что? Какое

строительство? А здесь, понимаете, будет не то что новый поселок, а город настоящий. Вот!

— Город-то, Лидья, построят, — сказал Богатырев, — да вот в палатке жить не сладко.

— Знаю. Так ведь там печка железная будет. И потом, Павлик говорит, что скоро избушки временные поставят. Зато мы с самого начала все увидим. Мне нравится, когда с самого начала на стройке. Сейчас в первую очередь что? Горный цех построят, потом фабрику обогатительную. Мне Павлик рассказывал, он видел, как это в проекте намечено. Там, пап, слышите? — там такие дома красивые! Дворец культуры с белыми колоннами. И стадион будет. И даже бассейн с водой. Пруд... Какую надо рыбу разведут. И вообще, знаете что? Сейчас на рудник самые новейшие машины и механизмы всякие пойдут. Инженер говорил, привезут механические растворомешалки и распылители.

— Распылители, — отозвался свекор с укоризной. — Больно горяча ты, Лидья, не посоветовалась, ничего. Какую постель взяла? Надо бы медвежью шкуру захватить. Или тулуп мой. Шубы взяла?

— Да мы так кое-что на машину к Косте Ромашкину положили, — смеясь, ответила она и вдруг вспомнила. — Я забыла вчера сказать вам, Храпова Настя мне говорила, что они тоже собираются на рудник. И сам Храпов будто...

— Еще чего! — исподлобья взглядывая на Лидию и словно не веря ей, воскликнул Богатырев. — Собираются? Нет, вы только подумайте, — заговорил он тоном, требующим сочувствия. — Храпов придет сюда, спекулянт этот, сквалыга! Для таких, как он, что ли, тут люди старались? Да я бы...

Лидия перебила его:

— Хватит вам, папа. Бросьте вы это. А то начнете сейчас...

Он строго посмотрел на свою сноху:

— Ты вот напрасно сюда бежала. Ехала бы с Пашкой, укуталась бы в полушубок и сидела...

— Ага... — Лидия чуть не присела, разламывая о колено сухую палку. — Если бы тут нельзя было проехать, я бы сейчас побежала навстречу Павлику и сказала бы ему. Вы же знаете, какой он принципиальный. Там Костя Ромашкин да этот, как его... ну, который

из армии пришел недавно, шофер-то... Густокашин! — они его заключают, если что, Павлик так и сказал. — Она поломала палку надвое и положила в огонь. — Давайте побольше костер разведем. Разве это костер? Честное слово, не увидят они. Постойте-ка. Тише... Кажется, гудит...

Мы все стали прислушиваться. Где-то далеко, из глубины долины, лежавшей внизу, возник глухой рокот моторов. Богатырев успокоенно махнул рукой: пока проскочат через Старую падь да обойдут ельник, много дров сгорит. Еще как бы около Малинового ключа не застопорилось дело. Там валежник сплошь.

А Лидия смотрела на другую сторону сопки и уверяла, что лучше бы идти туда.

Мы сели у костра. В воздухе стало тихо, как перед снегом. Дым столбом уходил в небо. Там, наверху, от покрасневшего к вечеру солнца он становился алым, расплзался и таял.

— Так вот я об чем думаю, товарищи... — продолжал Богатырев, усаживаясь на прежнее место. — Лес, значит, мы изучаем, птицам наблюденье ведем, что в горах делается, знаем, рыбу научились по икринкам учитывать. Так? Ну а насчет души человеческой что вы скажете? Кто ее учитывает? Она под какую статью подходит или нет? По-моему, время сейчас пришло такое, что надо браться за таких вот Храповых. Я бы его не пустил сюда. Ей-богу! Потому что он придет, оборудует себя по всем швам, дом опять постановит и начнет торговать на базаре. Тут люди будут стараться так, что, может, и жизни своей не пожалеют для дела, а ему ничто... Он разложится со своим товаром. И здесь кабанов будет печатать...

— Идут! Идут! — крикнула Лидия, стоявшая у края обрыва, и махнула нам рукой, исчезая.

— Куда это она? — спросил Ивашин, подходя к краю сопки следом за ней. Но женщина бегом спускалась вниз, широко расставив руки, иногда она хваталась за стволы молодых дубков. Из-под ног ее с шуршанием летели камни.

— Вот, видали ее? — Богатырев покачал головой. Он уже догадывался о намерении Лидии. — Ей, вишь, одного-то костра мало...

Он сам вдруг забеспокоился о том, что нас могут

не увидеть снизу, и что, собственно говоря, вся его благородная миссия подать знак водителям может оказаться ни к чему, если он будет вот так топтаться на месте и размахивать шапкой. Богатырев стал торопливо кидать в огонь новые охапки хвороста. Внизу далеко еще, теряясь между деревьями, только-только показывался караван.

— Эх, немножко не туда поворачивает Пашка! Надо бы от кустов-то правее и прямо подаваться...

Под руками Богатырева дрогнула и наклонилась сначала одна елочка, потом другая. Послышался треск. Смолистые ветки давали густой, желтоватый дым, искры летели роем и гасли у нас над головами. Стало жарко ногам, и мы отошли подальше от костра.

Напрасно Богатырев тревожился, это ему лишь казалось, что сын не знает, куда вести караван. Тракторист уверенно пробивал дорогу, и теперь уже отчетливо было видно, как за трактором идут машины, а по их следу цепочкой — люди, первые хозяева долины.

— Вот это да! — воскликнул Ивашин.

К чему относилось больше его удивление? К тому ли, что мы видели внизу, наблюдая, как теперь уже беспрепятственно движется и приближается к нам караван, или к тому, что Лидия зажгла костер на другой вершине сопки? Ветра не было, поэтому дым гужом потянулся вверх.

Два столба поднялись высоко к небу, и солнце сразу бросило на них свой огонь.

— Ну что, видите? Выходит, мы открыли ворота в долину, — сказал Богатырев, довольный тем, что все вышло так, как он думал. — Золотые они, эти ворота, ей-богу, золотые...

Мы с Ивашиным, не сговариваясь, взглянули на Богатырева: как он преобразился вдруг...

— Золотые ворота? — изумленно повторил Ивашин и впервые за все время извлек из кармана свой блокнот. Но ничего записывать не стал. Наверное, он понял, что это и так не забудется... и, может быть, подумал о том, что его будущий очерк уже начался в этой долине и нужно только глубже осмыслить все, что происходит... Это была сама жизнь, перед которой часто бьется в бессилии наше слово, пока у него вырастают крылья...

Надо было спускаться на землю и догонять людей.

— А елочки-то сгорели... — проговорил Богатырев, поворачиваясь к костру. — Ну и ладно. И пусть. Зато доброе дело сделали. Так или нет, товарищи корреспонденты? — И, видя, что мы затаптываем костер, одобрительно покачал головой. — То-то и оно... В жизни ведь как бывает: кто пролетит вороной, каркнет так, что плюнуть охота, а кто огоньком посветит...

СЕРЕБРЯНЫЙ КЛЮЧ

Угрюмой бывает тайга поздней осенью, когда деревья роняют на землю свой пестрый наряд и становятся прозрачными их не то сиреневые, не то фиолетовые вершины. Самые звонкие птицы уже давно улетели в теплые страны. В последний раз они взмахнули крыльями над холодеющими озерами, над землей, окутанной синим туманом, и скрылись... Давно отцвели в распадках лесные цветы, сникли травы; лишь изредка мелькнет белый венчик ромашки, еще не сбитый ветром, да где-нибудь у ручья поманит узумрудной зеленью луговина.

Вторые сутки мы пробираемся в эвенкийское селение. Уже не встречаются на пути стога сена, заготовленные чьей-то неутомимой рукой, выбиравшей в тайге скупые угоды. Дорога, по которой ходят за ягодами, давно повернула в сторону. Вместо нее вдоль крутого косогора побежала тропинка, а потом и она исчезла, и мы пошли по берегу реки, не теряя надежды на то, что Силин, как опытный таежник, разыщет тропинку снова.

Во время коротких привалов Силин успел рассказать несколько забавных лесных историй, так что впечатление о нем как о человеке суровом и необщительном мало-помалу рассеялось. Силин шел на новый прииск не ради богатства, как он говорил, а «для душевного интереса». Всю жизнь он прожил в здешних лесах, охотился, когда-то был старателем и теперь решил присмотреть для себя работу на новом месте. Случай свел его с нами в управлении комбината.

— Вы хотите попасть к эвенкам? — спросил нас инженер и, указав на стоявшего в дверях человека с котомкой за плечами и с маленьким топориком, заткнутым за пояс, обрадовался: — Так вот же идет Авдей Захарович. Почти до самого конца будет вам по пути.

Силин шагнул вперед, как бы желая разглядеть, что за попутчики, но не обмолвился ни единым словом, только крякнул, доставая из кармана кисет с табаком. В его внешности не было ничего примечательного, разве только пышные усы, светлые, почти соломенного цвета, да голубые глаза, удивительно живые и веселые, какие бывают у детей. Кожаная шапка на манер пилотского шлема плотно прилегала ко лбу, доходя до самых бровей, торчавших, как две зубные щетки.

Кто-то поинтересовался, с чего это Силин надумал идти на прииск? Он ответил шуткою: «В зеркальце таежное погляжусь, полюбуюсь сам на себя, давно не гляделся...» И эти слова, и тон, каким они были сказаны, и весь вид его — насупленный, ершистый — говорили о том, что он ограждал себя от дальнейших расспросов.

Теперь, после того как мы прошли немалое расстояние вместе, Силин разговаривал с нами так, будто мы давно уже знали друг друга. Иногда и суток довольно, чтобы люди в тайге подружились.

— Вот так-то медведь меня чуть и не укатал, — говорил он на привале о своей схватке с муравьятником. — А то, что я от волков тогда еле живой убрался, так тут исключительно смекалка помогла. И чего только в тайге-то в этой не бывало со мной... Тонул ведь. Лихорадкой страдал. Ревматизм себе нажил. И все ж таки опять вот иду.

Он вспоминал смешные и грустные истории, в которых сам неизменно оставался героем, хотя и не навязывал никому этой мысли.

Инструктор обкома комсомола, назвавший себя Виктором Ковалевым, стал допытывать Силина расспросами: почему он решил идти на прииск, долго ли там пробудет и что, собственно говоря, он намерен делать?..

Силин ответил не сразу:

— Да ведь как знать-то? Может, приду, погляжу — назад. А может быть, останусь, если там и вправду такое громадное дело затеяли, как рассказывают. Кое-кто уж с лотками туда подался. Только я, откровенно сказать, не надеюсь...

— Почему? — допытывался Виктор.

— Да потому, что старательское дело такое: либо повезет, либо нет... Тут у нас года три назад тоже нашли одно местечко. «Ударным» назвали. Шуму было вокруг него — беда сколько! А потом как машины в ход пошли да пустили там технику, так этих старателей как волной смыло. Побросали они свои лотки и ступки — все пошли на производство. Не такое нынче время, чтобы горы в ступке толочь...

Привал был короткий. Мы не стали задерживаться. К вечеру нам предстояло дойти до шалаша, о котором Силин говорил как о лучшем пристанище на ночь. Он знал здесь все ключи и распадки. Иногда Силин уходил от нас немного вперед и вдруг оборачивался, чтобы показать, где он поймал выдру или подкараулил сохатого.

Вечер стал спускаться в долину. Длинные тени от деревьев перепутались. Над синей лентой реки встали озаренные светом каменные осыпи, и закат осторожно вступил в воду, как раненый лось. Два шаровидных облачка на западе горели, будто два фонаря — оранжевый и желтый, — но потом слились, утратили свои очертания и погасли.

Уже смеркалось, когда мы подошли к шалашу. Сооруженный из сена и прутьев, он прочно был защищен от ветра, лишь одна треугольная сторона оставалась открытой, и перед ней еще сохранился след от костра. В шалаше было пусто. Слежавшееся сено, какой-то ящик, опрокинутый кверху дном, — и ничего больше. Располагаться на ночлег в этом убежище мы не стали. Осенью в шалаше, как в холодном мешке.

— Будем спать под открытым небом. Дров тут много, не замерзнем...

Силин облюбовал удобное место, заботясь о том, чтобы нечаянно не спалить шалаш. От реки, от обнаженного камня на склонах гор тянуло сыростью. Первые звезды зябко вздрагивали над беззвучной, необжитой землей, и казалось досадной несправедливостью, что огонь нашего костра, зажженного на всю ночь, был единственным в этой долине.

Виктор признался, что если бы он очутился здесь один, то принял бы это без восторга.

— Не потому, что страшно, нет, — сказал он, — а просто неприятно, когда один и некому слова сказать.

Силин слушал нас и посмеивался. После ужина он свернул самокрутку, жмурясь от тепла, подальше отодвинул валежину, на которой сидел.

— Я в этом шалаше ночевал последний раз месяца два, что ли, назад. Интересно получилось... Гонялся я за сохатым весь день. Намаялся до того, что еле-еле ноги волочил... Пришел в этот шалаш. Развел огонь, так, больше для дымокура от комаров. И ужин не стал варить. Кое-что перекусил так, да и завалился спать.

Снится мне сон. Чудной, право, сон-то: будто я, как в молодости еще, тайгой этой иду. Такая светлота передо мной, ну, такая же ясность, скажи ты, как на картине. И деревья какие-то громадные, гиганты, можно сказать.

Ну вот... Как сейчас помню сон этот, честное слово! Будто иду я и вижу: впереди река блеснула. Раздвигаю кусты, смотрю — сидит на берегу девушка. Волосы вот так распустила, колени руками обвила. Сидит, глядит в воду и плачет. Я к ней подошел, спрашиваю: «О чем плачешь?» — «Да вот, — говорит, — находку в воду уронила!» И стала мне рассказывать... Как будто один мудрец шепнул ей, что в этих горах зарыт клад, а ключ от него лежит на самой высокой вершине. Кто взберется на эту вершину и найдет каменный сундучок, тому и счастье. В сундучке, значит, серебряный ключ лежит. Этим ключом-то и отомкнутся тут все ларцы золотые... Вот она и достигла вершины. Ключик серебряный взяла, значит. Шла с ним, а как стала переходить через речку, выронила его из рук. Упал он в воду. Смотрит на него девица эта, видит, как он сверкает на дне, а достать боится: вода в этой речке горячая.

Вижу я такое дело, снимаю с себя ружье, сапоги —

и в воду. Обожгла меня вода. Но ключ я все-таки достал. Слышу, красавица мне кричит: «Дяденька, давайте руку скорее! Идите сюда!» — «Вот тебе и на! — думаю. — Какой я тебе дяденька?..»

Открываю глаза... Эка невидаль! Стоит передо мной девушка незнакомая, тормошит меня за плечо: «Вставайте, дяденька, проснитесь! Разве можно в тайге спать так крепко?»

Я мигом подскочил и — к огню. Гляжу, деваха уж тут хозяйничает, в костер палки подбрасывает. Тужурочка на ней. Брюки. Сама белобрысенькая такая, ростом невидная. Удивился не знаю как: во всю жизнь не случилось так, чтобы женщина меня в тайге разбудила.

«Кто такая?» — спрашиваю у нее. «А вот идите сюда. Сейчас все узнаете», — говорит.

Я сразу, конечно, за табак. Закуриваю. Ото сна-то не могу никак отойти. Чудно уж очень вышло все это... Она не одна. Конь с ней: «Я, — говорит, — ваш огонек издалека заприметила. На него и шла». Спрашивает меня, когда я домой иду? Завтра, мол, поутру, а что? «Да вот беда, — говорит, — коня у нас медведь чуть было не задрал, поранил здорово. Как бы его доставить в поселок? Жалко тут оставлять». Ей-то самой надо было дальше идти с экспедицией. «Не отведете ли вы, — говорит, — нашего Гранита в поселок?» Это коня-то Гранитом звали, понимаете?

Ну, пока суть да дело, познакомились мы. Она допытывалась, кто я да откуда. Пришлось рассказать... Что же, раз такое дело, надо выручать. Да... Сидим так вот с ней, как сейчас с вами, я и говорю: «Ты меня, дочка, на самом интересном месте разбудила. Сон я чудной видел». Рассказываю ей про свой сон, про серебряный ключик, значит. Она задумалась. «А вы что, мечтаете клад найти?» — спрашивает. «Да, — говорю, — не мешало бы для интереса. Куда бы я его девал там, это другое дело, конечно. Может, взял бы да и отвалил на общую пользу. Я человек нежадный. Сам когда-то находил клады и на чужих находках старателем был, только для себя-то ничего не расстарался...» Так говорю ей смехом, шуткой, а сам думаю: «Я — старатель другого сорта, всю жизнь стараюсь для людей...»

Она все просила меня насчет коня побеспокоиться.

«Мы, — говорит, — вас не забудем!» А чего меня помнить? Я дело свое сделал. Коня довел, сдал на ихнюю базу. Все, как положено. Правда, сдать-то сдал, но через неделю пришел поглядеть, как с конем обстоит дело? На базе такой у них лодырь сидел завхозом, ну, просто не работник, а видимость одна. «Это, — говорит, — уже не конь, а, можно считать, пропастина». Я поглядел, действительно животное без внимания. Лежит, на ноги не встает. Попросил продать — нет, говорит, не имеем права, бери так, все равно не сегодня-завтра на свалку...

И я взял. Взял да и выходил. У меня своего-то коня в жизни не было. Но сколько я их в молодости перевидал, пока у кулаков жил! Это ж мои крылья были! И вот, хватъ, Гранит на моем дворе... Гнал его вечером, чтоб никто не видал. Совестно сделалось. Ну, и вот... Завхоз, видать, сообщил туда, в тайгу, что Гранита, мол, поминай, как звали. А я его выхаживаю. Мазь сварил из воска с подсолнечным маслом, бинтовал ему раны. Сколько я у старухи своей тряпок на бинты перетаскал — сам не знаю. Горя хватил я с ним, чего там! Овсяную похлебку варил. Где какая каша останется, хлеб — все ему. Он же на ноги не вставал. А потом поднялся. Вскорости Гранита моего и завхоз не узнал. Прискакал я к нему на базу и говорю: так, мол, и так, принимай воскресшего коня, потому государственную собственность не имею права на своем дворе держать.

«Не знаю, — говорит, — как я его заприходую, он же у меня списан со счета жизни». Но сказать-то сказал, а все ж таки через некоторое время подался на нем в тайгу, в экспедицию. Вот как!.. А ведь мне советовали, что раз, мол, конь этот у них со счета списан, владей им сам! Того не понимают, что это немыслимое дело. Как это — владей? Да меня бы совесть убила. И потом я — человек упрямый. Я сам себе назначил такое испытание — поставить коня на ноги. И поставил!.. Вот какие бывают тут приключения. Может, не верите?

Силин разулся. У костра было тепло. Размещаясь на ночлег, мы вынесли из шалаша несколько охапок сена. За освещенным кругом чернела густая тьма, и все казалось, что вот-вот послышатся чьи-то шаги.

Утром мы обратили внимание на одно необычайное обстоятельство. Вчера никто из нас не заметил, что в

шалаше под сводами торчала записка. Виктор первый увидел ее:

— Тут, оказывается, таежная почта! Смотрите-ка!..

Он стал читать записку вслух. В ней была просьба взять письмо, которое находится в коробочке под ящиком. Обычный прием таежников пользоваться оказией никого из нас не удивил. Мы перевернули ящик.

Силин стоял у входа в шалаш и без особого интереса наблюдал за нами; он знал, что в этом шалаше могли ночевать изыскатели дорог, мог быть и охотник, да мало ли кто...

— По всем правилам спрятано. Ишь ведь как! Стало быть, кто-то знающий... Тут крысы иногда так хозяйничают, что от них не упасешь ничего. У меня один, помню...

— Так это ж вам! — Виктор прервал его. — Смотрите: «Авдею Захаровичу Силину», — и протянул ему конверт.

— А ну-ка, ну-ка... — Силин разорвал конверт. — Что еще за причуды... — он хотел сам читать, но признался, что без очков плохо разбирает мелкий почерк, и вернул письмо вместе с конвертом Виктору: — Читай!

Письмо было написано карандашом, и уже по первым строчкам можно было догадаться, что писала его та самая девушка, о которой нам рассказывал Силин.

— «Так вот, дорогой Авдей Захарович, — читал Виктор, — мы нашли серебряный ключ, который вам снился. Теперь вы можете воспользоваться кладом. Только клад этот очень большой и одному вам с ним не справиться. Нужно много людей, чтобы поднять его...»

— Видали, какую она мне загадку загадала с этим ключиком-то? — оживился Силин, дослушав письмо до конца. — Она думает, я не знаю... Знаю, милая, что этим горам нужна сила!..

Он спрятал письмо в карман под тужурку и хитро прищурился:

— Ну, я им тоже теперь задачку задам. Приду и спрошу, откуда они взяли такого завхоза и на каком счету он у них паходится?..

СОДЕРЖАНИЕ

Новый перевал. Повесть об одном путешествии	5

Рассказы

Высокая тропа	349
Живой тигр	364
Трудное счастье	384
Выстрел в горах	400
Золотые ворота	411
Серебряный ключ	423

Юлия Алексеевна Шестакова

ОГНИ ДАЛЕКИХ КОСТРОВ

Редактор *В. И. Клипель*

Художник *В. Н. Антонов*

Художественный редактор *А. В. Колесов*

Технический редактор *Л. А. Польщикова*

Корректор *Н. П. Рыжова*

Сдано в производство 10/VI 1975 г. Подписано к печати 18/XI 1975 г. ВЛ 12477. Бумага типографская № 3. Формат 84×108¹/₃₂. Усл. печ. л. 22,68. Уч.-изд. л. 23,11. Тираж 30 000 экз. Заказ № 4310. Цена 81 коп.

Хабаровское книжное издательство Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31. Типография № 1 краевого управления издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

